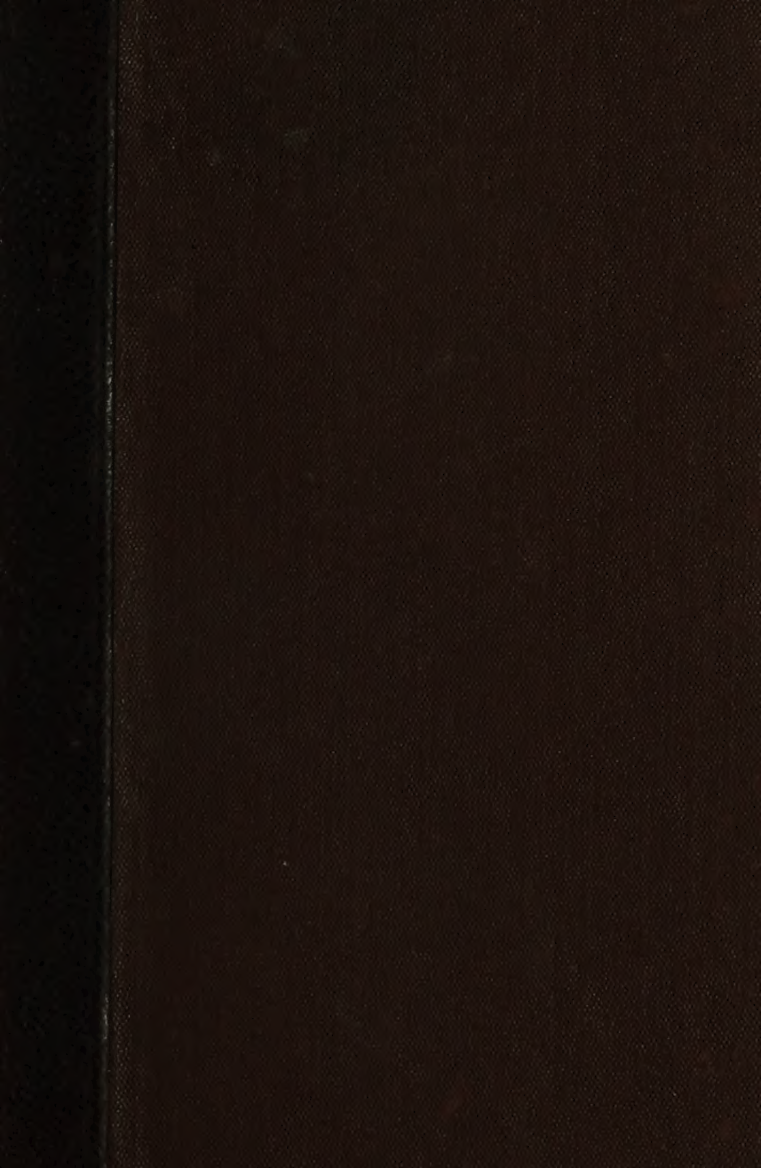
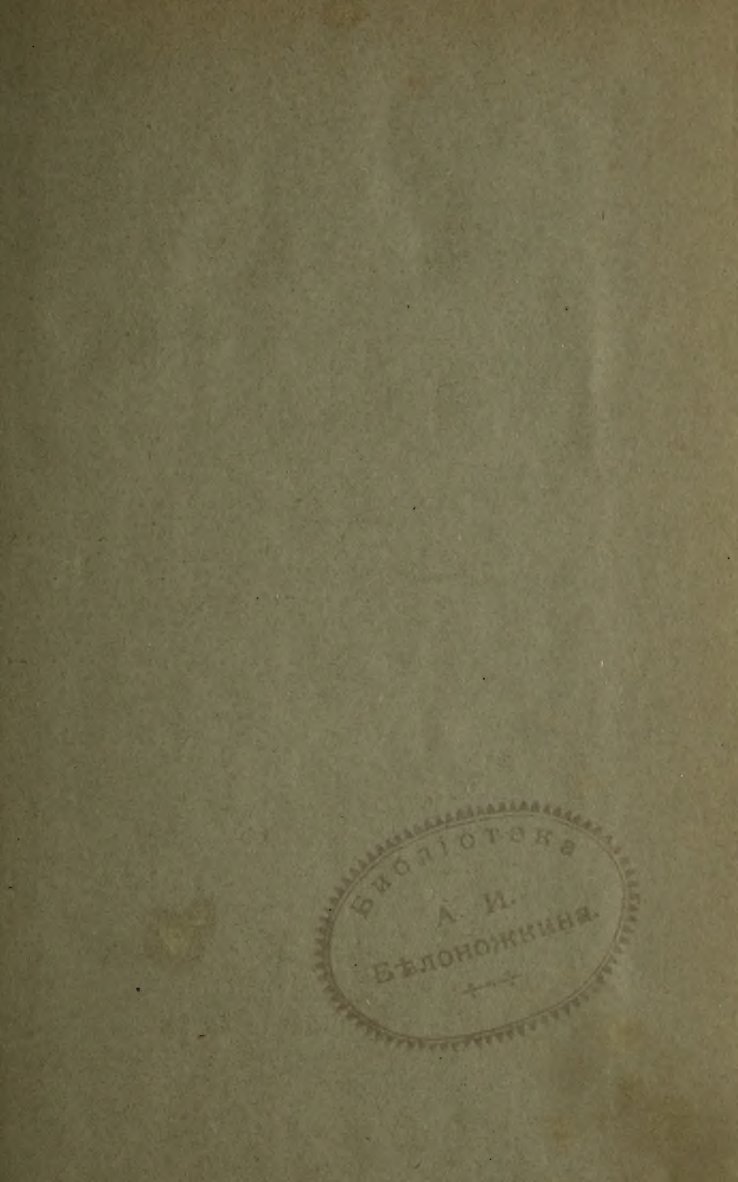
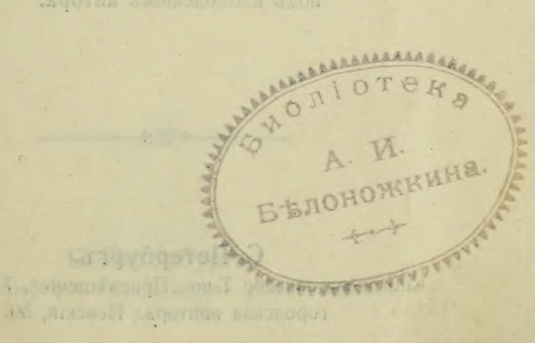

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ девятый.

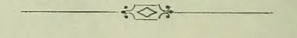

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

До 1904 г. въ эту серію вошли слѣдующія
полныя собранія сочиненій:

А. С. Пушкина,
подъ редакціей **П. О. Морозова;**
М. Ю. Лермонтова,
подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
И. А. Крылова,
подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
А. Н. Островскаго,
подъ редакціей **М. И. Писарева,** арт. Императорскихъ театровъ;
Н. Г. Помяловскаго,
съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**
А. А. Потѣхина,
подъ наблюденіемъ **автора.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20;
городская контора: Невскій, 50.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ девятый.

Драмы и комедіи.

1-ый томъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая.)

Оглавленіе.

Судъ людской — не Божій.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица.

Николай Спиридонычъ, зажиточный крестьянинъ, старикъ.
Матрена, дочь его.
Иванъ, молодой крестьянинъ, сирота.
Егоръ Сергѣичъ, крестьянинъ изъ дворовыхъ, старикъ.
Акулина Ивановна, жена его.
Дементьевна, старуха, знахарка, изъ крестьянокъ.
Павелъ, молодой парень.
Агафія, } крестьянскія дѣвушки.
Марья, }
Дарья, хозяйка избы на проѣзжей дорогѣ, крестьянка.
Скрипуновъ, проѣзжій помѣщикъ.
Данило, его слуга.
Крестьяне, крестьянки, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ и селѣ на проѣзжей дорогѣ.

Дѣйствіе первое.

Сцена представляетъ крестьянскую избу. Налѣво въ углу печь, отъ нея до стѣны направо полати. Около печки небольшой шкапъ съ посудой, ложками и проч. По всѣмъ стѣнамъ лавки. Дверь назади. Направо у аванъ-сцены стоитъ бѣлый столъ, и на немъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ горитъ тонкая сальная свѣчка.

Явленіе первое.

Акулина Ивановна и **Матрена** (сидятъ у стола направо).

Акулина Ивановна.

Да что больно невесела?

Матрена.

Больно тошно, баушка Акулина.

Акулина Ивановна.

Да чтой-то это за тоска такая? Откуда такая накачалася?

Матрена.

Знаешь ты, баушенька, мою тоску, откуда она есть и къ чему клонится ... (Грустно опускаетъ голову на руку.)

Акулина Ивановна.

Ну, вотъ тебѣ на! Эка еще напасть подумаешь!.. Дѣвка съ парнемъ слюбилася ... То и резонъ, коли любитесь ... Друго дѣло, кабы дружка милаго не

было, такъ есть о чемъ тужить ... А то ну-ка!.. Да у тебя первый парень изо всей деревни!

Матрена.

Знаю, что хорошъ и удалъ, и всѣмъ молодецъ, а пуще того — все мое сердце къ нему; только передъ Богомъ-то грѣшно, а на батюшку родимаго и глаза бы не смотрѣли. Вся душа изныла: ну-ка, какъ узнаетъ все про все ... и подумать — страсть беретъ ...

Акулина Ивановна.

Да что за страсть?.. Полно-ка, полно! Да я была дѣвкой-то, такъ отходу отъ себя не давала молодцамъ, а ты что?... Полно!... На то дѣвка и молода, чтобы гулять ... Да что батька-то съѣстъ, что-ли, тебя, коли и узнаетъ-то что ...

Матрена.

Ахъ, баушка, не знаешь ты его. Онъ въ меня ровно въ себя вѣритъ; онъ меня не тому училъ, все Богу молиться заставлялъ, а я что съ своей душой сдѣлала?... (Закрываетъ лицо руками и утираетъ слезы.) Горькая я, грѣшная!...

Акулина Ивановна.

Полно-ка, дѣвка, разума-то еще нѣтъ въ тебѣ. Послушай меня, старухи ... Тоже была молода, на господскомъ дворѣ жила, да ничего не боялася ... Ну, чему ты убиваешься-то?... Вѣдь не узналъ еще?... А и узнаетъ-то, такъ при немъ останется... Эка бѣда!...

Матрена (съ испугомъ).

Ай, баушка, да лучше живой въ гробъ лечь, на вольной свѣтъ не смотрѣть ...

Акулина Ивановна.

А ничего! Я тебѣ говорю, ничего! Скорѣе за Ванюху-то, за твоего, выдастъ ...

Матрена.

Нѣту, баушенька, не отдастъ онъ меня за него ни за что: ужъ пыталась, вѣдь, ты говорить, такъ что онъ те сказалъ? — Пьяница-чу, безродный, Богу не молится и своей-чу души-то будетъ ему губить, — вотъ что, только и сказалъ ... Такъ ужъ чего тутъ ждать, какой радости?...

Акулина Ивановна.

А ты молчи, не прытко!... Жди да жди ... Поломается да и перестанетъ, — и отдастъ.

Матрена.

Да чего ждать-то? До Филиповокъ-то много-ли осталось? ... Охъ, стыдобушка моя ... Куда я угодила? (Плачетъ.)

Акулина Ивановна.

Ну-ну, погоди, вотъ завтра, погоди. Опять къ нему пристану ... Что будетъ? ... Ужъ неужто не урезонимъ? ... (Входитъ Иванъ.) Что Ванюха-то нейдетъ? Хошь бы онъ тебя разутѣшилъ ...

Явленіе второе.

Тѣ же и **Иванъ.**

Иванъ.

Ванюха идетъ, буйну голову на удалыхъ плечахъ несетъ. Матренушка, разлапушка, слаще меду, слаще сахару, слаще патоки медовой! (Бойко подходитъ къ Матренѣ, обнимаетъ и цѣлуетъ ее.) А что, баушка, нѣтъ ли у тебя лишнихъ въ избѣ-то? (Осматривается.)

Акулина Ивановна.

То-то, то-то, удалая голова, заугаръ, сначала бы спросилъ ... Эхъ, ты мнѣ! ... Нѣту, нѣту никого!

Иванъ.

Ну такъ рече и опасаться. Баушка Акулина не скажетъ. Цѣлуй ты меня во сахарныя уста, во пріятныя, цѣлуй крѣпче, ажно-бъ огнемъ опалило.

Матрена.

(Стыдливо отворачивается.)

Полно, сердечный ... не замай ... Не то на сердцѣ, тошнехонько.

Иванъ.

Да объ чемъ тебѣ тосковать-то? ... Эхъ, жилось бы только на бѣломъ свѣту, а то что за тоска ... Плевать на нее хотѣлъ ... Али пѣсенку спѣть?

Матрена.

Эхъ, полно-ко ты съ пѣсенкой-то, побай лучше толкомъ-то ...

Иванъ.

Да что толкомъ-то толковать ... Коли любишь,— весь тутъ толкъ, а не любишь, — пропадай моя голова совсѣмъ ... Ну, вѣдь, жалѣешь? Молви.

Матрена.

Сердечный мой, знаешь самъ, жалѣю-ли я тебя ... Да что будетъ-то?

Иванъ.

А что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ. Живи въ радость, коли живется ... Вотъ и все тутъ ... Ну-ка, поцѣлуй послаще ...

(Матрена цѣлуетъ Ивана, потомъ опускаетъ голову на столъ.)

Иванъ.

Да что ты больно невесела?

Акулина Ивановна.

А ты-то впрямь что больно веселъ? Али ужъ шумитъ въ головѣ-то? ...

Иванъ.

Да что, баушка, съ пустой-то головой ходить? Вино сердцу не помѣха, еще пуще разыграется ... Не въ украдку пью, пьяный не валяюсь ... Матреша, а Матреша? Слышь, молви словечко одно, отъ чего пуще стосковалась? ... Баушка, да что ей попритчилось? ...

Матрена (быстро).

Родной ты мой, сердечный другъ, голубь ты мой сизокрылый! Вся, вѣдь, я твоя, все мое сердечушко, а мы, вѣдь, во грѣхѣ живемъ, что съ нами станется? Придетъ время — куда я дѣнусь? ...

Иванъ.

Не пропадемъ, лебедка! Авось старикъ-отъ смилуется. Моя, вѣдь, будешь, ничья ...

Матрена.

Охъ, не то чуетъ мое сердце ... Не любитъ тебя родитель-батюшко ... Ахъ, Иванушка, голубчикъ мой, на что ты повадку-то экую взялъ? Больно ты мнѣ милъ, не насмотрюсь я на тебя, да батюшка-то не то думаетъ ... На что ты это вино пьешь, на что ты пѣсни-то громко больно поешь, да по цѣлымъ по ночамъ съ ребятами гуляешь ...

Иванъ.

А что мнѣ, али сиднемъ сидѣть, али въ пригоршни плакать, коли не объ чемъ?

Матрена.

Не разсердись, Иванушко, не мои то рѣчи. Всяко ты мнѣ любъ, а батюшкѣ-то это не по мысли ... Изъ-за этого и мнѣ не бывать за тобой ...

Иванъ.

Да что старикъ-отъ изъ ума что ли выжилъ? Али онъ молодъ не бывалъ, али не помнитъ, какъ

молодая-то кровь по суставамъ гуляетъ? ... Такъ ли, баушка? ...

Акулина Ивановна.

Не говори! И впрямь изъ ума выжилъ ...

Иванъ.

Да право ... Въ хороводъ ли пойдешь, али пѣсню веселую затянешь да въ присядку ударишь, такъ ровно те подмываетъ, ровно огонь по тебѣ пойдетъ, всяка жилка въ тебѣ взыграетъ, ноли волосъ дыбомъ встаетъ, только морозъ по кожѣ подираетъ.

Матрена.

(Смотря съ л.бозью на Ивана.)

Сердечный мой! ...

Иванъ (обнимая ее).

Да не тужи, Матрешенька, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ ... Уломаемъ старика ... Узнаетъ и меня, каковъ я есть,—души не пропью, на большую дорогу не выйду ... Ну-ка, Акулина Ивановна, загани, какая намъ судьба будетъ? ...

Акулина Ивановна.

Изволь, изволь ... (Идетъ и беретъ изъ шкапика карты.)

Матрена.

Охъ, Иванушко, не ворожить бы намъ, а Богу молиться надо за всѣ наши грѣхи.

Иванъ.

Знаю, что надо ... (Въ раздумьѣ.) Ну, да вѣдь не вправду ... Ну-ка, баушка, раскладывай.

Акулина Ивановна (тасуя карты).

На какую тебѣ кралю-то загадывать?

Иванъ.

На какую? Али не знаешь, какая у меня кра-

ля-то? ... (Съ любовью смотритъ на Матрену.) У меня краля писаная, другой нѣту экой ... (Цѣлуетъ ее въ щеку.)

Акулина Ивановна.

(Раскладывая карты.)

Ну теперь, нишкните, не мѣшайте ...

(Входятъ Марья, Агафья и еще нѣсколько дѣвушекъ.)

Явленіе третье.

Тѣ же, Марья, Агафья и прочія.

Марья (входя).

А мы, бабушка, къ тебѣ на посѣдки пришли.

Акулина Ивановна.

Ну, милости просимъ.

Иванъ.

(Быстро встаетъ и идетъ навстрѣчу дѣвушкамъ.)

Ахъ, дѣвушки-касатушки, распрекрасныя, писаныя, чернобровыя, черноглазыя ...

(Смѣхъ между дѣвушками.)

Акулина Ивановна.

Что же это однѣ, и ребятъ-то нѣтъ съ вами?

Агафья.

Да ужъ наши ребята таковскіе. Смотри, что всѣ храпомъ храпятъ, у всѣхъ овины сушатся ...

Иванъ.

Я, значитъ, одинъ разгуляй-молодецъ? ... Ровно зналъ, — пришелъ, все васъ поджидалъ ... Одному мнѣ, значитъ, утѣшать васъ рѣчами сладкими, взорами пріятными ...

(Смѣхъ между дѣвушками.)

Агафья (кокетливо).

Одинъ ты только и есть у насъ парень-то веселый ... Да ты ничто гадаешь, баушка?

(Всѣ окружаютъ столъ, на которомъ Акулина Ивановна раскладывала карты.)

Акулина Ивановна.

Да вотъ хотѣла-было разложить ...

Нѣсколько голосовъ.

Баушка, поворожи-ка и намъ.

Акулина Ивановна.

(Съ улыбкой удовольствія.)

Ну-ка, всѣмъ бы вамъ поворожить ...

Иванъ.

А объ комъ бы ворожить-то, вѣдь, чай, все обо мнѣ?

Агафья.

Нѣтъ ужъ, что намъ объ тебѣ ворожить ... (Къ Матренѣ.) А я было забѣгала за тобой, да старикъ-отъ сказалъ, что ты ушла къ баушкѣ Акулинѣ на посѣдки; такъ что-молъ рано? ... Раньше-чу и придетъ; скажи-чу ей, чтобы скорѣе домой приходила ...

Матрена (поспѣшно).

Такъ прощай, баушка, я пойду домой.

Акулина Ивановна.

Ну, что ужъ и бѣжать бы? Посиди ... Вечеру-то еще немного ...

Матрена (нерѣшительно).

Да вѣдь ждать будетъ ... (Смотритъ на Ивана, тотъ дѣлаетъ знаки, чтобы не уходила.)

Акулина Ивановна.

Да что еще ждать-то? Посиди ... И то ровно

прикованная, все въ избѣ сидишь ... Дай хошь вотъ сгадаю ...

Матрена.

Пожалуй!

Акулина Ивановна.

(Обращаясь къ прочимъ дѣвушкамъ.)

Садитесь, дѣвоньки, что стоите?

Нѣсколько голосовъ.

А вотъ, баушка, и намъ сгадай ...

Акулина Ивановна.

Эхъ, дѣвки, вотъ что развѣ ... Ужъ я какая гадальщица, плохая, а развѣ мнѣ не тряхнуть-ли своего старика? Вотъ ужъ такъ раскладываетъ!

Нѣсколько голосовъ.

Ахъ, бабушенька, вотъ-бы ...

Иванъ.

Да гдѣ же самъ-отъ, Егоръ-отъ Сергѣичъ ...

Акулина Ивановна.

Овинъ сушитъ. Скоро придетъ. Да вы слыхали ли про то, дѣвки, какъ онъ ворожитъ? ...

Марья.

Слыхали, баушка, что къ нему много понаходитъ и со стороны ...

Акулина Ивановна.

Вѣдь у него и карты-то не наши, а особливыя ... Слыхали ли про то, какъ онъ ихъ досталъ-то?

Нѣсколько голосовъ.

Нѣтъ! Да! Разскажи, баушка.

Акулина Ивановна.

Ну, ладно, дѣвки, садись всѣ за гребни, вотъ я и сама гребень возьму ... (Беретъ гребень.)

(Всѣ начинаютъ усаживаться.)

Иванъ.

А то инъ, баушка, пѣсню спѣть?

Акулина Ивановна.

Ну, пѣсня пѣсней, а дай дѣвкамъ разсказать ... Экъ ты какой, все бы пѣлъ! ... Инъ и разсказывать не хочу.

Нѣсколько голосовъ.

Нѣтъ, баушка, разскажи, разскажи! ..

Акулина Ивановна.

Да ну, ну, ладно! Усѣлись ли?

Нѣсколько голосовъ.

Усѣлись, усѣлись!

Акулина Ивановна.

Ну, такъ слушайте, да не перебивайте, а то и позабуду!... Вѣдь, мой Егоръ-отъ Сергѣичъ при старомъ-то баринѣ поваромъ былъ... Вѣдь, и я, дѣвки, тоже во дворѣ была, да что ни на есть первая красавица изо всей дворни, даромъ что теперь-то экая стала...

Марія.

За что же васъ, баушка, въ деревню-то ссадили, за вину что ли за какую?

Акулина Ивановна.

Нѣтъ, какая тебѣ вина? Такъ ужъ насъ всѣхъ, всю дворню, тогда разсадили... Старые-то господа померли, а молодые-то подѣлились, да поразъѣхались кто куда. Ну, и говорятъ, что намъ, говорятъ, старыхъ дворовыхъ не нужно, мы къ себѣ новыхъ хотимъ, чтобы все по новой по модѣ знали, а если и взять изъ старой дворни, такъ чтобы виденъ былъ человѣкъ... Такъ насъ всѣхъ и поразослали по деревнямъ... Вотъ и меня-то съ Сергѣичемъ сюда высадили... А онъ былъ вотъ какой поваръ! И все

со старымъ бариномъ въ полку ходилъ... Какъ начнетъ это иной разъ про страженія разсказывать, такъ только слушай: это, говоритъ, напримѣръ, изъ пушекъ палятъ, въ роги это играютъ, французы только чтобы на нашихъ, а они въ нихъ штыкомъ, а иной, говоритъ, и солдатъ, такъ тутъ больше генерала, потому какой генералъ, а тутъ нужно, чтобы всякой свою силу показывалъ да чужую силу билъ... Вотъ и мой-то много французу, говоритъ, убилъ... А то они на турку ходили и вотъ какъ на турку-то ходили, тутъ онъ это и гаданье свое перенялъ... Страженіе это было большое... Вотъ и мой-то тоже у своего барина отпросился, чтобы это тоже турку убивать да побивать. Вотъ только онъ на одного турку и наскочилъ и хочетъ его убить, а турка-то и говорить ему: не убивай, говоритъ, меня, Егоръ Сергѣичъ, я, говоритъ, тебя за это счастливымъ сдѣлаю. А мой-то ей, туркѣ, и отвѣчаетъ: не надо, говоритъ, мнѣ никакого отъ тебя счастья, а я долгъ свой исполняю, что я, говоритъ, на войнѣ, такъ всѣхъ бью побиваю, да и какое ты мнѣ, турка, счастье сдѣлаешь? — А такое, говоритъ, я тебѣ счастье сдѣлаю, что ты вѣкъ меня будешь помнить, да благодарить, потому, говоритъ, ты всякое дѣло будешь знать, всякую судьбу человѣческую произойдешь, все ты будешь знать. — Не хочу, говоритъ, я этого, а убью тебя, турку! Ты, говоритъ, съ нечистой силой хочешь меня свести, такъ я, говоритъ, русской, — въ Бога вѣрую, а ты и креста не носишь. — Нѣтъ, говоритъ, погоди, не убивай меня, я никакой нечистой силы не знаю, а я все тебѣ по картамъ покажу, какъ судьбу людскую узнавать, и душѣ твоей отъ этого ничего не будетъ, а еще будетъ тебѣ всякое добро и благодарность, потому и человѣка ты остановишь, коли онъ что не такъ умышляетъ, и на путь ты его наставишь, и правду ты ему скажешь, и отъ зла его ослободишь...

Ну, говоритъ, коли это такъ, то я согласенъ, только чтобы не было обману. И взялъ онъ, дѣвоньки, — это мой-отъ, Егоръ Сергѣичъ, — веревку и обвязалъ онъ ее мертвой петлей туркѣ на шею, и повѣсилъ онъ эту веревку на древо, и говоритъ: вотъ, говоритъ, слушай, турка, коли скажешь ты мнѣ всю правду истинную, какъ безъ обмана, такъ я, говоритъ, тебя отпущу и награжу, а коли солжешь или въ увертку только пойдешь, такъ сейчасъ, говоритъ, я тебя на это самое древо повѣшу, да еще и застрѣлю тебя изъ пушки и штыкомъ заколю. — Не надо, говоритъ, мнѣ отъ тебя никакой награды, да и какую награду ты мнѣ дашь, коли все я самъ возьму, что ни захочу, и не быть бы мнѣ въ полону у тебя, и не взяла бы меня никакая сила, какъ бы было со мной одно слово, да нѣтъ только этого слова, а я его позабылъ, и не позабылъ бы я его, какъ бы не потерялъ своей пестрой чалмы, да не убили моего ретива коня. Только конь, говоритъ, одинъ и зналъ это слово, да въ чалмѣ оно лежало, въ платочкѣ завернуто, на бумажкѣ написано; и потеряй я чалму, да будь конь мой живъ — все бы ничего, подсказалъ бы онъ мнѣ это слово. А теперь, говоритъ, ужъ я въ твоихъ рукахъ, такъ хочу я тебѣ добро сдѣлать, чтобы ты меня отпустилъ. И пойду я тогда по чистому полю, по бранному, искать свою чалму и, коли найду ее, и тебѣ скажу это слово, а не найду, опять приду къ тебѣ просить, чтобы ты меня жисти порѣшилъ. И развязалъ онъ тутъ свой поясъ, и вынулъ изъ него карты, и разложилъ ихъ. Ну, говоритъ, слушай, Егоръ Сергѣичъ, чтобы ты зналъ, что̀ значитъ мое гаданье! Я по картамъ разскажу всю судьбу твою, какъ она была и какъ будетъ. И началъ онъ тутъ все разсказывать, да такъ, что моего-то индо страхъ взялъ. Вѣришь ли теперь? Спрашиваетъ его. Вѣрю! Говоритъ, какъ не вѣрить!

Тутъ онъ его и научилъ всему; только, говоритъ, знай, что другими картами этакъ гадать нельзя, потому, говоритъ, мои карты отъ самого царя Фараона, а другихъ нѣтъ. Вотъ мой-то и сталъ у него просить этихъ картъ. Что ты, говоритъ, просишь у меня, коли я и самъ у тебя въ рукахъ, а ты, говоритъ, карты возьми, а меня отпусти! Пойду я искать свою пеструю чалму и, коли не найду ее, опять приду къ тебѣ, и тогда ужъ ты меня убей. Мой и отпустилъ его, а карты положилъ за пазуху. Турка встряхнулся и убѣжалъ. Вотъ проходитъ опосля того день, проходитъ другой, — проходитъ и третій — турки нѣтъ, только вдругъ, на четвертый, онъ вдругъ передъ моимъ-то какъ изъ земли выросъ. Ну, говоритъ, исходилъ, говоритъ, я все поле бранное, не пимши, не ѣмши, а чалмы своей не нашелъ. Теперь, говоритъ, ты убей меня, жисть мнѣ моя немила; а мой говоритъ: нѣтъ, говоритъ, ты мнѣ добро сдѣлалъ, а мнѣ, говоритъ, тебя убить, однако же, говоритъ, я не разбойникъ. А тотъ въ ногахъ валяется: батюшка, говоритъ, Егоръ Сергѣичъ, убей ты меня, а мой-то его убивать не хочетъ. — Тутъ и заговорилъ турка. Такъ вотъ, говоритъ, я что тебѣ скажу: не убьешь ты меня, останусь я живъ, не будетъ и у тебя такой силы, хоть ты и знаешь мое гаданье! Оно, говоритъ, тогда только и сильно, какъ одинъ человѣкъ его знаетъ. Теперь, говоритъ, ты много знаешь, а не будетъ меня на бѣломъ свѣтѣ, еще того больше будешь знать. Что же, подумалъ мой-то, отчего же мнѣ его и не убить? Однако же онъ, турка, не крещеной, я еще, думаетъ, свой законъ исполню, такъ какъ я на войнѣ состою. Взялъ да тутъ его и прихлопнулъ. Турка-то какъ сталъ это издыхать и закричалъ: спасибо, говоритъ, тебѣ, Егоръ Сергѣичъ, помни же меня, и назвалъ себя по имени... Ничто такъ мудрено, какъ-то: аграмбрабра кратра... нарочно все твердила, мжуъ-

то сказывалъ. Такъ вотъ, дѣвоньки, такъ у него съ тѣхъ поръ эти карты и остались, все онъ ихъ и раскладываетъ, и какъ разложитъ, да что кому скажетъ, такъ точно вѣдь онъ по писаному читаетъ, такъ все и сбывается. Вѣдь, онъ и раскидываетъ-то не такъ, какъ вотъ мы, бабы, а какъ-то все кругомъ, да вперемежку, да все считаетъ... И карта у него ужъ, дѣвки, не то и значитъ, что у насъ, совсѣмъ не то... Это больно мудреное дѣло; ужъ я смотрю-смотрю, — не могу понять, а мнѣ-то не разсказываетъ тоже, нѣтъ, не разсказываетъ, опасится, чтобы силу не потерять. А вотъ стану, говоритъ, умирать, такъ тутъ все покажу... Вотъ онъ и нашимъ мужикамъ тоже это гадалъ, спросите: какъ что сказалъ, такъ ровно вылилъ... Да, больно у него это мудреная наука!... Со стороны тоже мало ли народу ходитъ... А чѣмъ мы и сыты-то, какъ не этимъ дѣломъ? Тоже одному отгадаетъ, другому сноровитъ, — ну, и помнятъ, и благодарятъ... Такъ вотъ развѣ его, дѣвки, заставить?...

Агафья.

Ахъ, баушенька, кабы да въ самъ-дѣлѣ погадалъ Егоръ-то Сергѣичъ...

Иванъ.

Да о чемъ тебѣ гадать-то, Агаша?...

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Егоръ Сергѣичъ.

Егоръ Сергѣичъ (входя).

Гой, русскаго духа слыхомъ не слыхать, а нынче русской духъ самъ на домъ лѣзетъ.

(Общій испугъ д вушекъ и крики: „ай! ай!“)

Егоръ Сергѣичъ (хохочетъ).

А, испугались! То-то!... Объ чемъ шушукали? Что безъ пѣсенъ сидите?

Иванъ.

Здравствуй, дѣдушка Егоръ!

Егоръ Сергѣичъ.

Здорово, Ванюша!

Иванъ.

А вотъ все о тебѣ баушка разсказывала, какъ ты карты-то у турки отнялъ.

Егоръ Сергѣичъ.

А — а!

Акулина Ивановна.

Погадай-ка, отецъ, дѣвкамъ-то...

Егоръ Сергѣичъ.

Ну, что имъ гадать-то, не стоитъ того... (Садится.) Что ужъ гадать не-людямъ.

Агафья.

Да развѣ мы, дѣдушка, не-люди?

Егоръ Сергѣичъ.

Такъ неужто люди? Развѣ дѣвка человѣкъ?...

Нѣсколько голосовъ.

Ахъ, дѣдушка Егоръ! (Смѣются.)

Иванъ.

Вотъ что, дѣдушка, неужто ты и взаправду на войнѣ былъ и съ туркомъ это, и съ французомъ?

Егоръ Сергѣичъ.

Былъ.

Иванъ.

И карты у турки отнялъ?

Егоръ Сергѣичъ.

Отнялъ!... А что?

Матрена.

Да какъ же ты не боялся?

Егоръ Сергѣичъ.

Да чего бояться-то? Я вотъ сегодня домового въ овинѣ видѣлъ, да не испугался...

Матрена (вздрагивая и блѣднѣя).

Полно, дѣдушка, что ты говоришь...

Егоръ Сергѣичъ.

Да что мнѣ? Невидаль что-ли? Кто на войнѣ бывалъ, тотъ всего много видалъ.

Иванъ.

Да какъ же ты, дѣдушка, стражался-то, коли у тебя никакого, значитъ, орудія не было: ни сабли, ни ружья, какъ же ты?...

Егоръ Сергѣичъ.

Хм... да какъ придется... Тутъ не смотрятъ! Чѣмъ хочешь бей, только бы убивать, да въ полонъ брать...

Иванъ.

Да, вѣдь, ты, дѣдушка поваромъ былъ?

Егоръ Сергѣичъ.

Поваромъ! Такъ что же?... Хочешь ли я тебѣ разскажу, какъ я одиново троихъ французовъ живьемъ въ полонъ забралъ?

Нѣсколько голосовъ.

Разскажи, разскажи...

Егоръ Сергѣичъ (самодовольно).

То-то разскажи. Слушай... Вотъ одново баталія такая идетъ съ французомъ, что страсть, а баринъ у меня былъ такой храброй, что ничего не боялся: выпьетъ, бывало, на дорогу стаканчика три, да и пойдетъ: сѣчетъ и рубитъ, такъ около него французъ-то и валится. Вотъ только онъ стражался-стражался, да и ѣдетъ ко мнѣ: свари, говоритъ, что-нибудь поѣсть, смерть усталъ... Слушаю, говорю, сударь, будьте покойны, все будетъ готово, а какъ страженіе?... Я, вѣдь, при обозахъ былъ, такъ мнѣ далеко-то не видать... Извѣстно, говоритъ, наша беретъ; ты готовь скорѣе, а я поѣду послѣднихъ добивать... Вотъ онъ уѣхалъ, а я отошелъ въ сторону, теплинку разложилъ, таганчикъ наставилъ, да и готовлю горячее, вдругъ смотрю на меня три француза... Что же, думаю себѣ, ничего! Со мной ножъ поварской, да съ этой сволочью и безъ ножа управлюсь... Подошли, — кричатъ: ѣсть, ѣсть дай...

Агафья.

Дѣдушка, такъ развѣ они говорятъ по нашему-то...

Егоръ Сергѣичъ.

Эка, дура! Въ тѣ поры ужъ они выучились. Все съ нами-то стражались, а ты не перебивай, слушай... Ну, кричатъ: ѣсть, ѣсть дай!... Пошли, я говорю, вы прокаженные, стану я васъ кормить — у меня еще баринъ не обѣдалъ... Они наступать, замахали саблями... Эй, говорю, ребята, шалишь, не приступайся!... Только вижу съ ними разговаривать пути не будетъ: схватилъ кострюлю-то, да горячимъ-то кипяткомъ имъ въ рожи-то, да въ зенки-то... Они: „ай, ай, ай!“ сабли-то пороняли, да протирать глаза, да бѣжать, а я ужъ это разсердился, да за ними, да горячей-то кострюлей, да по

затылкамъ-то, да горячей-то, да по затылкамъ-то. Они ужъ и пардонъ было кричать. Ладно, молъ, дамъ я вамъ пардонъ, да котораго нагоню, кострюлю-то переверну, да на голову-то ему и надѣну, да и прихлопну. Онъ у меня „ай!“ да и присядетъ, тутъ его и бери голыми руками... Одного взялъ, я за другимъ, а тутъ за третьимъ, да такъ всѣхъ троихъ живьемъ и перебралъ.

(Общій смѣхъ).

Егоръ Сергѣичъ.

Послѣ меня къ самому генералисимусу водили, и тотъ меня благодарилъ: ну, говоритъ, спасибо, посмѣшилъ, говоритъ, ты меня... Хотѣли меня тогда офицеромъ сдѣлать, да только что нельзя было, что дворовый человѣкъ, а деньгами, нечего сказать, деньгами наградили... Что толку-то тогда было, удивленья-то что!

Нѣсколько голосовъ.

Вотъ такъ дѣдушка Егоръ!... Ай да, дѣдушка!

Иванъ.

И впрямь, дѣдушка, коли дѣло говоришь, такъ молодецъ ты былъ...

Егоръ Сергѣичъ (съ досадой).

Такъ не дѣло, что ли?

Иванъ.

Да нѣтъ, дѣдушка, не про то. Эхъ, кажись бы пошелъ въ царскую службу всей охотой... Только что, ну... Не то время теперь...

Егоръ Сергѣичъ.

Полно! Не видалъ ничего, такъ и хорохоришься, а кабы пришло до дѣла, такъ и зады показалъ.

Иванъ.

Я?... Ну, наврядъ-ли, дѣдушка! Не такова у молодца кровь по жилкамъ переливается!... Ужъ не бойсь, показали бы себя, не стали бы кипяткомъ да кострюлей управляться, а чѣмъ ни на есть, чтобы голову ворогу съ плечъ долой... Не стали бы съ туркой проклажаться, да карты у него выманивать, а, кажись, бы ходенемъ ходилъ, кажись, бы никому спуску не давалъ.

Акулина Ивановна (со смѣхомъ).

Полно, полно ты, полно... Ну гдѣ ужъ тебѣ супротивъ Егора Сергѣича?...

Иванъ (разгорячаясь).

Да что, баушка, Егоръ Сергѣичъ? Нечто былъ что-ли онъ въ коренной-то службѣ царской, батюшкой-солдатикомъ... (Съ увлеченіемъ.) Эхъ, негдѣ молодцу разгуляться, мало мѣста, нѣту времени, засѣла ему тоска на сердце, приковали его очи черныя, обезсилила любовь крѣпкая, дума тяжкая... (Взглядываетъ на Матрену и, замѣчая ея смущеніе, вдругъ останавливается самъ; опустивши уныло голову, садится на лавку.)

Егоръ Сергѣичъ (со смѣхомъ и досадой).

Экъ расходился передъ дѣвками-то, а вотъ погоди. Я по наукѣ своей вижу, что тебѣ быть въ солдатахъ...

Иванъ.

Такъ что, Егоръ Сергѣичъ, всей охотой... Только бы подошла пора, время...

(Матрена украдкой утираетъ слезы.)

Акулина Ивановна (замѣтя это движеніе Матрены, къ Ивану.)

Полно, полно, что ты больно расходился-то...

Егоръ Сергѣичъ.

Нѣтъ, постой... А вотъ онъ не вѣритъ моей

силѣ, а хошь ли я тебѣ по картамъ всю твою судьбу раскину...

Иванъ.

Нѣту, дѣдушка Егоръ, на что мнѣ... Больше Бога не будешь, того не узнаешь, что у Него написано... Гадай вонъ дѣвкамъ.

Матрена.

Дѣдушка Егоръ, погадай-ка мнѣ.

Егоръ Сергѣичъ.

Тебѣ? Изволь... Да все ли разсказывать?...

Иванъ.

Ну, извѣстно, говори хорошее...

Матрена.

Нѣтъ, нѣтъ, все, дѣдушка: какова моя будетъ судьба горькая...

Егоръ Сергѣичъ.

Ладно! Баба, давай карты...

(Всѣ дѣвушки приподнимаются и окружаютъ столъ, къ которому подходитъ съ картами Егоръ Сергѣичъ.)

Агафья.

А ты бы тѣми, что у турки-то отнялъ...

Егоръ Сергѣичъ.

Ничего, я и по этимъ все разскажу... Ваша судьба не такая, чтобы тѣ карты трогать, по васъ и этихъ будетъ! Ну, не мѣшай же, да слушай крѣпче! (Начинаетъ раскладывать; Матрена съ суевѣрнымъ страхомъ смотритъ то на карты, то на Егора Сергѣича.)

Егоръ Сергѣичъ.

Ну, дѣвка, нехорошо тебѣ выходитъ! Сказывать ли все-то?...

Матрена (съ робостью и любопытствомъ).

Сказывай, сказывай...

Егоръ Сергѣичъ.

Ну, слушай же... Есть у тебя два друга, два ворога — все едино! Одинъ другъ тебя любитъ, да душу твою губитъ, другой тоже любитъ, да счастью твоему мѣшаетъ... И лежитъ у тебя на душѣ горе черное, тоска тяжкая. И на единой мигъ эта тоска съ тобой не разстается...

Матрена (вполголоса и какъ бы невольно).

Такъ и есть.

Егоръ Сергѣичъ.

И виситъ надъ тобой гроза великая... И боишься ты этой грозы больше огня-полымя... И не будетъ тебѣ радости...

(Матрена плачетъ.)

Иванъ (замѣтя слезы Матрены).

Э, полно, дѣдушка Егоръ!... Ничего ты не знаешь, не то говоришь... Дѣвку только застращалъ...

Матрена (съ отчаяніемъ).

Ахъ нѣтъ, все онъ знаетъ, все такъ говорилъ... Такова моя судьба горькая!...

Егоръ Сергѣичъ (съ торжествомъ къ Ивану).

Что, не знаю?... Али еще что сказать?... Много вижу...

Иванъ.

Нѣту, дѣдушка, ужъ отставь, что пользы... Знамо, что знаешь, да что!.. Полно, Матренушка!.. Эхъ, полно-ка, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... Что горевать до поры, до времени... Ну-ка, дѣвушки

красныя, писаныя, распрекрасныя, споемъ-ка лучше пѣсенку веселую ...

Нѣсколько голосовъ.

Нѣту, погоди ... Дѣдушка Егоръ, погадай намъ!..

Егоръ Сергѣичъ.

Нѣту, больше одного раза нельзя ... Опосля когда ...

Иванъ.

Ну, и ладно, дѣдушка! Ноли и на меня тоску нагналъ ... Ну-ка, дѣвки, садись да подтягивай ... (Выходитъ на средину избы.)

(Всѣ усаживаются.)

Нѣсколько голосовъ.

Какую же?

Иванъ.

Ну, извѣстно, веселую ... Дѣдушка Егоръ, да нѣтъ ли, братъ, стаканчика?.. Ничто такъ ... Повеселѣе ...

Егоръ Сергѣичъ.

Нѣту, какой тебѣ стаканчикъ ...

Иванъ.

Ну, инъ и такъ ... Охъ вы!.. (Поетъ.)

Ужъ вы сѣни мои сѣни,
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя,
Рѣшетчатыя ... и проч.

Явленіе пятое.

Тѣ же и Николай Спиридонычъ.

Николай Спиридонычъ.

(Останавливаясь у дверей.)

Экой содомъ! Экъ нечистый-то васъ обуялъ!

(Пѣніе и пляска прекращаются.)

Иванъ.

(Почтительно кланяясь Николаю Спиридонычу.)

Разгулялись маненько, Николай Спиридонычъ ...

Николай Спиридонычъ.

Гуляй ... На то твоя пустая голова, чтобы гулять ... Завтра на овинъ-то за тебя другіе пойдутъ ...

Иванъ.

Поспѣю, Николай Спиридонычъ ... Отъ работы не бѣгаю ...

Николай Спиридонычъ.

Ну тебя, твое дѣло ... Знаю я тебя ... А ты что это, Матрена, сидишь на экомъ содомищѣ ... Сказалъ, скорѣе приходи, а ты рада до свѣту ... Али на безшабашную-то голову заглядѣлась? .. Пошла ...

Матрена (робко)

Я, батюшка, и то тотчасъ хотѣла идти ...

Николай Спиридонычъ.

То-то, тотчасъ ... (Сурово.) Пошла ... (Хочетъ идти.)

Егоръ Сергѣичъ.

Да что, Николай Спиридонычъ, не брезгуй, присядь ...

Николай Спиридонычъ.

Полно, Сергѣичъ, до старости лѣтъ дожилъ, да экую бѣсовщину въ домѣ у себя заводишь ... Да еще и я бы тутъ смотрѣлъ ...

Акулина Ивановна.

Да что за бѣсовщина? .. Ужъ молодымъ дѣвкамъ и не разгуляться.

Николай Спиридонычъ.

Ну, ладно! .. Что съ тобой толковать ... Знаемъ мы, до чего эти гулянки-то доводятъ ... Не съ твое

живу ... (Указывая на Ивана.) Вонъ гуляетъ ... И пускай его ... къ тому душу свою готовитъ ... Кто про него хорошее-то скажетъ?!..

Акулина Ивановна.

А что про него худо-то сказать?.. Самолучшій парень—вотъ что!.. На всю деревню...

Николай Спиридонычъ.

Ладно! Экого самолучшаго-то я и въ домъ-отъ къ себѣ не пустилъ бы ... Матрена, ступай!.. (Пропускаетъ впередъ Матрену.)

Иванъ.

Чѣмъ я передъ тобой провинился, Николай Спиридонычъ?...

Николай Спиридонычъ.

Что мнѣ, я те не отецъ, а былъ бы тебѣ отцомъ, такъ изъ дому бы выгналъ экого ... отрекся бы ... Сколько разъ седни въ кабакѣ-то былъ?.. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Тѣ же безъ Николая Спиридоныча и Матрены.

(Иванъ стоитъ унылый, въ раздумьи опустивши голову на грудь.)

Марья.

Экой сердитый!.. Какъ съ нимъ Матренка-то живетъ?.. Вчужѣ такъ страшно ...

Акулина Ивановна.

Не говори, дѣвка ... Тоже ни единой обѣдни не пропуститъ, книги святыя читаетъ, милостыню подаетъ ... А нѣтъ у него ласковаго слова ... За что парня обругалъ?.. Что, Иванушко, не веселъ?

Иванъ.

Что Иванушко не веселъ, буйну голову повѣсилъ... Эхъ, бабушка! (Вздыхаетъ, потомъ молодецки встря-

хиваетъ головой.) Э, да ничего!.. Живи, коли живется, а умремъ, такъ поминать станутъ ... Ну, запѣвай дѣвки ... (Впадаетъ въ раздумье.) Да не больно веселую, а чтобы сердечушко надсѣлось!..

Егоръ Сергѣичъ.

Что, видно, братъ, по мѣсту пришлось?..

Иванъ.

Не то что... а такъ душа заныла, на волю просится ... Ну, подпѣвай дѣвки ... (Запѣваетъ заунывную пѣсню; къ нему подстаютъ.)

Пѣсня.

Ты, береза-ли моя,
Ты, моя березанька,
Ты, кудрявая, моложавая.
На горѣ-ли ты стоишь, —
Стоишь на всей кра̀сотѣ,
Подъ тобой-ли-то березанькой
Молодецъ съ милой разстается,
Горючьми слезьми заливается.
Разставаньеце у нихъ было явное,
Совыканьеце было у нихъ тайное.

(Занавѣсъ опускается.)

Конецъ перваго дѣйствія.

Дѣйствіе второе.

Сцена представляетъ большую чистую избу Николая Спиридоныча. Направо два небольшія окна, налѣво дверь за перегородку, которою отдѣлена печка. На аванъ-сценѣ направо столъ и около него на лавкѣ нѣсколько книгъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками. Налѣво, также на аванъ-сценѣ, столъ. Дверь въ задней стѣнѣ.

Явленіе первое.

Матрена (одна).

Охъ, больно тошно ... И что со мной будетъ, и не знаю ... И дѣдушка Егоръ сказалъ, что будетъ плохо ... Да и сердце мое чуетъ ... Нѣтъ у меня матушки родимой, некому вступиться, не передъ кѣмъ слезы выплакать ... (Плачетъ.) Покориться развѣ батюшкѣ во всемъ, просить своему грѣху прощенія ... Неужто не смилуется? Охъ, больно страшно ... Убьетъ онъ меня ...

Явленіе второе.

Матрена, Николай Спиридонычъ, Акулина и Иванъ.

Николай Спиридонычъ (входя въ избу).

Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ, что не будетъ этого, и не будетъ ... Она у меня одна, пуще глазу берегу ... Отдамъ ли за экого?.. (Увидя Матрену.) А, да ты здѣсь! Что ты тутъ дѣлаешь?..

Матрена.

Ничего, батюшка ...

Николай Спиридонычъ.

Ничего не дѣлать — грѣхъ ... Подь въ свѣтелку, сядь за станъ ... Да ты ничто ревѣла? (Смотритъ на нее пристально.)

Матрена (робко).

Нѣтъ, батюшка!

Николай Спиридонычъ.

Ну, то-то, кажись, не объ чемъ ... Ну, подь съ Богомъ ... (Матрена уходитъ за перегородку налѣво.) Подь и ты, Ивановна, нечего тебѣ дѣлать ... Сказалъ, нѣтъ — и не будетъ! (Садится).

Акулина Ивановна.
(Садится возлѣ него).

Да что нѣтъ-то, что уперся-то, ровно, не знаю что ... Что дѣвку-то морить; кажись, пора ужъ замужъ отдавать ... Недаромъ реветъ, — измаялась, въ дѣвкахъ-то сидя ...

Николай Спиридонычъ.

Ты, баба дура, больше ничего ...

Акулина Ивановна.

Да, пожалуй, ругайся! Объ твоемъ же дѣтищѣ-то хлопочу, не о своемъ ...

Николай Спиридонычъ.

Ну, такъ не дура ли ты? Что ты хлопочешь-то? Неужто ужъ отецъ-отъ меньше тебя радѣетъ дочкѣ? Она у меня, кажись, одна ... Вся тутъ и душа-то моя въ ней ... Такъ что ты еще?.. Дура и есть ...

Акулина Ивановна.

Ну, дура! Такъ на что же ты не отдаешь-то? Чѣмъ не женихъ твоей Матренѣ Ванюха?

Николай Спиридонычъ.

А тѣмъ и не женихъ, что мнѣ не по душѣ пришелся! Первый гуляка, первый озорникъ на всю деревню ... Да, отдамъ я свою Матрену ... Она у меня, какъ голубь чистой ... Самъ смотрю, самъ учу, и денно, и нощно за нее Бога молю ... Да, отдамъ я экому, что своей-то головы не сноситъ!..

(Входитъ Иванъ и останавливается въ глубинѣ сцены).

Николай Спиридонычъ (замѣтя его).

Ты зачѣмъ еще пришелъ? Тебѣ что надо?

Иванъ (низко кланяется).

Ты вездѣ меня срамишь, Николай Спиридонычъ, на весь бѣлой свѣтъ ругаешь, а я все къ тебѣ да къ тебѣ ...

Николай Спиридонычъ.

Ну, что еще лясы-то подпускаешь? Научился съ дѣвками-то лебезить ... Что еще надо?

Иванъ.

Некому за меня просить, Николай Спиридонычъ, нѣтъ ни отца, ни матери ... Самъ пришелъ поклониться тебѣ да попросить! (Становится на колѣни.) Батюшка, Николай Спиридонычъ, сдѣлай человѣкомъ, заставь за себя вѣчно Бога молить. Отдай за меня твою Матрену!

Николай Спиридонычъ.

Тебѣ?.. Да какъ у тебя смѣлости стало придти-то ко мнѣ да такія рѣчи говорить?.. Какъ у тебя языкъ-отъ не отсохъ, въ глоткѣ-то не поперхнулось?.. Ему я Матрену отдай ... Пьяница, гуляка, потаскунъ, объ душѣ своей позабылъ, да я его въ сыновья возьми!.. Пошелъ вонъ, не моги и думать!

Иванъ.

Не я гуляю, кровь гуляетъ, Николай Спиридо-

нычъ, молодая кровь ... А сдѣлаешь человѣкомъ, не хуже другихъ буду ...

Николай Спиридонычъ.

Я-те говорю, вонъ пошелъ!.. Знаю я, чего-те хочется?.. Тебѣ къ денежкамъ моимъ подобраться охота. Одна де дочка-то, а мошна-то толста, женюсь — загуляю!.. Свою душу губишь, да еще чужой вѣкъ заѣсть хочется ...

Иванъ.

Не таковской я человѣкъ, Николай Спиридонычъ ... Вѣстимо, твоя воля — гнѣвайся, только не погуби!..

Николай Спиридонычъ.

Экому ворогу мою голубицу, мою лебедку, отдай ...

Акулина Ивановна.

Ну, ужъ полно, Николай Спиридонычъ, и ты ... дѣвка, какъ дѣвка ... Ну что ужъ тутъ ... какой голубь!..

Николай Спиридонычъ.

Ты молчи, Ивановна, молчи! Знаю я свою дочку, чистая она у меня душа, безъ пятенышка ... Отступитесь вы отъ меня, подите ... не разсердите ... Сказалъ, не будетъ!.. Лучше вѣкъ въ дѣвкахъ сиди ...

Акулина Ивановна.

Ну, полно, Спиридонычъ, не срами своей сѣдой головы, не надѣлай хуже ... Ужъ что дѣлать-то, коли парень съ дѣвкой слюбилися ...

Николай Спиридонычъ (вздрогнувъ).

Что-о?!!

Акулина Ивановна.

Да что дѣлать-то ужъ!.. Винись, Ванюха, авось, скорѣй смилуется ...

Иванъ.

Прости, Николай Спиридонычъ, помилуй! Не мы первые, не мы послѣдніе ...

Николай Спиридонычъ.
(Грознымъ голосомъ.)

Что-о?!!

Акулина Ивановна.

Да что больно воззрился?.. Точно нивѣсть что... И не въ нашихъ мѣстахъ такъ бываетъ ... Женишь, такъ и все шито да крыто.

Николай Спиридонычъ (блѣдный).

Какъ?.. Матрена моя?.. Моя Матрена?.. Да врете вы, окаянные ... Матрена, подь сюда ... Матрена!.. Господи! Врете вы, нечестивые ...

Иванъ (бросаясь въ ноги).

Я во всемъ виноватъ, меня суди, я, окаянный!.. Николай Спиридонычъ!

(Матрена входитъ робко, блѣдная и съ потупленными глазами.)

Николай Спиридонычъ.

Врете, вороги ... Обмануть вы меня хотѣли ... (Увидя Матрену.) Подь сюда!.. Сказывай, скорѣй ... любилась ты съ нимъ, сказывай всю правду?..

Матрена (бросаясь въ ноги).

Батюшка, родимой, убей ты меня!

Николай Спиридонычъ.

Говори скорѣй ...

Матрена.

Виновата, помилуй, прости меня грѣшницу ...

Николай Спиридонычъ (въ бѣшенствѣ).

Простить, тебя простить?.. На кого одна надежда была ... Чѣмъ жилъ?.. охъ!..

Матрена.

Родимой, прости.

Иванъ.

Николай Спиридонычъ, согрѣшили мы ...

Николай Спиридонычъ.

Вороги, что вы со мной сдѣлали?.. Нѣтъ! Охъ, окаянная!.. Дочь ты мнѣ?.. Не дочь!.. Будь ты проклята въ семъ свѣтѣ и въ будущемъ!..

Матрена (дико вскрикиваетъ.)

Ай, родимой ... Благослови!

Иванъ.

Старикъ, не губи своей души.

Николай Спиридонычъ.

Нѣтъ тебѣ моего благословенія ... Пропадай ты совсѣмъ!.. (Опускается на лавку и кладетъ голову на столъ.) Охъ, охъ ... вороги!.. погубили!..

Матрена.

(Нѣсколько секундъ лежитъ на полу, не поднимая головы, потомъ начинаетъ медленно и безмолвно приподниматься; лицо ея блѣдно, взоры дико блуждаютъ.)

Иванъ (приподнимая ее).

Подемъ, Матреша ... Съ ума онъ сошелъ ... У Бога мы вымолимъ себѣ благословенье ...

Николай Спиридонычъ.

Ступайте прочь, съ глазъ моихъ долой, проклятые ...

(Матрена трепещетъ всѣми членами, блуждаетъ взорами, потомъ, встрѣтясь со взглядомъ отца, страшно вскрикиваетъ и стремительно бѣжитъ вонъ. Вслѣдъ за нею бѣгутъ Акулина Ивановна и Иванъ.)

Явленіе третье.

Николай Спиридонычъ (одинъ).

А ... Что она?.. Дочка, вѣдь, она мнѣ, родная, кровная?.. Погубили, разорили ... отняли ... злодѣи ... вороги!.. (Плачетъ и мечется...) Охъ, охъ ... Господи!.. прости ... помоги ... Нѣтъ ... Гдѣ она?.. Матрешенька!.. Матренушка!.. Вороги ... Гдѣ она?.. Господи ... Нѣтъ, прощаю ... благословляю!.. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, будь она ... О-о ... (Плачетъ и скрежещетъ зубами.)

Явленіе четвертое.

Николай Спиридонычъ и Акулина.

Акулина (вбѣгая).

Что, злодѣй, сдѣлалъ? Что? Вѣдь дѣвка-то помутилась совсѣмъ ... Старой грѣховодникъ ...

Николай Спиридонычъ.

Какъ помутилась?.. Что?.. Пошла ты отъ меня... Погубила ты!..

Акулина.

Ты погубилъ-то, а не я ... Слышишь ли? Въ умѣ помутилась ... Злодѣй ты этакой ...

Николай Спиридонычъ.

Какъ?.. Господи! Наказалъ ты меня ... Погубилъ я свою душу ... Прости ты меня ... Да гдѣ она?.. Дайте дочку-то мнѣ ... Куда вы ее дѣвали, вороги?.. Приведите ее ко мнѣ, прощу я ее ... Господь ее проститъ!.. Гдѣ она?..

Акулина Ивановна.

А, теперь сталъ прощать, старый, какъ разума-то лишилъ ...

Николай Спиридонычъ.

Чистая, вѣдь, она была голубица ... Радовался я на нее ... глазъ не сводилъ ... Дайте мнѣ ее... дайте мнѣ ее ... Благословляю я ее!..

Акулина Ивановна.

Да, пожалуй, благословляй теперь полоумную-то ... Что-о? Говорила ли я тебѣ, грѣховодникъ? Что теперь надѣлалъ? Лучше сдѣлалъ — и чужую душу погубилъ, и на свою отвѣтъ взялъ!..

Николай Спиридонычъ.

Не учи ты меня ... Поди, отступись!.. Самъ я старъ ... Я ее берегъ пуще глаза, я ее не тому училъ, смотрѣлъ я на нее, тѣшился ... Господа кажиный часъ благодарилъ за нее ... Честная она была, чистая ... непорочная она была ... Посрамила она меня ... Стыдобушка теперь на бѣлой свѣтъ взглянуть ... Что берегъ, что лелѣялъ?..

Акулина Ивановна.

Охъ ужъ! Вздумалъ ты дѣвку уберечь!.. Полнока ... Тебѣ ли ужъ усмотрѣть?..

Николай Спиридонычъ.

Такъ она не слушала моего родительскаго наставленія?.. Смѣялась моимъ словамъ да Божьему ученью?.. Я вѣрилъ въ нее ... Господа за нее благодарилъ ... А она стыдъ понесла на мою сѣдую голову ... Такъ она въ Бога не вѣруетъ?.. Отца не чтитъ?.. Такъ нѣту ей прощенья отъ меня ... Будь она прокл ... Господи! Дочь наказую по дѣламъ ея ... Прости Ты меня!..

Акулина Ивановна.

Такъ вотъ теперь съ безумной-то дочкой и живи, да радуйся на безумную-то дочку!..

Николай Спиридонычъ.

А, обезумѣла она со страсти-то ... Видно родительское-то проклятіе страшно ... Не обезумѣетъ совсѣмъ ... пройдетъ! ... Что ужъ меня, старика, бояться, коли Божьяго гнѣва не боялась ... Не безумная она ... Врешь ты ... не такая дѣвка! ...

Акулина Ивановна.

Да какъ еще безумной-то быть?.. Стоитъ, въ уголъ прижалася, дрожитъ, ровно лютый звѣрь, глаза вылупила, а никого и не признаетъ ... Ванюхи-то не признаетъ,—только визжитъ ... Какъ еще безумной-то быть и вправду?..

Николай Спиридонычъ.

Господи, велико Твое наказаніе на дочь непокорную!..

Акулина Ивановна.

Эхъ ты, старина, старина! Уменъ ты, Богу молишься,—одна дочка была, и ту погубилъ ...

Николай Спиридонычъ (порывисто).

Такъ приведите вы ее ко мнѣ, батюшки ... Не моя что ли она дочь-то?.. Приведите вы ее ко мнѣ!.. Самъ бы пошелъ, да ноженьки мои не двигаются, силушки моей нѣтъ ... Господи, дочь, вѣдь, она моя ... Прости Ты ее, какъ я прощаю ... Приведите вы ее ко мнѣ, батюшки родимые... (Плачетъ.) Сердце мое надорвалось ... Пустите ... Я самъ пойду?.. Гдѣ она?.. Батюшки ... (Встаетъ и идетъ къ дверямъ шатаясь.)

Акулина Ивановна (утирая глаза).

Да сиди ужъ, сиди ... Я тотчасъ приведу ... Сиди ужъ ... (Усаживаетъ его.) Эки дѣла ... Эка бѣда накачалася!.. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Николай Спиридонычъ (одинъ).

Господи!.. Отмѣни ... отдай мнѣ дочку ... утверди мое благословеніе ... Согрѣшилъ я ... Всѣ мы во грѣхѣ живемъ ... Прощать Ты велишь ... Одна дочь у меня, одна радость ... По гнѣву я своему согрѣшилъ, по досадѣ ... Грѣшникъ я ... Злодѣевъ Ты прощаешь ... Дочку я не умѣлъ простить ... Озлобилось мое сердце, согрѣшилъ я, окаянный ... Отдай ей разумъ!

(Егоръ Сергѣичъ и Иванъ вводятъ подъ руки Матрену, блѣдную, съ блуждающими глазами, со всѣми признаками помѣшательства. Акулина Ивановна и нѣсколько женщинъ, постороннихъ зрительницъ, идутъ за ними).

Явленіе шестое.

Николай Спиридонычъ, Матрена, Егоръ Сергѣичъ, Иванъ, Акулина и проч.

Матрена

(съ трудомъ переступая порогъ дверей и силясь вырваться изъ рукъ, держащихъ ее).

Нѣту, нѣту, не надо ... Боюсь!.. Ай, боюсь!.. Пусти ... не надо ... (Дрожитъ всѣмъ тѣломъ.)

Акулина Ивановна.

(Николаю Спиридонычу.)

Посмотри-ка на дочку-то ... Какову сдѣлалъ ... посмотри!.. (Утираетъ глаза.)

Николай Спиридонычъ.

Помѣшалась и есть ... (Подходитъ къ ней.) Доченька, Матрешенька!..

Матрена.

(Смотритъ на него, потомъ дико вскрикиваетъ.)

Ай, ай!.. страшно ... о-о-ой!.. (Порывается изъ рукъ.) Пусти... ой ... тошно!..

Акулина Ивановна.

Да посадите ее, посадите ... Что держите-то ...

(Матрену сажаютъ на лавку.)

Николай Спиридонычъ.

Господи!.. Меня не признаетъ, отца родного.. Доченька, голубушка ... прощаю я тебя ... снимаю свое проклятіе ... Поди ко мнѣ ... (Протягиваетъ къ ней руки)

Матрена.

Проклятая!.. Ай, страшно ... Пусти!.. (Стремительно поднимается съ лавки и хочетъ бѣжать; ее удерживаютъ, она старается вырваться.) Страшно мнѣ ... страшно ... ой ...

Николай Спиридонычъ (со слезами).

Да чего тебѣ страшно-то?.. Прими мое благословеніе ... родитель я твой ...

Матрена (дрожитъ).

Благословеніе ... Нѣтъ ... родитель ... ой, ой ... Страшно!.. (Жмется къ стѣнѣ.) Никого нѣтъ!.. Никого нѣтъ ... Проклятая ... ай!..

Николай Спиридонычъ.

(Отходитъ отъ нея, махнувъ рукой.)

Согрѣшилъ ... Господи, поддержи!.. (Садится и тихо плачетъ.)

Иванъ (подходитъ къ Матренѣ).

Матрешенька, голубушка, сердце ты мое, разлапушка ... Погляди на меня ... (Плачетъ.) Не признаешь ли своего друга вѣрнаго?.. Касатка ты моя... Матрешенька ... слышь ли ... Неужто ужъ и я тебѣ не милъ?.. (Хочетъ взять ее за руку.) Распрекрасная ты моя ... (Рыдаетъ.)

Матрена (вырывая руку).

Нѣту, нѣту ... Не знаю ... я ... что?.. былъ?.. нѣту?.. ой, батюшки, тошнехонько ... Пустите вы меня ... (Начинаетъ рыдать.)

Иванъ.

Ахъ, лучше бы я на бѣлой свѣтъ не родился... Лучше бы мнѣ совсѣмъ пропасть, изсохнуть, нечѣмъ это видѣть ... Лучше бы ты меня убилъ даве, Николай Спиридонычъ, нечѣмъ экое дѣло сдѣлать ... Охъ, догулялася моя буйная голова до бѣды, довеселилось мое ретиво сердце до горя тяжкаго ... Добрые люди, возьмите меня, убейте меня ... Я сгубилъ ея молодость ... (Плачетъ, всѣ окружающіе также плачутъ вслѣдъ за нимъ.) Нѣтъ, любилъ я ее крѣпко, пуще жизни, не къ тому я ее велъ ... Грѣхъ насъ попуталъ тяжкой ... (Стремительно бросается къ Матренѣ, падаетъ ей въ ноги, потомъ остается передъ нею на колѣняхъ.) Матрешенька ... красота ты моя писаная ... взглянь ты на меня!.. Неужто не отзовется твое сердечушко ... Краля ты моя ... вырви ты изъ меня ретиво сердце, мое горе лютое ... (Бьетъ себя въ грудь и рыдаетъ.)

Матрена.

(Смотритъ на него пристально и начинаетъ хохотать.)

Иванъ.

(Быстро поднимается съ колѣней и бросается въ ноги Николаю Спиридонычу.)

Нѣту мнѣ радости ... Убей ты меня, одной прошу милости!

Николай Спиридонычъ.

Поди отъ меня, ворогъ, поди ... Не надо мнѣ ни жизни твоей, ни смерти ... Не кажись ты мнѣ на глаза ... Сгубилъ ты мою доченьку милую!...

Иванъ.

(Поднимаясь на ноги, съ отчаяніемъ къ окружающимъ.)

Люди добрые, сдѣлайте со мной что ни есть! Не мила мнѣ жизнь! ... Не дайте на себя самого руки наложить ...

Акулина (со слезами на глазахъ).

Да полно ты, полно ... Что убиваешься ...

Иванъ.

Охъ, не говорите вы мнѣ словъ ласковыхъ! ... Прокляните вы меня на чемъ бѣлой свѣтъ стоитъ.

Вмѣстѣ:

Акулина.

Ну, полно, дурашка, полно ...

Егоръ Сергѣичъ.

Не бойсь, вылечимъ, не опасься ...

Иванъ.

Егоръ Сергѣичъ, вылечи, батюшка, вылечи родимой ... Вѣрю во всю твою науку, до конца жизни твоей слуга буду, только вылечи ...

Матрена.

Ой, тошно мнѣ, тошно ... Мнѣ бы ... ой! ... Пустите меня ... Ой! ... тошно ...

Иванъ.

Что тебѣ тошно-то, сердце мое? ...

Егоръ Сергѣичъ и Акулина.

Нишкни, затихать стала ...

Матрена.

(Какъ бы потерявши всѣ силы, опустила руки и голову.)

Иванъ (къ Николаю Спиридонычу).

Николай Спиридонычъ, отецъ родной ... Може, Богъ избавитъ ... Прости ты меня, окаяннаго ... Чувствую я всю вину свою, весь свой грѣхъ ... Прости ты меня! ... (Кидается ему въ ноги.)

Николай Спиридонычъ.

(Взглядываетъ на Матрену, потомъ на Ивана.)

Господи, избавь ... Твоя милость велика ... (Къ Ивану). Встань, нечестивой ... Какое твое раскаянье-то? ...

Иванъ.

Виноватъ, Николай Спиридонычъ, во всемъ каюсь ... Прости ты меня, помилуй ...

Николай Спиридонычъ.

Молись Богу; Богъ тебя проститъ, а я тебя прощаю ... Онъ, многомилостивый, велитъ прощать врагамъ своимъ ... Молись объ ней ...

Иванъ.

Родимой кормилецъ (цѣлуетъ его ноги).

Николай Спиридонычъ.
(Смотря на Матрену.)

Да что она, други, дышетъ-ли, не умерла-ли? ...

Акулина.

Нѣту, нѣту, нищкни ... Такъ, позабылась ... Родная моя! ... Не тревожьте ее ... (Поспѣшно входитъ Дементьевна.)

Явленіе седьмое.

Тѣ же и Дементьевна.

Дементьевна (входя).

Что у васъ надѣлалось? ...

Нѣсколько голосовъ.

Тише ты, тише ...

Дементьевна.

Да что тише-то? ... Али я не знаю чего? ... (Увидя Матрену, растопыриваетъ руки.) А-а ... батюшки мои! Такъ али не видите — столбнякъ на нее нашелъ ... Дай сюда воды, отолью съ уголька, да опрысну ... Все пройдетъ ...

Николай Спиридонычъ.

Ну, полно ты, опрысну ... Не надо ... Богъ поможетъ, такъ пройдетъ.

Дементьевна.

Такъ, али я не знаю? ... Полно-ко ты! Задохнется! ... Дай сюда, опрысну ... съ глазу вѣдь это ...

Николай Спиридонычъ.

Не надо, говорятъ! Какое съ глазу ...

Нѣсколько женщинъ.
(Николаю Спиридонычу.)

Пусти ее! Она ужъ это дѣло знаетъ ... Тотчасъ отведетъ ... Дементьевна ужъ, вѣдь, знашь, не въ первой ... Все знаетъ ...

Егоръ Сергѣичъ.

Ну, да какъ не знаетъ! ... Совсѣмъ это не съ глазу ...

Дементьевна.

А ты что? Али больно много въ картахъ-то своихъ знаешь? ...

Егоръ Сергѣичъ.

Да я знаю, что знаю, а ты только людей морочишь ... Такъ морочь другихъ, а не насъ ...

Дементьевна.

А ты что, не морочишь что-ли? Сказалъ Петровой-то женѣ, по своимъ картамъ, что выздоровѣетъ, въ лихоманкѣ-то что была, а что выздоровѣла-ли? ... Я лечила-то, умерла же, вѣдь ...

Егоръ Сергѣичъ.

Такъ оттого и умерла, что ты своимъ лекарствомъ уморила ...

Николай Спиридонычъ.

Да подите вы, грѣховодники, безъ васъ тошнехонько ...

Дементьевна.

Погоди, батька, ничего! ... Дай опрысну ... Тебѣ же лучше будетъ ... Что его слушать, похвалебщика ... Только и умѣетъ, что похваляться-то ... А я ужъ, кажись, на томъ стою ...

Одна изъ крестьянокъ.

(Подавая ковшъ съ водой и уголь.)

На-ко вотъ, бабушка, отлей да спрысни, что ихъ слушать-то ...

Дементьевна.

(Беретъ ковшъ, кладетъ въ него уголь и начинаетъ надъ водою шептать и дуть.)

Николай Спиридонычъ.

Да подите вы, грѣшный народъ ... Не надо мнѣ вашего колдовства нечестиваго ...

Дементьевна.

Ничего, батька, какое колдовство ... Тотчасъ только спрысну, какъ рукой сниметъ ...

Егоръ Сергѣичъ.

Да, дожидайся, сниметъ ...

Дементьевна.

(Беретъ изъ ковша воду въ ротъ и прыскаетъ на Матрену. Всѣ со вниманіемъ смотрятъ на Матрену.)

Матрена.

(Вздрагиваетъ, поднимаетъ голову и смотритъ на всѣхъ все тѣмъ же блуждающимъ взглядомъ.)

Дементьевна.

(Къ Егору Сергѣичу съ торжествомъ.)

Что, прошло-ли? ... То-то уменъ больно заднимъ-то умомъ ...

Иванъ.

Что, Матренушка ... сердце мое ... Ой, все нехорошо смотритъ ...

Николай Спиридонычъ.

Матрешенька ... доченька ... будь надъ тобой мое благословенье ...

Матрена (дико вскрикиваетъ).

Ой ... ой ... страшно! ... Проклятая ... проклятая ... ай! ... Пусти ... (Быстро вскакиваетъ, всѣ окружающіе со страхомъ разступаются; она бѣжитъ вонъ изъ избы съ визгомъ и хохотомъ.)

Акулина.

Эки грѣхи! ... опять! (Бѣжитъ вслѣдъ за нею.)

(Общее смятеніе; всѣ посторонніе зрители бѣгутъ вонъ изъ избы.)

Егоръ Сергѣичъ (Дементьевнѣ).

Что, много ли вылечила-то? ... Знахарка! ...

Дементьевна.

Да это все отъ твоего глазу попритчилось! (Поспѣшно уходитъ.)

Иванъ.

Не будетъ, видно, радости? ... Пропадай моя голова совсѣмъ! ... (Бросается на лавку и рыдаетъ.)

Егоръ Сергѣичъ.

Не тужи, Ванюха! Мы дѣло поправимъ ...

Николай Спиридонычъ.

Подите вы всѣ, грѣшники! ... Не отъ нашей руки — отъ Божьяго милосердія надо милости ждать ... Господи, грѣшникъ я, помилуй Ты меня и прости! ...

Явленіе восьмое.

Тѣ же и Акулина.

Акулина (вбѣгая).

Иванушка, батюшка, бѣги, не надѣлалось бы грѣха ... Кричитъ благимъ матомъ да бѣжитъ, сама не знаетъ куда, не утопилась бы! ... не забѣжала бы куда! ... Бѣги скорѣй! ...

Иванъ.

Куда побѣжала-то? ...

Акулина.

Да вонъ въ ту сторону, къ лѣсу ...

Иванъ.

И я живъ не ворочусь, коли она что съ собой сдѣлаетъ! ... (Поспѣшно убѣгаетъ.)

(Акулина и Егоръ Сергѣичъ уходятъ за нимъ.)

Явленіе девятое.

Николай Спиридонычъ (одинъ).

Господи, за грѣхи наказуешь, или испытаніе посылаешь? ... Господи! Согрѣшилъ я, окаянный ... Одну ты мнѣ дочь даровалъ, и ту я погубилъ ... Охъ, тошно ... Родное отъ сердца оторвалось ... Матрешенька ... дитятко мое! ... Кого я проклялъ? За что? Единоутробную свою! ... За грѣхи ея, за вину ея наказалъ? ... Достойна она была за срамоту ея ... Нѣту, во гнѣвѣ покаралъ ее ... А ты, Господи, враговъ прощалъ ... (Съ воплемъ.) Дитятко, гдѣ ты? ... Господи, отмѣни ... утверди мое благословеніе ... Отдай ей разумъ ... отдай мнѣ дочку единоутробную! ... Что будетъ, батюшки? ... Всѣ мы люди, всѣ человѣки, всѣ мы

грѣшники ... Охо-хо! ... Горе мнѣ старику ... (Рыдаетъ и мечется.) Господи! Лиши и меня разума! Легче мнѣ будетъ ... Что я молвилъ, окаянный? ... Велика Твоя мудрость ... Наказуешь Ты и милуешь ... Буди Твоя святая воля! ... (Въ изнеможеніи опускается на лавку.)

(Занавѣсъ опускается.)

Конецъ второго дѣйствія.

Дѣйствіе третье.

Сцена представляетъ деревенскую улицу. Направо и налѣво рядъ избъ, большею частью въ три окна и крытыхъ соломой. Вдали, на заднемъ занавѣсѣ, виднѣется дорога, идущая сначала полями, потомъ уходящая въ лѣсъ. Среди улицы, на самой половинѣ ея, колодецъ. Время дѣйствія — поздняя осень, а потому виднѣющіяся около нѣкоторыхъ избъ березы совершенно обнажены отъ листьевъ. Налѣво отъ зрителей, крайній къ аванъ-сценѣ домъ принадлежитъ Николаю Спиридонычу. Около него собралась толпа женщинъ и нѣсколько мужиковъ, шумно о чемъ-то разговаривающихъ. Тутъ же нѣсколько деревенскихъ мальчишекъ, не принимая никакого участія въ разговорѣ старшихъ, весело шалятъ, борются, гоняются одинъ за другимъ.

Явленіе первое.

Акулина, Дарья, Агафья и проч.

Акулина.

Убѣжала! ... Убѣжала! ... Что станешь дѣлать? ...

Марья.

Да какъ же, баушка Акулина, вѣдь, ее изымали? ...

Акулина.

Экая ты безтолковая, дѣвка! Толкомъ тебѣ говорятъ! Первый разъ она бѣжала, ее изымали ... Ну, изымали ее ... Ванюха изловилъ ... Ну, изымали ее и привели въ избу къ отцу-то ...

Отецъ-отъ и говоритъ, что, говоритъ, я ночь-то съ ней стану дѣлать одинъ, безъ бабы? ... А она такъ и рвется, такъ и мечется — все бы ей, дѣвки, бѣжать ... Ну, и сталъ Спиридонычъ-отъ меня просить: переночуй, говоритъ, Ивановна, эту ночь ... сталъ просить ... Ну, я и говорю: для-че, молъ, не переночевать ... Ванюха тутъ тоже долго сидѣлъ, ревнемъ-реветъ парень ... Душа надсадилась, смотря на него ... Ну, только что до поздней ночи сидѣлъ, Ванюха-то, а Матрена-то билась-билась да и затихла; мы ее на лавку съ Ванюхой-то положили, ну ровно бы и заснула ... Я и говорю Ванюхѣ-то: поди, говорю, парень, домой, сосни, я посижу ночь-то, — больно мнѣ его жалко ... Онъ, знаешь, не пошелъ; нѣту, говоритъ, какой мнѣ сонъ, до сна-ли? ... Полно, я говорю, дурашка, измаялся, подь ... Нѣту, говоритъ, хоть бы совсѣмъ мнѣ издохнуть, такъ въ пору, таково, говоритъ, мнѣ легко ... Такъ и остался ... Ну, и сидѣли мы такъ съ нимъ чуть не до свѣта ... Она тихо лежитъ, не мечется ничего, только разъ простонетъ да задрожитъ, ну, и заснула совсѣмъ ... Мы и думали, что, ну, проспиться, сномъ все и пройдетъ ... Только къ утру-то Ванюха, какъ сидѣлъ, приткнулся, уснулъ ... Я тоже, грѣшнымъ дѣломъ, — прилегла ... Николай-то Спиридонычъ всю ночь, дѣвки, молился за перегородкой, грѣхъ-то свой замаливалъ ... да тоже, видно, соснулъ къ утру-то ... Только вотъ мы просыпаемся, глядь, а дѣвки то нашей и нѣтъ ... Туда сюда, — нѣтъ! ... Сгинула да пропала! ... Ванюха-то, какъ безпамятной какой, вопитъ, мечется. — Нѣтъ нигдѣ; вотъ ужъ онъ и побѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ ее въ-первой-то поймалъ ... побѣжалъ да и говоритъ: не найду, говоритъ, ея — не ждите и меня ... что ни на есть надъ собой сдѣлаю ... Ну, тоже сбился народъ-отъ, еще двоихъ парней послали ... Да вотъ цѣлой день нечто нѣтъ ихъ ...

Не знаю, кажись бы, куда ей дѣться — далеко не забѣжитъ ... Развѣ что сама надъ собой сдѣлала ...

Марья.

Вотъ, баушка, наша Матренка ... А?

Акулина Ивановна.

Не говори ужъ, дѣвка, я-то измаялась! ... Немало на свѣтѣ живу, экого чуда не видывала! ... Немало тоже по бѣлому свѣту мыкалась ...

Марья.

А точно она, баушка, чуяла ... Ровно знало ея сердце ... Помнишь, Аганька, у баушки-то на посѣдкахъ, ровно стѣнь какая сидѣла, и рѣчей никакихъ не было ...

Акулина Ивановна.

Да какъ не чуять, дѣвки ... Вѣдь, и я ей говорила ... Экой батюшка-то родимой ... Тоже богомольщикъ! ... Какъ это услыхалъ, что они спознались-то ... ну, съ Ванюхой-то, такъ ровно, прости Господи, бѣсъ ему въ бороду-то сѣлъ ... Какъ накинется, да и ну клясть на чемъ бѣлый свѣтъ стоитъ ... Ну, она дѣвка была робкая ... и повредилась ... Да, я говорю, я при господахъ жила, да экого страха не видала, тоже не безъ грѣха жила ... А то, ну-ка, эка напасть, а изъ-за чего? ... Велико дѣло: дѣвка погуляла ...

Агафья.

А что они, баушка, давно гуляли-то? ...

Акулина Ивановна.

Нѣтъ, какое давно, дѣвка ... Недавно! ... Мнѣ пуще парня-то больно жалко: сгинетъ ни за-что ... Смотри, коли и онъ не помутится ... али что надо собой не сдѣлаетъ ...

Агафья.

Да что ему больно ужъ такъ? ... Нечто одна она у насъ дѣвка-то? ...

Акулина Ивановна.

Ну, да ты говори ... Тоже сердце ... Онъ парень съ чувствіемъ ... Экихъ парней-то немного ...

Агафья.

Ну ... Много самъ собой занимался ...

Марья.

Какъ же, баушка, слушай-ка ... Толковали, вѣдь, что Дементьевна ее вылечила ...

Акулина Ивановна.

Отступитесь-ка вы мнѣ съ вашей Дементьевной ... Она только хуже ее испортила ... Не сунься тутъ она съ своимъ колдовствомъ, такъ скорѣе бы прошло, а она ее пуще, вѣдьма, извела ... Вотъ я при всѣхъ честныхъ людяхъ говорю: измѣшала она ей ... Пришла тогда, съ глазу, съ глазу, опрыснуть надо съ уголька, а что опрыснуть? ... Ничего и не знаетъ ... Мой-отъ тогда при всѣхъ говорилъ, что хуже будетъ ... Не послушались его, дали ей волю, проклятой! Только хуже и вышло ... А послушай тогда моего, не давай ей воли, лучше бы было ... Ужъ онъ всѣ полки происходилъ, знаетъ съ свое ... У него противъ этой немочи и лекарствіе есть свое ... А то пришла, задохнется, задохнется ... не задохнется, — раздышалась бы, — живой человѣкъ ... А она, тоже ровно знаетъ что? ... а вотъ на весь честной міръ сослаться — ничего не знаетъ ... А мой-отъ ... вотъ тогда при васъ, дѣвоньки, на посѣдкахъ-то, всю правду, какъ есть, разсказалъ Матрехѣ, всю ея судьбу горькую раскрылъ ... Помните-ли?

Агафья и Марья.

Да, да, баушенька ... это точно: все какъ есть разсказалъ ...

Акулина Ивановна.

А то Дементьевна! ... Да что она? ... Ничего не знаетъ ... только морокъ на всѣхъ напускаетъ ... что знаетъ? ... Вонъ она идетъ, вѣдьма старая: вотъ въ глаза скажу, что дѣвку испортила ... Вотъ на весь людъ честной сослаться, кому она сдѣлала какую пользу, окромя вреды? ... Примется лечить, такъ только моритъ ... Правда ли, міръ честной? ...

Нѣсколько голосовъ изъ толпы.

Правда, правда ... Ивановна ... Ужъ Дементьевна, что ... какая она колдунья? ... Одна вреда отъ нея! ...

Явленіе второе.

Тѣ же и Дементьевна.

Дементьевна (подходя).

Что вы про Дементьевну? ... Что надо? ... Али что послучалось? ... Давай ... Неужто я не знаю чего? ...

Акулина Ивановна.

Да что ты знаешь-то? ... Ничего не знаешь! ... Матреху-то испортила только вчера, измѣшала ей ... Вотъ на всѣхъ сослаться ... Правда ли добрые люди? ... Вотъ вы сами видѣли? ...

Нѣсколько голосовъ.

Правда, правда ... Точно ... измѣшала ...

Дементьевна.

Я измѣшала? ... Ахъ ты, черствой ты каравай! ... Ахъ ты ... душа твоя пропадай ... Ужъ я Матреху испортила! ... Да развѣ я не знаю! ... Ахъ ты, вѣдьма, ты, кіевская! ...

Акулина Ивановна.

Ты кіевская-то, а не я ... ты ворожишь-то да людей честныхъ морочишь ...

Дементьевна.

А твой-то что дѣлаетъ ... не морочитъ, что ли? ... Да я ...

Акулина Ивановна.

Да что ты? ... Мой-отъ на службѣ состоялъ, на войнѣ былъ ...

Дементьевна.

Да что его служба? ... Все вретъ ... Нигдѣ не бывалъ, ничего не знаетъ ...

Акулина Ивановна.

Ты что ли бывала-то? ... Ты что ли знаешь-то? ...

Дементьевна.

Знаю я все ... А онъ только что карты-то раскладывать ...

Акулина Ивановна.

Такъ онъ раскладываетъ да гадаетъ, всѣмъ отгадываетъ ... А ты только по-вѣтру пускать, да вреду всѣмъ дѣлать ...

Дементьевна.

Не пускаю я по-вѣтру, а добрымъ корнемъ лечу ... А коли и бываетъ какое лихо, такъ все отъ твоего-же ... Съ его глазу ... И съ Матрехой-то съ его глазу ...

Акулина Ивановна.

Съ его глазу ... Ахъ ты! ... Да мой-отъ ...

Дементьевна.

Да нечего, твой-отъ? ... Озёпомъ только и беретъ твой-отъ ...

Акулина Ивановна.

Да онъ тебя, вѣдьму экую, со свѣта живу сгонитъ ... Да онъ ...

Дементьевна.

Ничего онъ мнѣ не сдѣлаетъ, сама ему глаза выцарапаю ...

Молодой парень изъ толпы.

Ну, ну, старухи ... Усь ...

(Хохотъ между мужиками.)

Женскій голосъ изъ толпы.

А ты что? ... Вотъ тебя Дементьевна-то ... Экой парень ... облай собачій ... Дѣло говорятъ, а онъ ...

Дементьевна.

Твоего-то давно бы пора изъ деревни-то въ колья ...

Акулина Ивановна.

Нѣтъ тебѣ бы колъ-отъ осиновой въ спину, вѣдьмѣ ...

Дементьевна.

На добрыхъ людей сослаться, кому я какую вреду дѣлаю? ... Что полечу-то коли изъ добра сердца ... такъ имъ же въ пользу ... А твой-отъ только бы языкомъ-то помолоть, да какъ бы кого обойдти, да озёпать ... Вотъ на добрыхъ людей сослаться ...

Акулина Ивановна.

Полно-ка добрыхъ-то людей трогать, зелье ты живое! Никто про тебя хорошо не скажетъ, никому ты отродясь никакой пользы не дѣлала ...

Дементьевна.

Нѣтъ, ужъ грѣхъ добрымъ людямъ про меня худо сказать ... Коли ужъ я да не служу имъ, такъ не твой-ли пуще служитъ? ... Нѣтъ, онъ какъ бы все въ себя, а я все въ людей и живу-то ...

Женскіе голоса изъ толпы.

Точно, точно, что и Дементьевну обижать ... всякому порадѣетъ ... Ужъ больше пути-то, чѣмъ отъ Сергѣича-то ...

Акулина Ивановна.

Да что вамъ Сергѣичъ-то сдѣлалъ, какую вреду? ... Онъ, по крайности, свою науку знаетъ! Сами же къ нему за-всякъ часъ идете ... А она что знаетъ?

Дементьевна.

Не бось, знаю я съ свое ...

Акулина Ивановна

Ничего ты не знаешь ...

Молодой парень изъ толпы.

Усь, старухи ... усь ... (Хохотъ въ толпѣ.)

Дементьевна.

Перестань ты, огрызокъ ... Чего тебѣ захотѣлося?

Женскіе голоса въ толпѣ.

И впрямь огрызокъ ... Хорошенько его, баушка Дементьевна ...

Молодой парень.

Да что она мнѣ сдѣлаетъ? ... Усь ... усь ... (Скрывается въ толпѣ.)

Дементьевна.

Ахъ ты, щенокъ, ты безхвостый! ... Да я-те порохомъ изсушу ... Я-те по вѣтру пущу ...

Явленіе третье.

Тѣ же и Николай Спиридонычъ.

Николай Спиридонычъ.

Что вы, батюшки, шумите? ... Не нашлась ли моя-то? Не видѣлъ ли кто? ...

Акулина Ивановна.

Какое нашлась? Вонъ кто шумитъ, колдунья-то злая, чаромутница-то, что дочку-то твою испортила ...

Дементьевна.

Не твой ли пуще испортилъ-то ... Похвалебщикъ-отъ твой? ...

Акулина Ивановна.

Нѣтъ, еще мой-отъ никого не портитъ, а ты повѣтру-то пускаешь, да колдуешь-то ... Какъ бы не она измѣшала въ тѣ поры, Спиридонычъ, отошла бы твоя Матреха, была бы съ разумомъ. Она измѣшала, она,—вѣдьма, сгубила ее!

Дементьевна.

Нѣтъ это, Спиридонычъ, ея-то знахарь озёпалъ, съ его глазу все и попритчилось ... Ужъ мнѣ ли да не знать! ...

Николай Спиридонычъ.

Отступитесь вы отъ меня ... Не до того мнѣ ... Божья-то воля да мой грѣхъ, за него и наказанъ ... Буди Его святая воля ... Други и пріятели! Тошно мнѣ, старику ... Не судите вы меня! ... Богу

каялся и вамъ каюся ... Согрѣшилъ я, грѣшной, сгубилъ свое дѣтище милое! .. Одна была и ту безъ разума сдѣлалъ ...

Нѣсколько голосовъ изъ толпы.

Ужъ это не отъ тебя, Николай Спиридонычъ.

Николай Спиридонычъ.

Нѣтъ, отъ меня, други ... отъ меня ... Богъ злымъ грѣшникамъ прощаетъ, а я не простилъ вины дѣвичьей своей дочкѣ единоутробной ... Злобой обуялось мое сердце немощное! ... Не чаялъ я этого отъ нея, не гадалъ ... Училъ я ее не тому, а Божьей заповѣди, любилъ ее, лелѣялъ ровно несчечко ... Передъ добрыми людьми похвалялся ея кротостью, да послушливостью, да цѣломудріемъ ... Ванюха малой доброй, любилъ ее, хоть и согрѣшилъ, такъ раскаялся, хотѣлъ весь грѣхъ вѣнцомъ да Божьимъ благословленьемъ прикрыть. Не умѣлъ я и души его распознать изъ одного того: думалъ, не такого жениха стоитъ моя Матрена ... Гордость, вѣдь, это, други ... За то Богъ и наказалъ меня! ... И проклялъ я дочь свою больше во гнѣвѣ, не въ разумѣ, изъ досады, а не въ наказаніе ... Тошно мнѣ, други! ... Все сердце мое, кажись, кровью изошло, вся душа моя изныла ... Недолго мнѣ, старику, на свѣтѣ жить, недолго мнѣ маяться; да какъ мнѣ грѣхъ свой у Господа замолить? Можетъ быть, погубилъ, вѣдь, я ее совсѣмъ, можетъ, вѣдь, и нежива ужъ она ... Други мои, помолитесь вы за меня у Господа, чтобы Онъ, милосердый, простилъ меня окаяннаго грѣшника! ... (Плачетъ.)

Нѣсколько голосовъ.

Не тужи, Николай Спиридонычъ, може, и найдется, може, и въ разумъ придетъ.

Николай Спиридонычъ.

Буди Его святая воля! ...

Голоса изъ толпы.

Вона Ванюху ведутъ ... Чтой-то онъ ... Ужъ не обезумѣлъ ли? ...

(Вдали по улицѣ показывается Иванъ. Его ведутъ подъ руки Павелъ и другой крестьянинъ. Все платье Ивана мокрое, какъ будто онъ только что вытащенъ изъ воды, лицо блѣдно, волосы растрепаны, шляпы на головѣ нѣтъ; онъ едва передвигаетъ подъ собою ноги.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же, **Иванъ** и **Павелъ.**

Акулина Ивановна.

Что ты, Ванюха, дурашка, что ты? ... Да въ памяти-ли онъ? ...

Павелъ.

Да теперь-то въ памяти, а былъ совсѣмъ безъ памяти ...

Акулина Ивановна.

Да посадите вы его, посадите ...

Ивана сажаютъ на завалину у избы. Онъ опускаетъ голову и остается неподвиженъ и безмолвенъ.)

Павелъ.

Эхъ, насилу дотащили ... Всѣ плеченьки обломило ... Измокъ весь ... (Спокойно отряхивается и выжимаетъ воду изъ волосъ.)

Николай Спиридонычъ (робко).

Батюшки, голубчики, не нашли, что ли?

Павелъ.

Нѣтъ, отбилась! ... Верстъ двадцать изошли, весь лѣсъ обмахали, по деревнямъ спрашивали, вопили, вопили ее по лѣсу-то, нѣтъ, отбилась отъ рукъ ... Эка, парень, измокъ весь! ...

Николай Спиридонычъ.

(Сжимаетъ на груди руки.)

Буди Твоя святая воля, Господи! ... По грѣхамъ наказуешь! ... (Опускаетъ голову и отходитъ въ сторону.)

Голоса въ толпѣ.

Эка, парень, не нашли! ... Кажись, куды уйти? ... А вы-бы поискали ...

Павелъ.

Такъ не искали, что ли? ... Поди ищи самъ ... Ногъ отстали, искамши ... Эвона куда заходили, ноли до Богоявленскаго ...

Акулина Ивановна.

Да что Ванюха-то? ... Что онъ ровно безумный? ... Съ горя-то, что ли? ...

Павелъ.

Не знаю, съ чего. Ловилъ бы онъ щукъ въ омуту, кабы не я ... Эка, парень тяжелой, насилу вытащилъ ...

Акулина Ивановна.

Такъ топился онъ, нечто? ...

Павелъ.

А то что? Съ чего-же мы мокрые-то, ровно съ бреднемъ ходили ...

Голоса въ толпѣ.

Слышь, топился ... а? Съ горя-то ... а?

Акулина Ивановна.

Да какъ же онъ такъ?

Павелъ.

Ну, какъ? Такъ ... Обаукались мы ... сошлись ... Ну и пошли къ домамъ, никто не на-

шелъ ... Идемъ черезъ мельницу, взошли на гать ... Ванюха-то съ гати-то прямо въ омутъ ... Мы думали, что взопрѣлъ, такъ простыть, да что, молъ, въ кафтанѣ-то ... А ужъ и пузырики пошли ... Ну, я и сдогадался ... да скорѣй за нимъ ... Ну ... вытащилъ ... Хорошо, что еще въ колесо не затащило ... Насилу откачали съ Герашкой-то ... Совсѣмъ было захлебнулся ...

Голоса въ толпѣ.

Ай да Павлуха! ... Вотъ такъ Павлуха! ...

Павелъ.

Да что, Павлуха! ... Али гинуть человѣку-то? Чай живой ... Идти-было поѣсть да пообогрѣться ... (Осматриваетъ кафтанъ.) Ишь ты, какъ измокъ ... Эка, паре ... (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же безъ Павла.

Акулина (къ Ивану).

А ты что, парень, призадумался? ...

Иванъ.

Ничего ...

Акулина.

Ты бы, дурашка, хоть бы кафтанъ-то мокрой снялъ ...

Иванъ.

Нѣту ...

Акулина.

Да что нѣту-то? Тошно, что ли?

Иванъ.

(Глубоко вздыхаетъ.)

Акулина.

Нука-ка, въ умѣ ли ты парень—топиться вздумалъ ... съ чѣмъ это схоже? ... Матрехи-то что ли жалко? ...

Иванъ.

(Въ отчаяніи машетъ рукой и едва можетъ говорить отъ пересиливаемыхъ рыданій.)

Отойди, бабушка ...

Акулина.

Да полно, дурашка ... Что больно убиваешься-то? ... Возьмите-ка его, ребята, отведите въ избу ... Что мокрой-то сидитъ? Не лѣтняя пора! ...

Двое крестьянъ (подходятъ къ Ивану).

Подемъ, Ванюха. (Хотятъ его взять подъ руки.)

Иванъ.

Не трожьте вы меня, Христа ради, не трожьте ... Хоть бы издохнуть мнѣ поскорѣе! ... Пришибите меня, ребятушки ...

Акулина.

Полно-ка, дурашка, что ты молвилъ! Своимъ ли ты языкомъ говоришь? ... Ну, что дѣлать-то? ... Хоть все убивайся ... Вѣстимо, жалко ... Ну, а може статься, и найдется еще ...

Иванъ.

Нѣту, нѣту, нѣтъ моей касатушки, не видать мнѣ своей крали писаной ... О-о-охъ! ... (Рыдаетъ съ воплями.) Сгубилъ я ея красоту дѣвичью ... Черезъ меня она пропала ... Охъ! Догулялась моя головушка ...

Акулина (сквозь слезы).

Полно, Ванюха, дурашка, перестань ... Наше мѣсто свято! ... Да что, али тебѣ не будетъ дѣвки на деревнѣ-то? ... Вотъ какую невѣсту найдемъ! ...

Иванъ.

Да не надо мнѣ никого … Сиротина я круглый … Нѣтъ у меня отца-матери, была одна душа красна дѣвица, любила меня больше самое себя, да и той нѣту теперь … И ту не уберегъ, и ту у меня отняли … Охъ, пропадай же моя голова совсѣмъ! … Нѣтъ мнѣ теперя радости, одно горе тяжкое … Охъ! … На что меня вытащили! … На что мнѣ не дали утопиться! … Ворогъ мнѣ тотъ, кто не далъ мнѣ околѣть … Братцы! Убейте вы меня, пришибите на семъ мѣстѣ … спасибо скажу, Бога за васъ молить стану …

Акулина.

Ну, полно, полно, кто тебя пришибетъ? … Что не дѣло-то говоришь? …

Иванъ.

Такъ не жить-же мнѣ на бѣломъ свѣтѣ! Самъ на себя руки наложу! …

Акулина.

Полно, кто тебѣ дастъ руки на себя наложить … Съ нами крестная сила! …

Иванъ.

Не хочу я маяться на бѣломъ свѣту! Не подъ силу мнѣ. (Быстро вскакиваетъ въ изступленіи.) Ой пустите меня! … Тошно мнѣ … Не поминайте лихомъ …

Акулина (загораживаетъ ему дорогу).

Да куда ты, куда ты? …

Иванъ (отталкивая ее).

Пусти, бабушка … (Хочетъ бѣжать.)

Акулина (хватая его за кафтанъ).

Батюшки, держите его, не пускайте: изведетъ себя парень ни за что … (Нѣсколько крестьянъ схватываютъ Ивана.)

Иванъ (порываясь изъ ихъ рукъ).

Пустите меня, братцы ... Что вамъ во мнѣ? ... Не братъ я вамъ, не сродственникъ ... Чужакъ я вамъ ... Кто меня станетъ жалѣть? ... Кому я нуженъ? ...

Нѣсколько голосовъ.

Полно, полно, Ванюха ... Что ты надумалъ ... Умной ты парень, а что говоришь? ...

Иванъ.

Да что, братцы, чего вамъ ждать отъ меня? ... На горе я родился ... Одну душу сгубилъ ... Чего вамъ еще? ... Что я буду жить? ... Пустите меня ... Пропадай моя голова совсѣмъ ... (Съ бѣшенствомъ порываясь изъ рукъ крестьянъ.) Вороги! Злодѣи! Да пустите-же вы меня ... Слышите-ли вы, — тошно мнѣ ... Жизнь мнѣ немила ... Не держите меня ... И себя изведу, и вамъ не сдобровать ... Что ни на есть, да надѣлаю ...

Николай Спиридонычъ.

(Который до сихъ поръ стоялъ въ сторонѣ и какъ будто молился, вдругъ подходитъ къ Ивану.)

Ванюха, слушай ты меня ...

Иванъ.

(Вдругъ вырвавшись изъ рукъ крестьянъ, бросается въ ноги Николаю Спиридонычу.)

Батюшка, Николай Спиридонычъ! Передъ тобой я больше всѣхъ виноватъ! Твою дочку я сгубилъ, на твои сѣдые волосы посмѣялся, злодѣй я тебѣ ... Одной милости прошу, убей ты меня изъ своихъ рукъ ...

Николай Спиридонычъ.

(Строгимъ голосомъ.)

Нечестивый, Бога ты позабылъ ... Бѣсъ тебя обуялъ ... Не давай воли дьяволу ...

Иванъ.

Николай Спиридонычъ! Тошно мнѣ, тошно ... Любилъ я твою дочку, Матреху мою, больше жизни ... Господь видитъ, любилъ ли я ее, желалъ ли зла ... Но по грѣхамъ наказалъ меня Господь! ...

Николай Спиридонычъ.

Не пріемли имени Господа Бога Твоего всуе ... Не скверни Его имени святаго своими устами грѣшными ... Великой Онъ Судія, знаетъ, что дѣлаетъ ... А ты, нечестивой, на Его судъ святой посягаешь, Его волѣ противишься, самъ себя жизни хочешь лишить ... Да развѣ Господу много нужно, чтобы тебя, червяка, раздавить однимъ перстомъ своимъ? Развѣ жилъ бы ты, кабы Его святой волѣ не угодно было? ... Праху бы отъ тебя не осталось ... Ужъ видѣлъ разъ Его милосердое прощеніе, хотѣлъ душу свою погубить безъ раскаянья, самъ просился во тьму кромѣшну, а Онъ, Владыко милостивой, помиловалъ тебя, не далъ тебѣ сгинуть, самоубійцѣ проклятому ... Далъ тебѣ часъ и время покаяться, а ты опять идешь противъ Его святой воли! ...

Иванъ.

Что же мнѣ дѣлать, Николай Спиридонычъ, батюшка? ...

Николай Спиридонычъ.

Покайся, нечестивой! ... Проси у Бога милости и прощенія ...

Иванъ.

Вижу я свой грѣхъ великой, каюсь я передъ Господомъ, да тошно мнѣ, тошнехонько — на свѣтъ бы Божій не смотрѣлъ ... Вѣдь нѣтъ ея у насъ, родимой, сгибла она? ... Охъ, тошнехонько мнѣ ...

Николай Спиридонычъ.

Такъ развѣ мнѣ-то не тошно, то подумай ...

Кому она ближе-то, мнѣ али тебѣ? ... Какова ни была твоя любовь, а все грѣшная ... А я ее родительской любовью любилъ ... Давно-ли ты ее узналъ? А она у меня на глазахъ выросла ... (Прерывающимся отъ слезъ голосомъ) На рукахъ я ее няньчилъ ... Отроковицей ее уму-разуму училъ ... Каждый шагъ я ее видѣлъ ... Всю душу свою я въ нее положилъ ... Послѣ покойницы одна она у меня осталася ... Единородная вѣдь она у насъ ... (Рыдаетъ.) Въ одну ее я жилъ ... Да вотъ нѣту ея ... Тяжко, вѣдь, мнѣ, дитятко, тошно, вѣдь, мнѣ, старику! ... Вѣдь, отъ моего слова она разуму-то лишилась ... Вѣдь, и сгибла-то она можетъ, отъ меня ... Такъ мнѣ-бы, дитятко, нужно на себя руки-то наложить ... (Благоговѣйно поднимая глаза къ небу.) Да нѣтъ, Господи, Ты не попустишь! ... Твоя воля, Ты и суди ... Дитятко, отчаянье—грѣхъ тяжкой, хуже всѣхъ грѣховъ ... Убить человѣка — великъ грѣхъ, да покаяться можно — покаянье Господь принимаетъ, а въ отчаяньи нѣтъ покаянья ... Прямо человѣкъ себя въ адъ кромѣшной ведетъ, потому — Божьему гласу не внемлетъ, Его суда праведнаго не признаетъ ... Гордыней человѣкъ превозносится ... Покайся, дитятко, смирись! ... Молви: буди воля Господня ...

Иванъ.

Николай Спиридонычъ! ... Батюшка! ... Легче мнѣ на душѣ отъ твоихъ рѣчей ... Помолись ты за меня ...

Николай Спиридонычъ.

Самъ за себя молися, дитятко ... Своя молитва скорѣе Господа достигнетъ, коли отъ души, отъ чистаго сердца вознесешь ее ... А больше того — не отчаявайся! ... Почемъ ты знаешь волю Божію? Не извѣданы пути Его ... Можетъ, Господь только испытанье такое налагаетъ на насъ, за всѣ наши

грѣхи, и должны мы его переносить съ терпѣніемъ и покорностью ... Вотъ не будь этого случая, не зналъ бы я, что ты парень доброй, что любилъ ты мою Матрену отъ всего сердца ... Гнушался я тобой, за то Богъ меня и наказалъ! ... Вздумалъ я судить васъ своимъ судомъ, не положился на волю Божію, вотъ и прогнѣвался на меня Создатель ... Буди Его святая воля! ...

Иванъ.

Батюшка, Николай Спиридонычъ, прости ты меня! ... Вижу я, надо просить у Господа милости ... Мало я молился Ему, зато Онъ и тяготу такую положилъ мнѣ на душу.

Николай Спиридонычъ.

Ну, Иванушка, слава тебѣ Господи, вразумилъ тебя Творецъ милостивой! Вотъ, добрые люди, погнушался я добрымъ парнемъ, разумнымъ, теперь при всѣхъ васъ каюсь ... Прости ты меня, Иванушка! Не стало у меня доченьки, будь ты мнѣ сыномъ! ...

Иванъ.

Не стою я этого, Николай Спиридонычъ! Велики твои милости ... (Кланяется въ ноги.)

Николай Спиридонычъ.

Нѣтъ, стоишь ты, не того стоишь! Поди ко мнѣ, обними ты меня да выслушай мою заповѣдь.

Иванъ.

Батюшка, родимой, благослови ты меня! Много мнѣ легче ... (Бросается къ нему.)

Николай Спиридонычъ (обнимая Ивана).

Господь тебя благословитъ, дитятко! Вотъ не стало дочки, сына Богъ далъ ... (Улыбается сквозь слезы.)

Живи же ты здѣсь съ миромъ, молись Богу, а я пойду въ Кіевъ, ко святымъ мощамъ ... И вотъ тебѣ моя заповѣдь, при всемъ честномъ мірѣ! ... Умру я, не ворочуся — все тебѣ мое имѣніе, бери его, женися на доброй да честной дѣвкѣ, коли наша Матрена ... (Не можетъ говорить отъ слезъ.) Прощайте, люди добрые, не поминайте лихомъ ... Его безъ меня не оставьте ...

Иванъ.

Нѣту, батюшка, не останусь я безъ тебя! Возьми и меня съ собой, и на мнѣ много грѣховъ, и я пойду помолиться святымъ мощамъ!

Николай Спиридонычъ.

Ну, доброе дѣло, дитятко! Коли Господь послалъ на душу эту мысль — доброе дѣло, пойдемъ! Вмѣстѣ станемъ молиться Создателю ...

Иванъ (обращаясь къ окружающимъ).

Добрые люди! Коли найдется безъ меня Матреха, соблюдите ее!

Николай Спиридонычъ.

Не оставьте, кормильцы!

Голоса въ толпѣ.

Можно ли это? Можно ли?

Иванъ.

Безумная будетъ, все равно, не смотрѣть моимъ очамъ на нее безумную ... А въ разумъ придетъ ... Не забудетъ она меня ... Батюшка, пойдемъ скорѣе отъ сихъ мѣстъ!

Конецъ третьяго дѣйствія.

Дѣйствіе четвертое.

Сцена представляетъ избу Дарьи. Въ избѣ налѣво печь, которая топится. Дверь назади.

Явленіе первое.

Дарья и Матрена.

(Дарья хлопочетъ у печки; Матрена, повязанная бѣлымъ платкомъ и босая, сидитъ на лавкѣ, направо отъ зрителей).

Матрена (глубоко вздыхая).

Охъ!

Дарья.

Что, матушка, охаешь?

Матрена.

Тошно ...

Дарья.

Да что тебѣ все тошно-то? О чемъ тебѣ тосковать? Не дождешься отъ тебя веселаго словечка ... Кажись, еще ли ты не замолила у Господа, богомольщица наша ... И мы-то тобой только живы, грѣшники.

Матрена.

Недостойна я ... Проклятая ... (Вздрагиваетъ.)

Дарья.

Полно, матушка, какая ты проклятая? Мы вотъ проклятые-то, — Господа позабыли, а ты каждый

часъ передъ Нимъ, Создателемъ ... Господи помилуй! ...

(Вздыхаетъ. Матрена тихо плачетъ. Непродолжительное молчаніе.)

Дарья.

(Взглянувши на Матрену, про себя.)

Опять плачетъ! Что она сегодня, ровно хуже! (Качаетъ головой.) Не къ добру! (Къ Матренѣ.) Матушка моя, не хошь-ли поѣсть чего?

Матрена.

Нѣту ...

Дарья.

Ахъ, согрѣшила грѣшница, еще и къ обѣднѣ-то не благовѣстили. Станешь ли ты ѣсть? ... Не мы, грѣшныя! ... Да что, матушка, ты сегодня больно нечто не хороша? ...

Матрена.

Тошно! ...

Дарья.

Не къ нашей-ли бѣдѣ какой? Молви-ка, матушка ...

Матрена.

Не знаю я ...

Дарья.

Какъ тебѣ не знать? Божій ты человѣкъ! молви-ка ...

Матрена.

Проклятая я! ... (Громко рыдаетъ.)

Дарья (качая головой).

Знать не къ добру! (Вздыхаетъ.) Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! ... (Непродолжительное молчаніе, которое вдругъ прерывается стукомъ въ окно снаружи.)

Дарья.

Ровно никто стучится? (Подходитъ къ окну и открываетъ его.) Кто тута?

Голосъ за сценой.

Пусти, тетка, остановиться! Баринъ проѣзжаетъ.

Дарья.

Добро пожаловать! Въѣзжайте! (Затворяетъ окно.) Баринъ-чу, никакой! (Начинаетъ приводить въ порядокъ въ избѣ.) Мужиковъ-то никого нѣтъ ... (Идетъ къ дверямъ и отворяетъ ихъ.) Сюда, сюда, господинъ честной! ...

Явленіе второе.

Тѣ же, **Скрипуновъ** и **Данило.**

Скрипуновъ (входя).

Здорово, тетка!

Дарья.

Добро пожаловать, кормилецъ! Ужъ не обезсудь! Въ избѣ-то у насъ не больно обрядно, а свѣтелки-то нѣтъ особливой ...

Скрипуновъ.

Ничего, ничего! Тепла-ли изба-то? ... (Снимаетъ шубу съ помощью Данила.)

Дарья.

Кажись, тепла ... Не вѣду, какъ твоей милости въ угоду ли будетъ ...

Скрипуновъ.

А, да у тебя печка топится ... (Подходитъ къ печкѣ.) А, славно послѣ дорожки-то ... (Грѣется.) Холодно, старуха, иззябъ, даромъ что въ шубѣ! Что, Данило, озябъ?

Данило.

Да-съ, прохватило порядкомъ.

Дарья.

Холодна нонѣ зимушка стоитъ, кормилецъ, рече сказать, — студена! Куда путь-дорожку держать изволишь?

Скрипуновъ.

Въ Москву, тетка, въ Москву.

Дарья.

Такъ!

Скрипуновъ.

Бывала-ли въ Москвѣ-то?

Дарья.

Нѣтъ, кормилецъ, не бывала. Гдѣ мнѣ бабьимъ дѣломъ! Не бывала, родной! Не знаю, что такая и за Москва.

Скрипуновъ.

А что, какъ ты полагаешь? Больше она вашего села?

Дарья.

Какъ, чай, не больше, кормилецъ ... Что ужъ наше село? — Велико ли?..

Скрипуновъ.

Полно, старуха, меньше! Гдѣ быть противъ вашего села?..

Дарья (улыбаясь).

Шутить изволишь. Гдѣ меньше быть? Тоже хошь видомъ не видали, а слухомъ слыхали. Москва-матушка ужъ такъ и слыветъ, что самой первѣющій городъ. Тоже и до насъ доходили люди, что видали ее, матушку, — однихъ церквей-чу, сорокъ сороковъ ...

Скрипуновъ.

Полно, не вѣрь, старуха, всего одна церковь, и та деревянная ... Право! Не вѣришь? Вотъ Данила спроси. Данило, правда ли?..

Данило (ухмыляясь).

Правда-съ, точно ...

Дарья.

Полно, ваша честь! Хошь бабье дѣло глупое, а тоже не безъ разума на бѣлой свѣтъ родилась!

Данило.

Да право, старуха, точно. Совсѣмъ городъ ничего не значитъ, и виду нѣтъ никакого, и дома-то всѣ соломой крыты ...

(Скрипуновъ смѣется.)

Дарья.

Ну! Мнѣ, что хошь, скажи,—ничего я не знаю...

Скрипуновъ.

А вотъ что, старуха! Будетъ ли что поѣсть-то у тебя?..

Дарья.

Да чѣмъ твою милость подчевать? — Щи есть съ говядиной ... А то инъ яишенку можно ...

Скрипуновъ.

Ну, ладно! Хоть не больно пировато, а все съ голоду не умремъ.

Дарья.

Ужъ и съ голоду умрешь? Что ты, господинъ честной? Чѣмъ такъ Господа прогнѣвали? У насъ, кажись, и нищенькіе съ голода не умираютъ ...

Скрипуновъ.

А, чай, дорого, тетка, дерешь за постой-то?

Дарья.

Ужъ и драть! Что ты, кормилецъ, тоже христіяне на свѣтѣ живемъ ... Не безъ Бога!

Скрипуновъ.

Толкуй! Знаю я васъ, какъ вы дерете съ проѣзжающихъ-то! Тоже бывалый человѣкъ. Охъ ужъ эти мнѣ дороги да постоялые дворы! Какъ липочку обдерутъ!

Дарья.

У насъ, господинъ честной, не постоялой дворъ... А вотъ въ угоду тебѣ было къ намъ пристать, — милости просимъ, рады добрымъ людямъ. Въ угоду тебѣ дать что за наши труды да хлопоты, — благодаримъ покорно ... А то инъ хоть ничего не давай! .. Мы, кормилецъ, не на бойкомъ мѣстѣ живемъ, намъ людей честныхъ обижать не почто, — Богъ не велѣлъ ...

Скрипуновъ.

Ну, ну, то-то, старуха! Это хорошо, коли вы Бога-то помните ...

Данило (къ Скрипунову).

Экіе-то, сударь, хуже! — Теперь то она, ишь ты, какъ ублажаетъ, а придетъ къ разсчету — подавай за все втрое.

Дарья.

Полно, доброй человѣкъ, не дѣло-то говорить— грѣшно! Обиды еще тебѣ никакой не сдѣлали!

Данило.

Ладно! Знаемъ мы васъ, проходимцовъ!

Скрипуновъ.

Да что ты, старуха, одна что ли живешь, безъ мужиковъ?

Дарья.

Нѣтъ, кормилецъ, какъ можно безъ мужиковъ? Еще и старикъ-отъ живъ да тоже сынъ, парнюга молодой ...

Скрипуновъ.

Гдѣ же они у тебя?

Дарья.

А старикъ-отъ по дрова въ лѣсъ поѣхалъ, а парнюга-то—вотъ тоже, какъ и твоя милость—проѣзжій былъ человѣкъ, на смѣну ѣхалъ, такъ его повезъ ...

Скрипуновъ.

Такъ вы ямщики что-ли?

Дарья.

Нѣтъ, не ямщики, а вотъ зимнимъ-то дѣломъ, на слободѣ, такъ вотъ поваживаетъ паренекъ-отъ! Тоже двѣ лошадки держимъ ...

Скрипуновъ (указывая на Матрену).

Ну, а это невѣстка что ли твоя?

Дарья.

Нѣту, кормилецъ,—это странная! Пристала вотъ къ намъ и живетъ ...

Скрипуновъ (смотря на Матрену).

Странная?.. А откуда она?

Дарья.

Не вѣду, кормилецъ, откуда. Такъ—пристала ... Странной человѣкъ.

Скрипуновъ.

Побродяга какая-нибудь!.. Есть ли у нея пачпортъ-то?

Дарья.

Не вѣду, кормилецъ, не спрашивали. Какой, чай, пачпортъ — Божій человѣкъ ...

Скрипуновъ.

А ты бы этого Божьяго человѣка-то къ становому!

Дарья.

Да на что ее, батюшка, къ становому? Она худа никакого не дѣлаетъ.

Скрипуновъ.

Зачѣмъ же она шатается? Эй, ты, странная? Откуда ты?..

(Матрена, ни слова не говоря, отворачивается.)

Скрипуновъ.

Вишь ты, и отвѣчать не хочетъ! Слышишь ли ты, Божій человѣкъ, откуда ты?..

Данило.

(Подходитъ къ Матренѣ и теребитъ ее за рукавъ.)

Слышь, баринъ спрашиваетъ, откуда ты?

Матрена.

Не знаю!

Данило.

Чу, не знаетъ-съ!

Скрипуновъ.

Да есть-ли у тебя отецъ-отъ съ матерью?..

Матрена.

(Вздрагиваетъ и хватается за бокъ.)

Охъ! тошно!..

Данило.

Ишь, прикидывается!.. Тошно, чу ... Баринъ спрашиваетъ, есть-ли у тебя отецъ-отъ съ матерью?..

Матрена.

Отступись! Не знаю! .. Тошно! ..

Скрипуновъ.

А, непомнящая родства!

Дарья.

Не троньте ея — ничего не скажетъ; ужъ и мы пытались спрашивать да ничего не сказала ...

Скрипуновъ.

Ага, не сказываетъ! .. Становому бы сказала ... А, славная дѣвка! .. Данило, славная дѣвка? ..

Данило (осклабляясь).

Славная-съ! ..

Скрипуновъ.

Хочешь ли вотъ замужъ?

Данило (смѣется).

Хочешь ли за меня замужъ? .. (Матрена плачетъ.)

Скрипуновъ.

Спроси ее, спроси! (Подмигивая Данилѣ на Матрену.)

Данило.

(Теребя Матрену за рукавъ.)

Слышь! Хочешь ли за меня замужъ? .. Поди ...

Матрена.

Ой, ой ... тошно! тошно! .. Пустите! ..

Дарья.

Полно, господинъ честной, не трогай ее ... Что Божьяго человѣка обижать! .. (Подходитъ къ Матренѣ и обнимаетъ ее.) Что тебѣ, матушка, тошно-то? .. Полно! .. Шутить изволитъ его милость ...

Матрена.

Охъ, охъ ... Пусти ... Тошно!..

Данило.

Выйдешь за меня, такъ не тошно будетъ, — весело заживемъ.

Дарья (Данилѣ сердито).

Ну, полно ты, что тебѣ надо, что ты надругаешься надъ ней?—Грѣхъ, вѣдь, чай ...

Скрипуновъ.

Ну, полно, старуха! Бабье дѣло — всему вѣрить. Видишь, какъ прикидывается!.. Ловкая дѣвка! Славно! Со словъ ей тошно сдѣлалось ... Охъ вы, странницы!.. А у самой, я думаю, любовникамъ-то счета нѣтъ!..

Матрена.

(Въ истерич.скихъ конвульсіяхъ.)

Ой, ой ... Былъ... Нѣтъ!.. Ой! Страшно ... проклятая!.. Пусти... пусти...

Скрипуновъ.

Ишь ты, еще и выкликать умѣетъ! (Хохочетъ.)

Дарья (Матренѣ).

Что, что, матушка, что?.. Полно! Господь съ тобой! (Къ Скрипунову.) Эхъ, господинъ честной, что тебѣ потѣха, что ли!

Матрена.

Пусти, пусти!.. (Дико вскрикиваетъ.) Ай ... проклятая!.. Пусти!..

Дарья.

Да куда ты, матушка, куда?.. Полно!.. Господь съ тобой!.. Испей вотъ водицы! Ну-ка, баринъ, что надѣлали ...

Матрена.

Пусти! Ой, тошно!.. тошно!.. (Дрожитъ и рыдаетъ.)

Скрипуновъ.

Какова! Лучше барыни иной истерику-то представляетъ; подумаешь, что и въ самъ-дѣлѣ ... Хорошо! натурально!..

Данило.

Вотъ бы, сударь, сѣчь-то!

Дарья (подавая воду Матренѣ).

Полноте, грѣховодники! Какъ вы Бога-то не боитесь?.. На-ка, матушка, родимая, испей ... (Скрипуновъ смѣется.)

Матрена.

Охъ, охъ! (Пьетъ воду, дрожа всѣмъ тѣломъ.)

Дарья.

Что, матушка, полегче-ли?

Скрипуновъ.

Ну, какъ теперь не легче? Воды выпила — теперь легче будетъ! Вотъ я думалъ, что одна моя жена проказитъ ... Ахъ, ты деревенщина этакая!..

Матрена.

Ой ... ой ... ой ... тошно! ... Проклятая ... (Тихо рыдаетъ.)

Скрипуновъ.

Да кого она проклятую-то вызываетъ?.. (Смѣется.)

Дарья.

Полно, баринъ, что ты, въ чужой домъ ты пріѣхалъ надругаться ...

Скрипуновъ.

Данило, спроси ее, кто у нея проклятая-то?

Данило (улыбаясь).

Это, сударь, смотри, что прикидывается, что кто-нибудь извелъ ее ... (Къ Матренѣ.) Эй ты, проклятая? Кто у тебя проклятая-то?..

Матрена.

Ай, ай ... Проклятая ... я ... я ... Пусти, пусти ... страшно ... пойду!..

Дарья.

Перестань, матушка, перестань ... Господь надъ тобой ... (Вполголоса.) Экой народецъ накачался!..

Данило.

Да она и то, сударь, видно, безъ разума. Посмотрите-съ, какъ бѣльма-то выпучила.

Матрена.

(Порываясь изъ рукъ Дарьи со стономъ.)

Пусти меня, пусти ... ой! Тошно мнѣ ...

Скрипуновъ.

Пусти ее, старуха, и въ самъ-дѣлѣ, а то еще драться станетъ, пожалуй ...

Дарья (вполголоса.)

Провались ты совсѣмъ!.. (Матренѣ.) Да куда ты пойдешь-то?..

Матрена.

Пусти ... Тошно!..

Дарья.

Вонъ къ обѣднѣ благовѣстятъ. Въ церковь что ли пойдешь?..

Матрена.

Пусти ... Пойду ... ой!..

Дарья.

Ну, поди, матушка, въ церковь ... Помолись за насъ грѣшныхъ ... Да полегче ли тебѣ?..

Матрена.

Пусти ... Въ церковь я ... (Идетъ къ дверямъ.)

Дарья (провожая ее).

Ну, подь, подь, помолись. Господь тебѣ спокою пошлетъ, Творецъ небесный.

(Матрена уходитъ.)

Явленіе третье.

Тѣ же безъ **Матрены.**

Дарья.

(Возвращаясь отъ дверей къ Скрипунову.)

Эхъ, господинъ честной, жалости-то въ тебѣ нѣтъ. На что ты это надругался надъ Божьимъ человѣкомъ да и слугу-то своего учишь, — вѣдь, чай, грѣшно ...

Скрипуновъ.

Да вѣдь я не зналъ, старуха, что она безумная-то. Зачѣмъ это ты сумасшедшую у себя въ домѣ держишь? Тоже проѣзжающихъ пускаешь. Этакъ она сбѣсится когда, да смертоубійство еще сдѣлаетъ ...

Дарья.

Никому она ничего не сдѣлаетъ. Тише ея нѣтъ! И не безумная она, а это на нее часомъ только находитъ, да и пройдетъ ...

Скрипуновъ.

Да отъ чего же это на нее находитъ!

Дарья.

А кто ее знаетъ,—не наше дѣло! Значитъ, тоска такая ляжетъ ей на душеньку ... Да вотъ ужъ давно съ ней этого не бывало ... Вотъ твоя-то милость только ее ... А чтобы тебѣ надъ ней надругаться, какая корысть?

Скрипуновъ.

Слышишь ты, глупая, тебѣ говорятъ, я не зналъ, что она полоумная-то, а думалъ притворяется такъ... Ужъ я насмотрѣлся — у меня жена въ этихъ истерикахъ-то часто бываетъ. Ну, такъ ужъ я такую манеру и взялъ: ее заломаетъ, а я смѣяться, ну, и перестанетъ ...

Дарья.

Нѣтъ, господинъ честной, она не такая; она, почитай, изъ церкви Божьей не выходитъ, за кажное время въ ней, а молится-то, такъ мы-то всѣ, кажись, по ней только и живы; передъ Богомъ-то стоитъ, глазъ не осушитъ. Со стороны-то смотришь, такъ навоешься, на нее глядя ... Вонъ какіе морозы-то стоятъ, а она ни шубы, ни обувки, каковы лаптишки не знаетъ — все босая ходитъ ... Нечего сказать, Божій человѣкъ ...

Скрипуновъ.

Какъ, неужели босая ходитъ всегда?..

Дарья.

Да вотъ при тебѣ пошла — много ли на ноги-то надѣла ...

Скрипуновъ.

А я и не посмотрѣлъ ей на ноги-то, въ чемъ онѣ. Данило! Что она, босая пошла?

Данило.

Точно, босая-съ ...

Скрипуновъ.

Такъ какъ же она не отморозитъ ноги?.. Мажетъ что ли чѣмъ? Есть такіе фокусники—точно...

Дарья.

Ну, вотъ толкуй съ тобой, баринъ! Мажетъ! Чѣмъ ей мазать?

Скрипуновъ.

Такъ какъ же, глупая! Вѣдь, она отморозила бы ноги-то!

Дарья.

Ну, такъ про то тебѣ и говорятъ. Вотъ не отморозила!

Скрипуновъ.

Странно это, ненатурально ... (Пожимаетъ плечами.)

Данило.

Значитъ, сударь, надо быть, не зябки—съ малолѣтства, надо быть, ноги-то!..

Скрипуновъ.

Какъ же, она босая такъ и пришла къ вамъ?

Дарья.

Босая да вотъ какъ и теперь же, въ одномъ сарафанчишкѣ ... Ну, да тогда, правда, хошь холодно же было, дѣло къ зимѣ шло, а все не теперешняя пора ...

Скрипуновъ.

Ну, куда же она пришла?

Дарья.

А куда? Пришла въ церковь ... Дни два на паперти и жила. Отопрутъ церковь, ну, она войдетъ, молится, а тутъ опять на паперть. И въ сторожку-то нейдетъ — сидитъ да дрожитъ!

Скрипуновъ.

Странно!.. Какъ же ужъ она къ тебѣ-то пошла?

Дарья.

А такъ, стали звать да просить—тоже не я одна звала. Да вотъ, видно, я по сердцу пришлась — ко мнѣ и пошла жить ... Сначала-то часто къ ней это-то приступало. Начнетъ метаться да ревѣть да дрожитъ, ну, сведешь тотчасъ въ церковь — и затихнетъ ...

Скрипуновъ.

Что же вы ее не допроситесь? Кто она такая? Откуда?..

Дарья.

Да, вѣдь, пытали тоже, кормилецъ, спрашивали, да не сказываетъ. Ну, стало быть, ей такъ ужъ не надо сказывать-ту ...

Скрипуновъ.

Странно, право странно! Удивительные въ нашей Россіи бываютъ люди!.. Кто ее разберетъ ...

Дарья.

А на что намъ, кормилецъ, ее разбирать? Видимъ, что Богу молится, вреды никакой никому не дѣлаетъ. Божій, молъ, человѣкъ, за наши же грѣхи Бога молитъ.

Скрипуновъ.

Нѣтъ, однако это любопытно бы узнать ... Либо она ... Очень любопытно, признаюсь ...

(Слышится стукъ въ окно снаружи.)

Дарья (открывая окно).

Кто тута?

Голосъ за сценой.

Пусти, баушка, странниковъ обогрѣться да отдохнуть.

Дарья.

Подите съ Богомъ! Изба теплая, мѣста будетъ...

Скрипуновъ.

Еще странники! Куда же ты ихъ, баба, пускаешь, и то тѣсно ...

Дарья.

Что за тѣсно, господинъ честной? Они твоей милости не помѣшаютъ. Вотъ здѣсь на лавочкѣ сядутъ.

Скрипуновъ.

Да, можетъ быть, мнѣ непріятно, чтобы здѣсь лишніе люди были ... Ты бы должна была меня спросить ...

Дарья.

Ну, какъ твоей чести угодно, а у насъ чужестранному человѣку нѣтъ отказа ни въ теплѣ, ни въ добромъ словѣ ... Вотъ и ты, проѣзжій человѣкъ, кабы тебя не пустили нигдѣ, такъ на стужѣ что ли тебѣ оставаться?..

Скрипуновъ.

Дура, да вѣдь проѣзжій проѣзжему розница.

Дарья.

Намъ, господинъ честной, все едино. Всякій человѣкъ теплецу-то радъ въ экую стужу ...

Скрипуновъ.

Такъ, вѣдь, избъ-то много, — не одна твоя ...

Дарья.

Ну, а ко мнѣ постучались, такъ и славу Богу, и рады дорогимъ гостямъ ...

Скрипуновъ (съ неудовольствіемъ).

Дура упрямая!.. Вотъ извольте толковать съ этимъ народомъ!..

Явленіе четвертое.

Тѣ же, Николай Спиридонычъ и Иванъ (входятъ съ котомками за плечами).

Николай Спиридонычъ и Иванъ.

(Кланяются Дарьѣ и Скрипунову.)

Здорово живешь, хозяюшка!.. Здравія желаемъ, господинъ честной!..

Дарья.

Добро пожаловать, добрый человѣкъ!.. Садитеся вотъ сюда! (Указываетъ на лавку направо отъ зрителей.)

Николай Спиридонычъ.

Ладно, родная, ладно ... Мы вотъ тутъ ...

(Снимаетъ съ плечъ котомку и хочетъ положить на лавку.)

Данило.

Куда лѣзешь? Али не видишь—господская шуба лежитъ?..

Николай Спиридонычъ.

Небось, не трону, родной ... Мнѣ немного мѣста нужно ... Охъ, присталъ старымъ дѣломъ!.. Господи благослови! (Садится.)

(Иванъ также садится.)

Скрипуновъ.

Вы что за народъ, старикъ?

Николай Спиридонычъ.

Мы-то?

Скрипуновъ.

Да, да, вы-то?

Николай Спиридонычъ.

А мы, ваше благородіе, простые люди, крестьяне православные.

Скрипуновъ.

Откуда же вы идете?

Николай Спиридонычъ.

Изъ Кіева, родимой!

Скрипуновъ.

Ого, издалека! Зачѣмъ же вы въ Кіевъ ходили?

Николай Спиридонычъ.

Зачѣмъ?.. Богу молиться, св. угодникамъ.

Скрипуновъ.

А теперь что же, куда идете?

Николай Спиридонычъ.

А теперь къ дому ...

Скрипуновъ.

Мм-мъ. А далеко-ли вашъ домъ-то?

Николай Спиридонычъ.

Да ужъ теперь, слава-те Господи, недалече. Всего верстъ пятьдесятъ осталось до деревни-то нашей, коли Господь приведетъ, доплестись ...

Скрипуновъ (многозначительно).

А есть ли съ вами паспорты, видъ-то какой-нибудь?.. (Въ сторону.) Преподозрительная рожа!

Николай Спиридонычъ.

Какъ не быть. На что намъ безъ виду идти? Не бѣглые какіе ...

Иванъ.

А ваша милость, знать, земской?..

Скрипуновъ.

Нѣтъ, любезный, не земской ...

Иванъ.

Что же вашей чести про виды-то наши?..

Скрипуновъ.

А то, что много вашей братьи, безпаспортныхъ, бродягъ ...

Николай Спиридонычъ.

Мало-ли, господинъ честной,—много всякаго есть народу, и худого, и хорошаго ...

Скрипуновъ.

То-то, то-то! И я про то же говорю!.. А этотъ парень-то, сынъ твой, что ли?

Николай Спиридонычъ.

Сынъ не сынъ, а сыномъ называю ...

Скрипуновъ.

Мм ... Складно сказано!.. (Къ Ивану.) И ты тоже ходилъ съ нимъ въ Кіевъ-то?

Иванъ.

Ходилъ!

Скрипуновъ.

Тоже Богу молиться?

Иванъ.

А то зачѣмъ же? Извѣстно, Богу молиться ...

Скрипуновъ.

Да что же это такъ въ Кіевъ? Молиться-то и дома можно ...

Иванъ.

Ну, значитъ, такъ нужно было ...

Скрипуновъ.

Гм!.. Нужно было!.. Вижу, что нужно!..

Дарья.

Чай, по обѣщанью, дѣдушка?..

Николай Спиридонычъ.

По обѣщанію, родная ... (Вздыхаетъ.) По обѣщанію ...

Скрипуновъ (къ Ивану).

И ты тоже по обѣщанію?

Иванъ.

То по обѣщанію, баринъ, а то и съ тоски ...

Скрипуновъ (съ усмѣшкой).

Съ тоски? О чемъ это тебѣ такъ стосковаться!.. (Про себя.) Мошенники!.. (Вслухъ.) Этакіе молодцы, какъ ты, не тоскуютъ, а гулять любятъ, и ты, полно, не для гулянья-ли больше по большимъ-то дорогамъ шляешься?..

Иванъ.

Гулялъ и я, ваша честь, какъ гулялось да на сердцѣ было весело да радостно, да на умѣ не было ни думушки, ни заботушки ... Да, видно, отошла моя гулянка-то, видно, пришла пора и горе горевать ...

Скрипуновъ.

Какое же то это горе у тебя? Разскажи-ка мнѣ!.. (Съ полускрытой насмѣшкой.) Право, несчастной какой! (Вполголоса.) И по рожѣ видно, что несчастной!.. (Вслухъ.) Разскажи, разскажи, пожалуйста, что такое за горе у тебя?..

Иванъ.

Что мнѣ разсказывать тебѣ, ваше благородіе. Ты моему горю не помощникъ! Поможетъ ли, нѣтъ ли—Творецъ небесный! Его милости велики, на него и надѣемся ... А ты, баринъ, моему горю и не повѣришь ... Мое горе отъ души, да отъ сердца ...

А по тебѣ — какое-де у мужика сердце, какое-де у него чувствіе ... (Глубоко вздыхаетъ.)

Скрипуновъ.

Нѣтъ, братецъ, нѣтъ, какъ не повѣрить! Ты розсказни-то хорошо разсказываешь, только молодъ ты очень горе-то большое узнать ... Не клеплешь ли ты на себя? вотъ что!

Иванъ.

Ну, баринъ, оставайся при томъ! .. Самъ для себя горе горюю, самъ за себя и радоваться стану, коли Господь радости пошлетъ ... Невелика мнѣ корысть-то, вѣришь-то ты мнѣ, али нѣтъ, — все едино! ..

Скрипуновъ (про себя).

Смѣлой какой, мошенникъ! .. (Вслухъ.) Женатъ ты?

Иванъ (со вздохомъ).

Нѣтъ!

Скрипуновъ.

Что же такъ, отчего?

Иванъ.

Такъ, Богъ не привелъ! ..

Скрипуновъ.

Или некогда? Все въ походахъ, гулять любишь!

Иванъ.

(Вздыхаетъ и молчитъ.)

Скрипуновъ.

Что молчишь?

Иванъ.

Что мнѣ, баринъ, говорить-то съ тобой? Не изъ чего! ..

Скрипуновъ (съ улыбкою).

Нѣтъ, поговори, ничего! Можетъ быть, я тебѣ что и посовѣтую въ твоемъ горѣ ...

Иванъ.

На Бога надежда-то, не на тебя!..

Скрипуновъ (вполголоса).

Плутъ!.. (Вслухъ.) Да это хорошо, что на Бога-то надѣешься, да все и посовѣтоваться не мѣшаетъ. Умъ хорошо, а два лучше ... Что тебѣ, невѣсты, что ли, хочется, да нѣтъ ея?..

(Иванъ молчитъ, мрачно насупясь.)

Скрипуновъ.

Или есть, да не любитъ тебя?

Иванъ.

Отстань ты отъ меня, баринъ, прошу я тебя ...

Николай Спиридонычъ.

Что ты, господинъ честной, къ парню присталъ... Э-эхъ! (Качаетъ головой.)

Скрипуновъ.

Ничего, я ему добро хочу сдѣлать ... (Къ Ивану.) Хочешь я тебѣ невѣсту посватаю?..

Данило (съ усмѣшкой).

Вотъ бы, сударь, ему невѣсту-то-съ—давишнюю-то безумную ... Пара бы ...

Николай Спиридонычъ и Иванъ.

(Съ необыкновеннымъ движеніемъ и въ одинъ голосъ.)

Какую безумную?

Скрипуновъ.

И я, вѣдь, ее же!.. Право, славная бы тебѣ невѣста!.. Ха, ха, ха!..

Дарья.

Полно-ка, господинъ честной, что тебѣ за охота надъ Божьимъ человѣкомъ смѣяться ... Эхъ, баринъ, баринъ!

Николай Спиридонычъ.

Да какая безумная, батюшки?

Дарья.

Ну, какая она безумная?.. Божій человѣкъ, богомолка, что изъ церкви Божіей не выходитъ ... (Входитъ Матрена.) Ну, вотъ она, какая она безумная... Подь, матушка, на печь. Никто тебя не тронетъ...

Явленіе пятое.

Тѣ же и Матрена.

Матрена.

(Входитъ робко и потупя голову, потомъ, на голосъ Дарьи, поднимаетъ глаза и, взглянувши на Николая Спиридоныча и Ивана, вздрагиваетъ, дико вскрикиваетъ и, дрожа всемъ тѣломъ, прижимается къ стѣнѣ.)

Николай Спиридонычъ и Иванъ.

(Въ то же время быстро поднимаются съ своихъ мѣстъ и нѣсколько секундъ остаются неподвижными и безмолвными.)

Иванъ.

Батюшка ... Матрена наша! .. (Бросается къ ней.) Матрешенька, сердце мое!..

Николай Спиридонычъ.

(Отъ волненія не можетъ промолвить ни слова и опускается опять на лавку.)

Матрена (быстро къ Ивану).

Не подходи ... Нѣтъ! .. Не твоя! .. Проклятая!..

(Иванъ останавливается въ ужасѣ и нерѣшимости.)

Николай Спиридонычъ.

Нѣтъ, прощена ты и мной, и Господомъ, сердце мое! Дочь моя! Поди ко мнѣ, поди! .. (Поднимается съ

лавки и идетъ къ Матренѣ.) Слышишь ли, Господь тебя простилъ!.. Поди ко мнѣ!.. Сердечная дочь моя, благословенное дитятко!..

Матрена (кидается въ ноги отцу).

Родимой, кормилецъ ... благослови...

Николай Спиридонычъ.

Господи ... благослови ... Охъ!.. Великой Господи!.. Батюшки, доченька ... Ноженьки подгибаются ... Иванушко, помоги ... (Шатаясь, съ трудомъ доходитъ до лавки и опускается на нее.) Господи!.. Велики Твои милости!.. Поди же ко мнѣ ... Встань, да поди ко мнѣ ... Матрешенька ...

Матрена.

(Поднимается на ноги, съ улыбкою на губахъ и съ лицомъ, орошеннымъ слезами.)

Родитель ... Батюшка!.. (Громко рыдаетъ, бросается къ Николаю Спиридонычу и обнимаетъ его колѣни.)

Николай Спиридонычъ.

(Плачетъ надъ головой дочери, потомъ поднимаетъ голову.)

Господи!.. Вѣруяй въ Тя, спасенъ будетъ!..

Дарья.

(Подходя къ Николаю Спиридонычу и Матренѣ.)

Ну, вотъ, матушка ты моя, вотъ!.. Ну!.. Не знаю ужъ что!.. (Плачетъ.)

Скрипуновъ (въ изумленіи).

Такъ она дочь, что ли, тебѣ, старикъ? (Николай Спиридонычъ плачетъ, не обращая вниманія на слова его.) Старуха, дочь, что ли, она его?.. Скажите же мнѣ скорѣе... Я ничего не понимаю!..

Дарья.

Не вѣду, кормилецъ, ничего не вѣду... Больно-то я рада ...

Скрипуновъ.

Не могу понять ... Какъ?.. Что?.. Богъ знаетъ что такое? (Къ Ивану, который стоялъ до сихъ поръ въ глубинѣ сцены неподвижно и съ полумрачнымъ выраженіемъ лица). Молодецъ, послушай, сестра, что ли, она тебѣ?.. Или невѣста?.. Слышишь, невѣста, что ли?..

Иванъ (какъ бы пробужденный).

Небѣста!.. Была невѣста ... (Бросается къ Матренѣ.) Матренушка, сердце мое, радость моя!.. Неужто ты не признаешь меня?.. Твоего Ванюху?

Матрена.

(Быстро поднявши голову, но оставаясь на колѣняхъ.)

Нѣтъ, нѣтъ!.. Не мой!.. Не подходи ... Поди ... Не твоя!.. Я батюшки родимаго ...

Скрипуновъ.

Ничего не понимаю!..

Николай Спиридонычъ.

Что ты, Матрешенька, что ты?.. Это твой Ванюха ... Парень добрый, умный ... Онъ твой женихъ ...

Матрена.

Нѣтъ, нѣтъ у меня жениха ... Мы любилися съ нимъ ... Богъ наказалъ ... Я не хочу ... Ни за кого не пойду!.. Богъ помиловалъ меня ... Ты простилъ ... Господу да тебѣ хочу быть слугой,— никому больше!

Николай Спиридонычъ.

Полно, доченька.

Иванъ.

Господи! Ты сдѣлалъ ее съ разумомъ! Сдѣлай теперь меня безъ ума ...

Николай Спиридонычъ.

Полно, Иванушко, не ропщи ...

Иванъ.

Не ропщу я ... (Съ отчаяніемъ.) Матрешенька, сердечной другъ! Вспомни прежнюю любовь, вспомни своего Ванюху! Неужто сердце твое не скажется, неужто душа твоя не рванется ко мнѣ?.. Изстрадался я, измаялся ... Господа молилъ ... Онъ помиловалъ, такъ неужто ты меня казнить будешь ... Поди за меня, будь моей ...

Николай Спиридонычъ (дочери).

Дитятко, подумай, поговори со своей душой! Что она тебѣ скажетъ ...

Матрена.

(Поднимается на ноги, блѣдная и въ сильномъ волненіи.)

Батюшка ... Иванушка ... любила я тебя ... (Иванъ хочетъ броситься къ ней.) Не подходи ... Не трогай ... Не твоя я ... Всѣ адскія страшныя муки за мои грѣхи мнѣ во снѣ видѣлись, на яву черные, нечистые за мной гонялися, раскаленными клещами хотѣли рвать меня, окаянную грѣшницу, отцомъ проклятую ... Стонъ, ревъ, скрежетъ зубовный мнѣ каждую минуту слышался ... И ты, Иванушко, тамъ въ смолѣ кипѣлъ, за ребро повѣшенный ... Языки огненные лизали тебя ... Страхъ и ужасъ смертный мое сердце высушилъ ... Куда ни пойду, гдѣ ни скроюся — вездѣ голоса неистовы кричали мнѣ въ уши: проклятая!.. проклятая!.. Только и отходили отъ меня окаянные, только и отдыха мнѣ давали, когда во храмѣ Божіемъ стою, свой великій грѣхъ отмаливаю ... И день, и ночь стала я въ церковь Божію прятаться. Служба — такъ въ церкви, а нѣтъ службы — на паперти ... И былъ мнѣ гласъ, Иванушко, — покайся грѣшница, отчурайся грѣховъ своихъ, да дай обѣтъ передъ Господомъ ... И наложила я на себя обѣтъ до гробовой доски: тебя не знать, а служить Господу да батюшкѣ, коли про-

стить онъ меня, помилуетъ ... (Бросается къ отцу въ ноги и тихо рыдаетъ.)

Николай Спиридонычъ.

Прощена ты, прощена и отъ меня, и отъ Бога!.. Снято мое грѣшное проклятіе ... Чиста твоя душа передъ Господомъ. Поди ко мнѣ, моя доченька, богоданная, благословенная ... (Поднимаетъ ее; она бросается къ нему на шею.)

Иванъ (деретъ на себѣ волосы).

Такъ вырвите вы изъ меня мое сердце, растопчите вы его ногами, растерзайте вы меня, по кускамъ разнесите тѣло бѣлое!.. Господи, молился я Тебѣ ...

Николай Спиридонычъ.

Полно, Ванюха, на все Его святая воля ... Слушай меня ...

Иванъ (съ одушевленіемъ).

Стой, Николай Спиридонычъ, не говори, слушай меня ... Богъ мнѣ мысль вложилъ. Легче на душѣ отъ этой мысли ... Говорилъ я—придетъ пора-время, пойду я служить Царю-батюшкѣ да матушкѣ Россіи православной ... Пришло то время, закипѣла кровь молодецкая, распахнулась душа, зарадовалось сердце ... Прощай, Николай Спиридонычъ, прощай Матрешенька!.. Ты хочешь служить своему отцу, а у меня нѣтъ теперь ни роду, ни племени ... Одинъ у меня отецъ Царь-батюшка, ему пойду служить, за него да за матушку-Россію сложу свою голову побѣдную ...

Николай Спиридонычъ.

Иванушко ...

Иванъ.

Стой, не говори ... Дай мнѣ свою душу высказать ... Весело мнѣ теперь, весело!.. Съ-измаленька любилъ я слушать сказки богатырскія, пѣть пѣсни удалыя, богатырская во мнѣ душа и сила бо-

гатырская ... На самого ворога хочу идти я, своей мочью хочу помѣряться ... Не надо мнѣ теперь ни жены, ни полюбовницы ... Ухъ, просторно мнѣ одному, разгуляется моя душа, взыграется ретиво сердце ... Прощайте, люди добрые! .. Прощай, Матрешенька! Прощай Николай Спиридонычъ! (Убѣгаетъ.)

Матрена.

(Дѣлаетъ быстрое движеніе вслѣдъ за Иваномъ, но тотчасъ же опять возвращается къ отцу.)

Нѣтъ, нѣтъ!.. Не надо, не надо!.. Пусти его, не трогай его, батюшка ... Буду молиться за него... Благослови ты меня, батюшка, благослови скорѣй... Прикрой ты мою душу своимъ благословеніемъ отъ окаяннаго блазнителя ... Скорѣе ... скорѣе ... родимый, благослови ...

Николай Спиридонычъ.

Буди надъ тобою святая воля Господня и мое грѣшное благословеніе! (Благословляетъ ее.)

(Дарья и Данило плачутъ.)

Скрипуновъ (утирая слезы).

Трогательная исторія! Именно наши крестьяне... (Дѣлаетъ въ воздухѣ неопредѣленное движеніе рукою.) Удивительной народъ!.. Съ душой!..

Конецъ четвертаго и послѣдняго дѣйствія.

21 сентября 1853 года.
Кострома.

Шуба овечья — душа человѣчья.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Лица.

Софья Павловна, помѣщица, вдова 40 лѣтъ.
Лизанька, дочь ея.
Анна Ивановна, гувернантка Лизаньки.
Зосима, крестьянинъ, братъ Анны Ивановны.
Алексѣй Дмитричъ Радугинъ.
Петръ Ивановичъ Панибратовъ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія и неизвѣстныхъ средствъ существованія.
Харлампій Николаевичъ Перконторовъ, секретарь уѣзднаго суда.
Лукерья Осиповна, старуха, нянька Лизаньки.
Авдотья, горничная Софьи Павловны.
Маша, горничная Лизаньки.
Господинъ съ огромными усами.
Господинъ въ форменномъ вицмундирѣ.
Князь.
Иванъ, слуга Радугина.
Гости и слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Дѣйствіе первое.

Сцена представляетъ гостиную въ квартирѣ Софьи Павловны. У задней стѣны краснаго дерева диванъ, противъ него круглый столъ, возлѣ стѣнъ кресла; по бокамъ дивана тумбы и на нихъ канделябры. Налѣво отъ зрителей большое мягкое кресло. Въ боковыхъ стѣнахъ, одна противъ другой, двери. Утро.

Явленіе первое.

Софья Павловна и Лукерья Осиповна.

(Софья Павловна сидитъ на мягкомъ креслѣ и пьетъ чай; противъ нея стоитъ Лукерья Осиповна.)

Софья Павловна.

Такъ ты это сама видѣла?

Лукерья Осиповна.

Сама, мой батюшка, сама своими глазами видѣла. Какъ же?.. Вхожу я, а онъ, Петръ-отъ Иванычъ, обхвативши ее такимъ манеромъ подъ мышки да и цѣлуетъ, въ щеку цѣлуетъ, это правда, что не въ губы, а въ щеку цѣловалъ ... Ну, да все равно, путное ли это дѣло. Все-таки цѣлуетъ ... Я такъ и не вспомнилась ... Такъ у меня и закипѣло вотъ тутъ (указываетъ на грудь). Какъ я вошла, такъ они и разскочились въ разныя стороны. Петръ-отъ Иванычъ вотъ въ эту сторону, а Анна-то Ивановна вотъ въ эту.. А у меня такъ и кипитъ ... Хорошо, я

говорю, хорошо, господинъ-баринъ ... Такъ хорошіе господа не дѣлаютъ! ... А тутъ стамши да ей ... Что, я говорю, ты, мать моя, въ умѣ ли ты? Что, я говорю, ты дѣлаешь?.. Я говорю, ты не безъ чего къ моей барышнѣ въ мамзели приставлена, а ты, я говорю, какіе ей примѣры то хорошіе преподаешь?.. А она фыркъ ... Повернула хвостикомъ да и была такова. Хоть бы слово одно сказала, хоть бы прощенья попросила, что въ этакомъ дѣлѣ застала ее! Да другая бы подлинно въ ногахъ валялась да упрашивала, чтобы не сказывала, да какъ кто не узналъ, а она и вниманья этого не беретъ ... Такова безстыдница!.. Только со злости-то, что ли, что застала я ее, такъ въ слезы бросилась да по лицу по всему пятна красныя повыступили ... Какъ ушла-то она, я къ барину. Что, я говорю, ты, Петръ Иванычъ, хорошее ли ты это дѣло дѣлаешь? Вѣдь это, я говорю, соблазнъ! — У насъ, я говорю, въ домѣ-то этой пакости отродясь не бывало, а ты что заводишь?.. Для этого, что ли, молъ, мы тебя въ домъ-отъ принимаемъ?.. Вотъ скажу барынѣ, в-вотъ скажу!.. Такъ и тотъ, совѣсть-то зазрила. Ну, говоритъ, ну, нянюшка, молчи, говоритъ, только никому не сказывай, платокъ, говоритъ куплю да подарю тебѣ, только молчи. Нѣтъ, я говорю, сударь-баринъ, видала я платки-то и безъ твоего, отъ своихъ господъ довольна, а этого сраму не потерплю ... У меня, я говорю, здѣсь моя барышня, на своихъ рукахъ выводила, такъ мнѣ дороже твоихъ платковъ, какъ она что увидитъ ...

Софья Павловна.

Ахъ, гадкіе, мерзкіе они этакіе!.. Это въ моемъ домѣ!.. Позволять себѣ это въ моемъ домѣ!.. Каковы!.. А эта-то, неблагодарная-то! Вотъ каково, Лукерья, доброй-то быть! Кажется, я ли ей добра не дѣлала, а она чѣмъ платитъ?..

Лукерья Осиповна.

Вѣдь, и я-то тоже, мой батюшка. Ужъ, кажется, одно то, что въ этакомъ домѣ живетъ благородномъ, такъ это одно должна цѣнить ...

Софья Павловна.

Да еще ли я мало для нея дѣлала, негодницы?.. Да знаетъ ли она, что я ее, если захочу, такъ въ дѣвичью посажу, вмѣсто гувернантокъ-то, съ дѣвками сидѣть да работать ... Ахъ, она гадкая!.. Спасибо тебѣ, Лукерья, что сказала ...

Лукерья Осиповна.

Да какъ же, мой батюшка, могу ли я, чтобы не сказать?.. Этакой срамъ видѣть да еще не сказать ... Хорошо, что еще батюшки-то моего, Лизаветы-то Степановны, тутъ не было да она этого сраму не видала; а ну, какъ бы она это увидѣла, тутъ бы что?-.

Софья Павловна.

Спасибо, спасибо, Лукерья, что сказала ... Я ее выучу ... Пошли-ка ко мнѣ Авдотью.

Лукерья Осиповна.

Сейчасъ, мой батюшка, сейчасъ пошлю ... А то это, статное ли это дѣло, потерплю ли я это, чтобы ... (Уходитъ.)

Явленіе второе.

Софья Павловна (одна).

Такъ вотъ какъ, моя милая... Вотъ какъ, срамница записная!.. Этимъ ты хочешь платить мнѣ за всѣ мои ласки и вниманіе? Этимъ? (Съ возрастающимъ негодованіемъ.) Такъ погоди же ты мнѣ, погоди!.. Петра Иваныча завлекать? Его завлекать? Хорошо!.. Му-

жичка этакая!.. И тотъ? Какъ благороденъ! Очень благороденъ!.. Низкій, скверный ... Всѣ эти мужчины таковы ...

Явленіе третье.

Софья Павловна и Авдотья.

Авдотья (входя).

Чего, матушка-сударыня, изволите?

Софья Павловна.

Что очень разбѣжалась?.. Посмотри, нѣтъ ли кого въ угольной-то, да и въ залѣ.

Авдотья

(принимаетъ таинственный видъ, потихоньку подходитъ къ обѣимъ дверямъ и заглядываетъ въ нихъ).

Никого нѣтъ, сударыня, никого, ни одного человѣка ...

Софья Павловна.

Такъ притвори обѣ двери, да подойди сюда ко мнѣ поближе.

Авдотья

(затворяетъ двери, потомъ подходитъ къ тому креслу, на которомъ сидитъ Софья Павловна).

Затворила, матушка-сударыня. Чего изволите, сударыня?

Софья Павловна.

Авдотья, я тебя прежде больше любила, а теперь совсѣмъ не люблю ...

Авдотья.

Чтой-то, сударыня, за что? Чѣмъ я передъ вами провинилась?

Софья Павловна.

А тѣмъ, что все врешь!

Авдотья.

Вотъ не вру, вотъ никогда, сударыня, не вру! Ужъ это грѣхъ сказать, чтобы я-то врала.

Софья Павловна.

Ну, не врешь, такъ лжешь ...

Авдотья.

И не лгу ... Убей Богъ, не лгу!

Софья Павловна.

Какъ же ты сказала, что Петръ Иванычъ ... (Нѣсколько жеманясь.) Ты увѣряла, что Петръ Иванычъ любитъ меня ... Все вздоръ ...

Авдотья.

Любитъ, сударыня, любитъ! Вотъ какъ любитъ... всѣмъ чувствомъ ... Ужъ вотъ не лгу ... любитъ всей душой ... Самъ говорилъ.

Софья Павловна.

Ну, полно! .. Когда это онъ тебѣ говорилъ?

Авдотья.

А говорилъ, сударыня, говорилъ ... не одинъ разъ говорилъ ... Какъ же? Вѣдь, я вамъ докладывала ... Одиново вы еще не одѣмши были и сидѣли въ спальнѣ, одѣваться приказали подавать, а онъ и пріѣхалъ ... да вотъ здѣсь и ходитъ, а я и прохожу, а онъ меня и спрашиваетъ. Что, говоритъ, барыня, Софья Павловна, не скоро выдетъ? .. Нѣтъ, я говорю, сударь, еще не одѣмши, приказали одѣваться подавать ... Въ спальнѣ сидятъ ... Онъ ко мнѣ и ну приставать. Душенька, говоритъ, позволь мнѣ на твою барыню въ щелочку посмотрѣть ... однимъ глазкомъ, говоритъ, только посмотрю ... На что, я говорю, вамъ, сударь? .. Такъ, говоритъ, очень желательно ... Нѣтъ, я говорю, не допущу,

вамъ стыдно!.. Душенька, говоритъ, ничего, только допусти ... Да что, я говорю, вамъ такъ надо?.. Ничего, говоритъ, мнѣ не надо, а только посмотрѣть, потому я твою барыню очень люблю ... Полноте, я говорю, мужчинка вы, точно ли, я говорю, вы любите?.. Точно, говоритъ, точно!.. И началъ опять упрашивать ... Я и думаю сама съ собою. Что же, отчего не дать посмотрѣть—невелики узоры увидитъ, только что въ спальномъ капотѣ ... пусть посмотритъ ... И провела его; онъ какъ взглянулъ, такъ и ахнулъ! Ахъ, говоритъ, какія твои барыни прекрасныя!..

Софья Павловна.

Ахъ, шалунъ этакой, проказникъ! Какъ же тебѣ это не стыдно было показывать?..

Авдотья.

Что же, сударыня, ничего, вѣдь вы въ капотѣ были ... Ахъ, говоритъ, какія у нихъ ножки прекрасныя, махонькія ... А васъ обувала тогда Дарюшка ...

Софья Павловна.

Ахъ, шалунъ!..

Авдотья.

Право, а послѣ и говоритъ. Ну-ка, говоритъ, гдѣ же у васъ барышни-то спятъ?.. Что, я говорю, али и туда бы сводить да показать?.. Да, говоритъ!.. Нѣтъ, ужъ, я говорю, это не дѣло. Тамъ у насъ барышни!.. Да и что вамъ тамъ?.. Да такъ, говоритъ, только изъ любопытства ... А, я говорю, такъ вотъ ваша любовь какова!.. Такъ что же, говоритъ, тутъ изъ любви, а тамъ изъ любопытства... Нѣтъ, ужъ, я говорю, нѣтъ, баринъ, это не дѣло. Туда и дороги нѣтъ вамъ ... Да ну, говоритъ, ну, мнѣ не очень и нужно. Вотъ здѣсь-то, говоритъ, дала посмотрѣть, такъ за это ужъ спасибо! Навѣки, говоритъ, я сегодня счастливый человѣкъ!..

Софья Павловна.

Негодный!.. Вѣтренникъ!.. Онъ и на меня-то изъ любопытства только хотѣлъ посмотрѣть, чтобы послѣ посмѣяться съ другой ... Знаю я этихъ мужчинъ!

Авдотья.

Ай, ай, нѣтъ, сударыня, не таковъ онъ баринъ!.. Какъ же?.. Поймалъ онъ меня тоже это одну, и началъ приставать. Скажи да скажи, какова твоя барыня, Софья Павловна, мнѣнія обо мнѣ?.. Какова, я говорю, сударь мнѣнія?.. Настоящаго мнѣнія!.. Каковъ вы есть баринъ хорошій, такова она и мнѣнія ... Нѣтъ, говоритъ, скажи, нравлюсь ли я ей? Не разговаривала ли она чего съ тобой обо мнѣ?.. Нѣтъ, я говорю, не такая наша барыня, чтобы стала съ нами, служанками, разговаривать ... Ну, полно, говоритъ, я знаю, что ты свою барыню всей душой любишь и что она тебя жалуетъ своими милостями, потому ты того стоишь за свою любовь и всю полную преданность!.. Право, такъ и сказалъ, сударыня ... (Цѣлуетъ руку у Софьи Павловны.)

Софья Павловна.

Ну, ну!..

Авдотья.

Что же, я говорю, коли такъ сказать вамъ всю правду. Ничего я отъ барыни не слыхала объ васъ худого, а всегда больше хорошее говорятъ?.. Неужели? говоритъ. Ахъ, Авдотьюшка, какъ я теперь счастливъ въ своей жизни! Если бы, говоритъ, только она знала всѣ мои чувства, каковы они есть къ ней ... Что же, я говорю, вы не скажете?.. Не смѣю, говоритъ, потому, что я значу передъ ней ... Нельзя ли, говоритъ, какъ тебѣ пересказать обо всѣхъ моихъ чувствахъ?.. Нѣтъ, я говорю, какъ можно! Смѣю ли я съ своей барыней объ этомъ говорить? Да она и съ глазъ прогонитъ и слушать

не станетъ ... Ничего, говоритъ, душенька, пожалуйста, передай! .. Нѣтъ, я говорю, нѣтъ, сударь, сами изъясняйтесь ... Ахъ, говоритъ, какъ же я могу это сдѣлать, чтобы мнѣ на это рѣшиться ... И такой вдругъ сталъ печальной ... Даже мнѣ его стало жалко въ душѣ ... Ничего, я говорю, ничего, старайтесь ... Неужели? говоритъ, да такъ и встрепехнулся, точно ожилъ, и сталъ съ этой радости меня цѣловать ...

Софья Павловна

(съ горечью и досадой).

Видно, онъ охотникъ цѣловаться-то: со всѣми цѣлуется ... Какъ же ты меня увѣряешь въ его любви, а я навѣрно знаю, видѣли, какъ онъ цѣловался съ нашей смиренницей-то, съ гувернанткой-то благодарной ... Вотъ ты такъ этого не видишь, другія же сказали, а не ты ...

Авдотья.

Не видала, сударыня, виновата, не видала! Да нѣтъ, онъ не такой человѣкъ ... Развѣ это та его завлекла, ну, такъ и онъ, какъ мужчина ... Отъ нея станется, а то онъ—нѣтъ. Я знаю всѣ его чувства къ вамъ — всей душой онъ къ вамъ принадлежитъ ... Да вотъ я присмотрю за ними: ужъ, коли увижу, такъ извини она меня ... оконфужу ... Да полноте, матушка-сударыня, не враки ли это? .. Кто это вамъ сказалъ-то? .. Ужъ, кажется бы, наврядъ ли, чтобы я этого не досмотрѣла ...

Софья Павловна.

Сказывалъ-то такой человѣкъ, что не вѣрить-то нельзя, не изъ чего ей лгать ...

Авдотья.

Да кто, кто, скажите вы мнѣ?

Софья Павловна.

Лукерья.

Авдотья.

Ну, вотъ еще нашли, сударыня, кому вѣрить! Ей со старыхъ-то глазъ, чай, показалось ... А вы мнѣ повѣрьте. Ужъ не изъ-за чего мнѣ, окромя самой сущей истиной говорить вамъ ... Повѣрьте мнѣ, сударыня, что ужъ, значитъ, влюбленъ въ васъ однихъ ...

Софья Павловна.

Не вѣрится мнѣ что-то ... (Задумывается.)

Авдотья.

Ужъ вѣрьте, сударыня, вѣрьте совѣсти.

Софья Павловна (съ улыбкой).

А вѣдь молодецъ, Дуня, Петръ Иванычъ?

Авдотья.

Ужъ какъ же не молодецъ!.. Первый франтъ!.. Какова манера! Каковъ разговоръ! Войдетъ, — такъ смотри, говоритъ, — такъ слушай! Одна веселость его ... такъ огонь огненный!.. Да кого изъ здѣшнихъ господъ съ нимъ поставишь?.. Алексѣй-то Дмитричъ?.. Ну, конечно, баринъ богатой, молодой. Да что въ немъ? Иной разъ подъѣдетъ на своей парочкѣ, влетитъ щеголемъ, точно смотри — картина, а другой разъ ни съ того, ни съ сего, на одной пріѣдетъ и сидитъ, слова не вымолвитъ и лицо вытянетъ, ровно не солоно хлебалъ, и хмура такой—страсть беретъ ... А этотъ ... Ну, что говорить ... вьюнъ вьюномъ! Что бы онъ, кабы ему Алексѣя-то Дмитрича богатство?.. Просто сказать, — всѣхъ бы онъ здѣсь въ лоскъ положилъ ...

Софья Павловна.

Постой-ка! Посмотри-ка — кто-то идетъ по залѣ.

(Авдотья идетъ къ дверямъ въ залу и отворяетъ ихъ. Входитъ лакей.)

Лакей.

Харлампъ Николаичъ пришелъ, прикажете принимать?

Софья Павловна.

Что за пріемъ? Скажи, чтобы въ залѣ подождалъ, я выйду ... Нѣтъ, все равно—пусть войдетъ сюда.

Лакей.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Софья Павловна.

Поди и ты пока, Авдотья.

Авдотья.

Слушаю, сударыня; а вы не извольте безпокоиться. Я ужъ присмотрю за тѣми, да наврядъ ли. . . (Уходитъ въ двери налѣво.)

Явленіе четвертое.

Софья Павловна и Перконторовъ.

Перконторовъ

(входитъ на цыпочкахъ и, остановившись почти у самыхъ дверей, расклинивается).

Честь имѣю добраго утра пожелать, ваше превосходительство . . . (Почтительно цѣлуетъ руку Софьи Павловны и опять отходитъ отъ нея на приличное разстояніе.)

Софья Павловна.

Здравствуй, Харламій Николаевичъ! Садись!

Перконторовъ (кланяется).

Ничего, ваше превосходительство, не извольте безпокоиться, я и постою-съ.

Софья Павловна.

Ничего, ничего, садись безъ церемоніи.

Перконторовъ

(садится на ближайшее къ дверямъ кресло).

Софья Павловна.

Ну, что скажешь хорошенькаго?

Перконторовъ.

Все благополучно, ваше превосходительство.

Софья Павловна.

Что дѣло-то мое?

Перконторова.

Ничего, ваше превосходительство! Пока въ моихъ рукахъ, будьте покойны, — ходу не дамъ. Не было бы отъ членовъ какого препятствія или понужденія, а я стараюсь, — все въ одномъ положеніи.

Софья Павловна.

Видишь ли что, — выждать-то мнѣ нужно, чтобы позатянуть какъ хоть съ годъ, пока я не устрою другихъ своихъ дѣлъ.

Перконторовъ.

Понимаю, ваше превосходительство! И я то же имѣю въ своихъ соображеніяхъ, только срокъ-то изволите продолжительной назначать. И то два года находится безо всякаго движенія; за дальнѣйшую медленность можно подвергнуться строжайшему взысканію по законамъ ... Кредиторы ходатайствуютъ у высшаго начальства ... Нельзя ли какъ сократить годичный срокъ?

Софья Павловна.

Никакъ нельзя. Пожалуй, я тебѣ скажу откровенно. Я вижу, что ты скромный молодой человѣкъ, никому не разболтаешь ...

Перконторовъ.

Какъ можно, ваше превосходительство, смѣю ли я ...

Софья Павловна.

Ну, вотъ видишь ли, черезъ годъ кончится совершеннолѣтіе моей Лизаньки, тогда я надѣюсь выдать ее за одного богатаго человѣка, который и уплатитъ всѣ мои долги ... Понимаешь?

Перконторовъ.

Совершенно понимаю, ваше превосходительство, только осмѣлюсь доложить, — весьма затруднительно ...

Софья Павловна.

Ну, ужъ старайся! ... Ты знаешь, что это дѣло такое, отъ котораго я могу потерять почти все состояніе; такъ если ты мнѣ его сдѣлаешь, будь увѣренъ въ моей благодарности ...

Перконторовъ.

Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство ... Не осмѣлюсь я ничѣмъ отъ васъ пользоваться ... обязанный вашими всегдашними ласками, а ... (встаетъ) въ замѣнъ или, такъ сказать, въ возмездіе ... всего моего усердія ... желалъ бы я осмѣлиться просить ... вашего участія или ... такъ сказать, вспомоществованія въ дѣлѣ ... которое ... касается ... моихъ чувствъ ... которыя ... хотя бы и позволительны ... но такъ какъ въ вашемъ домѣ ... то ... много для меня стѣснительны ... между тѣмъ какъ я ... ими ... этими самыми ... своими чувствами ... очень отягощенъ ...

Софья Павловна.

Что, что такое? Садись ... садись! ... Разскажи мнѣ хорошенько, что тебѣ нужно?

Перконторовъ

(быстро подходитъ къ Софьѣ Павловнѣ и цѣлуетъ ея руку).

Извините, ваше превосходительство, мою дерзость ... что осмѣливаюсь въ вашемъ домѣ ... но, какъ человѣкъ ... я могу ... и притомъ ... отъ искренности чувствъ своихъ ... и такъ какъ наслышанъ объ ихномъ незнатномъ происхожденіи ... потому осмѣливаюсь ... ходатайствовать у вашего превосходительства о дозволеніи ... сдѣлать предложеніе вашей Аннѣ Ивановнѣ ... Извините великодушно, ваше превосходительство, если ... (Цѣлуетъ руку Софьи Павловны).

Софья Павловна.

Только-то? ... Какой же ты смѣшной! ... Вѣдь она не дочь моя, не родственница, чего же ты боялся? ...

Перконторовъ.

Конечно, ваше превосходительство. Но, такъ какъ въ вашемъ домѣ ... Но, если бы вы изволили оказать свое великодушное содѣйствіе, я во всемъ вашъ слуга, и дѣло это ...

Софья Павловна.

Изволь, изволь, съ удовольствіемъ! ... Помилуй, да не только передать твое предложеніе, я просто могу приказать ей ... Конечно ... я не хочу хвалиться своей добротой, но я для нея сдѣлала большое благодѣяніе, и она теперь у меня все равно, что закабаленная ... Вотъ видишь. Ты, вѣдь, знаешь, что она изъ крестьянокъ? ...

Перконторовъ.

Наслышанъ, ваше превосходительство ...

Софья Павловна.

Ну, вотъ видишь ... Да садись-ка ... Что ты стоишь? ...

Перконторовъ.

Ничего, ваше превосходительство, не извольте безпокоиться ...

Софья Павловна.

Сядь, сядь! ... Возьми стулъ да сядь ко мнѣ поближе, я тебѣ разскажу.

Перконторовъ

(пододвигаетъ кресло и садится).

Софья Павловна.

Такъ вотъ видишь. Когда она поступила ко мнѣ, ей понадобились деньги тамъ выкупить, что ли, брата, или на что другое, не знаю хорошенько ... Она стала просить у меня. Я ей и дала двѣ тысячи съ тѣмъ, чтобы она служила у меня гувернанткой три года. Значитъ, теперь я все могу съ ней сдѣлать, — до сроку еше полтора года, уйти отъ меня не можетъ ... Помилуй, да она еще твое предложеніе за честь себѣ должна считать. Какъ бы то ни было, ты все-таки, я думаю, чиновникъ? ...

Перконторовъ.

Какъ же-съ, ваше превосходительство!... Губернскій секретарь-съ! ... Въ рангѣ поручика-съ! ...

Софья Павловна.

Что же это значитъ, — благородной?

Перконторовъ.

Личный дворянинъ-съ, ваше превосходительство...

Софья Павловна.

Ну, вотъ видишь, а она что такое? ... Изволь, изволь, я для тебя это сдѣлаю, уговорю ее и денегъ назадъ не потребую, которыя она не заслужила мнѣ. Это будетъ тебѣ вмѣсто благодарности, только ты мнѣ сдѣлай то дѣло.

Перконторовъ.

Помилуйте, ваше превосходительство ... За дѣло ужъ не извольте безпокоиться, только сдѣлайте счастливымъ ...

Софья Павловна.

Изволь, изволь! Мнѣ очень пріятно для тебя это сдѣлать. Я и отца твоего помню. Вѣдь онъ въ нашемъ приходѣ ...

Перконторовъ.

Точно такъ, ваше превосходительство. И родитель мой ... всегда внушаетъ мнѣ всякое уваженіе къ особѣ вашей, — много вами благодѣтельствованъ. ... Не оставьте, ваше превосходительство ... Цѣлуетъ руку Софьи Павловны.)

Софья Павловна.

Хорошо, хорошо! ... Что же, она тебѣ очень нравится?

Перконторовъ.

Ахъ, ваше превосходительство, изъяснить даже не могу-съ! ... Просто, какъ я имѣлъ счастіе увидѣть ихъ, такъ съ тѣхъ поръ совершенно ... всѣхъ чувствъ лишился ... Только и мысль одна, что объ нихъ ... Просто, приду въ судъ, никакія дѣла въ голову нейдутъ ... Даже упущенія есть по дѣламъ отъ этихъ чувствъ ...

Софья Павловна.

Скажи, пожалуй! ... Что же, она очень хороша, что ли, тебѣ кажется?

Перконторовъ.

Какъ же-съ, ваше превосходительство! ... Ужъ смотрѣть на нихъ, такъ одно это большое удовольствіе доставляетъ ...

Софья Павловна.

Хм. ... Что же въ ней такого особеннаго? ... Впрочемъ (со вздохомъ) у всякаго свои чувства ... Всякому свое нравится! ...

Перконторовъ.

Ужъ не оставьте, ваше превосходительство.

Софья Павловна.

Хорошо, хорошо! Вотъ, кажется, онѣ идутъ. Я васъ нарочно оставлю вдвоемъ. Ты и поговори съ ней, объяснись ... познакомься съ ней, а послѣ я ей скажу ...

Перконторовъ.

Много обязанъ вашему превосходительству ... Ставитъ кресло на мѣсто и самъ стоитъ у дверей въ залу, когда въ противуположныхъ дверяхъ показывается Лизанька и Анна Ивановна.)

Явленіе пятое.

Тѣ же, **Лизанька** и **Анна Ивановна.**

Лизанька

(подходитъ къ Софьѣ Павловнѣ и цѣлуетъ ея руку).

Здравствуйте, маменька. (Замѣтя низкій поклонъ Перконторова, отвѣчаетъ ему небрежнымъ киваніемъ головы.) Здравствуйте! (Садится и, доставши со стола какую-то книгу, начинаетъ лѣниво играть ею.)

Анна Ивановна

(подходя къ Софьѣ Павловнѣ и дѣлая реверансъ).

Здравствуйте, Софья Павловна, какъ ваше здоровье сегодня?

Софья Павловна

(съ дурноскрываемой досадой).

Здравствуйте! ... Ничего, я здорова ... Садитесь! ...

Анна Ивановна
(кланяется въ отвѣтъ на робкіе поклоны Перконторова и садится около Лизаньки).

Что это за книга?

Лизанька.

Право, не знаю ... Посмотрите.

Софья Павловна.

Что ты такъ поздно сегодня встала, Лизанька?

Лизанька.

Что за поздно? Еще только одиннадцать часовъ!

Софья Павловна.

Какъ же не поздно, мой ангелъ?

Лизанька.

Что же, если я хотѣла спать, маменька ...

Софья Павловна.

Чай пила?

Лизанька.

Пила ... Но я бы хотѣла, мамаша, шеколаду.

Софья Павловна.

Что за напитокъ, душа моя! ...

Лизанька.

Если я хочу, маменька ...

Софья Павловна.

Ну, пойдемъ со мной въ спальню. Я устала сидѣть, немножко прилягу, а ты побудь со мной; туда тебѣ и шеколаду принесутъ, никто и не увидитъ, что ты пьешь его, если кто вдругъ пріѣдетъ..

Лизанька (вполголоса).

Все глупости! (Вслухъ.) Пойдемте.

Софья Павловна.

Харлампій Николаевичъ, присядь, подожди меня. (къ Аннѣ Ивановнѣ.) Посидите здѣсь, займите его. (Уходитъ.)

Лизанька

(Къ Аннѣ Ивановнѣ вполголоса).

Весело вамъ будетъ. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Перконторовъ и Анна Ивановна.

Анна Ивановна.

Что вы не садитесь? Садитесь, пожалуйста.

Перконторовъ (въ смущеніи).

Ничего-съ. (Садится.)

Анна Ивановна.

Вы здѣсь постоянно живете?

Перконторовъ.

Точно такъ-съ, постоянно-съ!

Анна Ивановна.

Вѣрно, служите?

Перконторовъ.

Служу-съ! ... Въ здѣшнемъ уѣздномъ судѣ состою на службѣ въ должности секретаря-съ!

Анна Ивановна.

Это, кажется, хорошая должность? ...

Перконторовъ.

Ваша правда-съ! ... Можно безбѣдно существовать-съ ... Въ прежнія времена, говорятъ-съ, еще было лучше-съ, но для меня, какъ холостого

человѣка, и теперь съ избыткомъ достаточно-съ ... Нужды никакой не вижу-съ и еще могъ сберечь на предбудущее время-съ ...

Анна Ивановна.

Вы холостой человѣкъ?

Перконторовъ (быстро).

Совершенно холостой ... Холостой-съ! ...

(Непродолжительное молчаніе.)

Перконторовъ.

На долго ли изъ усадьбы къ намъ въ городъ изволили пріѣхать?

Анна Ивановна.

Право, не знаю! Это зависитъ отъ Софьи Павловны!...

Перконторовъ.

Желательно, чтобы пробыли подольше.

Анна Ивановна.

Что же?

Перконторовъ (въ смущеніи).

Въ нашемъ городѣ очень весело! ... Какъ вамъ понравился нашъ городъ-съ?

Анна Ивановна.

Хорошъ.

Перконторовъ.

Очень пріятный городъ-съ .. Общество гостепріимное-съ, никѣмъ не гнушаются-съ! ...

(Молчаніе).

Перконторовъ.

Вы какую жизнь изволите предпочитать? Въ городѣ, или въ деревнѣ?

Анна Ивановна.

Для меня все равно.

Перконторовъ.

Не можетъ быть-съ? ...

Анна Ивановна.

Я васъ увѣряю.

Перконторовъ (поспѣшно).

Можетъ быть-съ! ...

(Молчаніе).

Перконторовъ.

Родители ваши здравствуютъ-съ?

Анна Ивановна (съ удивленіемъ).

Слава Богу, живы.

Перконторовъ.

Извѣстія отъ нихъ часто ли изволите получать?

Анна Ивановна
(съ большимъ удивленіемъ).

Получаю ...

Перконторовъ.

А братцовъ и сестрицъ имѣете?

Анна Ивановна.

Есть одинъ братъ ...

Перконторовъ.

Они, вѣдь, всѣ ... то есть ... (Кашляетъ.)

Анна Ивановна.

Что-съ?

Перконторовъ.

Нѣтъ, я такъ-съ, ничего! ... (Продолжаетъ кашлять.) Вашъ братецъ взрослый-съ?

Анна Ивановна.

Да, онъ уже давно женатъ, дѣти есть у него.

Перконторовъ.

А какъ зовутъ-съ?

Анна Ивановна.

Зосимой.

Перконторовъ.

А вашихъ батюшку съ маменькой какъ зовутъ-съ?...

Анна Ивановна (съ удивленіемъ).

Да для чего вамъ это знать?

Парконторовъ.

Такъ, ничего-съ! Что же такое ... скажите-съ ... ничего-съ!

Анна Ивановна.

Пожалуй, извольте. Отца зовутъ — Иванъ Прохорычъ, а матушку — Арина Карповна.

Перконторовъ.

А гдѣ проживаютъ-съ?

Анна Ивановна.

Въ деревнѣ.

Перконторовъ.

Какое же ихъ занятіе-съ? Торгующіе они, или нѣтъ-съ?

Анна Ивановна

(съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ).

Да для чего вамъ это знать?

Перконторовъ.

Нѣтъ, ничего-съ! ... Я не изъ того-съ. Мнѣ это все равно ... Анна Ивановна, если я осмѣлюсь ... вѣрьте Богу ... я не изъ чего-нибудь ... а собственно по однимъ моимъ чувствамъ ... По

звольте надѣяться, Анна Ивановна ... (Встаетъ и подходитъ къ ней.) Сдѣлайте счастливымъ ... Анна Ивановна ... ей-Богу, я, право, не могу болѣе ... переносить этого ...

Анна Ивановна (съ испугомъ).

Что вамъ угодно? ... Я васъ не понимаю ...

Перконторовъ.

Ей-Богу, Анна Ивановна, одно воображеніе только и имѣю объ васъ ... Пищи лишился ... сна не имѣю ... не могу болѣе переносить этого... Въ дѣлахъ даже упущеніе ...

Анна Ивановна.

Что вы? Оставьте, ради Бога ...

Перконторовъ (воодушевляясь).

Осчастливьте, Анна Ивановна ... не дѣлайте человѣка несчастнымъ ... Жалѣть не будете ... нужды не увидите ... Хоть я и молодой человѣкъ, но всегда о себѣ забочусь, а тѣмъ наиболѣе объ васъ...

Анна Ивановна
(въ большомъ смущеніи).

Да что вы? Что вы? ... Я васъ не знаю совсѣмъ ... Я въ первый разъ говорю съ вами ...

Перконторовъ.

Это ничего, Анна Ивановна. Кого угодно спросите, никто про меня дурно не скажетъ; всякому по мѣрѣ силъ-возможности угодить стараюсь ... Осчастливьте, Анна Ивановна ... Совсѣмъ я даже всѣхъ чувствъ лишился ... одно помышленіе ...

Анна Ивановна
(почти со слезами и съ негодованіемъ).

Отстаньте, ради Бога, замолчите, или я уйду отсюда ... буду жаловаться Софьѣ Павловнѣ ... (Входитъ Панибратовъ).

Явленіе седьмое.

Тѣ же и Панибратовъ.

Панибратовъ
(бойко раскланиваясь съ Анной Ивановной и не замѣчая Перконторова, который, при входѣ его, отскочилъ отъ нея на нѣсколько шаговъ).

Ахъ, очаровательное украшеніе земного рая, вы одни здѣсь! ... (Увидя Перконторова.) Ахъ, нѣтъ, въ пріятномъ сообществѣ ... Здравствуй, братъ, Харлампій Николаичъ! (Подаетъ руку Перконторову, и тотъ подобострастно жметъ ее.) Ну, какъ ваше здоровье, ваше душевное расположеніе, очаровательное созвѣздіе сего міра, Анна Ивановна? (Садится около нея.)

Анна Ивановна (съ досадой).

Ничего-съ!

Перконторовъ.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ свое нижайшее почтеніе ... (Раскланивается. Лицо его печально.)

Панибратовъ.

Прощай, братецъ, прощай ...

Анна Ивановна (въ смущеніи).

Куда же вы? Посидите ... подождите Софью Павловну ... Она сейчасъ выйдетъ ...

Перконторовъ (оживляясь).

Если прикажете ... я съ удовольствіемъ. (Садится.)

Панибратовъ
(вполголоса Аннѣ Ивановнѣ).

Что вы его удерживаете! Неужели вамъ непріятна наша уединенная бесѣда?

Анна Ивановна
(отворачиваясь отъ Панибратова къ Перконторову).

Я сейчасъ позову Софью Павловну! (Встаетъ и хочетъ идти.)

Панибратовъ (заграждая ей дорогу).

Куда же вы, мое міроутѣшеніе? Вы оставляете насъ предательской тоскѣ . . . (Хочетъ взять ее за руку.)

Анна Ивановна.

Пустите меня . . .

Панибратовъ.

Я вамъ составляю камень преткновенія, который вы можете совратить только пламеннымъ взглядомъ очей . . .

Анна Ивановна (сквозь слезы).

Господи, что это дѣлаютъ со мной?

(Быстро оборачивается и идетъ въ противоположныя двери.)

Панибратовъ (преслѣдуя ее).

Анна Ивановна, Анна Ивановна, цвѣтъ земного счастія . . . Ушла . . .

Явленіе восьмое.

Панибратовъ и Перконторовъ.

Панибратовъ.

Что, братъ, какова дѣвчонка-то? А?

Перконторовъ

(съ неудовольствіемъ и замѣшательствомъ).

Да-съ . . .

Панибратовъ.

Что, да-съ? Ты меня спроси! Просто, я тебѣ скажу, одинъ ароматъ, — глаза горятъ, душа замираетъ . . . Такъ бы, кажется, амъ . . . да и раскусилъ!

Перконторовъ (принужденно улыбается).

Да, хороши-съ!..

Панибратовъ.

Что ты улыбаешься-то! У самого, чай, глаза разгорѣлись! Каковъ!.. Одинъ здѣсь сидѣлъ съ ней... Да нѣтъ, братъ, тутъ немного возьмешь! Я ужъ то ли бы, кажется, а нѣтъ! Развѣ только силой когда чмокнешь...

Перконторовъ (блѣднѣя).

Какъ-съ чмокнешь?

Панибратовъ.

А такъ, — улучилъ минутку одинъ на одинъ, обнялъ, да и чмокъ... Во что ни попало...

Перконторовъ
(съ трудомъ переводя духъ).

Что же онѣ-съ?

Панибратовъ.

Ну, что онѣ? Ничего... Посердится, подуется, да и перестанетъ... Не велика барыня-то, — всего гувернантка, вступиться то некому! Съ этими, братъ, женщинами иначе нельзя... Ужъ я вижу птицу по полету. Съ одной лаской, съ другой нѣжностями, да угожденіемъ, а этой ничѣмъ не возьмешь! Съ ней строгостью... Сама не дается, — силой бери! Много ли, мало ли, а все на твою долю перепадетъ! Поцѣлуешь — и то барышъ...

Перконторовъ.

Какъ же вамъ не жалко обижать-съ?.. Обижать дѣвушку беззащитную грѣшно-съ...

Панибратовъ.

Что-о?.. (Подозрительно.) Да что ты самъ на себя не похожъ?.. Какія рацеи читаетъ!..

Перконторовъ.

Нѣтъ, я совсѣмъ ничего... Я такъ только...

Панибратовъ.

Да ты зачѣмъ здѣсь?.. Какъ сюда попалъ?.. Я съ тобой здѣсь и не встрѣчался никогда.

Перконторовъ.

Нѣтъ, я неоднократно имѣлъ честь быть у ея превосходительства.

Панибратовъ.

Какое превосходительство? Нѣтъ, братъ, еще не доѣхала, всего статская совѣтница!

Перконторовъ.

Все одно-съ.

Панибратовъ.

Ну, коли все одно, такъ и мнѣ все равно... Хоть сіятельство, — твое дѣло... Зачѣмъ же ты бываешь-то здѣсь?..

Перконторовъ.

Такъ, по одному дѣлу...

Панибратовъ.

Да, да, слышалъ... Вѣдь, я и позабылъ, что ты сутяга или судяга, такъ сказать... Послушай-ка, братъ! Правду ли говорятъ, что дѣла-то Софьи Павловны плоховаты? Говорятъ, все имѣніе отберутъ?..

Перконторовъ.

Дѣло еще не приведено къ надлежащему окончанію, а потому и объ исполненіи распоряженія еще не послѣдовало...

Панибратовъ.

Какъ? Какъ? Надлежащее окончаніе?.. Исполненіе не послѣдовало?.. Ха, ха, ха!.. Ахъ, вы! И не разберешь... Ну, да мнѣ все равно... Вотъ, кажется, идутъ...

Явленіе девятое.

Тѣ же, Софья Павловна, Лизанька и Анна Ивановна. (Лицо послѣдней печально и озабочено.)

Софья Павловна.

Здравствуйте, Петръ Иванычъ! Извините, что долго заставила дожидаться! Просила было занять гостей Анну Ивановну, да ей не угодно было, а мнѣ что-то нездоровится.

Панибратовъ.

Что такое, Софья Павловна, отчего?

Софья Павловна (двусмысленно).

Не знаю, отчего.

Панибратовъ.

Можетъ быть, отъ разстройства нервовъ?

Софья Павловна.

Можетъ быть! Мало ли какія бываютъ причины, отъ которыхъ человѣкъ дѣлается нездоровъ... Анна Ивановна, потрудитесь занять Харлампія Николаича. Не угодно ли вамъ идти въ залу?..

Анна Ивановна (сухо Перконторову).

Пойдемте.

Перконторовъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ! (Оба уходятъ.)

Софья Павловна.

А ты, Лиза, не хочешь ли поиграть на фортепьяно? Мы бы отсюда послушали?

Лизанька.

Нѣтъ, маменька, нисколько не хочу.

Софья Павловна.

Ну, такъ занялась бы чѣмъ-нибудь, мой другъ, въ другой комнатѣ. Мнѣ надобно поговорить объ дѣлахъ съ Петромъ Иванычемъ.

Лизанька.

Ужъ я лучше же пойду занимать вмѣстѣ съ Анной Ивановной Харлампія Николаича... Боже мой, что за тоска!.. Хоть бы пріѣхалъ кто-нибудь. (Уходитъ.)

Явленіе десятое.

Софья Павловна и Панибратовъ.

Софья Павловна.

Петръ Иванычъ, сядьте-ка поближе ко мнѣ.

Панибратовъ.

Вы меня дѣлаете счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Софья Павловна.

Ну, оставьте ваши шутки... Садитесь. Я съ вами хочу серьезно поговорить.

Панибратовъ

(пододвигаетъ кресло и садится около Софьи Павловны).

Прежде, чѣмъ вы начнете говорить серьезно (оглядывается), позвольте мнѣ, въ знакъ вашего расположенія ко мнѣ, поцѣловать вашу ручку.

Софья Павловна.

Нѣтъ, вы этого не стоите.

Панибратовъ.

Какъ не стою? За что немилость такая, Софья Павловна? Чѣмъ я могъ возбудить противъ себя вашъ гнѣвъ, такъ сказать?

Софья Павловна.

Своимъ поведеніемъ... Послушайте! Скажите мнѣ откровенно, если хотите заслужить откровенность отъ меня, какія у васъ отношенія съ моей гувернанткой?

Панибратовъ.

Самыя чистыя, Софья Павловна; божусь вамъ, самыя непорочныя отношенія.

Софья Павловна.

Что вы называете вашими чистыми и непорочными отношеніями,— когда цѣлуются и обнимаются, что ли? Эти отношенія?

Панибратовъ.

Никогда не цѣловался и не обнимался, Софья Павловна; увѣряю васъ, ни съ кѣмъ, ни съ одной женщиной.

Софья Павловна.

Стыдитесь! У меня есть свидѣтели, что вы цѣловались и обнимались съ моей гувернанткой.

Панибратовъ.

Кто, какіе свидѣтели?

Софья Павловна.

Нянька Лукерья застала васъ за этимъ пріятнымъ времяпровожденіемъ.

Панибратовъ.

А, это-то? Это ей показалось, увѣряю васъ...

Софья Павловна.

Послѣ этого я ни въ чемъ не вѣрю вамъ. Вы не заслуживаете никакой любви и уваженія отъ женщины... Вы пристыдили меня, опозорили мой домъ! У меня дочь невѣста... (Закрываетъ глаза платкомъ.) Вотъ

отчего я нездорова... Отъ васъ-то я этого никакъ не ожидала.

Панибратовъ.

Софья Павловна! Божусь вамъ, это была одна только шутка. Я представлялъ только Аннѣ Ивановнѣ...

Софья Павловна.

Что вы представляли?

Панибратовъ.

Представлялъ... какъ цѣлуются...

Софья Павловна.

Вы представляли?.. Безсовѣстный вы! Какъ у васъ языкъ ворочается?.. Подите отъ меня прочь... Я не могу васъ видѣть... Мнѣ плакать хочется отъ стыда за васъ... (Закрываетъ глаза платкомъ.)

Панибратовъ.

Софья Павловна, простите великодушно! Право, одна шутка была. Неужели я промѣняю ваше расположеніе на что-нибудь... Ну, я на колѣни стану передъ вами! (Оглядывается.) Право, стану на колѣни... Софья Павловна! Не отвергайте преданнаго вамъ всей душой и сердцемъ... Позвольте ручку вашу поцѣловать.

Софья Павловна.

Подите прочь! Не стоите.

Панибратовъ.

Ну, право, я самъ заплачу... Что я такое сдѣлалъ? Одна только шутка была... Съ гувернанткой пошутилъ... Что за важность такая?.. Право, больше никогда не буду. Въ первый и послѣдній разъ...

Софья Павловна.

Ужъ, конечно, не будете, потому что возлюбленная ваша замужъ выходитъ.

Панибратовъ (быстро).

Какъ, Анна Ивановна замужъ? За кого это?

Софья Павловна.

Видите, какъ это взволновало васъ... Подите...

Панибратовъ.

Софья Павловна, право, я радъ этому! По крайней мѣрѣ, очищусь отъ всякаго подозрѣнія въ вашихъ глазахъ... Право, радъ. (Цѣлуетъ руку Софьи Павловны.) Ей-Богу, радъ... За кого же это?

Софья Павловна (съ насмѣшкой).

Прекрасную партію дѣлаетъ, — за приказнаго, вотъ за того самаго, съ которымъ она въ залѣ теперь любезничаетъ!

Панибратовъ.

Какъ, за Перконторова? Вотъ не ожидалъ! Каковъ?..

Софья Павловна (съ горькой улыбкой).

Что, а вамъ завидно, что опоздали? Вотъ она какъ васъ любитъ.

Панибратовъ.

Ну, и съ Богомъ!.. Я радъ, право... Мнѣ все равно,только вы не гнѣвайтесь.(Оглядывается и цѣлуетъ руку Софьи Павловны.)

Софья Павловна.

Отстаньте отъ меня со своими любезностями. Я терпѣть не могу тѣхъ людей, которые говорятъ одно, а думаютъ другое.

Панибратовъ.

Софья Павловна, я, право, то самое думаю.

Софья Павловна.

Что вы думаете?

Панибратовъ.

А что я очень радъ.

Софья Павловна.

Чему?

Панибратовъ.

Что это звено, такъ сказать, между нами разрушается, и вы опять будете обо мнѣ прежняго мнѣнія.

Софья Павловна (съ улыбкой).

Я всегда объ васъ была одного мнѣнія, что вы вѣтреникъ и непостоянный...

Панибратовъ.

Я вѣтреникъ? Я непостоянный? Нѣтъ, Софья Павловна, я примѣрной нравственности человѣкъ... Пусть разрушится поскорѣе и послѣднее бремя, отягощающее мою совѣсть...

Софья Павловна.

Вы хотите этого?

Панибратовъ.

Искренно желаю.

Софья Павловна.

Вы не лжете?

Панибратовъ.

Клянусь вамъ, не лгу... Пусть грады и дожди, и бури небесныя посыплются на мою голову, если я лгу...

Софья Павловна.

Хорошо! Такъ чтобы доставить вамъ это удовольствіе, я сейчасъ же устрою счастіе вашей возлюбленной...

Панибратовъ.

Какъ, неужели ужъ и свадьба?

Софья Павловна.

Нѣтъ еще, а только объявлю ей, что она должна идти замужъ за Харлампія Николаича... Подите, пошлите ко мнѣ ихъ обоихъ, а сами поѣзжайте домой...

Панибратовъ.

А мнѣ не будетъ никакого утѣшенія, никакой сладкой надежды?..

Софья Павловна (лукаво).

На что?

Панибратовъ.

На ваше прощеніе и возвращеніе вашего великодушія...

Софья Павловна.

Если обѣщаетесь вести себя хорошо, то пріѣзжайте послѣзавтра на цѣлый день. Я буду имянинница, даю обѣдъ и вечеромъ гулянье въ саду...

Панибратовъ.

Обѣщаю и клянусь ... быть тише овцы, ниже воды ...

Софья Павловна.

Ну подите ... шалунъ!..

Панибратовъ.

А вашу ручку, въ знакъ примиренія?

Софья Павловна (подавая руку).

На-те, отступитесь ...

Панибратовъ

(цѣлуя руку нѣсколько разъ сряду).

Вотъ она моя утѣшительница!.. Моя возстановительница!.. моя ...

Софья Павловна.

Ну, ну, подите ... Негодный!.. Пріѣзжайте же послѣзавтра ...

Панибратовъ.

Не пріѣду только въ такомъ случаѣ, если море поднимется изъ береговъ и ляжетъ между нами горою ... До свиданія, добрѣйшая, утѣшающая, услаждающая Софья Павловна.

Софья Павловна.

Ну, ну, подите, подите ... Присылайте ко мнѣ жениха и невѣсту.

Панибратовъ.

Ухожу ... До радостнаго свиданія! (Уходитъ.)

Софья Павловна

(про себя, смотря вслѣдъ уходящему Панибратову, съ улыбкой).

Ужъ правду говоритъ Авдотья, что огонь огненный ... Негодный!.. Ахъ, мужчины, мужчины!..

Явленіе одиннадцатое.

Софья Павловна, Лизанька, Анна Ивановна и Перконторовъ.

Софья Павловна.

Лизанька, поди, мой другъ, на минутку въ свою комнату. (Къ Аннѣ Ивановнѣ.) А вы здѣсь останьтесь.

Лизанька (садясь).

Да что это, маменька, только что пришла сюда, успѣла сѣсть, и поди вонъ?.. Который разъ вы меня сегодня выгоняете?..

Софья Павловна.

Что же, мой другъ, если мнѣ нужно, если у меня есть дѣла, при которыхъ тебѣ не слѣдуетъ быть?

Лизанька.

Да что же, маменька? Если я не хочу уходить, если я здѣсь хочу сидѣть?

Софья Павловна.

А если тебѣ говорятъ, Лиза, что здѣсь нельзя тебѣ быть?

Лизанька.

Да что же, мамаша, вы гоняете меня сегодня цѣлый день, какъ гончую какую?

Софья Павловна.

Что за выраженія! (Къ Аннѣ Ивановнѣ.) Вы, что ли, научили ее этимъ выраженіямъ, — она до васъ ихъ не знала.

Лизанька.

Ну, вотъ, теперь Анна Ивановна виновата ... Господи, что это, маменька ... Тоска смертельная! ... Раздѣнусь и цѣлый день сегодня не выйду ... (Встаетъ и уходитъ въ двери налѣво.)

Софья Павловна (Аннѣ Ивановнѣ).

Какъ вы хорошо исполняете свои обязанности! .. Очень чувствуете благодѣянія, которыя вамъ дѣлаютъ. Совсѣмъ избаловали Лизу ... Стыдились бы ... Садитесь вотъ сюда поближе. (Указываетъ ей кресло.) Харлампій Николаичъ, садись и ты сюда поближе. (Анна Ивановна садится.)

Перконторовъ.

Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство ... Я такъ-съ ...

Софья Павловна.

Ну, какъ хочешь ... (Обращаясь къ Аннѣ Ивановнѣ.) Вотъ Харлампій Николаичъ дѣлаетъ вамъ честь, — проситъ руки вашей ...

Перконторовъ (поспѣшно).

Не честь, я, такъ сказать, прошу осчастливить, какъ и осмѣлился уже излагать предъ вами.

Софья Павловна
(съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ).

Нѣтъ, именно честь ... ужъ ты дай мнѣ говорить!.. Именно дѣлаетъ честь, прося руки вашей, потому что онъ благородный, чиновникъ и ... какой ты дворянинъ?..

Перконторовъ.

Я-съ?.. Нѣтъ-съ, я не имѣю чести быть дворяниномъ ...

Софья Павловна.

Да ты самъ же давеча говорилъ мнѣ ...

Перконторовъ.

Да-съ, точно такъ-съ, личный дворянинъ-съ ... Да это ничего-съ, все равно ... я такъ только ...

Софья Павловна
(не слушая Перконторова).

Такъ именно дѣлаетъ честь, потому что онъ личный дворянинъ ... а вы ... вы знаете, кто вы?.. И поэтому я увѣрена, что вы будете такъ благоразумны, что съ радостью примете его предложеніе, тѣмъ болѣе, что я съ своей стороны ... несмотря на нѣкоторыя обстоятельства, за которыя вы не заслуживали бы никакого вниманія съ моей стороны ... несмотря на нихъ, я ... по добротѣ своей ... и великодушію ... готова сдѣлать вамъ еще одно благодѣяніе, именно подарить вамъ тѣ деньги, которыя вамъ дала и которыхъ вы не заслужили еще ... Понимаете вы меня?..

Анна Ивановна
(смущенная рѣчью Софьи Павловны).

Понимаю ... но ...

Софья Павловна.

Предупреждаю, что я не желала бы слышать отъ васъ никакихъ „но“ ... Когда вамъ дѣлаютъ благодѣяніе, вы должны принимать его съ благодарностью, потому что вы ... (Дѣлаетъ гримасу.)

Анна Ивановна.

Я благодарна вамъ, Софья Павловна, за ваше великодушіе и Харлампію Николаичу за честь, которую они мнѣ дѣлаютъ, но ...

Софья Павловна.

Я вамъ сказала, — безъ этихъ „но“ ...

Анна Ивановна (твердо).

Я ни за кого не пойду замужъ ...

Софья Павловна
(съ насмѣшливой улыбкой).

Это что-то новенькое ... Какъ же вы намѣрены распорядиться вашей судьбой?..

Анна Ивановна.

Какъ будетъ угодно Богу ...

Софья Павловна.

Но вы, я думаю, помните, что полтора года обязаны служить мнѣ ...

Анна Ивановна.

Помню-съ.

Софья Павловна.

Какъ же намѣрены вести себя эти полтора года?

Анна Ивановна.

Какъ всегда.

Софья Павловна
(принужденно смѣется).

То-есть такъ же вѣтренничать, такъ же цѣловаться и интриговать со всѣми посѣтителями моего

дома, подавать постоянно дурной примѣръ моей дочери, какъ вы дѣлали до сихъ поръ?..

Анна Ивановна (блѣднѣя).

Что вы говорите, Софья Павловна?..

Софья Павловна.

Я говорю, милая моя, то, что есть, хотя мнѣ и очень прискорбно, что я должна такъ рекомендовать васъ вашему жениху ...

Анна Ивановна (вспыльчиво).

Странно же, что вы рѣшились сватать меня Харлампію Николаичу, тогда какъ вы такъ дурно думаете обо мнѣ ...

Перконторовъ

(который въ продолженіе всего разговора Софьи Павловны съ Анной Ивановной находился въ крайнемъ смущеніи и хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшался, — поспѣшно).

Это ничего-съ, Анна Ивановна, только осчастливьте.

Софья Павловна (гордо).

Милая моя, нельзя ли безъ подобныхъ фразъ?.. Вспомни, кто ты и кто я ... Во всякомъ случаѣ ты ничего больше, какъ простая крестьянка ...

Анна Ивановна.

Неужели вы думаете оскорбить меня, напоминая мнѣ, что я крестьянка?.. Я это давно знаю и не стыжусь ...

Софья Павловна (разгорячась).

Оскорбить тебя мнѣ нисколько неважно и неинтересно, а я говорю къ тому, чтобы напомнить тебѣ, моя милая, что ты, зная свое происхожденіе, должна бы болѣе дорожить такимъ домомъ, какъ мой, и не вести себя такъ неприлично, какъ ты вела себя до сихъ поръ ...

Анна Ивановна.

Я не знаю, что вы неприличнаго находите въ моемъ поведеніи?..

Софья Павловна (запальчиво).

И ты еще смѣешь говорить, негодная? Развѣ я не вижу, что ты стараешься завлекать всѣхъ молодыхъ людей, которые ѣздятъ ко мнѣ? Развѣ не тебя застала нянька Лукерья, когда ты цѣловалась и обнималась съ Петромъ Иванычемъ? А, что ты скажешь?..

Анна Ивановна

(съ трудомъ скрывая слезы).

Софья Павловна, до сихъ поръ я не рѣшалась говорить вамъ, какъ въ вашемъ домѣ этотъ низкій человѣкъ позволяетъ себѣ дерзко обходиться со мной; гордость не позволяла мнѣ жаловаться вамъ на него ... и я рѣшаюсь сказать вамъ объ этомъ теперь только потому, что вы оскорбляете меня въ присутствіи посторонняго человѣка ... Панибратовъ на каждомъ шагу преслѣдуетъ меня, обращается со мной хуже, нежели съ каждой вашей горничной дѣвушкой ...

Софья Павловна.

Конечно, разница не велика, моя милая ... Но я такого мнѣнія, что и горничную дѣвушку никто не осмѣлится обидѣть, если она ведетъ себя, какъ слѣдуетъ, скромно и прилично ... А на такую дѣвушку, которая сама старается завлечь молодыхъ людей, конечно, смотрятъ иначе.

Анна Ивановна.

Софья Павловна, я вижу, вы хотите оскорбить меня, но за что?.. Что я вамъ сдѣлала? Богъ вамъ судья...

Софья Павловна.

Сдѣлайте милость, не прикидывайтесь такой несчастной, угнетенной ... Вамъ никто не повѣритъ, никого не разжалобите ... Да и не объ томъ теперь говорятъ. Вамъ сказано, что вы должны выдти замужъ за Харлампія Николаевича ...

Анна Ивановна.

Неужели же вы думаете, что можете заставить меня выдти замужъ по неволѣ?..

Софья Павловна.

Я ничего не хочу думать, но говорю вамъ, что для своей же пользы вы должны выдти за Харлампія Николаича, потому что я не желаю, чтобы вы оставались въ моемъ домѣ развращать мою дочь...

Анна Ивановна.

Господи, что̀ это такое?.. Такъ отпустите меня... (Закрываетъ глаза платкомъ.

Софья Павловна.

Да, конечно, вамъ въ довершеніе всего хочется еще даромъ воспользоваться моими деньгами ... Да нѣтъ, я не такъ глупа, чтобы позволила кому-нибудь себя обманывать ...

Анна Ивановна (сквозь слезы).

Я не хочу васъ обманывать ... Я сама не хочу взять даромъ вашихъ денегъ ...

Софья Павловна.

Ну, такъ вы должны знать и то, что я не хочу васъ держать при моей дочери ... Вы знаете почему?.. И если вы не выйдете за Харлампія Николаича, то я просто посажу васъ работать въ дѣвичьей, — тамъ вы можете любезничать со всѣми лакеями, сколько вамъ угодно.

Анна Ивановна
(вспыхнувъ и гордо выпрямляясь).

Вы не смѣете этого сдѣлать!.. Я найду защитниковъ ... Богъ милостивъ ... Вамъ не позволятъ такъ поступить ... Это низко, безчестно!..

Софья Павловна.

Потише, потише, моя милая, если не хочешь, чтобы я сейчасъ же исполнила свои слова ... Ты забыла, что у меня есть условіе, которымъ ты обязываешься жить у меня въ домѣ три года; но въ какомъ званіи, — этого не сказано ... Но я еще такъ благородна и великодушна, что хочу тебѣ сдѣлать благодѣяніе, выдавая замужъ ...

Анна Ивановна
безмолвно упадаетъ въ кресло и начинаетъ плакать.

Софья Павловна (насмѣшливо).

Плакать нечего ... Этими слезами никого не разжалобишь ... Я даю вамъ еще время подумать!.. Харлампій Николаичъ, останься здѣсь и поговори съ нею, потомъ приди сказать мнѣ о ея рѣшительномъ согласіи ... А мнѣ надоѣли ужъ эти сцены ...

(Уходитъ, бросивъ презрительный взглядъ на Анну Ивановну.)

Явленіе двѣнадцатое.

Анна Ивановна и Перконторовъ.

Анна Ивановна
(продолжаетъ молча плакать).

Перконторовъ (съ состраданіемъ).

Анна Ивановна, не плачьте-съ ... Ничего не будетъ-съ, только осчастливьте ... Анна Ивановна, осчастливьте-съ!..

Анна Ивановна.

Какъ вы еще можете просить моей руки, когда меня такъ дурно отрекомендовала вамъ Софья Павловна?..

Перконторовъ.

Это ничего-съ... Я не посмотрю-съ, только-съ осчастливьте меня-съ... Анна Ивановна...

Анна Ивановна.

Послушайте, я пошла бы за васъ, но не пойду, потому что мнѣ васъ жалко, — вы не будете со мной счастливы...

Перконторовъ.

Нѣтъ-съ, Анна Ивановна... истинно буду-съ...

Анна Ивановна.

Нѣтъ, нѣтъ, я не могу любить васъ, хотя и вижу, что вы прекрасный человѣкъ...

Перконторовъ.

Отчего же-съ, Анна Ивановна?.. Я буду стараться заслужить...

Анна Ивановна.

Оставьте это, Харлампій Николаевичъ! Я не могу быть вашей женою... (Задумывается, потомъ вдругъ оживляясь.) Послушайте! Вы, кажется, благородный, добрый человѣкъ; вы видите, какъ обращаются со мной въ этомъ домѣ, гдѣ я никому не сдѣлала зла... Послушайте, спасите меня, дайте мнѣ денегъ взаймы, чтобы выкупиться отсюда... Ради Бога!..

Перконторовъ (поспѣшно).

Не извольте и безпокоиться, съ величайшимъ удовольствіемъ-съ, только осчастливьте, Анна Ивановна... Впрочемъ, Софья Павловна и безъ того-съ...

Анна Ивановна.

Нѣтъ, ради Бога, ради Создателя ... дайте мнѣ денегъ взаймы ... Я заплачу вамъ послѣ ...

Перконторовъ.

Какъ-съ?.. Такъ-съ?.. За что же-съ?.. Если бы осчастливили ...

Анна Ивановна.

Да!.. Извините, что я попросила васъ ... Простите меня, пожалуйста!..

Перконторовъ.

Нѣтъ-съ, ничего-съ ... Это что же такое-съ!.. Анна Ивановна, я готовъ-съ, только сдѣлайте мои чувства счастливыми ... Право, раскаяваться не будете-съ! Я весь къ вамъ полной душой ... Одно только и помышленіе ...

Анна Ивановна.

Я вамъ сказала, что не могу быть вашей женой!

Перконторовъ.

Отчего же, Анна Ивановна? Если насчетъ чего... для меня ничего-съ, я перенесу на себѣ великодушно ... только впередъ, чтобы, конечно, ужъ...

Анна Ивановна (гордо).

Оставьте меня!.. Подите прочь!.

Перконторовъ.

Вѣдь, я ничего-съ, Анна Ивановна... Я не отъ себя-съ... Я только со словъ Софьи Павловны-съ... Простите великодушно.

Анна Ивановна (ломая руки).

Господи ... Что это такое!.. (Плачетъ).

Перконторовъ.

Анна Ивановна, что же-съ ?.. Скажите хоть словечко одно-съ ... Анна Ивановна!.. Неужели я долженъ теперь измучиться своими чувствами?.. Пожалѣйте меня ... совсѣмъ могу пропасть ... даже дѣла всѣ въ запущеніи ... Анна Ивановна, неужели не будетъ никакой надежды?..

Анна Ивановна.

Оставьте же меня, ради Бога ...

Перконторовъ (махнувъ рукой).

Богъ съ вами, Анна Ивановна!.. (Закрываетъ глаза одною рукою, между тѣмъ какъ другою достаетъ изъ кармана носовой платокъ и медленно идетъ къ дверямъ, потомъ опять возвращается и нѣсколько минутъ стоитъ молча и смотритъ на плачущую Анну Ивановну.) Анна Ивановна ... (жалобно) пожалѣйте!.. Чѣмъ же я виноватъ въ своихъ чувствахъ?.. Анна Ивановна, я и денегъ сейчасъ принесу, сколько прикажете, только сдѣлайте меня человѣкомъ ...

Анна Ивановна (приподнимаясь).

Боже мой!.. Уйдете ли вы?.. Или я уйду... (Опять опускаясь въ кресло.) Господи, даже скрыться негдѣ, — вездѣ люди ...

Перконторовъ.

Я уйду-съ, я уйду-съ, Анна Ивановна .. (Со вздохомъ.) Прощайте, Анна Ивановна! (Уходитъ.)

Явленіе тринадцатое.

Анна Ивановна (одна).

Господи, что за жизнь, что за люди... Зачѣмъ я оставила отца и брата! Они любили меня ... Охъ, дорого мнѣ достается моя свобода, мое образованіе!.. Братецъ, братецъ, не знаешь ты, не чувствуетъ

твое сердце, что здѣсь дѣлаютъ со мной!.. А то бы ты пріѣхалъ сюда, защитилъ меня ... Ты благороденъ, великодушенъ ... ты лучше ... Одна, одна ... Господи, спаси меня!.. Тошно ... (Плачетъ.)

Явленіе четырнадцатое.

Анна Ивановна и Радугинъ.

Радугинъ

(входя и замѣчая слезы Анны Ивановны, нѣсколько секундъ стоитъ молча, потомъ быстро подходитъ къ ней).

Анна Ивановна!.. Что съ вами?.. Вы плачете?..

Анна Ивановна (смутившись).

Ахъ ... Алексѣй Дмитричъ...

Радугинъ (съ участіемъ).

О чемъ вы плачете?..

Анна Ивановна.

Такъ ... грустно ... Извините, пожалуйста, я не могу ... (Быстро уходитъ.)

Явленіе пятнадцатое.

Радугинъ (одинъ).

Бѣдная дѣвушка!.. Такъ мила, умна, хороша собой ... (Въ раздумьѣ.) Лизанька и она!.. Всѣ думаютъ, что я влюбленъ въ Лизаньку; но кто знаетъ, какъ мнѣ мало нравится она и какъ много ... Неужели?.. Да, я люблю Анну Ивановну ... И въ то же время хочу жениться на Лизанькѣ ... Я богатъ, она тоже богата, и потому насъ сватаютъ... а я соглашаюсь жениться не любя... (Горько улыбается)

Либо я ничтоженъ, либо свѣтъ силенъ!.. Но неужели даже движенія души должны быть подчинены его условіямъ?..

Явленіе шестнадцатое.

Радугинъ и Лизанька.

Лизанька

(вбѣгая съ веселымъ лицомъ)

Ахъ, Алексѣй Дмитричъ, насилу-то вы пріѣхали!.. Я давно ждала васъ ...

Радугинъ.

Здравствуйте, Лизавета Степановна ...

Лизанька.

Садитесь ... Что вы какой скучный?

Радугинъ.

Нѣтъ, ничего ... Послушайте, о чемъ плакала ваша гувернантка, когда я вошелъ сюда?..

Лизанька.

Право, не знаю ... Можетъ быть, просто ни о чемъ ...

Радугинъ.

Какъ ни о чемъ?

Лизанька.

Такъ ... Она у насъ часто плачетъ ...

Радугинъ.

Но не можетъ же быть, чтобы безъ всякой причины.

Лизанька.

Ну, разумѣется, кто-нибудь досадитъ, обидитъ... А она такая чувствительная, — ничего не можетъ перенести ...

Радугинъ.

А сегодня, не знаете, кто ее обидѣлъ?

Лизанька.

Не знаю, право ... Вѣрно, съ маменькой что-нибудь вышло ... Да полноте, что вы такъ интересуетесь ею! Смотрите, чтобы я не стала васъ ревновать къ этой крестьянкѣ ... (Смѣется.)

Радугинъ.

А развѣ нельзя ревновать къ крестьянкѣ?

Лизанька.

Я думаю, нѣтъ ...

Радугинъ.

Почему же?

Лизанька.

Вотъ смѣшной вопросъ. Что же вы будете за monsieur Радугинъ, если будете влюблены въ крестьянку!.. Фи!..

Радугинъ.

Но если эта крестьянка умна, хороша собой, образована.

Лизанька.

Алексѣй Дмитричъ, послушайте! Я серьезно разсержусь на васъ ... Будто у васъ нѣтъ другаго разговора?

Радугинъ.

Да почему же нельзя говорить объ Аннѣ Ивановнѣ?

Лизанька.

Потому, что она не стоитъ этого.

Радугинъ.

А, мнѣ кажется, очень стоитъ ... Скажите правду, вѣдь она добра?

Лизанька.

Ну такъ что же?

Радугинъ.

Вѣдь умна и хороша собой?

Лизанька (надувши губки).

Послушайте, Алексѣй Дмитричъ! Вы, вѣрно, прiѣхали для того, чтобы мучить меня, а я и безъ того сегодня измучена.

Радугинъ (съ улыбкой).

Чѣмъ это?

Лизанька (вспыхнувъ).

Послушайте, monsieur Радугинъ, вы смѣетесь, кажется, надо мной?

Радугинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не сердитесь!..

Лизанька.

Извинитесь, а то буду сердиться!..

Радугинъ.

Ну, pardon!..

Лизанька.

Подъ условiемъ ...

Радугинъ.

Подъ какимъ это?

Лизанька.

Чтобы вы впередъ всегда говорили со мной о томъ, о чемъ я захочу, а сами не выдумывали ...

Радугинъ (улыбаясь).

Вы меня освобождаете отъ большаго труда, — согласенъ.

Лизанька.

Ну, говорите же о чемъ-нибудь о другомъ.

Радугинъ.

О чемъ же прикажете?

Лизанька.

Ну, что новаго въ городѣ?

Радугинъ.

Не знаю!

Лизанька.

Ахъ, Алексѣй Дмитричъ, какой вы сегодня несносный!.. (Отворачивается.)

Радугинъ

(опускаетъ голову и задумывается).

Лизанька (взглянувъ на Радугина).

Опять задумался ... Ахъ, какой!.. Алексѣй Дмитричъ!..

Радугинъ.

Что вамъ угодно?

Лизанька.

Мнѣ угодно, чтобы вы не спали, сидя со мной...

Радугинъ.

Я не спалъ ...

Лизанька.

Чтобы и не думали ни о чемъ ...

Радугинъ.

Какъ? Ни о чемъ не думать?.. Я этого не умѣю...

Лизанька.

Ну, перестаньте же, перестаньте. Скажите мнѣ лучше, знаете ли вы, что послѣзавтра маменька имянинница?..

Радугинъ.

Знаю.

Лизанька.

И вы, конечно, пріѣдете къ намъ?

Радугинъ.

Безъ сомнѣнія. Что у васъ будетъ?

Лизанька.

Будетъ обѣдъ, потомъ вечеръ, танцы и гулянье въ саду съ иллюминаціей ... Можетъ быть, даже будетъ фейерверкъ ... Вѣдь, не правда ли, это будетъ весело, хорошо?

Радугинъ.

Я думаю. (Входитъ Софья Павловна.) Здравствуйте, Софья Павловна.

Явленіе семнадцатое.

Тѣ же и **Софья Павловна.**

Здоровы ли вы, Алексѣй Дмитричъ? (Садится.)

Радугинъ.

Слава Богу.

Лизанька.

Мамаша, сегодня Алексѣй Дмитричъ ни на что не похожъ, — задумчивъ, молчаливъ, ни о чемъ не можетъ говорить, кромѣ Анны Ивановны.

Софья Павловна.

Какой это Анны Ивановны?

Лизанька.

Вотъ нашей гувернантки ...

Софья Павловна (презрительно).

Этой ... Мнѣ никакъ и въ голову не могло придти, чтобы Алексѣй Дмитричъ могъ помнить о ея существованіи ...

Радугинъ.

Нѣтъ, вотъ видите ли,—я засталъ ее здѣсь въ слезахъ. Мнѣ стало жаль бѣдной дѣвушки, и я спрашивалъ Лизавету Степановну, о чемъ плакала Анна Ивановна.

Софья Павловна.

А знаете! Сегодня эта гувернантка моя ужасно меня разсердила. Вообразите, къ ней сватается Харлампій Николаичъ Перконторовъ . . .

Лизанька.

Неужели, маменька?

Софья Павловна.

Да.

Лизанька (хохочетъ).

Хорошъ!

Софья Павловна.

Ну, что же, мой другъ, для нея-то? Чего же лучше? (Обращаясь къ Радугину.) Вы не знаете его, я думаю?

Радугинъ.

Нѣтъ, видалъ . . . Знаю.

Софья Павловна.

Что же, мнѣ кажется, человѣкъ смирный, простой и добрый; должность занимаетъ порядочную. Очень бы хорошая партія для нея. Что же вы думаете? вздумала отказывать . . . Это меня ужасно раздражило! Какъ, помилуйте, съ ея происхожденіемъ . . . Вѣдь, вы знаете . . . и такъ много думать о себѣ . . . Это дерзость въ высшей степени.

Радугинъ.

Что же, она такъ и отказала этому Перконторову?

Софья Павловна.

Нѣтъ. Она выйдетъ за него, я настою! Она, можно сказать, обязана мнѣ всѣмъ своимъ благополучіемъ, слѣдовательно, не можетъ не послушаться меня ...

Радугинъ.

Да что же вамъ такъ хочется ее выдать непремѣнно за этого Перконторова, если она не хочетъ идти за него?

Лизанька.

Видите, мамаша, какъ Алексѣй Дмитричъ интересуется всѣмъ, что касается до Анны Ивановны.

Софья Павловна (съ презрительной улыбкой).

Полно, Лиза, неужели ты думаешь, что эти вопросы Алексѣя Дмитрича доказываютъ какое-нибудь участіе съ его стороны къ гувернанткѣ ... Она, я думаю, такъ для него интересна, какъ и всякая горничная дѣвушка ... Это такъ, pour passer le temps ... (Обращаясь къ Радугину.) Вотъ видите,—я хочу ее выдать за этого жениха для ея же счастія, потому что партія эта для нея самая приличная, притомъ она у меня долго не можетъ оставаться; скоро совершеннолѣтіе Лизаньки, а отпустить ее изъ своего дома на полную свободу, признаюсь, мнѣ жалко ... изъ великодушія ... Согласитесь, — дѣвушка ... одна ... на свободѣ ... долго ли?.. Не съумѣетъ себя выдержать ... Ну, здѣсь, конечно, она жила въ моемъ домѣ, — кое къ чему все поприсмотрѣлась ... какъ порядочные люди живутъ. А, вѣдь, послѣ попадетъ Богъ знаетъ куда ... можетъ совсѣмъ потеряться ...

Радугинъ.

Такъ вы лучше доставьте ей мѣсто въ какомъ-нибудь хорошемъ домѣ.

Софья Павловна.

Ахъ, Алексѣй Дмитричъ, развѣ это такъ легко?.. Вѣдь я ее держу такъ только ... чтобы дать ей пріютъ, а то, вѣдь, она совсѣмъ мнѣ не нужна ... Лизанькѣ нечего пріобрѣтать у нея, а живетъ такъ, въ родѣ компаніонки ...

Радугинъ.

Такъ вы думаете, что она непремѣнно выйдетъ за Перконторова?

Софья Павловна.

Разумѣется. Ей никакъ не должно упускать этой партіи ... Вѣдь, и тутъ я ей дарю тысячу рублей. Я, вѣдь, ей впередъ дала двѣ тысячи, чтобы она прожила у меня три года, но она прожила еще только полтора ...

Лизанька.

Ахъ, мамаша, какъ, право, все это скучно! Какой разговоръ завели ... Алексѣй Дмитричъ, пойдемте въ залу, протанцуйте лучше со мной польку, а Анна Ивановна сыграетъ на фортепіано ...

Радугинъ.

Извините. Ей-Богу, не могу ...

Лизанька.

Что вы какой сегодня ... Это прескучно ...

Софья Павловна.

Ахъ, Лизанька, мой другъ, развѣ нельзя быть не въ духѣ ... Алексѣй Дмитричъ, вѣрно, не въ духѣ сегодня.

Лизанька.

Ну, смотрите, Алексѣй Дмитричъ, въ другой разъ и я буду не въ духѣ, когда вы будете веселы (Надуваетъ губки.)

Софья Павловна.

Ахъ, рѣзвушка, шалунья!.. Скажите, Алексѣй Дмитричъ, вы давно не были у Пулиныхъ?

Радугинъ.

Кажется, недѣли двѣ назадъ.

Софья Павловна.

Что, они всѣ здоровы?

Радугинъ.

Кажется.

Софья Павловна.

Надобно мнѣ съѣздить къ нимъ. Давно не бывала. Говорятъ, они дѣлаютъ прекрасную партію дочери ... Слышали вы?

Радугинъ (разсѣянно).

Не знаю, право ... Да, кажется ... (Приподнимается съ кресла.)

Софья Павловна.

Что это, вы собираетесь?

Радугинъ.

Да, у меня есть дѣло ...

Лизанька.

Полноте, полноте, что еще за дѣло ... Останьтесь у насъ обѣдать ... Положите вашу шляпу.

Софья Павловна.

Я тоже была увѣрена, что вы будете кушать у насъ.

Радугинъ.

Благодарю васъ, но мнѣ, право, нездоровится.

Софья Павловна.

Нездоровится? Это нехорошо! Что же съ вами?

Радугинъ.

Такъ, что-то дурно себя чувствую ...

Лизанька.

Вздоръ, вздоръ!.. Если вы нездоровы въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ больше должны остаться у насъ, чтобы я не безпокоилась о вашемъ здоровьѣ.

Радугинъ (съ улыбкой).

Послѣзавтра вы меня увидите, но теперь не могу-съ. Прощайте, Софья Павловна. Adieu, mademoiselle ...

Лизанька.

Я съ вами не хочу и прощаться.

Радугинъ (сухо).

Какъ угодно! (Уходитъ.)

Явленіе восемнадцатое.

Софья Павловна и Лизанька.

Софья Павловна.

Ахъ, Лизанька, что ты какъ обходишься съ нимъ: какъ съ родственникомъ или женихомъ!.. Это неприлично, душа моя!

Лизанька.

Что за неприлично, маменька! Вѣдь, вы сами говорили мнѣ, что это мой женихъ.

Софья Павловна.

Да, будущій, но не настоящій.

Лизанька.

Все равно.

Софья Павловна.

Совсѣмъ не все равно, мой другъ.

Лизанька.

Все равно.

Софья Павловна.

Я же тебѣ говорю, Лиза, ты должна слушать, а не возражать. Впередъ не смѣть такъ обращаться съ нимъ! Это станутъ всѣ смѣяться ...

Лизанька.

Я иначе не умѣю обращаться!

Софья Павловна.

Лизавета Степановна! Вы, кажется, забываетесь, что говорите съ матерью?

Лизанька (сквозь слезы).

Да что же, мамаша! Что ни дѣлай, все у васъ не такъ ...

Софья Павловна.

Лизавета, молчать!.. Не выведи меня изъ терпѣнія.

Лизанька.

Вы меня самое цѣлый день выводите изъ терпѣнія, а я и то цѣлый день молчала.

Софья Павловна.

Замолчи же, тебѣ говорятъ! Что за тонъ ... Кто это тебя выучилъ? Твоя возлюбленная гувернантка, что ли?.. Поди отсюда и пошли ее ко мнѣ.

Лизанька (вполголоса).

Вѣрно, меня-то надоѣло мучить, такъ гувернантку еще захотѣлось ... (Уходитъ.)

Явленіе девятнадцатое.

Софья Павловна (одна).

Негодная дѣвчонка! Какая дерзкая! Никакого уваженія нѣтъ!.. Какъ этотъ примѣръ заразителенъ ...

А это все внушенія той негодницы ... Непремѣнно ея внушенія!.. Нѣтъ, право, эта деревенщина выведетъ меня изъ терпѣнія!..

Явленіе двадцатое.

Софья Павловна и Анна Ивановна.

Софья Павловна.

Послушайте, вы такъ испортили своимъ обществомъ Лизаньку, что она потеряла всѣ манеры и даже уваженіе ко мнѣ. Уже по одному этому я не хочу, чтобы вы были при ней ... Что же, надумали ли вы принять предложеніе Харлампія Николаича?

Анна Ивановна.

Софья Павловна, пощадите меня,—онъ мнѣ не нравится.

Софья Павловна.

Васъ объ этомъ и не спрашиваютъ ... А лучше скажите, что вы-то его не стоите, а онъ для васъ—счастье, находка ...

Анна Ивановна.

Можетъ быть, только я не пойду за него.

Софья Павловна.

Почему?

Анна Ивановна.

Потому, что я его не люблю, слѣдовательно, и онъ не будетъ счастливъ со мною ...

Софья Павловна.

Полноте! Эти нѣжности вамъ неприличны! Будете женою, будете и любить ... (Язвительно.) А мнѣ такъ кажется, вамъ хочется остаться у меня, чтобы продолжать ваши низкія интриги ...

Анна Ивановна.

Софья Павловна, не обижайте меня! Если вамъ угодно, чтобы я оставила вашъ домъ, дайте мнѣ срока нѣсколько недѣль. Я достану денегъ, уплачу вамъ свой долгъ и уйду ... А до тѣхъ поръ даже не буду и выходить изъ своей комнаты!..

Софья Павловна (принужденно смѣется).

Да, да! Ну, какъ же!.. Будете сидѣть въ своей комнатѣ, которой у васъ и нѣтъ, и будете принимать тамъ посѣтителей ... Вы мнѣ заплатите? Скажите, пожалуйста!.. Гдѣ же это вы возьмете денегъ?

Анна Ивановна.

Я постараюсь занять у кого-нибудь.

Софья Павловна.

Да, да, вамъ сейчасъ и дадутъ! Оставьте, пожалуйста, со мной всѣ эти увертки и извольте сказать мнѣ прямо: хотите вы идти за Харлампія Николаича, или нѣтъ?

Анна Ивановна.

Нѣтъ, я не пойду!

Софья Павловна (съ угрозой).

Вы не пойдете?

Анна Ивановна.

Нѣтъ!

Софья Павловна.

Такъ изволь идти въ дѣвичью, тебѣ дадутъ тамъ работу, и ни ногой ни въ комнату дочери, ни сюда ... Изволь отправляться!..

Анна Ивановна.

Это жестоко, Софья Павловна!.. Я убѣгу изъ дому, буду жаловаться на васъ ... Это низко!..

Софья Павловна.

Ты?.. жаловаться?.. на меня?.. Поди, поди!.. Посмотрю я, кто приметъ твою просьбу и возьметъ твою сторону противъ меня!.. Ты ... жаловаться ... на меня ... ха, ха, ха!.. (Все болѣе и болѣе горячась.) Такъ послѣ этого, что ты смѣла мнѣ сказать,—тебя кормить будутъ тѣмъ же, что ѣдятъ дѣвки, тебѣ постели не дадутъ! На полу будешь валяться ... Жалуйся же на меня, а ужъ я надъ тобой потѣшусь!.. Авдотья, Авдотья!.. Убѣжишь,—чрезъ полицію вытребую ... Я тебѣ дамъ, негодница!.. Ты цѣловаться? ... Ты обниматься? ... Ты развратничать?.. Погоди ... Пошла сейчасъ въ дѣвичью ... (Входитъ Авдотья.) Авдотья, отведи ее въ дѣвичью, посади работать съ дѣвками и не смѣй никуда выпускать оттуда ... Слышишь?

Авдотья.

Слышу, сударыня.

Анна Ивановна

(блѣднѣвшая все болѣе и болѣе впродолженіи рѣчи Софьи Павловны).

Господи, защити меня!.. Богъ васъ накажетъ!.. (Въ истерическихъ судорогахъ падаетъ въ кресло.)

Занавѣсъ опускается.

Конецъ перваго дѣйствія.

Дѣйствіе второе.

Сцена представляетъ комнату Лизаньки. У задней стѣны кровать Лизаньки подъ бѣлымъ кисейнымъ занавѣсомъ; у правой стѣны кровать Анны Ивановны безъ занавѣса; рядомъ съ ней комодъ, на немъ разныя бездѣлушки: склянки съ духами, банки съ помадой, фарфоровыя куколки, маленькія шкатулочки, и проч. У лѣвой стѣны туалетъ, столъ и весьма ограниченное количество стульевъ. Дверь налѣво.

Явленіе первое.

Авдотья, Лизанька и Анна Ивановна. (Анна Ивановна сидитъ, опершись локтями на столъ, и, закрывши лицо руками, плачетъ).

Авдотья

(стоитъ передъ Лизанькой и указываетъ на Анну Ивановну).

Я вамъ дѣло говорю, барышня, что маменька не приказали ихъ никуда выпускать изъ дѣвичьей.

Лизанька (сердито топая ногой).

Пошла вонъ! Не твое дѣло.

Авдотья.

Какъ, сударыня-барышня, не мое дѣло? Съ меня маменька послѣ взыскивать будутъ...

Лизанька.

Я тебѣ говорю, пошла вонъ!.. Я хочу, чтобы Анна Ивановна здѣсь была, въ моей комнатѣ

Авдотья.

Ну, какъ угодно, барышня, я пойду къ маменькѣ...

Лизанька (горячась).

Пошла, гадкая!.. Не смѣй со мной говорить!..

Авдотья.

Какъ съ вами не говорить, сударыня, когда напротивъ маменьки дѣлаете?.. Какъ вамъ не докладывать?..

Лизанька (выходя изъ себя).

Дунька, гадкая!.. Пошла вонъ, не смѣй со мной говорить. Я тебѣ въ глаза наплюю...

Авдотья.

Отъ васъ только и ждать, сударыня, хорошаго-то, что въ глаза наплюете... Вотъ сейчасъ пойду маменькѣ пожалуюсь. Они васъ сократятъ... (Уходитъ.)

Лизанька (вслѣдъ ей).

Поди... Гадкая этакая!..

Явленіе второе.

Тѣ-же, безъ **Авдотьи.**

Лизанька.

Перестаньте, душенька, Анна Ивановна, не плачьте!.. Что за глупости!.. Перестаньте плакать... Ничего не будетъ... Право ничего... Не бойтесь...

Анна Ивановна (цѣлуетъ Лизу).

Благодарю васъ, мой ангелъ... Вы однѣ въ цѣломъ домѣ вступились за меня!.. Ваша маменька, Богъ знаетъ за что, разсердилась на меня!..

Лизанька.

Да изъ-за чего у васъ вышло?..

Анна Ивановна.

Ахъ, Лизанька, мнѣ даже стыдно вамъ и разсказывать.

Лизанька.

Ахъ, послушайте, Анна Ивановна, неужели вы выходите за этого гадкаго Харлашу?.. Вѣдь, гадкой, душенька?..

Анна Ивановна.

Вотъ за это-то и разгнѣвалась Софья Павловна, что я не хочу идти за него...

Лизанька.

И не ходите, Анна Ивановна!.. Ну, что это?.. Фи, какой противный!.. Что за мамаша, право!.. непремѣнно бы она всѣхъ сватала, всѣхъ женила... Послушайте. А она говорила сегодня Алексѣю Дмитричу, что вы непремѣнно пойдете за этого... Харлампія... что она васъ заставитъ...

Анна Ивановна

(съ особеннымъ движеніемъ).

Какъ, она ему говорила объ этомъ?..

Лизанька.

Да развѣ она можетъ о чемъ-нибудь молчать?..

Анна Ивановна.

А больше она ничего не говорила ему?.. Ничего не разсказывала?..

Лизанька.

О чемъ?.. О васъ?..

Анна Ивановна.

Да...

Лизанька.

Нѣтъ, ничего... кажется...

Явленіе третье.

Тѣ же и **Софья Павловна** въ сопровожденіи **Авдотьи**.

Софья Павловна (быстро входитъ).

Какъ вы смѣли войдти сюда?.. Вамъ сказано, чтобы вы сидѣли въ дѣвичьей и никуда не смѣли выходить оттуда...

Авдотья.

Это Лизавета Степановна изволили ихъ увести къ себѣ. Я было докладывала, да не изволятъ слушаться...

Лизанька.

Да, мамаша, это я привела сюда Анну Ивановну!..

Софья Павловна.

Какъ же ты смѣла это сдѣлать?..

Лизанька.

Да отчего же, мамаша, не смѣть?.. Я не хочу, чтобы Анна Ивановна сидѣла въ дѣвичьей...

Софья Павловна.

А если тебѣ говорятъ, что матери угодно, чтобы она не смѣла никуда уходить изъ дѣвичьей...

Лизанька.

Полноте, мамаша. За что вы обижаете Анну Ивановну, что она сдѣлала?

Софья Павловна.

Лизавета, ты забываешься, и, кажется, начинаешь давать мнѣ совѣты?.. (Къ Аннѣ Ивановнѣ.) Это чье вліяніе, чье это внушеніе?.. А?.. Вотъ, негодная, твое образованіе... Сейчасъ пошла въ дѣвичью!..

Анна Ивановна (ломая руки).

Софья Павловна? Что вы со мной дѣлаете? Побойтесь Бога...

Софья Павловна.

Дѣлаю то, что надобно... Кто не хочетъ принимать отъ меня благодѣянія или платитъ мнѣ за нихъ зломъ, я всегда такъ поступаю... Ты не хочешь меня послушать, не идешь замужъ, а думаешь, какъ бы мнѣ сдѣлать на зло, такъ вотъ я сама тебя проучу!.. Пошла, пошла!.. (Лизанькѣ.) Я и тебя проучу за твое непослушаніе и дерзости...

Лизанька (насмѣшливо).

Что же, посадите ужъ и меня въ дѣвичью, да еще прясть заставьте!..

Софья Павловна.

Молчать, негодная!.. Ахъ, ты дерзкая дѣвчонка... Помнишься ли?.. Авдотья, отведи эту мужичку туда, гдѣ ей слѣдуетъ быть... (Указываетъ на Анну Ивановну.) Выведи ее!..

Лизанька

(быстро подходитъ къ Аннѣ Ивановнѣ и встаетъ между ею и Авдотьей).

Не смѣйте трогать, мамаша! А то я сама уйду въ дѣвичью, и въ комнаты выходить не буду... и послѣзавтра не выйду!.. А если выйду, такъ разскажу всѣмъ, что вы дѣлаете съ Анной Ивановной... Вы знаете меня, — всѣмъ, всѣмъ разскажу, до одного человѣка!

Софья Павловна (съ гнѣвомъ).

Ахъ ты, дрянная дѣвчонка, какъ ты это смѣешь? Да знаешь ли что я съ тобой сдѣлаю?.. Я возненавижу тебя... прокляну... изъ дому выгоню...

Лизанька.

Ничего не сдѣлаете!..

Анна Ивановна.

Лизанька, не ссорьтесь съ маменькой изъ-за меня... (Твердо.) Софья Павловна, успокойтесь. Я иду за Харлампія Николаевича, я рѣшилась...

Лизанька.

Анна Ивановна, что вы дѣлаете?.. За этого?..

Софья Павловна (принужденно смѣется).

Вотъ давно бы такъ... А то вы думали, что можно дѣлать мнѣ напротивъ?.. Напрасно!.. Слишкомъ ничтожна, моя милая, чтобы бороться со мной... (Къ Лизанькѣ.) А тебя, негодная дѣвчонка, я проучу за твои дерзости...

Анна Ивановна.

Софья Павловна, я иду за Харлампія Николаевича, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы не гнѣвались на Лизаньку.

Софья Павловна.

Пожалуйста, безъ условій, моя милая?.. Да, если вы опять будете вертѣться, такъ не выведите меня изъ терпѣнія, чтобы еще хуже не было...

Анна Ивановна (гордо).

Я вамъ сказала рѣшительно. Мнѣ теперь не для чего...

Софья Павловна.

Ну, то-то, смотрите! Я шутить не люблю... (Хочетъ идти.) А ты у меня помни это!.. (Грозитъ пальцемъ Лизѣ.)

Авдотья (вполголоса).

Что же, матушка, Софья Павловна, теперь прикажете здѣсь оставить ихъ, ужъ туда не нужно отводить.

Софья Павловна.

Теперь можетъ и тутъ быть. (Уходитъ.)

Авдотья.

Вотъ, барышня, говорила вамъ, что маменька разсердится; вотъ такъ и есть ... Докладывала,— не послушались.

Лизанька.

Поди прочь, мерзкая ... Поди вонъ изъ моей комнаты ... Гадкая этакая ...

Авдотья.

Да нечего, сударыня, гадкая?.. Эй, не плюйте въ колодецъ,—испить пригодится ...

Лизанька.

Авдотья, тебѣ говорятъ, поди вонъ! Что это, и въ своей-то комнатѣ покою нѣтъ ... Пошла вонъ!

Авдотья.

Да уйду, уйду, сударыня!.. Не очень мнѣ самой-то нужно ... (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Лизанька и Анна Ивановна.

Лизанька.

Этакая гадкая дѣвка ... Ея первое удовольствіе ссорить и дразнить ... Ахъ, Анна Ивановна, неужели вы въ самомъ дѣлѣ пойдете, душечка, за этого сквернаго?..

Анна Ивановна.

Пойду.

Лизанька.

Полноте, душенька, не ходите. Не слушайте маменьки!.. Что вы ея боитесь?.. Она ничего не смѣетъ сдѣлать ... Она всегда такъ. Если ей уступить, такъ она хуже, а если поспорить хорошенько, такъ сама отступится ... Не ходите, душенька, за этого ...

Анна Ивановна.

Нѣтъ, Лизанька, ваша мамаша все можетъ со мной сдѣлать ... За меня некому вступиться ...

Лизанька.

Я вамъ говорю, что ежели захочу, мамаша ничего не посмѣетъ съ вами сдѣлать ...

Анна Иваноана.

Нѣтъ, нѣтъ, Лизанька, ужь теперь поздно. Я рѣшилась ... Я не хочу, чтобы вы ссорились изъ-за меня съ вашей маменькой.

Лизанька.

Вотъ еще важность какая! Посердится, да и перестанетъ ... Что она мнѣ сдѣлаетъ?

Анна Ивановна.

Полноте, Лизанька, такъ не должно говорить о маменькѣ ... Помните, что она вамъ мать ...

Лизанька.

Зачѣмъ же она поступаетъ со мной не по-матерински?.. У нея первое удовольствіе подразнить меня ... Она меня совсѣмъ не любитъ!..

Анна Ивановна.

Полноте, мой ангелъ, вамъ такъ кажется. Она васъ любитъ!..

Лизанька.

Какъ же, не любитъ!.. Всегда напротивъ дѣлаетъ! Зачѣмъ она васъ такъ мучитъ? Она видитъ, что мнѣ жалко васъ?.. Зачѣмъ она принуждаетъ васъ выходить замужъ?

Анна Ивановна.

Благодарю васъ, мой ангелъ, но не говорите объ этомъ. Мнѣ все равно ... Можетъ быть, я буду счастлива за Харлампіемъ Николаичемъ.

Лизанька.

Ну, полноте, что вы говорите ... Будто я не понимаю, ка̀къ вамъ пріятно выходить за этого подъячаго ...

Анна Ивановна.

Ахъ, Лизанька, Лизанька, если бы вы въ самомъ дѣлѣ могли понять, чего мнѣ это стоитъ ... (Закрываетъ лицо руками.) О, Господи! Господи, поддержи меня.

Лизанька.

Вольно же вамъ слушаться маменьки. Вотъ ужъ ни за что бы не послушалась ...

Анна Ивановна.

Ахъ, Лизанька, вы многаго не знаете, что со мною дѣлаютъ!.. Если бы былъ хоть одинъ человѣкъ, который вступился бы за меня ... (Входитъ Маша.)

Явленіе пятое.

Тѣ же и Маша.

Маша.

Анна Ивановна, къ вамъ пришелъ какой-то мужикъ изъ деревни ...

Анна Ивановна (оживившись).

Изъ какой? Не изъ Тужиловки ли?

Маша.

Изъ нея, изъ нея и есть ... Зосимой себя называлъ.

Анна Ивановна.

Братецъ!.. Господи, благодарю Тебя!.. Гдѣ же онъ, гдѣ?

Маша.

Да тамъ, въ черныхъ сѣняхъ. Никто и сказать-то вамъ не хотѣлъ, совсѣмъ было и его-то прогнали; ужъ я шла, да услышала, такъ остановила.

Анна Ивановна.

Благодарю тебя, душенька, Маша, очень тебѣ благодарна!.. Я пойду къ нему. (Идетъ быстро, но у дверей

останавливается въ нерѣшимости и возвращается къ Лизанькѣ.) Лизанька ... ангелъ мой ... да нѣтъ ...

Лизанька.

Что вамъ, Анна Ивановна?

Анна Ивановна.

Нѣтъ, нѣтъ, ничего!..

Лизанька.

Да скажите мнѣ?..

Анна Ивановна (нерѣшительно).

Да нѣтъ, нельзя Лизанька ... нѣтъ, я пойду ...

Лизанька.

Да скажите же мнѣ ... Что такое?

Анна Ивановна.

Вотъ что, Лизанька ...радость моя!.. Если любите меня, позвольте брату войти сюда на минутку ... только на одну минутку ... Какъ я пойду туда?.. Мнѣ нельзя будетъ слова сказать, — все народъ вездѣ ...

Лизанька.

Такъ что же за важность?.. Позовите ... Я, пожалуй, уйду ...

Анна Ивановна.

Ахъ, ангелъ мой, добрая моя, благодарю васъ, только ... я боюсь, какъ бы маменька не увидѣла ... Она будетъ сердиться ...

Маша.

Ничего, Анна Ивановна, я такъ проведу, что никто и не увидитъ.

Лизанька.

Да вотъ еще вздоръ! Очень я боюсь ... Пусть увидятъ ... Поди, поди, Маша, позови сюда, а если кто остановитъ, скажи, что я приказала ...

Маша.

Сейчасъ, барышня. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Лизанька, Анна Ивановна и потомъ Зосима.

Анна Ивановна.

Благодарю васъ, мой ангелъ ... Богъ васъ наградитъ за это! (Цѣлуетъ Лизу.)

Лизанька.

Вы очень рады, Анна Ивановна, что вашъ братъ пріѣхалъ?

Анна Ивановна.

Ахъ, Лизанька! Я не умѣю и сказать, какъ рада ... Онъ добрый, умный, какъ любитъ меня ... Теперь я ничего не боюсь!..

Лизанька.

Я посмотрю на вашего брата.

Анна Ивановна.

Онъ вамъ не понравится ... Онъ угрюмый ... (Въ дверяхъ показывается Зосима.)

Анна Ивановна

(бросается на шею къ Зосимѣ).

Братецъ! (Цѣлуетъ его и плачетъ отъ радости.)

Зосима (ласково и со слезами).

Аннушка! Голубушка! родная ты моя!.. радость ты!.. (Увидя Лизаньку, освобождается изъ объятій сестры и несмѣло кланяется.)

Лизанька (тоже кланяется).

Здравствуй! .. (Смотритъ съ любопытствомъ на Зосиму.) Анна Ивановна, я уйду отсюда ... а вы оставайтесь ... (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Анна Ивановна и Зосима.

Анна Ивановна

(когда Лизанька уходитъ, опять бросается на шею къ Зосимѣ).

Братецъ, голубчикъ, какъ я рада тебѣ! .. Я точно предчувствовала, что ты пріѣдешь ... все ждала тебя ...

Зосима.

Вотъ я и пріѣхалъ ...

Анна Ивановна.

Садись, братецъ ... Поговори со мной ... Господи, какъ я рада!.. Садись, братецъ ...

Зосима

(осматриваетъ съ любопытствомъ комнату и садится на стулъ).

Это твоя что ли комнатка-то?

Анна Ивановна.

Да, я тутъ вмѣстѣ съ своей ученицей ...

Зосима.

Вотъ эта барышня-то?

Анна Ивановна.

Да.

Зосима.

Ну, вотъ ... Больно хорошо ... Слава Богу ... Ну-ка, опять привелося тебя повидать, Аннушка! .. (Улыбается и утираетъ слезу, показавшуюся на глазахъ.)

Анна Ивановна.

Какъ же ты сюда попалъ-то, братецъ?.. Неужели нарочно для меня пріѣхалъ?

Зосима.

А хошь бы и нарокомъ?.. Ты, чай, вѣдь, родня мнѣ ... голубка ты моя ... Я ужъ давно повидать-то тебя-ка собирался, да все линія-то не выходила ... За твою-то любовь поблагодарствовать ... Ну-ка, что ты для меня сдѣлала?.. А?.. Чѣмъ мнѣ тебѣ заслужить за твою любовь, какой службой?..

Анна Ивановна.

Ну, полно, братецъ, не говори объ этомъ ... Скажи лучше, здоровы ли батюшка съ матушкой?..

Зосима.

Всѣ, слава Господу, здравствуютъ; по большому поклону тебѣ посылаютъ и родительское свое благословеніе на-вѣки нерушимо ... И Александра тебѣ моя кланяется, и Калистратка ... тоже не забылъ тебя ... тоже, поѣхалъ, такъ поклонъ тебѣ посылаетъ ... Кланяйся, говоритъ, отъ меня теткѣ ... Такой пострѣлъ ... право!.. (Утираетъ слезы.)

Анна Ивановна.

Ну что, онъ выросъ?

Зосима.

Какъ же! Ужъ мальчуганъ сталъ на порядкахъ ... тоже, вѣдь, вотъ ужъ скоро четыре года, какъ ты отъ насъ-то отшиблась ... Тоже и ему ... вотъ отъ зимняго-то Николы двѣнадцатый ужъ годокъ пошелъ ... Слава Господу, ничего ... мальчишка не дуракъ растетъ ...

Анна Ивановна.

Что же, ты особеннымъ домомъ живешь теперь, или все еще съ батюшкой?

Зосима.

Нѣтъ, Аннушка, съ батюшкой ... Я ужъ такъ и положилъ, чтобы его, старика, на старости лѣтъ не покидать ... Точно, какъ прежде былъ у меня этотъ грѣхъ: испивалъ-то я, ну, тогда сама знаешь, не больно мы съ батюшкой-то родителемъ въ ладахъ жили ... такъ это точно было у меня тогда въ мысли, чтобы отдѣлиться ... да своимъ домомъ жить ... Ну, а вотъ, какъ ты выкупила-то меня, я тоже было подумалъ это уйти отъ него ... да вижу, старику это не по мысли ... да, признаться сказать, и самому въ себѣ стало жалко его ... Ну, что ужъ онъ, какова его сила ... Такъ и остался ... И на барщину-то коли моя Александра замѣсто матушки ходитъ ... Ну, а я около дома-то стараюсь ... Тоже землю себѣ откупилъ, обработать надо ... А по зимамъ-то тоже много ли, мало ли поторговывать сталъ, приспосабливаюсь ... А все ты, Аннушка, все ты, моя кормилица ... Какъ мнѣ тебя благодарствовать-то, чѣмъ мнѣ тебѣ заслужить-то? Научи-ка ты меня ... Ужъ кажется бы ... Ну, да что говорить ... (Утираетъ глаза рукавомъ.) Вѣкъ мнѣ не заслужить тебѣ!..

Анна Ивановна.

Полно, и не говори, братецъ!.. Я сама тебѣ всѣмъ обязана. Если бы не ты, и Богъ знаетъ, что было бы со мной ...

Зосима.

Полно, Аннушка, какая моя послуга супротивъ твоей ... Вѣдь, мнѣ и не то дорого, что вотъ ты меня выкупила ... И подъ господской властью— жилъ я, не тужилъ, не плакался ... А то мнѣ дорого, моему сердцу, что ты меня вспомянула, что, значитъ, я у твоего же сердца лежу ... Вотъ ужъ что мнѣ пуще всего ... Золотая ты моя!.. Ну-ка, изъ какихъ достатковъ?.. Отколѣ ты денегъ-то взяла, Аннушка, эко мѣсто?..

Анна Ивановна.

Ну, что, братецъ, вспоминать объ этомъ! .. Слава Богу, что удалось мнѣ хоть чѣмъ-нибудь заплатить за все прошлое ...

Зосима.

А я то чѣмъ же тебѣ заплачу-то, сердце ты мое? .. Какъ, кажись ... гдѣ экія деньги взять тебѣ, и не придумаю ... Хошь хорошо ли тебѣ житье-то здѣсь? .. это ты мнѣ скажи ...

Анна Ивановна.

До сихъ-то поръ было ничего ... А теперь я очень рада, что ты, братецъ, пріѣхалъ ... Ты посовѣтуешь мнѣ ... Я молилась объ томъ, чтобы ты пріѣхалъ ...

Зосима (съ безпокойствомъ).

Что, что, матушка, Аннушка, что такое? .. Молвика мнѣ. Не придумаю ли чего? ..

Анна Ивановна.

Вотъ что, братецъ ... Ко мнѣ сватается женихъ ...

Зосима.

Женихъ? .. Ну, вотъ, слава Те Господи; да любъ ли?

Анна Ивановна.

Нѣтъ, братецъ, не нравится! .. Онъ и хорошій человѣкъ, да я его не такъ люблю, чтобы ...

Зосима.

Ну, такъ не ходи за него, Аннушка ... Что тебѣ за корысть выходить, коли не по сердцу человѣкъ ... Какой ждать радости? .. Нѣтъ! Не ходи, родная ... нече и думать, коли не любъ.

Анна Ивановна.

Да меня, братецъ, принуждаютъ ...

Зосима.

Принуждаютъ? Да кто-то тебя можетъ принуждать?.. Кто тебѣ указъ въ экомъ дѣлѣ?..

Анна Ивановна.

Вотъ моя хозяйка, братецъ ... Здѣшняя барыня ...

Зосима.

Такъ что ей за нужда тебя неволить?.. Коли отъ добра сердца она тебя нудитъ, что человѣкъ хорошій, ну, да тебѣ не по нутру, такъ отказъ сдѣлай ласковымъ манеромъ, чтобы и человѣка не изобидить ... А коли такъ и человѣкъ-отъ не путной, проходящій какой ни есть, а тебя нудятъ идти за него, такъ нече и думать ... Не ходи, да и вся недолга!.. Да кто онъ такой, человѣкъ-отъ этотъ?.. Благородной, что ли, какой?..

Анна Ивановна.

Да, благородный ... Онъ въ уѣздномъ судѣ секретаремъ служитъ ...

Зосима.

Ну, это-то хорошо ... Баринъ, значитъ, большой ... важной ... Это я тоже былъ у такого же секретаря-то ... вотъ какъ вольная-то мнѣ выходила, такъ съ поклономъ приходилъ ... Точно это живетъ ... домъ большой, все по хорошему ... Только ужъ сердитъ больно ... Ну, а этотъ каковъ?..

Анна Ивановна.

Да, онъ, братецъ, хорошій человѣкъ, добрый кажется. Только я не могу идти-то за него ...

Зосима.

Такъ и не ходи, матушка ... Какая тебѣ неволя?..

Анна Ивановна.

Ахъ, братецъ, меня заставляютъ ...

Зосима.

Да кто тебя заставляетъ?.. Кто такую волю надъ тобой имѣетъ?..

Анна Ивановна.

Вотъ Софья Павловна, у которой я живу ...

Зосима.

Да что она тебѣ въ экомъ дѣлѣ за указъ?.. Не слушай ее ...

Анна Ивановна.

Какъ не слушать-то?..

Зосима.

А что?.. Бранится, что ли, сердитая?

Анна Ивановна.

Да, и бранится ...

Зосима.

Ну, такъ уйди отъ нея, другое мѣсто себѣ отыщи ... а то къ намъ опять, хоть погостить ... Ахъ, Аннушка, кабы этакое-то счастье, что къ намъ-то бы ты хошь не надолго пріѣхала!.. Пра, отойди отъ нея ... Что тебѣ?

Анна Ивановна.

Нельзя отойти-то, братецъ ...

Зосима.

Какъ нельзя?.. Отчего?

Анна Ивановна.

Такъ ... Вотъ видишь ли. Я обѣщалась у нея прожить три года. Полтора года ужъ я прожила, остается еще полтора ...

Зосима.

Такъ, вѣдь, ты, чай, не на ругань да брань шла на три-то года, да не на то, чтобы тебя по неволѣ замужъ выдавали ... По хорошему они съ тобой,— ну ты и живи, а не стали по хорошему, — отойди. Тебя не удержатъ ... Вольной человѣкъ.

Анна Ивановна.

То-то нѣтъ, братецъ ... Нельзя ...

Зосима.

Да какъ такъ нельзя?.. Что ты мнѣ всю истинную-то не разскажешь ... Разскажи ты мнѣ все по порядку-то, а я ужъ мѣкаю и по лицу твоему вижу,— что-то тутъ не ладно, надо быть ...

Анна Ивановна.

Да вотъ что, братецъ ... просто ... Такъ и быть, скажу тебѣ ... Я у нея деньги впередъ взяла, чтобы за нихъ три года выжить ...

Зосима.

Это тѣ денежки-то, чтобы меня-то выкупить ... Выкупила, а сама теперь мучишься ... Господи, что за душа твоя!..

Анна Ивановна (поспѣшно).

Да нѣтъ, братецъ, я совсѣмъ не тѣ деньги за тебя заплатила: то другія, а эти ... я на себя издержала.

Зосима.

Полно, Аннушка ... Не говори ужъ, не надрывай моей душеньки ... Господи ... Неужто тебя Богъ не наградитъ за твое сердце ... Чтой-то это?.. Господи ... И не привидано ... Аннушка ... голубушка ... да какое сердце-то въ тебѣ, какая душа-то ... Наша ли? Человѣчья ли?.. Не ангельская

ли?.. Да мы-то что же за люди... опосля тебя... Ахъ, Ты, Творецъ мой милостивый!.. Людямъ всякое добро чинитъ, а себѣ муку... Да молви же ты мнѣ, молви. Много ли ты денегъ-то взяла у барыни?

Анна Ивановна.

Да мнѣ, если отойти отъ нея, всего только тысячу рублей ассигнаціями нужно...

Зосима.

У меня семьсотъ есть, да, этакое дѣло. Съ собой-то не взялъ... достальное-то батюшка доправитъ... Да ужъ, видно, туго тебѣ пришлось, коли ты мнѣ про это выговорила!.. Знаю, вѣдь, я тебя... Скажи ты мнѣ, скажи, Христа-ради, что они съ тобой, злодѣи, дѣлаютъ...

Анна Ивановна.

Да ничего, братецъ, до сихъ поръ все было хорошо, только вотъ вдругъ Софья Павловна стала заставлять меня, чтобы непремѣнно вышла замужъ за этого секретаря... А если не послушаюсь, обѣщалась въ дѣвичью сослать, съ горничными дѣвушками за-одно... Я ужъ было и согласилась... вотъ только-что передъ твоимъ приходомъ...

Зосима.

Нѣту, Аннушка, не ходи, коли не милъ... Вотъ я тотчасъ, какъ домой пріѣду, такъ и деньги пришлю тебѣ: отдай ихъ, матушка, да отходи скорѣе...

Анна Ивановна.

Это, вѣдь, долго братецъ, а въ это время будутъ меня заставлять выходить замужъ тѣмъ болѣе, что я и слово ужъ дала Софьѣ Павловнѣ...

Зосима.

Какъ же быть-то, Аннушка... Эко дѣло, я денегъ-то не взялъ съ собой... Ахъ ты, батюшки

мои ... хошь бы призанять гдѣ,—такъ никого здѣсь не знаю, никто не дастъ ... Ахъ, Ты, Господи, что̀ дѣлать-то?.. И въ самъ-дѣлѣ, ворогъ не ждетъ, чтобы обидѣть ... Чай, тебѣ здѣсь, Аннушка, часъ лишній прожить, такъ лишная мука?..

Анна Ивановна.

Ахъ, братецъ, если ужъ я стала тебя признаваться, разскажу все. Меня никто здѣсь не любитъ, никто не приласкаетъ ... Одна Лизанька еще вступается иногда за меня и какъ-будто любитъ ...

Зосима.

Вотъ эта барышня, что здѣсь-то была?

Анна Ивановна.

Да.

Зосима.

А что она, какова?

Анна Ивановна.

Она дѣвушка добрая, только непостоянная и безхарактерная. Избалована очень ... Да она все лучше другихъ ... А вотъ сама Софья Павловна ... Господи, чего она со мной ни дѣлала, какъ ни клеветала на меня!.. Тутъ есть одинъ Панибратовъ. Богъ его знаетъ, кто онъ такой. Скверный, гадкій человѣкъ; онъ такъ дерзокъ, что съ нимъ нельзя остаться одной ... А Софья Павловна говоритъ, что я нарочно завлекаю его ... Говоритъ при постороннихъ, бранитъ, конфузитъ меня ... Ахъ, братецъ, какъ все это тяжело!..

Зосима.

То-то, Аннушка, голубушка, такъ и надо что-нибудь дѣлать, ослободить тебя поскорѣе ... Экое дѣло, экой грѣхъ, своихъ-то денегъ не взялъ!.. Да, вѣдь, не чаялъ ... А, вѣдь, вотъ, Аннушка, говори

же ты тутъ! Сердце-то вѣщунъ ... Какъ ты это отписала къ намъ, что тебѣ-ка скучно ... такъ ровно что у меня подкатило подъ сердце-то, — ни жить, ни быть — тебя повидать ... А вотъ оно что! Напасть-то какая надъ тобой ... не знаю ужъ и не придумаю, какъ бы мнѣ это дѣло обдѣлать ... Да что, неужто я тебя дамъ въ обиду ... Да я силой тебя отниму у нихъ, супостатовъ ... Ишь ... Что они думають?.. Аннушка, я, пра; къ твоей барынѣ пойду ... Какъ она смѣетъ тебя неволить, замужъ отдавать ... Что она? Какая въ ней и душа-то?...

Анна Ивановна.

Нѣтъ, братецъ, не ходи: хуже только будетъ. Она и тебя обидитъ, выгонитъ, либо и слушать совсѣмъ не станетъ, а послѣ мнѣ еще больше достанется ... А вотъ что я думаю, братецъ ...

Зосима.

Что, что, родная ты моя, молви ты мнѣ! Что?..

Анна Ивановна.

Тутъ есть одинъ человѣкъ, у котораго ... который далъ бы денегъ взаймы ... только у меня не станетъ духу попросить у него ...

Зосима.

Такъ я-то зачѣмъ же? ... Я схожу, ты только молви мнѣ ... Что онъ, баринъ что ли?

Анна Ивановна.

Да, онъ богатый помѣщикъ ...

Зосима.

Такъ что? Мнѣ все едино, — къ кому хошь пойду ... Что ни будетъ, а ужъ головы все не снимутъ ...

Анна Ивановна

Да нѣтъ, братецъ, онъ добрый, онъ одинъ только всегда былъ вѣжливъ со мной ... внимателенъ ... только какъ-то стыдно ...

Зосима.

Да, знать, молодой баринъ-то?.. (Пристально смотритъ на Анну Ивановну.)

Анна Ивановна.

(съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ).

Да ... онъ молодой человѣкъ ... (Поспѣшно.) Онъ считается женихомъ Лизаньки ...

Зосима.

Такъ ... Да, ладно, ладно ... я тотчасъ схожу къ нему: какъ его звать-то?... (Въ дверяхъ показывается Лукерья Осиповна.)

Явленіе восьмое.

Тѣ же и **Лукерья Осиповна.**

Лукерья Осиповна.

Входитъ и, замѣчая Зосиму, остается неподвижною, съ полуоткрытымъ ртомъ и растопыренными руками.

Зосима (встаетъ и кланяется).

Лукерья Осиповна.

Чтой-то это?.. Вольной духъ ... какъ попалъ сюда? Батюшки мои, въ Лизанькиной-то комнатѣ?.. Мужицкое ты рыло, какъ попалъ сюда?..

Анна Ивановна.

Лукерья Осиповна, это мой братъ родной ...

Лукерья Осиповна.

Да что ты, мать моя, въ умѣ ли?.. Что ты у насъ въ домѣ-то за проказы дѣлаешь? То съ гос-

подами цѣлуется, то всякаго сброда въ Лизанькину комнату натащитъ ... Цѣловалась что ли опять?..

Анна Ивановна.

Я тебѣ говорю, что это мой братъ ...

Зосима.

Точно, тетушка, не гнѣвайтесь,—братъ родной...

Лукерья Осиповна.

Какая я тебѣ тетушка ... Что ты, черномазое пугало ... Туда же не безъ-чего ротъ разѣваетъ. Эко дѣло — братъ! Хошь бы отецъ, не токма что братъ. Не видишь что ли, куда залѣзъ? ... Барышнина комната! ... Мало тебѣ въ кухнѣ-то мѣста ... Экая, я посмотрю, ты смѣлая. Ну-ка куда мужика-вахлака затащила ... Точно въ свой домъ. И разсѣлись не безъ-чего, точно впрямь путные какіе ...

Анна Ивановна.

Да что ты, Лукерья?.. Что тебѣ за дѣло?.. Я привела сюда брата съ позволенія Лизаньки ...

Лукерья Осиповна.

Да что Лизанька! Что ты мнѣ говоришь? Что Лизанька понимаетъ? Дитя-дитей! Ты сама должна знать, приличествуетъ ли мужика въ барышнину комнату привести ... И впрямь не безъ-чего тоже мамзель приставлена ... Братъ! Эко дѣло, подумаешь! Братъ, братъ, а все мужикъ ...

Зосима (сердито).

Да что, тебѣ, баушка, мужикъ-отъ поперекъ горла всталъ!..

Лукерья Осиповна.

А ты что, вахлакъ ты этакой, глотку-то разѣваешь?.. Влѣзъ въ господской домъ, да еще говорить смѣетъ ... Хамъ этакой!.. Видно экой же

безстыжій, какъ и сестрица-то твоя ... Вотъ бы лучше ей-то поговорилъ, чтобы она не вѣшалась на шею-то ко встрѣчному и поперечному ...

Зосима.

Слышь, баушка, ты у меня Аннушку не трожь... Хошь я и мужикъ, а ты нишкни у меня про нее... Въ обиду не дамъ ... тоже родное ...

Лукерья Осиповна.

Ахъ ты разбойникъ этакой ...

Зосима.

Да нечего, баушка, разбойникъ!.. Не разбойникъ я, потому я честныхъ людей да безпомощныхъ не обижаю ...

Анна Ивановна.

Полно, братецъ, перестань. Я ужъ привыкла къ этому.

Лукерья Осиповна.

Ахъ, ахъ ты!.. Ай, батюшки! Да что ты это?.. Погоди-ка, вотъ я барынѣ пойду скажу, велитъ она тебя на съѣзжу свести ... Пустая голова! Вѣдь, она генеральша у насъ ...

Зосима.

Мнѣ, баушка, все равно, какая бы она ни была, твоя барыня. Куда хошь меня веди ... Грубаго ей я не скажу, а своей крови въ обиду не дамъ ...

Лукерья Осиповна.

Ай, ай, батюшки мои!.. Да онъ не въ своемъ умѣ ... Не сносить тебѣ своей головы ... Погоди, пойду барынѣ скажу: пусть она велитъ тебя связать да представить, разбойника ...

Анна Ивановна.

Полно, Лукерья Осиповна, что тебѣ за охота

еще шумъ дѣлать? Онъ и безъ того сейчасъ уйдетъ . . .

Лукерья Осиповна.

Нѣтъ, нѣтъ, не потерплю я этого. Пусть она, мой батюшка, посмотритъ, что ты, обидчица, въ ея домѣ дѣлаешь, какихъ ты гостей въ барышнину комнату водишь . . . Погодите вы мнѣ . . . Я васъ теперь и не выпущу отсюда . . .

(Быстро уходитъ и запираетъ за собой дверь.)

Явленіе девятое.

Анна Ивановна и Зосима.

Анна Ивановна.

Она насъ заперла, братецъ! . . Господи, придетъ Софья Павловна . . . Опять будутъ непріятности! . .

Зосима.

Ничего, Аннушка, не бойся . . . Головы не снимутъ . . . А ты мнѣ молви поскорѣе, какъ того барина-то зовутъ, у коего денегъ-то бы призанять . . .

Анна Ивановна.

Алексѣй Дмитричъ Радугинъ.

Зосима.

Алексѣй Митричъ . . . Радугинъ . . . Ладно . . . Вотъ я схожу къ нему . . . Ужъ какъ-ни-какъ, да его душу разжалоблю, коли онъ добрый человѣкъ . . . Богъ милостивъ, дастъ онъ мнѣ денегъ . . . Нѣтъ, надо тебѣ уйти отселѣ поскорѣе. Вижу я теперя, какова тебѣ жизнь здѣсь, каковы здѣсь люди!

Анна Ивановна.

А если, братецъ, сохрани Богъ, Софья Павловна велитъ тебя посадить куда-нибудь? . .

Зосима.

Не бойсь, Аннушка ... не посадитъ ... Не безсудная у насъ земля. За что она меня посадитъ, что я ей сдѣлалъ? Что въ домъ-отъ къ ней вошелъ? Эко дѣло! У меня ты здѣсь, сестра родная ... Чай, я не силой вломился, буянства никакого не сдѣлалъ ... За что она меня посадитъ?..

Анна Ивановна.

Да, братецъ, ты не знаешь ее ...

Зосима.

Нѣтъ, Аннушка, ничего, этого не бойся ... А вотъ ты что молви еще! Что эта старуха-то толковала, что ты съ какимъ-то бариномъ цѣловалась, да обнималась ... Я не то, чтобы ... а такъ, ровно какъ помстилось ... Сплетки, чай, какія ни-на-есть ...

Анна Ивановна.

Ахъ, это вотъ что, братецъ: я тебѣ говорила, что сюда ѣздитъ одинъ баринъ, такой безсовѣстный, Какъ встрѣтитъ меня, такъ и начнетъ ... любезничать ... Вотъ однажды эта старуха-нянька и застала, когда онъ меня ... цѣловалъ ... Ахъ, братецъ, даже стыдно разсказать ...

Зосима.

Что же, ты жаловалась ли хозяйкѣ-то своей?..

Анна Ивановна.

Нѣтъ, у меня не доставало духу ... Да и кто бы вступился за меня?.. Вчера она этимъ стала стыдить, такъ я и сказала ей ... Только мнѣ же наговорила, а не повѣрила ...

Зосима.

Ахъ-ахъ-ахаха!.. Аннушка, Аннушка, плохо тебѣ житье!.. Такъ неужто имъ того-то не ляжетъ на

душу, что ты живешь здѣсь одна, ровно сиротинка ... И вступиться некому ... Ничто имъ отъ этого одного совѣсть не зазритъ?.. А!.. Ну, а этотъ-то баринъ что съ тобой, Алексѣй-то Митричъ?..

Анна Ивановна (смущаясь и краснѣя).

Онъ ничего, братецъ ... Онъ всегда ласковъ со мной, внимателенъ ... Онъ благородный человѣкъ!..

Зосима.

Что же онъ жалѣетъ тебя, что ли?

Анна Ивановна.

Я не знаю, братецъ ... Можетъ, онъ и не знаетъ, каково мнѣ жить здѣсь, а такъ только, какъ добрый человѣкъ, не пренебрегаетъ мною, какъ другіе ...

Зосима.

Значитъ, не брезгуетъ ... Вотъ это, значитъ, человѣкъ ... дай Богъ ему всякой милости Божеской ... А больно богатъ, Аннушка?..

Анна Ивановна.

Да, говорятъ, очень богатъ ... Ахъ, братецъ, я боюсь: вотъ, кажется, идетъ Софья Павловна, ея голосъ ...

Зосима.

Не бойсь, Аннушка ... Чтой-то ты? Экъ тебя здѣсь запугали ...

Явленіе десятое.

Тѣ же, **Софья Павловна**, **Лукерья Осиповна** и потомъ **Лизанька**.

Софья Павловна (входя).

И прекрасно сдѣлала, что заперла ихъ ... Что это, на что похоже ... Каково!.. Такъ и есть ...

Лукерья Осиповна.

Какъ же, мой батюшка, потерплю ли я ...

Софья Павловна

(гордо и съ горячностію къ Аннѣ Ивановнѣ).

Какъ это вы смѣете, моя милая, вводить въ комнату Лизаньки всякую сволочь, которая здѣсь шумитъ и грубіянитъ ...

Анна Ивановна.

Это, Софья Павловна, братъ мой: я привела его сюда съ позволенія Лизаньки ... Онъ совсѣмъ не шумѣлъ и не ...

Софья Павловна.

Да что вы мнѣ говорите, моя милая ... Что вы ссылаетесь на Лизаньку?.. Она еще ребенокъ ... Она все вамъ позволитъ ... Вы бы еще натаскали всю свою роденьку, всѣхъ вашихъ бабъ и мужиковъ! Развѣ это общество прилично для моей дочери. Вамъ оно, конечно ...

Лукерья Осиповна.

И я тоже, мой батюшка ...

Анна Ивановна.

Онъ сейчасъ уйдетъ, Софья Павловна ... Я съ нимъ не видалась три года ... Извините, что позвала его сюда ... Онъ сейчасъ уйдетъ ... Поди, братецъ, прощай ...

Зосима.

Тотчасъ уйду, Аннушка ... (Кланяется Софьѣ Павловнѣ.) Вотъ что, ваше благородіе ...

Софья Павловна (гордо).

Молчать, развѣ я говорю съ тобою ... Дуракъ ... ваше благородіе!.. Пошелъ вонъ ...

Зосима.

Сейчасъ уйду ... Не знаю, какъ величать твою милость, а я только вотъ насчетъ сестрицы ...

Софья Павловна.

Молчать, тебѣ говорятъ ... Пошелъ вонъ, а не то я велю людямъ взять тебя и отвести въ полицію ...

Зосима.

Я и безъ того уйду, только позволь слово молвить твоей милости насчетъ сестрицы ...

Софья Павловна.

Лукерья, кликни сюда людей ...

Лукерья Осиповна.

Сейчасъ, мой батюшка, сейчасъ ... Чтой-то это за порядки ... какіе это порядки !.. (Уходитъ.)

Софья Павловна.

Погоди, голубчикъ, я тебя проучу за твои грубости ...

(Вмѣстѣ).

Анна Иванова.

Софья Павловна, не гнѣвайтесь, онъ сейчасъ уйдетъ ...

Зосима.

Напрасно изволишь безпокоиться, матушка... Не намѣренъ я грубить твоей милости, а вотъ ты такъ мою сестрицу притѣсняешь; замужъ поневолѣ хошь выдать ... такъ этакъ дѣлать нигдѣ не показано ...

Софья Павловна.

Каковъ!.. Еще смѣетъ говорить... Эй, люди... Погоди ты.

Зосима.

Ничего ... Ты, барыня, честную дѣвушку не обижай ... Она тебѣ не подвластна. Деньги тебѣ заплатятъ, а ты ее не притѣсняй ...

Софья Павловна.

Что же это не идутъ ... Люди!..

Анна Ивановна.

Братецъ, ради Бога, замолчи ...

Зосима.

Ничего, пусть меня ведутъ, я и тамъ скажу что съ тобой дѣлаютъ ...

(Входятъ два лакея.)

Софья Павловна.

Возьмите его и отведите въ полицію, чтобы тамъ его наказали ...

Зосима.

Нѣтъ ... наказывать меня не за что ...

Анна Ивановна.

Софья Павловна, ради Бога ...

Софья Павловна.

Что стоите? Возьмите же его ...

Зосима (лакеямъ).

Нѣтъ ... Прочь поди, ребята!.. Не трожь ... Не дамся ... Пойдемъ, барыня, сама со мной. Будемъ судиться ...

Софья Павловна.

Ахъ, ты, негодяй ... Позовите еще людей и возьмите его.

Лакеи.

И двое управимся-съ.

Анна Ивановна.

Господи, что будетъ!.. Братецъ, братецъ ... (Ломаетъ руки.)

Софья Павловна.

Людей, позовите еще людей ...

Лизанька (вбѣгая).

Что это такое?.. Что за шумъ? Мамаша, у насъ гости: все слышно ...

Софья Павловна.

А вотъ это все твои проказы ... Вотъ ты позволяешь своей гувернанткѣ пускать къ себѣ въ комнату всякую сволочь, а онъ вонъ что дѣлаетъ... Кто у насъ?

Лизанька.

Алексѣй Дмитричъ ...

Софья Павловна.

Ахъ, Боже мой!.. Зачѣмъ же ты его оставила?..

Лизанька.

Ахъ, мамаша, да тамъ все слышно ... Вы вѣчно глупостей надѣлаете ...

Софья Павловна.

Ты забываешься ... Какъ ты смѣешь это говорить мнѣ?.. Сама во всемъ виновата! Зачѣмъ позволила пустить этого мерзавца ...

Лизанька.

Да что же за важность? Это братъ Анны Ивановны!.. Что онъ сдѣлалъ?..

Софья Павловна.

Какъ что сдѣлалъ?.. Наговорилъ мнѣ дерзостей ... Приказываю вывести, — нейдетъ... Ахъ, Боже мой, что подумаетъ Алексѣй Дмитричъ!.. А все ты, Лизавета ...

Зосима.

Ничего, сударыня, никакихъ я грубостей тебѣ не дѣлалъ, а только докладывалъ, что деньги-молъ за Аннушку предоставлю, да просилъ не приневоливать ее замужъ выходить. Вотъ что ... А уйдти, я и такъ уйду ... А за что же меня въ полицію вести да наказывать, коли я ни въ чемъ не виноватъ?.. Ты, барыня, не начало надо мною ...

Софья Павловна.

Слышишь, какъ онъ поговариваетъ! Въ какое пріятное положеніе поставила мать ... Негодная ты дѣвчонка ... Что подумаетъ Алексѣй Дмитричъ!..

Лизанька.

Что же, мамаша?.. Вы сами виноваты. Слышите что онъ говоритъ, — онъ вамъ не дѣлалъ дерзостей, зачѣмъ же вы приказывали его въ полицію отвести?

Софья Павловна.

Лизавета, ты меня выводишь изъ терпѣнія ... Въ тебѣ нѣтъ ни любви, ни уваженія ко мнѣ ... Поди отсюда, занимай Алексѣя Дмитрича, а я совсѣмъ измучена, разстроена ... Мнѣ стыдно и глаза ему показать ...

Лизанька.

Мнѣ самой, маменька, стыдно изъ-за васъ ... Какъ хотите, — я не пойду ...

Софья Павловна.

Она, ей-Богу, убьетъ меня своимъ характеромъ!.. Тебѣ говорятъ, — поди отсюда ...

Лизанька.

Да что же мнѣ, мамаша, за удовольствіе быть тамъ? Здѣсь опять поднимется шумъ; какими глазами я буду смотрѣть на Алексѣя Дмитрича ... Ни за что не пойду.

Софья Павловна (гнѣвно).

Лизавета!..

Анна Ивановна.

Лизанька, подите, душа моя, не сердите мамашу ...

Софья Павловна
(къ Аннѣ Ивановнѣ презрительно).

Это что еще за посредница?.. Или все по твоимъ наставленіямъ она всѣ дерзости матери дѣлаетъ?.. (Лизанькѣ.) Не смѣть отсюда выходить, не смѣть на глаза ко мнѣ показываться. (Къ Зосимѣ и Аннѣ Ивановнѣ.) А васъ обоихъ я еще проучу... (Уходитъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Тѣ же, безъ **Софьи Павловны.**

Анна Павловна.

Что вы, душенька, не послушались мамаши. Она разсердится ...

Лизанька.

Пусть сердится ... Я не виновата. (Слугамъ.) Что стоите? Подите отсюда вонъ. (Слуги уходятъ.) Что это за мамаша, право. Не дала и съ Алексѣемъ Дмитричемъ посидѣть ... Чтò онъ, въ самомъ дѣлѣ, подумаетъ?

Зосима.

Все это я, матушка-барышня, виноватъ. Прости ты меня ... Больно ужъ мнѣ горько стало ... Прости меня великодушественно ...

Лизанька.

Ничего ... Это маменька виновата.

Зосима.

Нѣту, барышня ... Вижу я, ты добрая душа, не говори худо объ матушкѣ своей. Какова бы она ни была, грѣхъ это тяжкой ...

Лизанька.

Да какъ же не говорить, когда она такія глупости дѣлаетъ ... подняла здѣсь шумъ ...

Зосима.

Нѣту, матушка, не она этому причина, а я ... больно у меня сердце-то не хорошо. Расходится, такъ ужъ ... это мой грѣхъ тяжкой ... за то меня Богъ наказывалъ ...

Лизанька

(обращаясь къ Аннѣ Ивановнѣ).

Да какъ маменька узнала, что онъ здѣсь?..

Анна Ивановна.

Это, должно быть, нянька Лукерья сказала. Она входила сюда, какъ мы разговаривали, а потомъ ушла и заперла насъ ...

Лизанька.

Ахъ, несносная!..

Зосима.

Ну, пора мнѣ и идти ... Прощай, матушка-барышня ... Дай Богъ тебѣ здоровья да всякаго счастія за твою добрую душу ... Жениха бы хорошаго ... ты мнѣ этакое милосердіе сдѣлала: дала Аннушку повидать, а то меня бы и не допустили къ ней ... Бога за тебя буду молить ... Только послушай глупаго моего разума, мужицкаго, — почитай ты родительницу свою ... Отъ Бога она дана тебѣ ... Прости ты меня, что говорю тебѣ, — ужъ такъ очень у меня къ тебѣ сердце легло ...
(Входитъ Лукерья Осиповна.)

Лукерья Осиповна

(увидѣвъ Зосиму, всплескиваетъ руками).

А ты все еще здѣсь, озорникъ, не ушелъ ... Ахъ, батюшки мои, и Лизанька-то здѣсь ...

Лизанька.

А тебѣ что̀, нянька? Ты зачѣмъ сюда пришла?..

Лукерья Осиповна.

Какъ, мой батюшка, зачѣмъ? Чтой-то это, порядки ли это? Ну-ка, сидитъ съ мужикомъ, да разговариваетъ ... Какая тебѣ это компанія ... Статное ли это дѣло?

Лизанька.

Ну, а тебѣ что за дѣло? Хочу разговаривать, такъ и разговариваю ... Пошла отсюда.

Лукерья Осиповна.

Какъ пошла? Да я-то чего же буду смотрѣть, коли мамзель твоя не смотритъ ... Ужъ съ мужикомъ разговариваетъ!.. Ну-ка, ай, батюшки мои! Да статное ли это дѣло?..

Лизанька.

Статное ... Тебя не спрашиваютъ ... Поди отсюда ... Вотъ нарочно буду разговаривать ... (Къ Зосимѣ.) Ты очень любишь свою сестру, Анну Ивановну?

Лукерья Осиповна.

Ахъ ты, Боже мой ... Лизавета Степановна!..

Лизанька (Лукерьѣ).

Ахъ, вотъ видишь ли? Разговариваю, а ты слушай...

Лукерья Осиповна.

И — слушать не хочу ... (Затыкаетъ уши руками.) Экіе порядки въ домѣ завелись! Ну, ужъ порядки!.. (Уходитъ.)

Лизанька

(смѣется вслѣдъ уходящей Лукерьѣ, потомъ съ нѣкоторой досадой).

Ну, вѣдь, вотъ какъ не сказать. Это нянька моя такая болтушка, такая сплетница, а маменька во

всемъ ей вѣритъ, да еще есть у нея дѣвка горничная Авдотья, — та еще хуже ... А маменька иногда послушаетъ что̀ онѣ ей наврутъ на меня или вотъ на Анну Ивановну, и всему вѣритъ, и послѣ взыскиваетъ, бранитъ понапрасну. Какъ не разсердиться?...

Зосима (съ улыбкой).

Экая ты открытая душа, какъ посмотрю я ... Прощай, барышня, все прощай ... Не то, что матери родной, — ворогу — и тому прости ... Вотъ не въ похвальбу сказать, вотъ знаешь ты Аннушку нашу, вотъ душа-то ... ангельская.

Анна Ивановна.

Ну, полно, братецъ.

Зосима.

Нѣтъ, ты барышнѣ въ науку приставлена, наукой и будь ... Не тебѣ въ похвалу, а ей въ науку скажу ... Какъ же, барышня?.. Какъ жила это она у насъ въ деревнѣ, у нѣмцовъ, къ ней присватался баринъ, совсѣмъ ужъ положили свадьбѣ быть... Самъ просилъ, да послѣ и отказался ... Она его пуще души любила ... Ужъ, кажись, на что хуже, ворогъ вѣдь?.. А она и на того, не то что сердца имѣть, все ему простила, да, може, и теперь любитъ ...

Лизанька.

Какъ, Анна Ивановна, вы были влюблены, къ вамъ сватался женихъ? А вы мнѣ никогда и не говорили объ этомъ.

Анна Ивановна.

Да, это было давно ... Я не люблю объ этомъ говорить ...

Зосима.

Опять, барышня, сколько она изъ-за этого барина горя отъ родителя видѣла. Тутъ была дѣвка

одна, такая, совсѣмъ никуда негодная, Аксиньей звали. Не любила она больно Аннушку-то, такъ придетъ это, наплететъ отцу-то, а тотъ, вотъ что твое же дѣло, накинется на нее, да вѣдь, разъ ли, два ли плюху ей давалъ; слышь, все изъ напраслины, а она хошь бы словомъ когда ему поперечила ... Вотъ такъ, значитъ, душа ...

Анна Ивановна.

Полно, братецъ, ты такъ захвалилъ меня, а что же ты про себя-то не разсказываешь, что̀ ты терпѣлъ и прощалъ.

Лизанька (съ любопытствомъ).

А что такое?..

Зосима.

Ну, Аннушка, это что́? Самъ виноватъ, за свои грѣхи терпѣлъ ... Прощай, матушка-барышня, заналякался я съ тобой совсѣмъ ... Не знаю, ужъ какъ я съ тобой въ экіе разговоры вошелъ ... Прости ты меня. Не обидѣлъ ли чѣмъ, какимъ словомъ?.. Вѣдь, я говорить-то не гораздъ ...

Лизанька.

Нѣтъ, нѣтъ, ничего ... Мнѣ весело тебя слушать ... Поговори еще, побудь ...

Зосима.

Нѣту, барышня, дѣло есть ... На ласковомъ словѣ благодаримъ ... Прощай, матушка-барышня... прощай, Аннушка ... А ты теперь не тужи! Дѣло сдѣлаемъ какъ ни какъ ... Богъ милостивъ ...

Анна Ивановна.

Я теперь, братецъ, съ тобой ничего не боюсь...

Зосима.

Ну, прощай же, родная, голубка моя .. (Цѣлуется съ Анной Ивановной.) Прощай, матушка барышня ...

Лизанька.

Прощай . . . Приходи опять къ Аннѣ Ивановнѣ и прямо въ мою комнату! Вели только вызвать меня, я сама проведу . . .

Зосима.

Ну, вота, покорнѣйше благодаримъ . . . Да, вѣдь, не допустятъ, матушка, и самъ я теперь не пойду... А и впрямь, Аннушка, какъ же мы съ тобой свидимся-то ? . .

Лизанька.

Да говорю, приходи прямо сюда, только вызови меня . . .

Зосима.

Нѣту, барышня, что ужъ . . . На что ужъ . . . На-что ужъ неугодное твоей матушкѣ дѣлать?.. Не желаю я этого . . .

Анна Ивановна.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ, братецъ ? . .

Лизанька.

А вотъ что̀. Коли не хочешь приходить сюда, такъ приходи вечеромъ въ садъ . . . Знаете, Анна Ивановна, я велю его Машѣ провести, — вы тамъ и увидитесь . . .

Анна Ивановна.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, это прекрасно. Душечка, радость моя, какая она добрая . . . (Цѣлуетъ Лизаньку.)

Зосима.

Ну, благодаримъ, барышня, добрая и есть ! . .

Лизанька.

Ты приходи вечеромъ къ воротамъ, а я Машѣ велю дожидаться,—она тебя и проведетъ въ садъ. . . Только вотъ что́, завтра тебѣ нельзя. У насъ въ саду гулянье . . . А, впрочемъ, ничего . . . можно

провести въ темную аллею ... знаете, Анна Ивановна?.. Тамъ никто и не увидитъ ... Приходи и завтра, ничего.

Анна Ивановна.

Да, конечно.

Зосима.

Да мнѣ, вѣдь, только одинова бы еще съ ней повидаться. Не угожу сегодня, такъ завтра ... Ну, такъ прощай, барышня добрая ... Дай Богъ тебѣ всякаго добра. Прощай, Аннушка ... Объ женихѣ объ томъ и не думай, коли немилъ ... (Цѣлуется съ Анной Ивановной и уходитъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Лизанька и Анна Ивановна.

Лизанька.

Мнѣ, Анна Ивановна, очень понравился вашъ братъ. Какой онъ, долженъ быть, добрый ...

Анна Ивановна.

Ахъ, мой ангелъ, если бы вы знали его доброту. У него самая благородная, самая прекрасная душа...

Лизанька.

А какой онъ, кажется, сердитый, угрюмый ...

Анна Ивановна.

Да, это правда!.. Я еще удивлялась, какъ онъ разговорился съ вами; обыкновенно онъ ничего не говоритъ ... всегда молчаливъ, но за то все видитъ, все понимаетъ ...

Лизанька.

Ахъ, Боже мой, что-то, Алексѣй Дмитричъ. Не уѣхалъ ли ужъ?.. Это будетъ досадно,— я его не увижу ... Посмотрѣть!.. (Уходитъ.)

Явленіе тринадцатое.

Анна Ивановна (одна со вздохомъ).

Ахъ, Алексѣй Дмитричъ, Алексѣй Дмитричъ: съ какой просьбой принуждена я обратиться къ нему!.. Просить его объ томъ, чтобы онъ лишилъ меня единственнаго удовольствія — видѣть его ... Одно, что̀ привязывало меня къ этому дому... (Задумывается.) Что̀, если бы узналъ онъ и люди?.. Какъ бы стали смѣяться надо мной!.. И онъ бы посмѣялся ... И не смѣть показать, даже намекнуть ... Откуда взялось это чувство?.. Я думала, что уже неспособна къ нему ... Господи!.. (Опускаетъ голову на руки и закрываетъ ими лицо.)

(Занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе третье.

Сцена представляетъ кабинетъ Радугина. На лѣвой стѣнѣ два окна; отъ простѣнка между ними поперекъ сцены идетъ письменный столъ съ принадлежностями. Направо оттоманъ и возлѣ него небольшой прихотливой работы столикъ; сзади оттомана по стѣнѣ шкапъ съ книгами. На задней стѣнѣ двери и въ симметрическомъ порядкѣ нѣсколько ружей, пистолетовъ, кинжаловъ и сабель. Необходимое количество креселъ и стульевъ. — Утро.

Явленіе первое.

Радугинъ

(одинъ, въ халатѣ, сидитъ на оттоманѣ, куритъ сигару и читаетъ книгу).

Скука ... (Бросаетъ книгу на столъ.) Пора и ѣхать съ визитомъ къ Софьѣ Павловнѣ ... Чтò за пошлую жизнь веду я ... Утромъ безплодное чтеніе и скучные визиты, вечеромъ карты или пустая болтовня съ дамами ... И ни одного свѣтлаго чувства, ни одной дѣльной мысли!.. Неужели я не способенъ ни къ чему лучшему?.. (Задумывается.) И зачѣмъ дана мнѣ способность мыслить и повѣрять самого себя?.. Къ чему она при моемъ безсиліи?.. Человѣкъ! (Входитъ Иванъ.) Давай одѣваться!..

Явленіе второе.

Радугинъ и Иванъ.

Иванъ.

Фракъ прикажете?

Радугинъ.

Да.

Иванъ (подавая фракъ).

Къ вамъ мужикъ какой-то пришелъ.

Радугинъ.

Какой мужикъ?

Иванъ.

Не знаю-съ.

Радугинъ.

Да отъ насъ, что ли?

Иванъ.

Нѣтъ, не отъ насъ, а не сказывается.

Радугинъ.

Что̀ же ему надобно?

Иванъ.

Не знаю. Не сказываетъ, говоритъ, что васъ самихъ нужно.

Радугинъ.

Ну, скажи ему, чтобы послѣ пришелъ. Теперь некогда.

Иванъ.

Я ему говорилъ это, да въ ногахъ валяется, проситъ, чтобы доложилъ, что очень нужно.

Радугинъ.

Что̀ за странность?.. Ну, пошли его сюда.

Иванъ.

Слушаю-съ! (Уходитъ.)

Радугинъ (смотритъ на часы).

Еще успѣю къ Софьѣ Павловнѣ... Что это за секретная аудіенція? Посмотримъ...

(Входитъ Зосима.)

Явленіе третье.

Радугинъ и Зосима.

Зосима
(входитъ и бросается въ ноги Радугину).

Батюшка, ваше благородіе, Алексѣй Митричъ, защити!

Радугинъ (съ удивленіемъ).

Чтò, братецъ, тебѣ надо?.. Отъ кого ты?

Зосима.

Самъ отъ себя ... Къ твоей милости ... По своему дѣлу ... Не оставь: помоги ...

Радугинъ.

Да хорошо, хорошо! Встань; разскажи мнѣ, чтò тебѣ надобно ...

Зосима (встаетъ).

Знаешь, батюшка, ты дѣвушку, что у барыни Софьи Павловны живетъ, Аннушку?

Радугинъ.

Какую Аннушку?..

Зосима.

Ну, вотъ что дочку барынину-то обучаетъ ...

Радугинъ.

Ахъ, Анну Ивановну, гувернантку?

Зосима.

Ну, да, да, Анну Ивановну!

Радугинъ.

Ну, знаю! Чтò же тебѣ?..

Зосима.

Сестра она мнѣ, Алексѣй Митричъ, родная сестра ...

Радугинъ (съ движеніемъ).

Ты братъ ея?

Зосима.

Братъ, Алексѣй Митричъ, родной братъ ... За нее и просить пришелъ твою милость ... Помоги въ ея бѣдѣ неминучей, защити!.. Будь добрый человѣкъ ...

Радугинъ.

Да чтò же такое? какая бѣда?.. Говори скорѣе...

Зосима.

Большую обиду терпитъ: неволей замужъ выдаютъ ...

Радугинъ.

Чтò ты такое говоришь?.. Кто же это можетъ дѣлать?

Зосима.

А та барыня, Алексѣй Митричъ ... Все та барыня, Софья Павловна ... Большія дѣлаетъ ей притѣсненія, а она у насъ добрая душа, всему своему роду благодѣтельница ...

Радугинъ.

Да какъ же она можетъ заставить Анну Ивановну?.. Она не слушалась бы, отошла бы отъ нея ...

Зосима.

Да нельзя, Алексѣй Митричъ, отойдти-то нельзя. Вотъ я тебѣ по порядку разскажу, коли поволишь выслушать ... Къ тебѣ тутъ просьба есть, на тебя одна и надежда!..

Радугинъ.

Да я объ этомъ и прошу тебя ... Разскажи поскорѣе ...

Зосима.

Все это отъ своей доброй души, изъ-за своего сердца ангельскаго и терпитъ-то она и муку-то всю

принимаетъ, а больше того черезъ меня окаяннаго... Вотъ какое дѣло, Алексѣй Митричъ. Признаться тебѣ сказать, жилъ я допрежь сего не въ ладахъ съ батюшкой своимъ родителемъ, ну, а отдѣлить изъ дому онъ меня не хотѣлъ ... Вотъ и мѣкаю я, что хотѣла она мнѣ эту послугу сдѣлать, чтобы я своимъ-то домомъ жилъ; взяла да и выкупила меня... Хошь бы мнѣ слово сказала, али отписала, такъ я бы ее до этого не допустилъ. Нѣтъ, сама съ бариномъ нашимъ переписалась и денежки ему заплатила... А вотъ теперь этакую-то муку и терпитъ... Изволишь видѣть. Денегъ-то у ней не было, она и попросила впередъ у барыни-то у этой, у Софьи-то Павловны ... Та и дала; да не будь глупа, возьми ди и напиши бумагу, что за эти деньги Аннушкѣ бы у нея три годы жить ... Такимъ манеромъ ровно въ кабалу и взяла ее, родимую ... Ну, да что! Аннушка бы этотъ свой строкъ отслужила ей, да теперь ужъ больно не въ моготу ей пришлось, всякія-то обиды и притѣснительства ей оказываютъ, а пуще всего замужъ-то ее неволятъ за какого-то секлетаря ... Не изволишь ли ты его знать?..

Радугинъ.

Знаю, знаю, ну!..

Зосима.

Мы и мѣкаемъ теперь такъ, что барыня-то нудитъ Аннушку по той причинѣ, что этотъ секлетарь ей дѣла дѣлаетъ ... Да пусть бы!.. Отчего за него и Аннушкѣ нейдти? Да то горе, — онъ-то ей больно не по-сердцу ... А барыня-то на нее за то въ гнѣвъ вошла, всякія ей обиды дѣлаетъ, — къ дѣвкамъ ее посылаетъ, за ихную работу сажаетъ ... Такъ вотъ ужъ ей и не въ моготу, а отойдти никакъ нельзя. Деньги-то не всѣ выжила: коли отойдти, надо тысячу рублей ей заплатить, а у нея, у моей

голубушки ... ничего нѣтъ, все въ насъ проживала, что и допрежъ того получала ... такая душа ... (Отираетъ на глазахъ слезы.) У меня-то бы и стало денегъ-то, да съ собой-то не взялъ, — такой грѣхъ-то, а ей тутъ и часу не надо оставаться на такомъ поруганьѣ ... А занять-то не у кого, — знати-то нѣтъ здѣсь ... Такъ вотъ ужъ къ твоей милости ... Не оставь, помоги, будь отецъ родной, заставь за себя вѣчно Бога молить ... Все тебѣ сполна заплачу, хошь въ казаматъ меня запри, доколева деньги не придутъ изъ дому, только не оставь... (Кидается въ ноги Радугину.) Не оставь, кормилецъ, Богъ тебѣ за это пошлетъ ... Какой хошь тебѣ службой заслужу, только помоги ... А то хошь руки на себя наложить, такъ пришлось туго ... За меня, вѣдь, терпитъ! ...

Радугинъ.

Встань, встань ... Изволь, я съ удовольствіемъ готовъ дать денегъ, только скажи мнѣ, какъ же ты узналъ меня ... Почему ты именно ко мнѣ обратился съ своей просьбой?..

Зосима.

А потому, батюшка ... Она мнѣ сказывала, что ты изо всѣхъ только и былъ одинъ, что съ ней ласково говорилъ завсегда, ничѣмъ ея николи не обижалъ ... А то, коли бы ты только зналъ, какое она поруганье терпитъ ... Вчерася я у нея одинъ часъ побылъ, такъ довольно всего насмотрѣлся, что съ ней дѣлаютъ въ этомъ домѣ нечестивомъ ... А какъ она-то, моя голубка, поразсказала мнѣ, такъ индо волосъ дыбомъ встаетъ, а ужъ знаю, что половины всего не сказала ... Ахъ, Алексѣй Митричъ, помоги, родимой! ... доброй душѣ поможешь, беззащитну защитишь!.. Не знаешь, вѣдь, ты, какова она есть голубка ... и что они съ ней дѣлаютъ ...

Радугинъ
(съ замѣтнымъ волненіемъ).

Что же они смѣютъ съ ней дѣлать?

Зосима.

А что дѣлаютъ?.. Сказать тебѣ хуже всего... Ѣздитъ тутъ къ нимъ одинъ баринъ... Кажись бы, только повстрѣчать его... Такъ Аннушка-то разсказываетъ, — какъ, говоритъ, пріѣдетъ, да гдѣ одну поймаетъ, такъ и цѣловать силой... Ну-ка, съ чѣмъ это схоже? Развѣ она у насъ такая?.. Она у насъ чистая душа...

Радугинъ (нетерпѣливо).

Кто же это, кто? Скажи мнѣ...

Зосима.

Да не припомню какъ прозываютъ-то... Ты, чай, знаешь его... Ужъ, надо быть, какой ни на есть самой безпутной...

Радугинъ.

Не Панибратовъ ли?..

Зосима.

Онъ, онъ!.. Онъ и есть!.. Видно, ужъ человѣкъ, коли прямо на него метнулся...

Радугинъ (съ негодованіемъ).

Негодяй, мерзавецъ!..

Зосима.

А дворовые-то всѣ, вѣдь, совсѣмъ заѣли, Алексѣй Митричъ... Это при мнѣ пришла старушонка-нянька, наругалась, наругалась надъ ней... А что она имъ сдѣлала? Экой доброты, экой души — на рѣдкость поискать! ... И весь-то вѣкъ свой мается, голубка, точно затѣмъ на свѣтъ родилась... Неужто ужъ Творецъ Милостивой не взыщетъ ее своей ми-

лостью... Кажись, не видала она радости на своемъ вѣку... голубка моя... (Утираетъ слезу.)

Радугинъ (съ участіемъ).

Разскажи, пожалуйста, мнѣ всю ея исторію. Какъ она въ ученье попала, какъ у васъ дома жила... Садись и разскажи мнѣ, сдѣлай милость...

Зосима.

Изволь, Алексѣй Митричъ... Объ ней я хошь цѣлой день буду говорить, особливо съ тобой, коли ты ее всегда своей лаской взыскивалъ... Подастъ тебѣ за это Богъ... Дорогà милостынька въ черный день... Изволь, Алексѣй Митричъ... только вотъ что, какъ бы мнѣ поскорѣе ее ослободить-то, деньги-то отдать, да ужъ и увести скорѣе... Не оставь, отецъ родной...

Радугинъ.

Не безпокойся, не безпокойся, я денегъ хоть сейчасъ дамъ, только напрасно будешь торопиться. Теперь тебя не пустятъ къ Софьѣ Павловнѣ, — сегодня день ея ангела... У нея гости. Вотъ и мнѣ пора бы ѣхать. (Смотритъ на часы.) Ну, да и безъ меня... Послушай... Какъ тебя зовутъ?

Зосима.

Зосимой, Алексѣй Митричъ...

Радугинъ.

Послушай, Зосима, позволь лучше мнѣ самому отдать деньги за Анну Ивановну... Я скорѣе тебя это сдѣлаю и... для Анны Ивановны будетъ меньше непріятностей...

Зосима (низко кланяясь).

Покорнѣйше тебя благодарю, отецъ родной... Изволь, батюшка, изволь... Подай тебѣ Богъ... за твою добрую душу... Ужъ и, конечно, ты скорѣе

все дѣло сдѣлаешь, а меня, смотри, и въ домъ-отъ, пожалуй, не допустятъ, какъ и вчера же...

Радугинъ.

А что же, развѣ не пускали?

Зосима.

Да, много всего было.... Такъ какъ же, изволь отъ меня получить вексель-то, али росписку какую, что денегъ-то ты мнѣ дашь...

Радугинъ (съ улыбкой).

Полно, что за росписка... Не надо ее.

Зосима.

Я, баринъ, даромъ не возьму денегъ...

Радугинъ.

Ну, такъ я тебѣ на-слово вѣрю... Вѣдь, ты вѣришь же мнѣ, хочешь же дать росписку, не получивши денегъ, отчего же и мнѣ тебѣ не повѣрить?

Зосима.

Ну, Алексѣй Митричъ, либо ужъ ты больно добръ, либо русскаго мужичка больно любишь, коли такую вѣру мнѣ даешь... На томъ спасибо... Небось, ужъ не обману! ...

Радугинъ.

Ну, такъ садись-ка, да разсказывай мнѣ что обѣщалъ...

Зосима.

Нѣтъ, Алексѣй Митричъ, ужъ я передъ твоей милостью не сяду, не стою я этого...

Радугинъ.

Полно, полно, садись, пожалуйста...

Зосима.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ, какъ можно... Смѣю ли я?.. Вѣдь я простой мужикъ...

Радугинъ.

Пустяки, ничего... Вотъ тебѣ стулъ: садись же, пожалуйста. (Пододвигаетъ Зосимѣ стулъ.)

Зосима.

Чтой-то, Алексѣй Митричъ, самъ и стулъ-отъ пододвигаетъ... Да какъ я сяду передъ этакимъ бариномъ добрымъ?.. Меня одна совѣсть такъ замучитъ...

Радугинъ.

Ну, полно же! Садись, пожалуйста...

Зосима (мотаетъ головою).

Ну, только баринъ! Ужъ извини, не осуди... (Кланяется и осторожно садится.)

Радугинъ.

Вотъ теперь разсказывай...

Зосима.

Изволь, Алексѣй Митричъ... Аннушка-то была еще у насъ маленькой дѣвушкой, такъ по девятому или десятому годку, а вотчиной-то нашей въ тѣ поры управлялъ нѣмецъ, и была у этого нѣмца жена, да дочка, экая же маленькая, какъ и наша-то же Аннушка... Вотъ эта нѣмкова-то дочка какъ ни какъ и признала нашу-то Аннушку и полюбилась она ей... Полюбимши она ее, и стала такимъ манеромъ своихъ-то отца съ матерью просить: возьми, да возьми нашу-то Аннушку... А тѣ нѣмцы, а особливо нѣмка-то добрѣющей были души. Ну, и взяли они Аннушку, сначала такъ какъ бы для прислуги, что ли, а опосля того сами ее полюбили и стали всему учить, да обучать, и держали ее, словно дочку свою, мало въ чемъ рознили... И въ пищѣ это, и въ одеждѣ, и въ ученьѣ, — все больше какъ дочь, такъ и она... Вотъ и прожила она у нихъ такимъ манеромъ года

три; только дочка-то ихная... хворая была такая она, худая, да бѣлая, бѣлая... хирѣть, да хирѣть, и умерла... А съ Аннушкой-то онѣ ужъ вотъ какіе были други, ровно сестры родныя, одна безъ другой ни пить, ни ѣсть... тоже дѣвушка была добродушная, такая душа была! ... Вотъ передъ смертью-то, какъ бы это ей Богу душу отдать, и говоритъ своимъ-то отцу съ матерью: вотъ, говоритъ, не будетъ меня у васъ, возьмите, говоритъ, за мѣсто меня къ себѣ въ дочки Аннушку... Ну, нѣмецъ-то съ нѣмкой и сами-то любили Аннушку, да и съ этихъ-то словъ дочки-то своей и взяли нашу-то къ себѣ замѣсто дочери, выкупили ее и повели во всемъ ужъ, словно родную... Такъ она у нихъ и жила и набиралась тогда всякимъ ученьемъ, и такая была на все понятная... И выросла она такимъ манеромъ красота-красотой... Ужъ такая она была изъ себя, что и сказать невозможно... И теперь она красавица, ну, да все ровно веселости-то, что ли, нѣтъ такой, да отваги съ этихъ горей-то ея большихъ, а тогда... румяная-то, да веселая-то... Ахъ, такъ бы все и смотрѣлъ, кажись, на нее! ... Такъ и жила она у нѣмцевъ все благополучно... Только умерла эта самая нѣмка; батюшка надумалъ ее къ себѣ въ домъ взять... Ну-ка, изъ экой жизти, да въ нашу-то избу, на нашу жизть... А тутъ стали ее нудить за мужика за-мужъ идти... Все это она терпѣла, моя голубушка. (Входитъ Панибратовъ.)

Зосима

(поспѣшно встаетъ со стула и почтительно ему кланяется).

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Панибратовъ.

Панибратовъ (входя).

Алексѣй Дмитричъ, что это у васъ за гость?.. Что васъ нѣтъ до сихъ поръ у Софьи Павловны?

Здравствуйте, премногоуважаемый... (Подаетъ руку Радугину, и тотъ неохотно и съ пренебреженіемъ беретъ ее.) Я сейчасъ оттуда... Васъ тамъ ждутъ... Ваша очаровательная прелесть или, такъ сказать, прелестное очарованіе Лизавета Степановна... Все это, знаете, въ рюмочку... Поѣзжайте скорѣе...

Радугинъ (сухо).

Я, можетъ быть, совсѣмъ не поѣду утромъ.

Панибратовъ.

Что вы говорите?... Вы всѣхъ тамъ повергнете въ тяжелую тоску мучительнаго ожиданія... Да что вы какой сердитый?.. Хандрите? А!.. Ну слушайте: я васъ позабавлю... Какой преинтересный случай былъ вчера у Софьи Павловны въ домѣ... Этакое, такъ сказать, романтическое происшествіе... и съ моей міроутѣшительницей Анной Ивановной...

Радугинъ (съ негодованіемъ).

Послушайте...

Панибратовъ.

Что вы сердитесь?.. Я знаю, — вы всегдашній ея защитникъ... Но теперь я получаю полное право преслѣдовать ее моимъ обожаніемъ.

Радугинъ (съ досадою).

Я вамъ говорю...

Панибратовъ.

Ха, ха, ха!.. Ужъ и сердится!.. Да, вѣдь, не я. Дайте же сказать... Вчера къ ней пришелъ ея старый любовникъ изъ деревни, и ее съ нимъ застала Софья Павловна... Вообразите! Простой мужикъ, и какой смѣлый! Софья Павловна приказываетъ ему выдти — нейдетъ, приказываетъ взять людямъ и вы-

вести вонъ, — не дается и начинаетъ защищаться со свирѣпостью тигра и лютостью льва...

(Радугинъ блѣдный, со стиснутыми зубами и сверкающимъ взоромъ смотритъ — то на Панибратова, то на Зосиму, и не знаетъ, что дѣлать, что говорить.)

Зосима.

Послушай, баринъ... Не знаю, кто ты... А напрасно ты мелешь, чего самъ не знаешь. Былъ у Аннушки я самый, ея братъ родной, а не полюбовникъ... Вотъ что̀...

Панибратовъ (въ смущенiи).

Какъ, братецъ, это ты? Я не зналъ, божусь тебѣ, не зналъ... мнѣ такъ сказали...

Зосима.

То-то, такъ сказали. Не всему вѣрь, что̀ слышалъ, не все говори, что̀ другiе мелютъ... Тебѣ ничто ничего на-обумъ сказать, да бѣдную дѣвку на позоръ поставитъ... Она, сударь, честная дѣвушка... Никто про нее не смѣй сказать не дѣло! ... Вотъ что̀, баринъ... ваша милость! ...

Панибратовъ.

Ну, братецъ, ну! Успокойся... Я тебѣ говорю. Я не зналъ... мнѣ такъ сказали... (Къ Радугину съ улыбкой.) Какъ расходился...

Радугинъ

(отворачиваясь отъ Панибратова и подавляя негодованiе, притворно-спокойнымъ голосомъ).

Поди, мой другъ, съ Богомъ и будь покоенъ... Я сдѣлаю то, что̀ обѣщалъ... Завтра утромъ приходи ко мнѣ...

Зосима.

Покорнѣйше благодаримъ, батюшка, Алексѣй Митричъ!.. Дай Богъ тебѣ всякаго благополучiя... (Обращаясь къ Панибратову.) Ну, прощай, баринъ... не

знаю, какъ твою честь величать... (Смотритъ на него пристально и сердито.)

Панибратовъ

(съ притворнымъ смѣхомъ).

Все равно, дружокъ, все равно...

Зосима.

Ну, то-то... Въ другихъ мѣстахъ этого не говори... Бѣдную дѣвушку, беззащитную, грѣхъ обижать... Такъ-то!... Прощай, батюшка, Алексѣй Митричъ... Прости, коли что лишнее молвилъ. Не чужая, вѣдь, родная, кровная...

Радугинъ.

Прощай, мой другъ, прощай. Будь здоровъ и покоенъ.

(Зосима уходитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же, безъ **Зосимы.**

Панибратовъ

(съ принужденнымъ смѣхомъ).

Какъ онъ расходился... Каковъ?.. Скажите, пожалуйста, какъ попалъ къ вамъ этотъ уродъ?..

Радугинъ

(съ сильнымъ негодованіемъ).

Послушайте, Панибратовъ... Я нарочно отослалъ этого мужика... Мнѣ стоило только сказать ему вашу фамилію для того, чтобы вы дорого поплатились за свою наглость... Вы негодяй...

Панибратовъ.

Милостивый государь...

Радугинъ.

Молчите... Вы самый низкій человѣкъ. Во-первыхъ, вы позорите тотъ домъ, въ который васъ

пускаютъ, во-вторыхъ, вы оскорбляете беззащитную, честную дѣвушку...

Панибратовъ.

Вы хотите воспользоваться тѣмъ, что я въ вашемъ домѣ... Это очень благородно... это достойно порядочнаго человѣка... Если вы въ претензіи на меня, могли бы требовать удовлетворенія... А отъ насилія позвольте мнѣ лучше удалиться... (Хочетъ идти.)

Радугинъ.

Постойте... Потому только я и отстраняю всякую непріятность, что вы въ моемъ домѣ... Въ другомъ мѣстѣ я поступилъ бы съ вами иначе... какъ съ негодяемъ.

Панибратовъ.

Послушайте... я требую удовлетворенія... я не привыкъ слушать подобныя вещи...

Радугинъ.

Перестаньте храбриться... Это ужъ не въ модѣ, а для васъ даже неприлично.

Панибратовъ.

Но я требую...

Радугинъ.

Замолчите... Я знаю, — вы трусъ... Слушайте, я требую, чтобы вы дали мнѣ честное слово, если въ васъ есть какая-нибудь честь, что вы не станете повторять этой сказки, которую сейчасъ разсказали, и не осмѣлитесь преслѣдовать и оскорблять Анну Ивановну... Слышите?.. До тѣхъ поръ я не выпущу васъ отсюда, пока вы не дадите мнѣ слова...

Панибратовъ.

Но это насиліе... Какъ вы смѣете?.. Я такой же дворянинъ, какъ и вы... Можетъ быть, вы надѣетесь на свое богатство...

Радугинъ.

Не горячитесь... не выводите меня изъ терпѣнія... Если вы не исполните моего требованія, я вамъ ручаюсь, даю вамъ съ своей стороны честное слово, что васъ не будутъ здѣсь пускать ни въ одинъ домъ...

Панибратовъ.

Но чего же вы хотите отъ меня?..

Радугинъ.

Я, вѣдь, сказалъ уже вамъ... Признайтесь: вы сами сочинили эту сплетню о любовникѣ Анны Ивановны?..

Панибратовъ.

Нѣтъ, я и не думалъ самъ сочинять...

Радугинъ.

Кто же вамъ сказалъ?..

Панибратовъ.

Да что вамъ за дѣло?.. Я не намѣренъ давать отчетъ...

Радугинъ.

Помните, что̀ я вамъ сказалъ. Я не позволю вамъ показаться ни въ одномъ домѣ...

Панибратовъ.

Да это всѣ говорятъ...

Радугинъ.

Вамъ кто сказывалъ?..

Панибратовъ.

Ну, я не помню, кто говорилъ мнѣ...

Радугинъ.

Вспомните... Я требую...

Панибратовъ.

Что жъ такое вы дѣлаете со мной, въ самомъ дѣлѣ?.. Я лучше уйду...

Радугинъ.

Васъ не пустятъ... Говорите, кто вамъ сказалъ?..

Панибратовъ.

Кто?.. Кто?.. Я не помню хорошенько... Кажется, Авдотья, горничная Софьи Павловны!..

Радугинъ (презрительно).

Прекрасныя отношенія для благороднаго человѣка!.. Ну, а кому вы успѣли разсказать эту пошлую выдумку?..

Панибратовъ.

Да, помилуйте, это весь городъ говоритъ...

Радугинъ.

То-есть, вы успѣли уже разболтать... Слушайте же! Дайте мнѣ слово, что вы никому больше не станете разсказывать...

Панибратовъ.

Ну, что-жъ такое. Я, пожалуй, не стану говорить. Мнѣ это нисколько не интересно разсказывать... особенно, если вы принимаете такое участіе въ Аннѣ Ивановнѣ... Я нисколько не желаю ссориться съ вами изъ ничтожныхъ, такъ сказать, пустяковъ.

Радугинъ.

Погодите... Это еще не все. Вы должны съѣздить во всѣ знакомые вамъ дома, гдѣ знаютъ эту сплетню, и разсказать, что это ложь, выдумка...

Панибратовъ.

Ну, послушайте, мой другъ, что̀ вы хотите со мной дѣлать... Что я за оракулъ такой...

Радугинъ.

Не фамильярничайте... Я никогда не желалъ быть вашимъ другомъ... Я требую, чтобы вы это сдѣлали, въ противномъ случаѣ...

Панибратовъ.

Ну, ну, не сердитесь... Если вамъ такъ хочется для васъ я готовъ это сдѣлать... Вы знаете, — для, Алексѣя Дмитрича могу ли я въ чемъ отказать...

Радугинъ (вполголоса).

Негодяй!.. (Вслухъ.) Потомъ вы не должны ни слова говорить съ Анной Ивановной...

Панибратовъ.

Да я никогда и не говорилъ съ ней...

Радугинъ.

Не говорили!.. Такъ всего лучше вамъ вовсе не ѣздить къ Софьѣ Павловнѣ, пока Анна Ивановна въ ея домѣ...

Панибратовъ.

Ну, нѣтъ, ужъ это, Алексѣй Дмитричъ, пожалуйста, я не могу этого сдѣлать... Вѣдь Анна Ивановна, можетъ быть, долго пробудетъ у Софьи Павловны... Мнѣ нельзя, — я человѣкъ коротко знакомый...

Радугинъ.

Она не долго пробудетъ... Слышите! Вы не должны бывать, пока она тамъ.

Панибратовъ.

Да, ну, ну, я, пожалуй, не стану ѣздить, только сегодня, пожалуйста... Право, неловко... Сегодня Софья Павловна имянинница, приглашала... всѣ будутъ... Нѣтъ, ужъ сегодня, пожалуйста...

Радугинъ (съ отвращеніемъ).

Поѣзжайте, сегодня. . . (Вполголоса.) Отвратительный человѣкъ. . .

Панибратовъ (шутливо).

Ну, всѣ ли ваши приказанія кончились, мой строгій властитель?..

Радугинъ.

Я теперь вижу: съ васъ не стоитъ брать честнаго слова, но если вы не исполните моихъ требованій, — дорого поплатитесь. . .

Панибратовъ.

Исполню, исполню... Могу ли я не исполнить желаній такъ много мною уважаемаго, умнѣйшаго и любезнѣйщаго Алексѣя Дмитрича.

Радугинъ.

Теперь вы можете ѣхать. Я все вамъ сказалъ...

Панибратовъ.

Надѣюсь, что эта маленькая размолвка не нарушитъ моей, такъ сказать, пріязненности съ драгоцѣннымъ Алексѣемъ Дмитричемъ.

Радугинъ.

Признаюсь, я не хотѣлъ бы съ вами встрѣчаться...

Панибратовъ.

Ну, нѣтъ, нѣтъ, вы шутите. Я не могу этого сдѣлать, это не въ предѣлахъ моей любви и уваженія къ вамъ... Ну, не сердитесь же... Всѣ мои ошибки проистекаютъ изъ доброты сердечной... Я въ нихъ великодушно раскаяваюсь . . . Вы меня исправляете, а безъ васъ я могу. . . такъ сказать. . . погрязнуть въ тинѣ проступковъ. . .

(Радугинъ молча закуриваетъ сигару и садится на оттоманъ спиною къ Панибратову.)

Панибратовъ.

Вы молчите?.. Неужели все еще не утихло ваше возмущеніе?.. Или хандра опять?.. Ну, ну, я уѣду... Прощайте... Вы любите быть одни... Дайте мнѣ вашу руку въ знакъ окончательнаго примиренія. (Береть насильно руку Радугина, но тотъ ее выдергиваетъ съ отвращеніемъ.) Вотъ такъ-то лучше... Надѣюсь, при слѣдующей встрѣчѣ вы уже улыбнетесь мнѣ...

Радугинъ (съ досадой).

Вы надоѣли мнѣ... Не угодно ли вамъ (Указываетъ на дверь).

Панибратовъ.

Ухожу, ухожу!.. Ахъ, ипохондрія!.. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Радугинъ (одинъ).

Парія... отвратительный человѣкъ, несносное созданіе... (Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ въ волненіи и раздумьѣ.) И подобные люди имѣютъ голосъ въ общественномъ мнѣніи!.. Если бы онъ узналъ, что не одно простое участіе заставляетъ меня защищать Анну Ивановну, онъ тоже вмѣстѣ съ другими, еще прежде другихъ, началъ бы смѣяться надо мной... А теперь онъ даже не смѣетъ и предположить, чтобы что-нибудь похожее на благородную, чистую любовь къ незначительной гувернанткѣ могло быть въ душѣ моей... И подчинять себя приговору подобныхъ людей, бояться ихъ суда!... Зосима, простой мужикъ, но онъ выше, благороднѣе меня: онъ весь преданъ своей любви, онъ готовъ для нея на всякую жертву, а я... я боюсь даже признаться въ своей

любви, я стыжусь за нее... А между тѣмъ я чувствую, что люблю ее съ каждымъ мгновеніемъ больше... Нѣтъ, пора... Хоть одно доброе дѣло, хоть одно чистое движеніе души...

(Занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе четвертое.

Сцена представляетъ садъ ночью. На заднемъ занавѣсѣ, вдали, виднѣется домъ, великолѣпно внутри освѣщенный; изъ него несутся звуки бальной музыки, въ окнахъ видны тѣни танцующихъ. Отъ дома въ садъ идетъ терраса, дверь на которую отворена. Вдоль сцены отъ террасы проходитъ широкая аллея, деревья которой, на небольшое пространство, иллюминованы фонарями и шкаликами, но на авансценѣ ночная темнота, едва освѣщаемая иллюминаціей дома и деревьевъ. Направо и налѣво отъ зрителей, въ косвенномъ направленіи, идутъ темныя крытыя аллеи изъ акацій.

Явленіе первое.

Зосима и **Маша** показываются справа изъ темной аллеи.

Маша.

Вотъ здѣсь и подожди, а я пойду вызову Анну Ивановну.

Зосима.

Спасибо, спасибо, родная. Ладно, я подожду здѣсь.

Маша.

А если кто-нибудь станетъ подходить, такъ ты сейчасъ и спрячься въ этой аллеѣ, — тебя никто и не увидитъ.

Зосима.

Ладно, ладно, золотая. Дай тебѣ Богъ счастья.

Маша.

Ну, такъ я пойду, а если увидятъ тебя, такъ не сказывай же, что я провела.

Зосима.

Такъ ужъ неужто я тебя выдамъ? Не бось, поди, никто не увидитъ ...

(Маша уходитъ).

Явленіе второе.

Зосима (одинъ).

Эхъ-ма, дѣла, дѣла!.. Ровно воръ какой пришелъ, али не за хорошимъ дѣломъ. И людямъ-то не показывайся. А зачѣмъ пришелъ? Съ сестрой повидаться, отъ злыхъ людей ее соблюсти ... Пра ... ровно въ сказкахъ ... ровно у не нашей силы пришелъ отымать! ... (Осторожно выходитъ на среднюю аллею и смотритъ на домъ.) Вона какое веселье! ... Ишь ты какіе огни! ... Скачутъ, пляшутъ, а она-то, чай, моя голубушка, надрывается ... Что-то, не опять ли ужъ изъ комнатъ-то сослали ... (Молча смотритъ нѣкоторое время на домъ.) А, можетъ, и она тамъ, моя касатка, можетъ, и ей велѣно пребывать тамъ, да радоваться чужой радостью, а у нея на сердцѣ кошки скребутъ ... Охо, хо, хо!.. (Въ аллеѣ налѣво показываются Панибратовъ и Авдотья. Зосима прячется направо и начинаетъ прислушиваться.)

Явленіе третье.

Панибратовъ и **Авдотья** (въ концѣ аллеи останавливаются).

Панибратовъ.

Дуня, Дуня, такъ Софья Павловна сама приказала тебѣ провести меня?

Авдотья.

Сами, сударь, сами изволили приказать, Петръ Иванычъ. Такъ и сказали. Поди, говоритъ, скажи милому Петру Иванычу, чтобы въ темной аллеѣ меня дожидался, а я сейчасъ выйду, мнѣ нужно съ нимъ поговорить ...

Панибратовъ.

Значитъ, я испытаю этакое, такъ сказать, блаженство ... Ахъ, какъ я счастливъ, Дуня, избыткомъ своихъ чувствъ! ... Восхищеніе души моей, Софья Павловна! ...

Авдотья.

То-то, то-то, Петръ Иванычъ, а онѣ безпокоятся насчетъ васъ ...

Панибратовъ.

Что, что такое, милый ты мой агентъ, такъ сказать ... (Заигрываетъ съ нею.) Охъ, ты, команда черноглазая! ... (Хочетъ обнять.)

Авдотья (жеманясь).

Ахъ, Петръ Иванычъ, чтой-то, баринъ-сударь, какъ это возможно ... Ахъ, Ты, Боже Ты мой милостивый ... Да, Петръ Иванычъ, отступитесь ...

Панибратовъ.

Ничего, ничего, Дунечка, не стѣсняйся ... (Цѣлуетъ ее.)

Авдотья.

Ахъ, чтой-то это, на что похоже? Вдругъ барыня подойдетъ — увидитъ ... (Съ притворнымъ упрекомъ.) Вотъ барыня-то, значитъ, не напрасно безпокоится объ васъ насчетъ Анны Ивановны.

Панибратовъ.

Ну, что Анна Ивановна ... Это ничего не значитъ ... Ты скажи Софьѣ Павловнѣ, что я на Анну

Ивановну и вниманія не обращаю ... А вотъ Дунечка — это совсѣмъ другое ... Это мое провожденіе времени ... А? такъ ли? ... (Обнимаетъ ее.)

Авдотья.

Ахъ, Петръ Иванычъ, право, сударь, того и смотри барыня подойдетъ ... Экой вы завлекатель! ...

Панибратовъ.

Ну, такъ поди, поди ... Охъ, ты мнѣ, егоза черноглазая ... Такъ бы тебя и проглотилъ ...

Авдотья.

Надсмѣшникъ ... Вѣрь вамъ ... Мужчинка вы! ... (Быстро уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Панибратовъ (одинъ).

Вотъ такъ-то и ладно ... Теперь въ нашу пользу будетъ дѣйствовать... Это значитъ — умѣнье жить! .. Хоть и не по сердцу, да приласкайся: въ убыткѣ не будешь, барынѣ лишній разъ похвалитъ. Надобно, однако, у Софьи Павловны повыманить деньжонокъ. Однѣми нѣжностями сытъ не будешь ... Хорошо, право, быть умнымъ человѣкомъ: все у тебя подъ командой, а то просто скверно бы было, — ѣсть нечего ... Что же не идетъ моя нимфа? Отъ нея вѣдь скоро не отдѣлаешься, а мнѣ ужъ и выпить, и закусить пора бы ... (Смотритъ на домъ.) Люблю, право, этакія увеселенія ... такъ сказать, душой живешь: дамы, барышни, вино, угощеніе ... чудо! Ахъ, какъ бы, кажется, деньги ... Просто бы, какъ Нерономъ какой ... ни въ чемъ себѣ не отказывалъ ... Тогда бы и ума не надобно. Безъ него бы прожилъ лучше умныхъ ... Просто языки бы соловьи-

ные сталъ ѣсть ... А женщины?... Все изъ иностранокъ ... Какую бы нибудь Андалузію?.. а?.. (Вдали на аллеѣ показывается Анна Ивановна.) Вонъ, кажется, и моя Андалузія плыветъ ... Да нѣтъ, это не она: кто же бы это?.. Ахъ, Анна Ивановна ... Не сюда ли? Мечтамъ предаться?.. Сюда ... (Прячется.)

Явленіе пятое.

Панибратовъ, Анна Ивановна и потомъ Зосима.
Анна Ивановна идетъ къ аллеѣ, направо, осторожно и озираясь вокругъ

Панибратовъ
(потихоньку подкрадывается къ ней).

Анна Ивановна, Анна Ивановна ...

Анна Ивановна (испугавшись).

Ахъ!..

Панибратовъ.

Не бойтесь, это я, вашъ преданный и уважающій... Вы, вѣрно, пришли сюда помечтать въ мрачной тишинѣ? И я тоже ... Видите, какъ насъ сводитъ судьба единодушно ... (Хочетъ взять ее за руку.)

Анна Ивановна.

Что вамъ угодно?.. Оставьте меня.

Панибратовъ (озираясь).

Мнѣ ничего не угодно, но самъ неумолимый рокъ привелъ васъ сюда, чтобы я, такъ сказать, могъ повергнуть предъ вами бѣшенство лютой страсти ...

Анна Ивановна.

Подите прочь ...

Панибратовъ.

Не могу уйдти ... Анна Ивановна, право сгораю огнемъ. (Озирается.) Утолите жажду души моей ...

Анна Ивановна.

Вы самый низкій человѣкъ ... Когда вы перестанете преслѣдовать меня ...

Панибратовъ.

Не могу ... Это выше душевныхъ силъ моихъ ... Вы меня проклинаете, но я истаяваю ... (Оглядывается.) Одинъ навѣки прощальный поцѣлуй ... (Хочетъ обнять ее).

Анна Ивановна.

Господи ... Гдѣ же?.. хоть бы братецъ ...

Зосима

(быстро выскакиваетъ изъ аллеи, въ которой скрывался, и съ силой отталкиваетъ Панибратова отъ Анны Ивановны.

Панибратовъ

(отскакиваетъ въ смущеніи и страхѣ).

Зосима

(подходя къ Панибратову со сжатыми кулаками, задыхающимся отъ негодованія голосомъ).

Я те дамъ, баринъ ... Я те дамъ, баринъ, обижать ...

Анна Ивановна (удерживая Зосиму).

Не тронь его, братецъ ... Богъ съ нимъ ...

Панибратовъ

(оправляясь отъ испуга и храбрясь).

Ты смѣешь мнѣ угрожать?.. Ты какъ попалъ сюда?.. Ты воръ ...

Зосима.

Я воръ?.. Нѣтъ, я не воръ, а вотъ ты ... Нечестивый ты человѣкъ! (Бросается на Панибратова съ бѣшенствомъ).

Анна Ивановна (останавливая Зосиму).

Братецъ ... Ради Бога ... Услышатъ шумъ, придутъ ... Здѣсь гости.

Зосима (успокоиваясь).

Ну, пошелъ, убирайся отсюда ... Благодари ее, а то бы я те показалъ ... Окаянный ты человѣкъ ... Да не моги впередъ и думать этого ...

Панибратовъ
(храбрясь, но съ замѣтной робостью).

Какъ ты смѣешь мнѣ говорить такъ, оселъ?.. Ты знаешь ли, съ кѣмъ говоришь?

Зосима.

Знаю. Нечестивый ты человѣкъ, — вотъ ты кто ... Шваль ты, — вотъ ты кто ...

Анна Ивановна.

Петръ Иванычъ, ради Бога, я васъ прошу. Уйдите отсюда ... Чего вамъ еще хочется?

Зосима.

А ему хочется, чтобы я его не честью спровадилъ ...

Панибратовъ.

Нѣтъ, мерзавецъ, я позову людей, велю тебя взять отсюда ... Какъ ты смѣлъ придти въ благородный домъ и еще шумѣть ... Сейчасъ позову людей ...

Зосима.

Да зови! Я не боюсь ...

(Нѣсколько молодыхъ людей показываются на террасѣ и спускаются по лѣстницѣ въ садъ.)

Панибратовъ (замѣтя ихъ).

Что ты шумишь? Перестань ... Видишь идутъ ...

Зосима.

Пусть идутъ ...

Анна Ивановна.

Братецъ, ради Бога, тише ... Они услышатъ, подойдутъ ...

Зосима.

Ничего, пусть насъ разсудятъ съ нимъ ...

(Гости, услыша разговоръ, приближаются.)

Анна Ивановна (всплескивая руками).

Господи, какой срамъ! (Скрывается въ аллеѣ направо.)

Панибратовъ (вполголоса).

Погоди ... Я съ тобой послѣ раздѣлаюсь. (Хочетъ уйдти).

Зосима.

Нѣтъ, постой ... Теперь я тебя ужъ не пущу ... (Хватаетъ Панибратова за руку.)

Явленіе шестое.

Тѣ же, **Софья Павловна, Радугинъ** и гости.

Радугинъ.

Зосима, ты здѣсь?.. Что такое случилось?..

Господинъ съ усами (вполголоса).

Князь, князь, послушайте ... ха, ха, ха!.. (Полускрытый смѣхъ между гостями).

Зосима.

Вотъ что, Алексѣй Митричъ, я тебѣ порядкомъ разскажу. Пришелъ я сюда въ садъ для того, чтобы со своей сестрой, съ Аннушкой, повидаться ... Такъ какъ барынѣ, твоей милости, не въ угоду было, что я того-разу въ комнату-те вошелъ, такъ я, чтобы не гнѣвить твоей милости, нарокомъ въ садъ и вызвалъ ее ... Только стою я, дожидаюсь ея, а этотъ человѣкъ и пришелъ тоже сюда на это мѣсто, на что, за какимъ дѣломъ, — про то самъ онъ знаетъ ... Я въ чужія дѣла не мѣшаюсь ... Только вотъ Аннушка идетъ сюда, а́ онъ началъ къ ней

подлипать, она отъ него, а онъ ее цѣловать силой хотѣлъ ... ноли до слезъ дѣвку ...

Радугинъ

(съ горячностію къ Панибратову).

Какъ вы смѣли это сдѣлать!.. Господа, я на всѣхъ васъ ссылаюсь: достойно ли это благороднаго человѣка?..

Панибратовъ.

Онъ вретъ. Этого совсѣмъ и не было!..

Зосима.

Не было?.. Полно, гдѣ у те совѣсть?.. Хошь ее спроси ... и она скажетъ ... Не изъ-за-чего мнѣ на тебя сплетки выдумывать ... Не такой я человѣкъ ... Не въ тебя ... Опять же онъ, Алексѣй Митричъ, всѣмъ свою сказку разсказывалъ, что будто бы я полюбовникъ Аннушкинъ ... Однако же я ей братъ родной ... Я те свой пачпортъ покажу, а хошь, — всю околицу нашу спрошай, братъ ли я ей. Всякъ тебѣ скажетъ ...

Радугинъ.

Панибратовъ, слушайте же. Вы негодяй, вы подлецъ, и съ сихъ поръ я не только не подамъ вамъ руки, но велю своему человѣку выгнать, если вы осмѣлитесь пріѣхать къ мнѣ ...

Панибратовъ.

Вы не смѣете такъ браниться со мной, вы не имѣете никакого права ... Я самъ умѣю потребовать отъ васъ удовлетворенія ...

Радугинъ.

Что, не стрѣляться ли? Я ужъ вамъ сказалъ, что я постыжусь выдти съ вами на дуэль, потому что вы трусъ и негодяй ... Господа, я увѣренъ, что и вы не будете принимать къ себѣ человѣка,

который оскорбляетъ самымъ низкимъ образомъ беззащитную дѣвушку ...

Князь

(вполголоса и насмѣшливо прочимъ гостямъ).

Что за защитникъ невинности ...

Радугинъ.

Вы молчите, господа?.. Но я надѣюсь, вы не станете принимать, по крайней мѣрѣ, такого человѣка, который будетъ торжественно выгнанъ изъ порядочнаго дома ... Софья Павловна, я прошу васъ сейчасъ же выгнать изъ вашего дома этого негодяя, иначе я не могу быть у васъ ...

Панибратовъ (гостямъ).

Господа, защитите! Что онъ меня обижаетъ понапрасну ... Что онъ такъ много думаетъ о себѣ?..

Радугинъ.

Что же, Софья Павловна, вы не исполните моей просьбы?..

Софья Павловна.

Алексѣй Дмитричъ, я очень цѣню и уважаю васъ; но прежде, нежели обидѣть Петра Иваныча, нужно сначала узнать, каково было поведенiе моей гувернантки въ отношенiи его ...

Радугинъ (восторженно).

Анна Ивановна прекрасная, благородная дѣвушка, самой высокой нравственности, она не способна ни на что дурное ...

Софья Павловна.

Ну, не думаю ...

Господинъ съ усами.

Притомъ, извините, Софья Павловна, что за важность такая приволокнуться за гувернанткой?..

Радугинъ.

Такъ ни Софья Павловна, ни вы, господа, не хотите исполнить моей просьбы? Вы мѣняете меня на какого-нибудь негодяя ...

Софья Павловна.

Онъ вовсе не негодяй, Алексѣй Дмитричъ. Повѣрьте, она самая дурная дѣвушка ...

Князь.

А за какую-нибудь безнравственную крестьянку грѣшно такъ жестоко наказывать человѣка, хотя вы ее и защищаете ... Правда ли, господа?

Нѣсколько голосовъ.

Конечно!..

Радугинъ
(блѣдный и въ сильномъ волненіи).

Такъ чтобы доказать вамъ всѣмъ, какъ презираю я вашимъ мнѣніемъ, которое предпочитаетъ мнѣ Панибратова ... и чтобы показать вамъ, что я умѣю цѣнить благородство во всякомъ ... я предлагаю руку Аннѣ Ивановнѣ ... я женюсь на ней ... (Общее изумленіе; Софья Павловна блѣднѣетъ и язвительно улыбается, князь притворно смѣется.)

Зосима.

Батюшка, Алексѣй Митричъ, что ты дѣлаешь?.. (Плачетъ и бросается въ ноги Радугину.)

Анна Ивановна

которая въ продолженіе 6-го явленія стояла въ аллеѣ направо, никѣмъ не замѣчаемая, вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ.

Нѣсколько голосовъ.

Что это?

Зосима.

Батюшки, это Аннушкинъ голосъ!.. (Бѣжитъ въ аллею, за нимъ Радугинъ и нѣсколько любопытныхъ.) Батюшка, Але-

ксѣй Митричъ, не умерла ли? Аннушка, голубушка... Царь милосердый ...

Радугинъ.

Тише, тише, съ ней обморокъ ... Зосима, подними ее, перенеси на скамейку ... (Оба поднимаютъ Анну Ивановну и кладутъ на скамью.)

Зосима.

Батюшки, не умерла бы! Помогите, кормильцы, родные, помогите ... Отцы родные, помогите же!..

Радугинъ.

Воды, спирту, Софья Павловна, ради Бога ... Прикажите, тутъ докторъ, кажется ... Господа, ради Бога ...

Зосима.

Отдыхаетъ, Алексѣй Митричъ, отдыхаетъ ...

Радугинъ.

Ну, тише, тише ... Отчего это съ ней?..

Зосима.

Съ радости, Алексѣй Митричъ, обрадовалъ ты ее больно ... Она, вѣдь, тутъ была, все слышала ... Знать, шибко она тебя любитъ!..

Софья Павловна (иронически).

Ну, господа, теперь, кажется, намъ можно оставить Алексѣя Дмитрича одного съ его невѣстой ... А васъ ждутъ дамы ... Князь, дайте мнѣ вашу руку ... Алексѣй Дмитричъ, не забудьте мнѣ заплатить за вашу невѣсту тысячу рублей, которую она не выслужила у меня ... (Принужденно и язвительно смѣется.)

Радугинъ.

Я вамъ отдамъ теперь, пожалуй, цѣлыхъ десять... Пришлите только стаканъ воды ...

(Софья Павловна и всѣ гости уходятъ.)

Явленіе седьмое.

Радугинъ, Анна Ивановна и Зосима.

Зосима.

Батюшка, Алексѣй Митричъ, очнулась, вѣдь, совсѣмъ, глазками смотритъ ... Аннушка ... Чаяла ли экой радости?..

Радугинъ

(стоя на колѣняхъ и держа за руку Анну Ивановну).

Анна Ивановна, что вы чувствуете?..

Анна Ивановна (слабымъ голосомъ).

Ничего теперь ... Что вы стоите на колѣняхъ?.. Встаньте ... Позвольте мнѣ сѣсть ... Братецъ, успокойся ... Теперь ничего, все прошло ...

Зосима.

Ахъ, Аннушка, утѣха ты моя ... Сядь-ко, сядь, посиди ... Ну-ка, порадуйся ... душенька ты моя ... ангельская ... Слышала ли, Аннушка, помнишь ли?.. (Плачетъ и бросается въ ноги Радугину.) Батюшка, благодѣтель ты мой, Богъ тебя намъ послалъ ...

Радугинъ.

Полно, что ты, встань ... (Помогаетъ ему встать на ноги.)

Зосима.

По конецъ жизни тебя не забуду ... Имя твово на единую минуту изъ памяти не выпущу ...

Радугинъ.

Но я еще ничего не слыхалъ отъ васъ, Анна Ивановна ... Я прошу вашей руки.

Анна Ивановна.

Алексѣй Дмитричъ, благодарю васъ. Вы мнѣ дѣлаете честь, которой я не стою ... Но вы считаетесь женихомъ Лизаньки ...

Радугинъ.

Считаюсь, но не женихъ ... Я ей не дѣлалъ предложенія ...

Анна Ивановна.

Лизанька васъ любитъ и будетъ страдать, если вы не женитесь на ней ...

Радугинъ.

Она очень скоро позабудетъ меня и утѣшится замужемъ за другимъ ... Я прошу вашей руки ...

Анна Ивановна.

Алексѣй Дмитричъ, я не стою васъ.

Радугинъ.

Не говорите этого. Я знаю вамъ цѣну ...

Анна Ивановна.

Нѣтъ, нѣтъ, Алексѣй Дмитричъ, это невозможно... Вы будете несчастливы со мной. Мое происхожденіе будетъ унижать васъ, ваши родные и знакомые васъ осудятъ, вы не будете любить моихъ родныхъ... Нѣтъ, нѣтъ ... Не губите себя, ради Бога ...

Радугинъ.

Я люблю васъ страстно, пламенно ... Я не могу быть счастливъ безъ васъ ... А вы ... вы не любите меня, вы любите другого ... того, котораго вы прежде любили ...

Анна Ивановна (поспѣшно).

Нѣтъ, нѣтъ, я никого не люблю ... Клянусь вамъ ...

Радугинъ.

Но вы любили ... Мнѣ говорилъ вашъ братъ...

Анна Ивановна.

Любила и не люблю болѣе, потому что онъ не стоитъ любви ...

Радугинъ.

Такъ вы считаете и меня нестоющимъ любви ...

Анна Ивановна.

Нѣтъ, нѣтъ ...

Радугинъ.

Что же, вы можете любить меня?

Анна Ивановна.

Васъ?.. Я ... Алексѣй Дмитричъ, ей-Богу, это невозможно, вы будете несчастливы ... Вы не станете любить меня ... Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно ...

Радугинъ.

Васъ не любить, когда я весь вашъ?..

Анна Ивановна.

Вы хотите жениться на мнѣ только изъ великодушія, по добротѣ вашей души ...

Радугинъ.

Нѣтъ, клянусь вамъ, я давно любилъ васъ, но не говорилъ потому, что былъ такъ поставленъ въ домѣ Софьи Павловны, сверхъ того видѣлъ ваше постоянное равнодушіе ко мнѣ ...

Анна Ивановна.

Равнодушіе?.. Нѣтъ!.. Я всегда ... уважала васъ.

Радугинъ (съ горечью).

Уважали только?.. А не любили и не можете любить ...

Анна Ивановна.

Алексѣй Дмитричъ ... Ради Бога ... Нѣтъ, я не позволю себѣ быть вашей женой ...

Радугинъ.

Вы не хотите, я вамъ не нравлюсь?.. (Хватаетъ себя за голову.) Прощайте ... (Хочетъ идти.)

Анна Ивановна (блѣднѣя).

Погодите ... Нѣтъ, нѣтъ, подите ...

Зосима.

Батюшка, Алексѣй Митричъ, погоди... Она любитъ тебя-ка всей душой любитъ... Вижу я эвто... Опасится только она, какъ бы твоя любовь не отошла отъ ней, по низкому ея роду ... Да не таковъ, Аннушка, баринъ, Алексѣй Митричъ ... не таковъ онъ человѣкъ ... Аннушка, касатка, не губи себя, открой ему все свое сердце ... Любишь, вѣдь, ты его ...

Анна Ивановна.

Братецъ, что ты говоришь?.. (Закрываетъ лицо руками.)

Радугинъ.

Такъ вы только этого боитесь ... Вы не вѣрите въ меня ... Нѣтъ, вы не любите меня!.. Прощайте ...

Зосима (въ отчаяніи).

Ну, пропала моя головушка ... Только было проглянуло солнышко, да опять ... Охъ!..

Анна Ивановна.

Алексѣй Дмитричъ, ради Бога, остановитесь ... Послушайте ... Вы стали бы любить брата?..

Зосима.

Такъ, до меня ей дѣло ... Ахъ, душа!..

Радугинъ.

Я вашего брата. и теперь такъ люблю, какъ родного.

Анна Ивановна.

Его?.. Вы?.. Нѣтъ, это невозможхо ... Постойте ... Вы любите меня?..

Радугинъ.

Больше жизни ... Скажите мнѣ только одно: можете ли вы любить меня?..

Анна Ивановна.

Васъ?.. Я?.. (Порывисто бросается къ нему на шею.) Я любила васъ давно, давно ...

Радугинъ.

И ни слова, ни намека ... Чудная душа, благородное созданіе, мы будемъ счастливы ...

Зосима (плачетъ).

Слава Тебѣ, Господи ... Родители какъ обрадуются!..

Анна Ивановна
(бросается на шею къ Зосимѣ).

Братецъ, какъ я счастлива теперь ... Все забыла ... Такъ легко, легко ... (Къ Радугину со слезами.) Любите меня ...

Зосима.

Господи, что какъ бы побольше было экихъ людей на бѣломъ свѣтѣ!.. Вотъ баринъ, такъ баринъ!..

(Занавѣсъ опускается.)

Чужое добро въ прокъ не идетъ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица.

Степанъ Өедоровъ, крестьянинъ, содержатель постоялаго двора на большой торговой дорогѣ.

Маремьяна, жена его.

Михайло
Алексѣй } сыновья Степана Өедорова.

Татьяна, жена Михайла.

Кузьма Өедотычъ
Иванъ Петровичъ } проѣзжіе купцы.

Прасковья Өедоровна, жена управляющаго сосѣднимъ съ деревней Степана Өедорова помѣстьемъ.

Леонидъ Константиновичъ, сынъ ея, камердинеръ помѣщика.

Сергѣй, дворовый человѣкъ, скрипачъ.

Дмитрій, ямщикъ изъ сосѣдней деревни.

Иванъ, парень.

Ямщикъ Кузьмы Өедотыча.

Маланья, крестьянская дѣвушка.

1-я крестьянская дѣвушка.

2-я крестьянская дѣвушка.

Крестьяне, крестьянки. — Хороводъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, на большой торговой дорогѣ.

Дѣйствіе первое.

Отдѣльная, чистая изба постоялаго двора, которая обыкновенно въ деревняхъ называется горенкой, или комнатой. Налѣво отъ зрителей деревянная перегородка съ дверями, отдѣляющая печь, которая выходитъ на сцену однимъ своимъ бокомъ, съ придѣланною къ нему лежанкою; и печь, и лежанка выложены изразцами. На аван-сценѣ столъ, выкрашенный красною краской. Мѣдный самоваръ стоитъ на лежанкѣ. На перегородкѣ наклеены раскрашенныя яркими красками лубочныя картинки. По правой и лѣвой стѣнѣ лавки.

Явленіе первое.

Степанъ Ѳедоровъ и **Михайло**. (Степанъ Ѳедоровъ сидитъ у стола: передъ нимъ на столѣ лежатъ счеты: Михайло стоитъ у того же стола слѣва.)

Степанъ Ѳедоровъ.

Ну, такъ за кормъ, да за харчи отдалъ два съ полтиной?

Михайло.

Два съ полтиной.

Степанъ Ѳедоровъ.

Ну, два съ полтиной. (Кладетъ на счетахъ). А получилъ семь съ четвертью?

Михайло.

Семь съ четвертью.

Степанъ Өедоровъ.

Дешево снялъ ... (Качаетъ головой и кладетъ на счетахъ.) Семь съ четвертью.

Михайло.

Я говорилъ, что дешево. Больно ужъ ты городскимъ-то потрафляешь. Съ нихъ можно бы и восемь взять. Теперь время ярманочное, гонки много; смотри, что коли имъ не пришлось цѣлковыхъ три... Они нашихъ душъ не жалѣютъ, имъ что, имъ бы какъ подешевле сдать, да себѣ больше оставить, а ты всегда въ уступку ...

Степанъ Өедоровъ.

Ну, да, дуракъ, будь тѣмъ благодаренъ, что завсегда ужъ къ намъ везутъ, мимо не ѣдутъ; здѣсь не мы одни охотники, — всякій повезетъ съ полнымъ удовольствіемъ.

Михайло.

Да это извѣстно.

Степанъ Өедоровъ.

Ну, и долженъ цѣнить.

Михайло.

Да это конечное дѣло.

Степанъ Өедоровъ.

То-то! (Считаетъ.) Семь съ четвертью на кости... Два съ полтиной съ костей ... Четыре ... семь гривенъ съ пятакомъ. Ну, и то ладно. Давай ... (Беретъ изъ рукъ Михайла деньги, считаетъ и кладетъ въ кошель.) Вѣрно. А на водку получилъ?

Михайло.

Дали самую малость.

Степанъ Өедоровъ.

А однако?

Михайло.

Да такъ, не стоитъ того говорить.

Степанъ Өедоровъ.

Да что не стоитъ?.. Вѣдь я у тебя не отниму.

Михайло.

Да что, всего гривенникъ ...

Степанъ Өедоровъ.

А гдѣ онъ? Чай, вѣдь, не привезъ?

Михайло (почесывая затылокъ).

Да что привозить-то? Гривенникъ-то дали весь истертый, гладенькій. На-силу взяли за семь копѣекъ ... шкаликъ выпилъ.

Степанъ Өедоровъ.

То-то! Я ужъ знаю, что профинтилъ. Эхъ, Мишанка, не по нутру мнѣ это! Мотри, не зашибись хмѣлемъ: жутко придетъ, — ты меня знаешь ...

Михайло.

Какъ можно зашибиться?..

Степанъ Өедоровъ.

Такъ можно. Съ тебя я воли не снимаю. Что за твою послугу дали, то твое, мнѣ не надо. А учись беречь копейку. Може, скоро своимъ домомъ станешь жить ... Чай гналъ шибко?

Михайло.

Какъ можно гнать? Ѣхалъ настоящимъ манеромъ ...

Степанъ Өедоровъ.

Знаю я твой манеръ: и въ хвостъ, и въ гриву, коли на водку пообѣщали. За гривенникъ всю тройку радъ усадить.

Михайло.

Какъ можно!.. Лошадку долго ли смучить ... Лошадка-скотинка,—не скажетъ, что устала. Животъ беречь надо, потому животъ тебѣ служитъ ...

Степанъ Өедоровъ.

То-то! Я знаю, умъ-то у тебя хорошъ, да волито тебѣ давать не надо.. Сердце-то у тебя больно горяче ... Эхъ-ма, дѣтки, дѣтки! Самъ я у батюшки жилъ въ его законѣ до тридцати лѣтъ, да и воли своей не зналъ ... А не жалѣю. Небось, не училъ худу, человѣкомъ на свѣтѣ оставилъ. Научилъ разуму, да разсудку. Вотъ и васъ какихъ выростилъ. Слава Создателю, хошь небольшіе достатки, а не на смѣхъ людямъ живемъ, еще другой и позавидуетъ: а все отчего? Оттого, что одна голова домомъ правитъ, а руки да ноги головы слушаютъ ...

Михайло.

Это извѣстно, батюшка; мы изъ твоей воли не выходимъ, твоего указа слушаемъ.

Степанъ Өедоровъ.

Еще бы ты не послушалъ! Какъ бы тебя не дѣлу учили ... А то тебѣ ни въ чемъ отецъ дурного примѣру не показалъ ... Ну, и рѣчь твоя молчи ... Такъ-то дитятко ... (Входитъ Алексѣй.) Вона и Алеха воротился!

Явленіе второе.

Тѣ же и Алексѣй.

Степанъ Өедоровъ.

Ну, что, Алеха? Свезъ?

Алексѣй.

Свезъ.

Степанъ Өедоровъ.

Ну, что въ городѣ?

Алексѣй.

Ничего. Тебя въ избѣ извощики ... за разсчетомъ ... съѣзжаютъ ...

Степанъ Өедоровъ.

Сейчасъ. А ты привезъ деньги?

Алексѣй.

Привезъ.

Степанъ Өедоровъ.

Ну, ладно! Подожди меня здѣсь. Я тотчасъ. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Михайло и Алексѣй.

Михайло.

Ну что, Алеха, въ городѣ ярманка, гуляютъ?

Алексѣй.

Гуляютъ.

Михайло.

Народу, чай, гибель?

Алексѣй.

Много.

Михайло.

Эхъ, чай, весело! Балаганы, чай, паяцы, выставка?

Алексѣй.

Мнѣ-ка все равно.

Михайло.

Такъ неужто, фаля, не погулялъ?

Алексѣй.

Что мнѣ ... гулять-то! Я не ... не надо мнѣ.

Михайло.

Такъ неужто пряниковъ, али орѣховъ не купилъ? Чай, вѣдь, на водку-то дали?

Алексѣй.

Дали ... гривенникъ.

Михайло.

Чай, опять отцу отдашь?

Алексѣй.

Извѣстно ... мнѣ куда? Мнѣ-ка не надо.

Михайло.

Слушай, Алеха! Ты хошь дуракъ, а въ обиду мнѣ дѣлаешь. Теперь батька завсегда мнѣ глаза тычетъ, что ты всякую на-водку ему отдаешь ...

Алексѣй.

Такъ что мнѣ? На что мнѣ? Деньги не мои ... Я сытъ, одѣтъ ... все отъ батюшки ... его деньги.

Михайло.

Дв ты дуракъ, такъ по-дурацки и толкуешь! На-водку твоя, и отецъ не требуетъ.

Алексѣй.

Мнѣ не надо.

Михайло (передразнивая его).

Э! Мнѣ не надо! Кабы мнѣ подошлось въ городъ-то свезти, да въ ярманку-то ... ну, ужъ я бы, кажись, развязалъ поясъ. Да я и теперь, братъ, такое колѣно загнулъ, что любо два. Тако колѣно, Алеха ... слышь ты! Везъ я двухъ молодцовъ, съ ярманки ѣхали ... Народъ — купцы, гулящій ... съ ярманки; значитъ денегъ много ... Я, это дѣло

сейчасъ смекнумши, говорю: „господа купцы, прикажите удовольствіе сдѣлать ... какъ быть по-рассейски ... аванчикъ выкинуть ...“ — „Катай! говоритъ“. — „А на водку много ли будетъ?..“ — „Ну, ужъ, говоритъ, будетъ“. — „Полтинничекъ пожертвуете, такъ сдѣлаемъ“.—„Полтинникъ, такъ полтинникъ, жертвуемъ, говоритъ, — дѣлай!“ — „А какой, молъ, вамъ аванчикъ сдѣлать: нѣмецкій, французскій, али рассейскій? Рассейскій всѣхъ будетъ позабористѣе, только дороже стоитъ, — къ полтинничку гривенничекъ прикинете!“ Ну, ужъ, Алеха, и сдѣлалъ! Въ корни-то у меня Савраска, а на пристяжи-то справа Дьяволокъ, а слѣва Бутуска. Какъ я, братъ Алеха, возжи-то подобралъ, да привсталъ, да по всѣмъ, по тремъ, знашь, провелъ разъ да два, да какъ вскрикну: „Батюшки, воры!.. Родимые, грабятъ!.. душа, вынеси!“ Какъ они, братъ, у меня взвились, да подхватили! Савраска-то, какъ шарикъ. Бутуска кольцомъ, а Дьяволокъ и ржетъ, и землю роетъ, огнемъ палитъ ... Эхъ, не расти зелена трава, не свѣти свѣтелъ мѣсяцъ! (Воодушевляясь.) Только ухъ, ухъ ... Ну, ну ...

Алексѣй (тоже воодушевляясь).

А-ахъ!.. У-ухъ!.. Важно!

Михайло (въ увлеченіи).

О! о! Бѣда, Алеха! Духъ захватываетъ ... ровно вихорь какой ... земля дрожитъ! Только колесо за колесомъ поспѣвай; а они-то, мои соколики, трахъ! трахъ!.. Ну, потѣшилъ свою душеньку, ровно всю землю произошелъ, ровно подъ небомъ побывалъ...

Алексѣй.

Ну, ну?

Михайло.

Ну, цѣлковый, какъ есть, отвалили.

Алексѣй.

Полно?

Михайло.

Вѣрно слово! Ну, зато и уваженіе сдѣлалъ ...

Алексѣй.

Лошадей-то, чай, шибко вспарилъ?

Михайло.

Еще бы не вспарить! Часа полтора водилъ ... На-силу раздышались.

Алексѣй.

А что батюшка-то?

Михайло.

Такъ, пустая голова, глупой твой разумъ, неужто я ему сказалъ? Ты не вздумай сказать!

Алексѣй.

Такъ цѣлковый-то развѣ не отдалъ?

Михайло.

Такъ неужто отдалъ? Я, чай, за свою послугу получилъ ... Онъ самъ не препятствуетъ. Что, говоритъ, за послугу дадутъ, то твое.

Алексѣй (качаетъ головой).

Негоже.

Михайло.

Да что негоже-то? Ты слушай, что опосля-то было. Перво дѣло съ Васькой Козломъ, да съ Митюшкой чаю напились съ баранками; опосля того выпили путемъ крѣпко и закуской закусили, а тутъ пошли гулять. Дѣвки хороводы водятъ, мы къ нимъ ... Какія же, брательникъ, дѣвки! ...

Алексѣй (съ упрекомъ).

Ты, чай, въ законѣ?

Михайло.

Въ законѣ. Такъ что? Я, вѣдь, ничего не дѣлалъ, только побаловалъ. Митюха такой пострѣлъ, — по кругу-то колесомъ пошелъ; надсадилъ, мошенникъ! И колесомъ-то онъ, и сорокой-то, и на рукахъ-то пойдетъ … Ахъ ты только! (Хохочетъ.) Какіе, братъ, козлы ставилъ, — бѣда! … И экъ-то, и экъ-то … (Представляетъ.)

Алексѣй

(увлекаясь смѣхомъ Михайла, тоже хохочетъ).

Михайло.

Весь кругъ спуталъ! Дѣвки-то, глядя на него, надорвались отъ смѣха (Алексѣй хохочетъ.) Только я смотрѣлъ, смотрѣлъ, — ахъ, ты! Такъ меня разобрало … взялъ, выбралъ дѣвку, что ни-на-есть самую лучшую, да и пошелъ съ ней по кругу ходить … Ну, ужъ, братъ, вспомнилъ старые годы, какъ парнемъ былъ! … Ужъ уважилъ дѣвокъ! … Да какія ужъ и дѣвки-то! Купилъ имъ пряниковъ да орѣховъ, — ѣшь, не хочу! Да и началъ ихъ за это цаловать.

Алексѣй

(хмурится и качаетъ головой).

Негоже! .. Тебѣ негоже! .. У тебя дѣтки …

Михайло.

Пошелъ ты! .. Микита пустосвятъ, али бо дуракъ несхожій … Что ты меня учить, что ли, вздумалъ? .. Такъ нѣтъ еще, не при тебѣ писано … Тебѣ пряникъ одномедный дай, такъ ты и радъ, ровно тебя рублемъ подарили … А кабы нашему брату воля своя, да денегъ мѣшокъ, такъ мы бы показали себя … Эхъ, кажись бы, размахнулся во всю ивановскую! (Входитъ Татьяна.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же и **Татьяна.**

Татьяна (входя).

Гдѣ тута самоваръ-отъ? (Подходитъ къ лежанкѣ и беретъ самоваръ на руки.)

Михайло.

На что самоваръ-отъ?

Татьяна.

Батюшка велѣлъ наставить: чай пить хочетъ. (Хочетъ уходить.)

Михайло.

Танюха, погодь.

Татьяна (стоя у дверей).

Ну, что тебѣ-ка?

Михайло.

Подь сюда.

Татьяна.

Да на что? Что еще?

Михайло.

Подь, говорятъ. (Подходитъ къ ней, беретъ ее за руку и выводитъ на аван-сцену.) Говори: хошь кажиный день чай пить?

Татьяна.

Да, дождешься у васъ! Дастъ тебѣ батька-то чай пить кажиный день.

Михайло.

Ну, говори. Хошь купчихой быть?

Татьяна (сердито).

Ну, что еще ... Слыхали мы эти разговоры-то — купчихой!.. Пусти-ка!.. (Хочетъ уйти, Михайла удерживаетъ.) Пусти, говорятъ! Ну, что еще прокулишь! Руки, чай, обломало самоваромъ-то ...

(Сердито и насмѣшливо.) Купецъ!.. День-то деньской умаешься около дома-то ... А то купчиха!..

Михайло.

Да ты слушай! Алеха, слушай. Не хочу съ вами жить. У отца выпрошусь, чтобъ отдѣлилъ. Заживу своимъ домомъ, лошадей заведу во какихъ, — слышь?.. Въ салопахъ будешь ходить, — слышь?..

Татьяна.

Слышу. Давно ты это говоришь, давно похваляешься ... Хошь платокъ-отъ бы женѣ купилъ, а то салопъ ... Салопъ!.. Дождешься отъ тебя салопа ... Пусти-ка! Не первый годокъ ужъ я съ тобой маюсь ... устала ужъ приступать-то, чтобы просился у отца-то въ отдѣлъ ...

Михайло.

Да, поди-ка, подступись къ нему зря-то ... Пробовалъ, вѣдь, ужъ я говорить-то ...

Татьяна.

Ну, такъ то-то и есть ... а то салопъ ... купчиха ... купецъ!.. (Бормочетъ про себя и уходитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же безъ Татьяны.

Михайло.

Алеха, пристану я къ батюшкѣ — а? Вѣдь, отдѣлитъ? А? Вѣдь, отпуститъ?

Алексѣй.

Пристань ... отпуститъ онъ тебѣ-ка! (Показываетъ кулакъ и смѣется.)

Михайло.

Такъ что и самъ-дѣлѣ?.. Я хочу особь-статьей жить, у меня жена, дѣтки ... А теперь что я живу?

Алексѣй.

Да что тебѣ не жить-то? Ты съ батюшкой-то только и живешь ... А безъ него у тебя и жена и дѣтки — ухъ!.. А самъ-отъ... (Щелкаетъ себя по шеѣ.) Да и одежу потащишь, вотъ что ...

Михайло

(улыбается и садится къ столу противъ Алексѣя).

А что, вѣдь, и вправду, Алеха ... Вѣдь, дай мнѣ волю ... всю, какъ есть, полную свободу ... вѣдь, я пропащій человѣкъ ... пра!.. Вотъ какъ я, примѣрно, расхожусь, — всего давай, только мало!.. И во всякій грѣхъ пойду, — стыда нѣтъ... А какъ тутъ опосля самъ себя почувствую, такъ совѣсть зазритъ, что бѣда!

Алексѣй.

Такъ, такъ!.. А вотъ совѣсть-то! Батюшки-то боишься, а то бы и совѣсть ничего ... Сдѣлалъ бы и еще хуже, да боишься батюшки, — вотъ и совѣсть! А онъ отецъ, — худу не научитъ.

Михайло

(улыбается и ласково смотритъ Алексѣю въ глаза).

Слушай, Алеха! За что тебя люди дуракомъ зовутъ?

Алексѣй

(поспѣшно и съ замѣшательствомъ).

А мнѣ что? Мнѣ что? Пущай зовутъ! За то и зовутъ, что не больно-уменъ.

Михайло.

Нѣтъ. Я такъ полагаю, что ты умнѣе всѣхъ насъ .. пра .... и меня много умнѣе ...

Алексѣй

(въ совершенномъ смущеніи опускаетъ глаза, трясетъ головой и смѣется).

Ну, ну! Полно, полно!.. Какой ужъ я ... ну-ка, полно!..

Михайло.

Нѣтъ, я тебѣ дѣло говорю ... Какъ же! Ты всю мою душу проникъ ... Хоть бы теперича взять: лошадей я чуть не задушилъ, отца надулъ, пьянствовалъ ...

Явленіе шестое.

Тѣ же и Маремьяна.

Маремьяна (входя).

А, да вы здѣсь, ребятишки! Что вы тутъ дѣлаете?

Михайло.

А вотъ такъ сами промежъ собой толковали.

Маремьяна.

Ну, толкуйте, коли въ миру рѣчь идетъ, толкуйте; а я вотъ на лежаночку присяду ... Вотъ къ осени-то, что ли, время идетъ, али кости-то старыя, зябну нешто ... (Садится на лежанку.) А ты что, Алешунка, невеселъ? Обидѣлъ, что ли, кто тебя?.. Подь-ка ко мнѣ ... (Михайлѣ.) Ты, что ли, его, озорникъ, облаялъ?

Алексѣй (поспѣшно).

Нѣтъ, нѣтъ ... онъ брательникъ, онъ душа ... (Быстро подбѣгаетъ къ Михайлѣ, обнимаетъ его и стоитъ нѣсколько секундъ, прижавшись лицомъ къ его груди.)

Маремьяна (ласково).

Что ты, дурашка? Кто же тебя? Подь, подь ко мнѣ, сядь вотъ сюда. (Алексѣй садится, а Маремьяна, приклонивъ къ себѣ его голову, начинаетъ ее гладить.)

Михайло.

Я говорю, матушка, за что Алешунку люди дуракомъ зовутъ?

Маремьяна.

Ну, пускай ихъ зовутъ, какъ хотятъ! Онъ и не съ большимъ разумомъ, да живетъ съ Богомъ, зла никому не дѣлаетъ ... Мишанка, вѣдь, мнѣ Алешунку-то жаль больше, нечѣмъ тебя ... пра ...

Михайло.

Что такъ, матушка?

Маремьяна.

А что? Кабы не материнское сердце, кто бы его призрѣлъ? Парень-то онъ робкій, рѣчей-то большихъ Богъ ему не далъ — вотъ на людяхъ и пошелъ на смѣхъ: дуракъ, да дуракъ ... А что онъ? Какой дуракъ? Дѣло свое дѣлаетъ, законъ всякій знаетъ, въ задоръ ни съ кѣмъ не пойдетъ — материнскому-то сердцу и жаль, оно и чуетъ ... О-охъ, ребятки! Кабы не жили вы со мной, да не благословилъ насъ Господь милостивый такимъ миромъ, да согласьемъ, не жить бы и мнѣ на бѣломъ свѣту... А то, слава Тебѣ, Создателю, всего-то у насъ много, все-то свое, не чужое, да всѣ-то вмѣстѣ, — и лучше ничего не надо.

Михайло.

Вѣрно, матушка; и мы вотъ про то же сейчасъ съ Алехой мекали. Хотѣлъ бы я у батюшки проситься въ отдѣлъ ...

Маремьяна.

Что ты, что ты!

Михайло.

Да ужь теперь, кажись, гнать будетъ, такъ не пойду изъ своего дома родного, значитъ родительскаго.

Маремьяна.

Ахъ, ты болѣзный!.. Подь-ка и ты ко мнѣ.

(За сценой слышится стукъ колесъ и брякъ бубенчиковъ.)

Михайло

(направлявшійся-было къ Маремьянѣ, при этомъ звукѣ останавливается и поспѣшно подбѣгаетъ къ окну).

Кузьма Ѳедотычъ пріѣхалъ, да еще съ нимъ какой-то толстѣющій, тоже изъ купечества; видно, съ ярманки ворочаются.

Маремьяна.

Ну, вотъ и самоваръ-отъ какъ-разъ поспѣетъ. Подьте, встрѣтьте его. Кузьма Ѳедотычъ — добрый купецъ ... подьте. (Михайло и Алексѣй уходятъ.) Да, что говорить, добрый человѣкъ. И ласковымъ словомъ тебя всегда взыщетъ, и чаемъ тебя угоститъ, коли самъ пьетъ, и заплатитъ вдвое супротивъ другого ... Да, нечего сказать: добрый купецъ, за то ему Богъ и подаетъ. (Послѣднія слова, послѣ ухода сыновей, говоритъ она сама съ собою, ходя по комнатѣ, стирая со стола полотенцемъ, накрывая его скатертью и вообще прибирая въ комнатѣ.)

Явленіе седьмое.

Степанъ Ѳедоровъ, Маремьяна, Кузьма Ѳедотычъ, Иванъ Петровичъ, Михайло и Алексѣй.

Степанъ Ѳедоровъ (отворяя дверь).

Милости просимъ, батюшка Кузьма Ѳедотычъ, милости просимъ, дорогіе гости!

Кузьма Ѳедотычъ (входя).

Здорово, Маремьянушка; здорово, Ѳедорычъ; здорово, ребята.

Всѣ (кромѣ Ивана Петровича).

Здравія желаемъ, батюшка Кузьма Ѳедотычъ.

Степанъ Ѳедоровъ.

Милости просимъ садиться, родной. А у насъ, ровно знали, и самоваръ готовъ про твою милость.

Кузьма Өедотычъ.

Ну, и ладно. Давай его сюда!

Маремьяна.

А вотъ я тотчасъ пойду, — велю Танюхѣ подавать. А еще чѣмъ прикажешь чествовать твою милость, какимъ хлѣбомъ-солью?

Кузьма Өедотычъ.

Я ничего не хочу. Вотъ Иванъ Петровичъ не пожелаетъ ли чего развѣ?

Иванъ Петровичъ.

Пиво есть у васъ?

Маремьяна.

Какъ же, кормилецъ! Въ городѣ ярманка, дѣло гулящее, народу много ѣдетъ, — и пиво варили.

Иванъ Петровичъ.

Дай-ка кружечку или ковшичекъ. Испить хочется. Жарко-съ.

Маремьяна.

Сейчасъ, родной! (Уходитъ.)

Кузьма Өедотычъ.

А я къ тебѣ нарокомъ, Степанъ Өедорычъ. Лошадей-то смѣнили въ Огаркахъ, такая досада! Всего двухъ верстъ не доѣхалъ до васъ ... Иванъ Петровичъ лошадей-то нанималъ. Мы съ нимъ сговорились уѣхать вмѣстѣ, а то бы ужъ я выговорилъ, чтобъ здѣсь сдать, у тебя ... Да все равно, думаю, ужъ мимо благопріятеля не проѣду, хоть нарокомъ, да зайду.

Степанъ Өедоровъ.

На томъ благодаримъ, батюшка Кузьма Өедотычъ, благодарны твоей лаской, что нашимъ братомъ, простымъ человѣкомъ не гнушаетесь ...

Кузьма Өедотычъ.

Какъ, братецъ, возможно? Что ты это?.. Вотъ, Иванъ Петровичъ, рекомендую тебѣ моего благопріятеля Степана Өедорыча: почтенный старикъ, патріархъ, сударь ты мой, въ домѣ у себя, настоящій патріархъ ... (Степанъ Өедоровъ кланяется.)

Иванъ Петровичъ.

Это хорошо. Постоялый дворъ содержите?

Степанъ Өедоровъ.

Да, по малости ...

Иванъ Петровичъ.

Почемъ овесъ отпускаете?

Степанъ Өедоровъ.

Недорого, кормилецъ, по нынѣшнему году. Всего по восьми гривенокъ четверикъ.

Иванъ Петровичъ.

Это недорого. А сами почемъ получаете?..

Кузьма Өедотычъ.

Какой у него, сударь ты мой, порядокъ въ домѣ, такъ нашему брату поучиться не мѣшаетъ.

Степанъ Өедоровъ (кланяясь).

Полно, Кузьма Өедотычъ, много твоей ласки.

Кузьма Өедотычъ.

Да, да, всякому россійскому человѣку, православному, велю поучиться у тебя. Вонъ какихъ молодцовъ сыновей выкормилъ, а всѣ у него въ полномъ повиновеніи и послушаніи, никто изъ его воли родительской не выходитъ, и не выйдетъ, потому, самъ добрый примѣръ во всемъ подаетъ. (Входитъ Маремьяна съ кружкой пива и Татьяна съ самоваромъ.)

Иванъ Петровичъ (Маремьянѣ).

Давай-ка-сь сюда, бабушка, пивца-то.

Маремьяна

(подавая ему кружку съ пивомъ).

Изволь-ка, кормилецъ, испить на доброе здоровье.

(Татьяна ставитъ самоваръ на столъ и кланяется Кузьмѣ Өедотычу.)

Кузьма Өедотычъ.

Здорово, Танюша, здорово. А вотъ это, Иванъ Петровичъ, невѣстка его ... Вотъ какая бабочка славная!

Иванъ Петровичъ (переставая пить).

Пиво важное. (Утираетъ Уротъ.) Почемъ солодъ брали?

Степанъ Өедоровъ.

А не вѣду, кормилецъ, навѣрное тебѣ сказать. Ровно ли полтинникъ пудъ, али съ пятакомъ, — не помню хорошо-то.

Иванъ Петровичъ.

Это недорого брали. Пиво хорошо. (Предлагая Кузьмѣ Өедотычу). Отвѣдайте-съ!

Кузьма Өедотычъ.

Нѣтъ, вотъ я чайку. Ну-ка, молодая хозяйка, заваривай. Гдѣ у тѣ чай-то съ сахаромъ? Много ли у тебя дѣтокъ-то?

Татьяна.

Двое.

Кузьма Өедотычъ.

Ну, слава Богу. (Михайлѣ.) Вотъ и ты своихъ такъ же воспитывай, какъ васъ отецъ воспиталъ,—и будетъ прокъ. Давай Богъ тебѣ!

Михайло.

Покорнѣйше благодарю на добромъ желаньѣ.

Кузьма Өедотычъ (Степану Өедорову).

Ну, а другой-то сынъ, что же, еще не женатъ?

Степанъ Өедоровъ.

Да пора бы и ему давно, да не желаетъ. Ну, а неволить не хочу.

Кузьма Өедотычъ

(разливая чай по чашкамъ).

Отчего-жъ такъ, молодецъ, не хочешь въ союзъ вступить?

Алексѣй

(закрывая лицо рукой и отворачиваясь, смѣется).

Не надо; и такъ проживу.

Кузьма Өедотычъ.

Что-жъ такъ?

Маремьяна.

Не желаетъ, кормилецъ. То ли ради Бога, то ли по стыду ... робокъ онъ оченно.

Иванъ Петровичъ

(принимая чашку съ чаемъ).

Вѣрно, разсудкомъ слабы-съ?

Кузьма Өедотычъ.

Нѣтъ, онъ понятіе имѣетъ хорошее. Я съ нимъ говаривалъ; а надо такъ думать, что точно это отъ робости; да онъ и есть такой тихій. Онъ, чай, ужъ съ дѣвкой не разговорится много.

Маремьяна.

Э, гдѣ ему, кормилецъ!.. Смирнѣй его нѣтъ насчетъ этого, да и насчетъ всего.

Кузьма Өедотычъ (Степану Өедорову).

Да что̀ ты стоишь, старина? Садись-ка рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ.—Вотъ чайку съ нами испей. И старуху-то свою посади.

Степанъ Өедоровъ и Маремьяна.

Не безпокойся, кормилецъ. Кушай себѣ на доброе здоровье. Мы поспѣемъ.

Кузьма Өедотычъ.

Садись, садись. Вотъ тебѣ чашка. Вотъ и тебѣ, старуха.

(Степанъ Өедоровъ и Маремьяна кланяются.)

Степанъ Өедоровъ (принимая чашку).

Чай да сахаръ, вашей чести.

Кузьма Өедотычъ.

Кушай, кушай!

Степанъ Өедоровъ (садясь).

Какъ на ярманкѣ дѣла велъ, батюшка, Кузьма Өедотычъ?

Кузьма Өедотычъ.

Такъ-то, братъ, хорошо, Степанъ Өедорычъ, что лучше требовать нельзя. Нынче годъ у меня счастливый: товаръ, что ни привезъ на ярмарку, весь сбылъ. (Приклонясь къ уху Степана Өедорова.) Чистоганчикъ домой везу.

Степанъ Өедоровъ.

Ну, подавай тебѣ Богъ больше и больше за твою добрую душу.

Кузьма Өедотычъ.

Что-жъ, Иванъ Петровичъ, еще чашечку?..

Иванъ Петровичъ.

Много доволенъ ... Достаточно. Жарко очень. Въ путь пора бы-съ.

Кузьма Өедотычъ.

А вотъ выпьемъ еще по чашечкѣ.

Иванъ Петровичъ.

Ладно, хорошо-съ.

Кузьма Өедотычъ.

Выпьемъ, да и въ путь. Куда намъ теперь съ тобой торопиться-то! Дѣла мы съ тобой обдѣлали; вотъ посидимъ у благопріятеля минутку.

Иванъ Петровичъ.

Это точно-съ; только что жаръ-то оченно допекаетъ. На волѣ-то все какъ-то легче.

Степанъ Өедоровъ.

А ваша милость, батюшка Иванъ Петровичъ, тоже торгующіе?

Иванъ Петровичъ.

Торгующіе-съ.

Степанъ Өедоровъ.

По какой части?

Иванъ Петровичъ

(указывая на Кузьму Өедотыча).

А вотъ по этой же самой.

Кузьма Өедотычъ (Степану Өедорову).

Иванъ Петровичъ, сударь ты мой, извѣстный человѣкъ: онъ по нашей торговой части большой доточникъ. Вотъ годы его супротивъ моихъ еще молодые, а капиталомъ-то, пожалуй, еще зашибетъ.

Иванъ Петровичъ.

Это напрасно-съ!

Степанъ Өедоровъ.

Просимъ, батюшка Иванъ Петровичъ, нами не брезговать! Не будетъ ли когда путь лежать въ нашу сторону, просимъ милости, не проѣзжайте.

Иванъ Петровичъ.

Это можно.

Маремьяна (кланяясь).

Да, заѣзжайте, милости просимъ. На всякъ часъ рады дорогимъ гостямъ.

Иванъ Петровичъ.

Оченно хорошо; станемъ знать. У меня здѣсь обозы ходятъ. Почемъ съ человѣка за обѣдъ кладете?

Степанъ Өедоровъ.

Да по пяти гривенокъ кладемъ.

Иванъ Петровичъ.

Это дорого; по сороку будетъ.

Явленіе восьмое.

Тѣ же и ямщикъ.

Ямщикъ (показываясь въ дверяхъ).

Эй, хозяева, долго ли?

Кузьма Өедотычъ.

Сейчасъ, сейчасъ идемъ.

Ямщикъ.

Чай да сахаръ, хорошаго апетиту. Эй, хозяева! Прикажите водки выпить?

Иванъ Петровичъ.

Не проѣхалъ двухъ верстъ, да и на водку просишь!..

Ямщикъ.

Такъ какъ же, господа купцы, останавливались; чай, больше часу дожидаюсь.

Иванъ Петровичъ (смотря на часы).

Врешь, всего десять минутъ.

Ямщикъ.

Такъ какъ же, хозяева? Съ ярманкой!

Кузьма Ѳедотычъ.

Ну, ну, поди выпей на меня, да смотри хорошенько везти!

Ямщикъ.

Ужъ будемъ стараться. Покорнѣйше благодаримъ. (Уходитъ.)

Кузьма Ѳедотычъ.

Ну, прощай, Ѳедорычъ. Вотъ тебѣ за самоваръ. (Даетъ ему деньги.) Четвертачка будетъ?

Степанъ Ѳедоровъ.

Будетъ, Кузьма Ѳедотычъ, будетъ.

Маремьяна.

Будетъ, кормилецъ; много довольны.

Иванъ Петровичъ.

А за пиво, хозяинъ, съ меня, что положите, али нѣтъ?

Маремьяна.

Полно, кормилецъ, что тутъ! На доброе здоровье.

Иванъ Петровичъ.

Ну, покорнѣйше благодаримъ на угощеньи. (Кланяется.) Кузьма Ѳедотычъ, на чаѣ-съ.

Кузьма Ѳедотычъ.

Ну, есть на чемъ! Ну, прощай, Ѳедорычъ! Прощай, старуха! Прощайте, робята!

Всѣ.

Прощай, батюшка Кузьма Ѳедотычъ. Напредки милости просимъ.

Кузьма Өедотычъ.

Вашъ гость, вашъ гость. (Уходитъ съ Иваномъ Петровичемъ. Степанъ Өедоровъ, Михайло и Алексѣй его провожаютъ.)

Явленіе девятое.

Маремьяна и Татьяна.

Маремьяна.

Ну, вотъ четвертачокъ и далъ, да еще и насъ чаемъ угостилъ. Спасибо, добрый ... (Подходитъ къ окну и смотритъ.) Экой этотъ-то толстой! (Слышится стукъ колесъ и крикъ ямщика.) Ну, поѣхали ... Поѣзжайте въ добрый часъ. Спасибо. (Отходя отъ окна къ Татьянѣ, которая собирала со стола.) Прибирай, дѣвка, прибирай, да сотри со стола-то ... да сахаръ-то ... осталось, кажись, снеси его внизъ, да и сама-то приходи. Дѣло, чай, есть тамъ. (Уходитъ.)

Явленіе десятое.

Татьяна (одна, прибирая посуду).

Дѣло! Все у васъ дѣло!.. А все одна. Ты не велика помощница-то: еле ноги таскаешь. День-то деньской умаешься. Что бы работницу нанять, — скареды!.. Пожила бы хоть недѣльку, какъ люди-то живутъ, а то все одна-то ... (Уходитъ.)

(Сцена остается на короткое время пустой.)

Явленіе одиннадцатое.

Михайло, одинъ

(входитъ, озираясь кругомъ, и заглядываетъ за перегородку).

Кажись, никого нѣтъ. (Выходитъ на аван-сцену.) Неужто деньги нашелъ?.. (Вынимаетъ изъ-за пазухи старый бумажникъ

туго набитый, и дрожащими руками развязываетъ шнурокъ, которымъ онъ завязанъ.) А ну, — деньги?.. (Раскрываетъ бумажникъ.) Деньги! Да сколько!.. (Озирается, подходитъ къ дверямъ и запираетъ ихъ на крюкъ, потомъ возвращается на аван-сцену и садится къ столу.) Вотъ привалило! (Начинаетъ вынимать изъ бумажника пачки ассигнацій и раскладывать ихъ на столъ, безпрестанно озираясь.) Да тутъ... тысячи... Вотъ заживу! Вотъ отдѣлюсь отъ отца... Сказывать ему, али нѣтъ?.. Сказать,— себѣ возьметъ, либо объявитъ... Не скажу. (Смотритъ на пачки ассигнацій.) О-го. Все мое. Теперь-то загуляю!.. О-го, сколько!.. А какъ Кузьма Ѳедотычъ обронилъ, да воротится ... спрашивать станетъ?.. Не отдамъ! Я нашелъ—мое счастье! Никому не скажу... О-го!.. Все сотенныя!.. (Снаружи торгаются въ двери. Михайло вздрагиваетъ и прикрываетъ деньги руками.)

Голосъ Степана Ѳедорова (за дверьми).

Да кто тутъ заперся?..

Михайло (тихо и поблѣднѣвъ).

Батюшка! (Начинаетъ поспѣшно собирать деньги и класть въ бумажникъ, но дрожащія руки плохо ему повинуются.)

Степанъ Ѳедоровъ (торгаясь въ двери).

Да кто тутъ? Отоприте! Съ чего это заперлись?

Михайло

(торопится собрать деньги, роняетъ ихъ, поднимаетъ и роняетъ другія).

Степанъ Ѳедоровъ

(стучась сильнѣе съ гнѣвомъ).

Да кто тутъ, окаянный, забрался? Отопри скорѣй — слышь ли?

Михайло

кое-какъ завязываетъ бумажникъ, кладетъ его за пазуху и отпираетъ дверь.

Явленіе двѣнадцатое.

Михайло и Степанъ Өедоровъ.

Степанъ Өедоровъ (входя).

Да это ты? Что ты тутъ дѣлалъ? (Подозрительно смотритъ на Михайла.)

Михайло.

Я... ничего...

Степанъ Өедоровъ.

Какъ ничего? Стучался, стучался... Насилу отперъ. Зачѣмъ ты запирался-то?

Михайло.

Да я... я не запирался...

Степанъ Өедоровъ.

Да что ты, рехнулся, что ли?.. Ровно самъ не свой... Что ты? Что ты?.. Что ты дѣлалъ-то здѣсь, заперши́сь?

Михайло (грубо).

Да я ничего не дѣлалъ ...

Степанъ Өедоровъ.

Какъ ничего?.. (Подозрительно осматриваетъ всю комнату и, замѣтя на полу ассигнацію, поднимаетъ ее.) Что это? Да это сигнація ... Батюшки! Сотельная бумажка-то!.. Откуда взялась?.. (Опять смотритъ на полъ и изъ-подъ стола вынимаетъ еще ассигнацію.) И другая!.. Да откуда это?.. (Вглядываетъ на Михайла.)

Михайло

(въ сильномъ замѣшательствѣ).

Не знаю откуда ...

Степанъ Өедоровъ.

Какъ не знаешь? Ты здѣсь одинъ былъ. Говори! откуда взялись?

Михайло.

Да почемъ я́ знаю ...

Степанъ Өедоровъ.

Что-жъ ты здѣсь дѣлалъ-то? Ужъ не укралъ ли ты? А?

Михайло.

Гдѣ мнѣ украсть-то?..

Степанъ Өедоровъ.

Такъ откуда-жъ имъ взяться? Говори!

Михайло (грубо).

Да что мнѣ говорить-то? Нашелъ, такъ бери себѣ. Твоя находка, — твое счастье.

Степанъ Өедоровъ.

Да что ты какъ со мной говоришь, мошенникъ— а? Сказывай! Гдѣ деньги взялъ? Сотельную бумажку обронилъ, значитъ, у тебя еще есть ... (Смотритъ на него.) Что у тебя тутъ оттопырилось - то? Показывай!

Михайло.

Что оттопырилось? Ничего не оттопырилось.

Степанъ Өедоровъ.

Такъ не вижу, что ли, я? Ты, видно, укралъ. Вынимай сейчасъ! Что у тебя тутъ — показывай!.. Показывай: не то худо будетъ ...

Михайло (озираясь).

Да что кричишь-то? Не кричи, — услышатъ ... Деньги мои.

Степанъ Өедоровъ.

Какъ твои?

Михайло.

Такъ; я нашелъ ...

Степанъ Өедоровъ.

Нашелъ? Гдѣ нашелъ?

Михайло.

На дворѣ... на улицѣ...

Степанъ Өедоровъ.

Подавай!

Михайло.

Батюшка, деньги мои, — я нашелъ.

Степанъ Өедоровъ (грозно).

Ну!..

(Михайло неохотно вынимаетъ бумажникъ и, не выпуская изъ рукъ, показываетъ отцу. Степанъ Өедоровъ хочетъ взять его.)

Михайло (не отдавая).

Деньги мои, батюшка... я нашелъ...

Степанъ Өедоровъ (грозно).

Ну, подавай сейчасъ... Отецъ я тебѣ, али нѣтъ?..

(Вырываетъ бумажникъ изъ рукъ Михайла.)

Явленіе тринадцатое.

Тѣ же и **Алексѣй.**

Алексѣй (входя).

Батюшка, поди обѣдать.

Степанъ Өедоровъ.

Нишкни... запри двери...

Алексѣй.

А что?

Михайло.

Молчи... я деньги нашелъ.

Алексѣй.

Деньги? Да не Кузьма ли Өедотычъ обронилъ?.

Степанъ Федоровъ.

Не онъ ли и самъ-дѣлѣ?..

Алексѣй.

Такъ давай, я сейчасъ нагоню верхомъ...

Михайло.

Да не онъ ... Я за заднимъ дворомъ нашелъ, коло огорода.

Степанъ Федоровъ.

Такъ не онъ.

Алексѣй.

Такъ объявить надо.

Михайло.

Молчи! Ты что ли нашелъ?

Степанъ Федоровъ.

Да сколько денегъ-то?

Михайло.

Смотри! Много ...

Степанъ Федоровъ
(раскрываетъ бумажникъ).

Все сотельныя ... (Глаза его сверкаютъ, руки дрожатъ.)

Алексѣй.

Батюшка, объявить надо.

Михайло.

Пошелъ! Не твое дѣло.

Степанъ Федоровъ
(разсматривая деньги, неопредѣленно)

Объявить?.. Объявить?..

Михайло.

Батюшка, ты мнѣ отдай деньги, — я нашелъ.

Степанъ Федоровъ (грозно).

Ну!.. Отецъ я тебѣ, али нѣтъ?.. (Опять смотритъ въ бумажникъ.) Объявить?.. (Быстро.) Запирай двери! Запирай ворота!

(Занавѣсъ опускается).

Дѣйствіе второе.

Декорація перваго дѣйствія. На стѣнѣ, близъ лежанки, висятъ два синіе кафтана, красный кушакъ и пуховая шляпа.

Явленіе первое.

Михайло и **Татьяна** (сидятъ у стола и пьютъ чай).

Михайло (подъ хмѣлькомъ).

Ты мнѣ теперя скажи только,—пьешь ты чай, али нѣтъ?

Татьяна.

Пить-то я пью ...

Михайло (перебивая ее).

То-то вотъ и оно-то. Сказалъ, что будешь кажинный день пить чай, такъ дѣло и сдѣлалъ, и никто не можетъ мнѣ ... Никто слова не скажи.

Татьяна.

Такъ что? Чаемъ-то поишь, а работа-то та же на мнѣ. Умаешься день-то-деньской ... все одна-то, да одна ...

Михайло.

Это я все могу сдѣлать. Хошь цѣлый день будешь на печкѣ лежать ... И никто мнѣ не смѣй ничего ... Ни одного слова ...

Татьяна.

Да похваляться-то ты мастеръ, а только чай-отъ и есть, а то все то же. Ту же муку-то терплю мученическую день-то-деньской ...

Михайло.

Это сейчасъ можно все сдѣлать. Не ходи, сиди здѣсь, пей чай — и никто мнѣ ... У! .. ни одного слова ...

Татьяна.

А обѣщалъ еще салопъ сшить; купчихой, говоритъ, сдѣлаю ... Вотъ себѣ одежи-то понашилъ, а жена-то много-ли видѣла обновъ-то? А то салопъ... купчиха! ..

Михайло.

Это я все могу ... все ... все, значитъ, въ нашей волѣ ... одно слово! .

Татьяна.

Да! .. Похваляться-то всякій умѣетъ ... А ты сдѣлай, да ужъ тогда и хвались ...

Михайло.

Такъ не сдѣлаю, что ли, коли захочу? .. Да я теперя ... Вотъ сказалъ отцу, чтобы сейчасъ была новая тройка ... для одного меня, значитъ, кататься хочу, и будетъ! .. И ни слова! ..

Татьяна.

Да, сейчасъ! .. Какъ же! Дожидайся ... Развѣ поколотитъ только ...

Михайло.

Теперя! .. Меня! .. Какъ же! Нѣту, поздно ... Теперя я здѣсь большой ... Все-равно ... вотъ смотри (показываетъ руку.) Вотъ пятерня! (сжимаетъ кулакъ.) Тутъ все ... значитъ я одинъ ... пикнуть не смѣй ... потому я могу ... одно слово ... вотъ что! .. А

то поколотить! Нѣтъ, ужъ это не про насъ писано ...

Татьяна.

Э-эхъ, спьяна-то мелешь. Слушать-то нечего, все пустое ...

Михайло.

Пустое? Нѣтъ, не пустое ... Захотѣлъ, — сейчасъ требую сто рублевъ, а мало, — пятьсотъ, а и того мало,—тысячу ... И сейчасъ ... взялъ. Захотѣлъ, домъ каменный выстрою ...

Татьяна.

Да, выстроишь на пустое-то мѣсто!..

Михайло.

Ну, нѣтъ! Можетъ, у насъ есть не то, что ... тысячъ двадцать есть, а то тридцать ... а то пятьдесятъ ... Вотъ захотѣлъ хорошей одежи, — и есть ...

Татьяна.

Да откуда это у тебя такія деньги? Скажи-ка— а? (насмѣшливо.) Ахъ ты тысячникъ съ алтыномъ!

Михайло.

Есть у насъ, да только сказать нельзя.

Татьяна (поддразнивая его).

Нечего сказать-то, такъ и не говоришь.

Михайло.

Ну, ужъ мы про то знаемъ, только вамъ не скажемъ, бабамъ ...

Татьяна.

Такъ что? Не жена, что ли я тебѣ? чужая, что ли, что ты сказать-то мнѣ не хочешь?

Михайло.

Знаю, что жена, да сказать-то тебѣ нельзя, потому—баба... А у бабы языкъ все равно, что вода

на мельницѣ ... все держится ... а прорвало гать,— такъ и пошла писать, ничѣмъ не удержишь ...

Татьяна (ласкаясь къ мужу).

Такъ, дурашка, неужто я насупротивъ тебя пойду, али что на вреду тебѣ дѣлать стану?

Михайло.

Нѣтъ, коли-что насупротивъ-то пойдешь такъ на вашу братью ... резонтъ есть (Показываетъ кулакъ.) ... Теперь противъ меня никто слова не смѣй сказать... потому все я одинъ сдѣлалъ ... весь капиталъ досталъ ...

Татьяна.

Такъ то-то и есть, дурашка, развѣ я не знаю, что ты мнѣ голова? Кажется, я съ тобой живу не первый годъ. Въ чемъ я тебѣ согрубила?.. всегда стараюсь все какъ-бы лучше потрафить ... всегда, что угодно ... Скажи, дурашка, Мишанка, Михайла Степанычъ, гдѣ ты экое мѣсто денегъ-то взялъ?..

Михайло.

Я нигдѣ не взялъ, а нашелъ.

Татьяна (живо).

Нашелъ?

Михайло.

Ну, вотъ и сказалъ, а не надо-бы сказывать-то... Да ты у меня нишкни — слышь?

Татьяна.

Такъ неужто стану говорить? Сколько же денегъ-то?

Михайло.

Да и самъ не знаю сколько, а много, больно-много. Отецъ-то три дни считалъ ... а все на-вѣрняка не могъ свести.

Татьяна.

Зачѣмъ же ты отцу-то отдалъ?

Михайло.

Ну, зачѣмъ?.. А онъ-бы объявилъ.

Татьяна.

Такъ на что же ты показывалъ-то ему?..

Михайло.

Ну, на что?.. Ужъ не показалъ бы, какъ бы самъ не увидалъ ...

Татьяна.

Ахъ ты, дуракъ, дуракъ! Вотъ пословица-то говорится: глупому-то сыну, да богатство-то ... Кладъ въ руки давался, и того не умѣлъ взять. Да я баба, да кабы я нашла, такъ неужто кто-бы у меня отнялъ? А ты что?.. Эхъ, ты!.. ты!..

Михайло.

Ну, цыцъ!.. Со мной никто не смѣй ... не разговаривать!.. Деньги мои ... Сколько хочу, пошелъ, да взялъ.

Татьяна.

Да, взялъ!.. Изъ чужихъ-то рукъ ... (Начинаетъ притворно плакать.) Вотъ мужeнекъ на шею навязался! Кладъ самъ въ руки давался, такъ чѣмъ бы женѣ всякій спокой дать ... У него, ровно у малаго ребенка, тотчасъ все и отняли.

Михайло.

Цыцъ!.. Все мое!.. все могу сдѣлать!..

Татьяна (продолжая всхлипывать).

Да ... другой бы мужъ сейчасъ отдѣлился, чтобъ своимъ домомъ жить, самому себѣ хозяиномъ, а ты до тридцати лѣтъ дожилъ, да своей овцы, какова овца, у тебя нѣтъ ... Вотъ, чтобы отдѣлиться-то теперь ...

Михайло.

Такъ, коли захочу, не отдѣлюсь, что ли? Одно слово сказалъ, — и все тутъ!

Татьяна.

Такъ что же ты думаешь о своей головѣ, о своихъ дѣткахъ малыхъ? Вѣдь отецъ-отъ ничего тебѣ не дастъ.

Михайло.

И просить не стану. Подай мое ... Я еще въ купцы выпишусь, со всякимъ самымъ лучшимъ народомъ знакомство заведу ... пиры, да банкеты стану сводить.

Явленіе второе.

Тѣ же и Маремьяна.

Маремьяна (входя, Татьянѣ).

Что ты, дѣвка, сидишь здѣсь, да чаи-то распиваешь, а дѣло все стало за тобой! Что за прокуратство у васъ?.. И пироги-то въ печь до сейпоры не посажены. Подь-ка скорѣй, сажай ихъ.

Татьяна.

Подь-ка сажай сама, а я еще не стану ...

Маремьяна.

Что?

Татьяна.

А то! Будетъ ужъ, я поработала на васъ, пора и мнѣ самой въ себя пожить ...

Маремьяна.

Да что ты дѣвка, въ умѣ ли?

Татьяна.

Небось не глупѣе тебя.

Маремьяна.

Да что она взбѣленилась, ровно недѣлю не ѣмши сидитъ?

Татьяна.

У васъ не то, что недѣлю, у васъ и годъ просидишь не ѣмши ... Еще вотъ не хочу идти работать на васъ,—да и все тутъ! Поди, ищи на мнѣ. Еще и жить-то съ вами не хочу, еще въ отдѣлъ пойдемъ ...

Маремьяна.

Да что ты, Мишанка, смотришь ей въ зубы-то? Что она у тебя рехнулась, что ли, али бѣлены объѣлась?.. Рехнулась и вправду.

Михайло.

Это точно, матушка. Ты скажи батюшкѣ, чтобы онъ насъ отдѣлилъ.

Маремьяна.

Да вы и вправду оба не въ своемъ умѣ ... Съ чего вамъ, съ чаю-то, что ли, эко дѣло?..

Татьяна.

Небось, не съ чаю, — не больно у васъ разопьешься ... Вы мастера-то въ чужой горшокъ лазить, да чужой-то вѣкъ заѣдать.

Маремьяна.

Да уйти отъ васъ, нагрѣшники ... Что вы?.. Пойду, скажу отцу, чтобъ онъ васъ поучилъ ... (Хочетъ идти.)

Татьяна.

Нечему насъ учить. Учены мы! На что вы-то насъ съ мужемъ-то обобрали?..

Маремьяна.

Да что ты? Не будь тебѣ ладно ... Объ чемъ ты говоришь? Чѣмъ мы васъ обобрали?

Татьяна.

Эка!.. не знаетъ!.. На что у него пятьдесятъ-то тысячъ отняли, что нашелъ-то онъ? а? что?..

Михайло.

Цыцъ! Экъ понесло тебя!.. Вотъ что, матушка. Опричь всякихъ ссоръ, скажи отцу, чтобъ онъ меня отдѣлилъ, да отдалъ мнѣ половину, а то пусть будетъ ваше ...

Татьяна (Михайлу).

Да что ты!.. На самого себя руки наложить, что ли, хочешь? Ты не одинъ,—у тебя дѣтки ...

Михайло.

Молчать! Ну, жертвую вамъ пять тысячъ!

Маремьяна.

Что вы, батюшки?.. Вамъ попало что-нибудь... (Входитъ Степанъ Өедоровъ.)

Явленіе третье.

Тѣ же и **Степанъ Өедоровъ.**

Маремьяна.

Отецъ, разбери ты ихъ, что съ ними попритчилось? Какія ты у нихъ тысячи отнялъ?

Татьяна.

Да!.. разбирай!.. Нѣтъ, намъ денежки-то отдай.

Михайло.

Батюшка, порѣши ты это дѣло со мной.

Степанъ Федоровъ.

Бабы, ступай вонъ!

Татьяна

Что, ступай вонъ?.. Нечего!.. ты деньги-то отдай. (Маремьяна уходитъ.)

Степанъ Федоровъ.

Прогони же жену-то.

Михайло.

Подь отселѣ, да ни гу-гу — слышь?

Татьяна (сквозь слезы).

Вотъ и вся корысть! Всего-то тебя оберутъ...

Степанъ Федоровъ.

Ну!..

Михайло.

Пошла же, говорятъ!

Татьяна.

Уйду. Оставайся. Много ли безъ меня-то сдѣлаешь! (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Степанъ Ѳедоровъ и Михайло.

Степанъ Федоровъ.

На что, дурень, женѣ-то сказалъ?

Михайло.

Ну, ужъ сказалъ, такъ нече дѣлать. А ты вотъ что, батюшка. Ты меня отдѣли. Я тебѣ пять тысячъ жертвую, а ты мое ...

Степанъ Федоровъ.

Ну, что ты блажишь-то? Ну, какъ я тебѣ отдѣлю? Куда ты пойдешь?

Михайло.

Да ужъ это мы знаемъ, наше дѣло. Я тотчасъ домъ выстрою, лошадей накуплю, постоялый дворъ открою ...

Степанъ Федоровъ.

Глупый! Да вѣдь люди-то будутъ смотрѣть, да спрашивать, откуда вдругъ такія деньги взялись.

Что ты скажешь? Наши достатки извѣстные. А ты послушай меня, старика: сначала распущу я по деревнѣ слухъ, что хочу тебя отдѣлить и начну тебѣ строить домъ, куплю тебѣ тройку лошадей ... ну, хошь двѣ, и начни ты сначала потихоньку, года два хошь такъ поживи, а потомъ, какъ хочешь. Никто и пикнуть не посмѣетъ, — разжился, да и все тутъ. Кто тебя усчитаетъ? Дѣла хорошо пошли, да и все тутъ! Ну, такъ ли я говорю: ты парень умной, разсуди-ка хорошенько-то.

Михайло.

Да это точно ... Ну, такъ дай на гулянку ...

Степанъ Федоровъ.

Ну, на гулянку изволь. Много ли надо? Цѣлковаго будетъ?

Михайло.

Какой цѣлковый! Срамиться не изъ чего. Давай сто рублевъ.

Степанъ Федоровъ.

Сто рублевъ? Да что ты, въ умѣ ли, Мишанка?

Михайло.

Въ умѣ. Что тутъ разговаривать! Своихъ денегъ прошу ... Сто рублей вынимай.

Степанъ Федоровъ (съ гнѣвомъ).

Такъ не дамъ я тебѣ ни копѣйки.

Михайло.

Такъ что ты и взаправду, отнять, что ли, хочешь деньги-то? Такъ не доставайся же они никому ...

Степанъ Федоровъ (смягчая тонъ).

Да, дурашка, подумай ты то. Вѣдь ста-то рублей въ мѣсяцъ не прогуляешь ...

Михайло.

Уйдетъ у насъ въ день ...

Степанъ Федоровъ.

Ну такъ опять люди станутъ примѣчать, откуда такія деньги . . .

Михайло.

Я женѣ салопъ сошью . . .

Степанъ Федоровъ.

Ну, куда ей салопъ? Ну, что не дѣло-то говоришь. Сарафанчишка-то путнаго нѣтъ, а хочешь салопъ шить. Да и пристало ли крестьянской бабѣ? Лучше же я ей исподволь, какихъ ей приличествуетъ нарядовъ, нашью, по нашему деревенскому обычаю, а то ну-ка, салопъ! Къ чему пристало?

Михайло.

Такъ, по крайности, дай хошь пятьдесятъ на гулянье . . .

Степанъ Федоровъ.

Ну, куда ты пятьдесятъ рублей хочешь прогулять? Ты подумай. По пятидесяти-то, чай, и купеческіе сынки не прогуливаютъ. А ты возьми два цѣлковыхъ, да и гуляй. Знаешь ли, какъ разгуляешься—всѣмъ на удивленье.

Михайло.

Нѣтъ ужъ, батюшка, коли такъ, какъ хошь. Двадцать давай, меньше не возьму. Сегодня, кажись, на дворѣ праздникъ, народъ гуляетъ, хороводы водятъ, можно двадцать прогулять нашему брату, не отъ бѣдности отъ какой. Скажу, что на водкахъ скопилъ . . .

Степанъ Федоровъ

(вынимая изъ кошеля деньги).

Ну, на вотъ тебѣ, на, три цѣлковыхъ, на! Не проси же больше . . .

Михайло.

Нѣтъ, батюшка, мало, давай еще три.

Степанъ Федоровъ.

Ну, будетъ; не дамъ больше.

Михайло.

Нѣтъ, давай еще!

Степанъ Федоровъ (повышая голосъ).

Говорятъ, не дамъ, а то и эти назадъ возьму.

Михайло.

Ну, это наврядъ ли ...

Степанъ Федоровъ (грозно).

Мишанка!..

Михайло.

Да что? твоихъ что ли я прошу? Мои деньги. Взялъ, да еще завладѣть хочетъ!..

Степанъ Федоровъ.

Да на тебѣ еще цѣлковый, безстыжая твоя рожа ...

Михайло.

Нѣтъ, давай еще два ...

Степанъ Ѳедоровъ
(выкидывая деньги, съ гнѣвомъ).

Пошелъ, опейся, ненасытная твоя утроба! Пошелъ же съ глазъ моихъ долой!

Михайло.

Теперь и безъ того уйдемъ ... (Снимаетъ со стѣны синій кафтанъ и кушакъ, надѣваетъ на голову нарядную шапку и уходитъ).

Явленіе пятое.

Степанъ Ѳедоровъ (одинъ).

Разбойникъ! окаянный! пьяница!.. А отъ своей же крови экого нажилъ! Что съ нимъ сдѣлаешь? Куда отъ него уйдешь? Того и смотри, что еще

разболтаетъ. То же отдѣлиться хочетъ! Хорошо, что еще не знаетъ, сколько денегъ-то ... А много ... аи много! Кто-то эти денежки обронилъ, то-то, чай, воетъ-то ... А хорошо, какъ съ эстолько-то денегъ лежитъ; ужъ какъ хорошо! Взглянешь, такъ сердце и замретъ отъ радости! (Уходитъ).

Перемѣна декораціи.

Деревенскій праздникъ. Нѣсколько лавочекъ подъ холщевыми навѣсами, съ пряниками, орѣхами, яблоками и тому подобнымъ. Такъ называемая выставка, то есть временной шатеръ съ прилавкомъ, на которомъ продается вино. Шатеръ сдѣланъ въ видѣ колокола, надъ которымъ развѣвается флагъ. Толпы крестьянъ и крестьянокъ въ праздничномъ нарядѣ. Нѣсколько группъ: въ одной играютъ молодые парни въ орлянку, въ другой пьютъ вино, въ третьей разговариваютъ, и прочее. Вдали виднѣется деревня. На аван-сценѣ, ближе къ правой сторонѣ, стоитъ дерево. Хороводъ изъ дѣвушекъ и молодыхъ крестьянъ, тотчасъ по поднятіи задняго занавѣса первой декораціи, съ пѣснями приближается къ аван-сценѣ.

Явленіе первое.

Михайло, Дмитрій и Иванъ (выходятъ изъ-за хоровода при окончаніи пѣсни).

Михайло.

Ну-ка, Митюха, погуляй-ка у насъ на праздникѣ-то, понравится ли тебѣ-ка? Вона у насъ дѣвки-то каки, не хуже вашихъ.

Дмитрій.

Важныя дѣвки!

Михайло.

Ну-ка, дѣвки, запѣвай новую, а мы здѣся сядемъ, да слушать станемъ.

Маланья.

Да, вотъ больно надо! Для тебя и поютъ.

Михайло.

А не надо, такъ, какъ хошь, и пряниковъ тебѣ не будетъ.

Маланья.

Покупай своимъ ребятишкамъ, да береги деньги-то женѣ на платъ, а мы и безъ твоихъ пряниковъ проживемъ. Захотимъ, сами купимъ. И парнемъ-то былъ, такъ отъ тебя немного видали.

Михайло.

Аи!.. Тебѣ, видно, дѣвка, годовъ-то много ... Ну-ка, помнишь, какъ я парнемъ былъ, а я сорокъ лѣтъ съ годомъ съ женой живу ... (Общій смѣхъ.)

Маланья (обидѣвшись).

Смотри своей женѣ-то въ зубы, да считай года, а наши еще не считаны.

Дмитрій.

Нѣтъ, братъ, Мишуха, ваши дѣвки сердитыя, не то, что наши ...

Михайло.

Вѣдь это только одна. У ней нечѣмъ кусаться, такъ она только лается ... А тѣ ласковыя ... (Снимаетъ шляпу и вынимаетъ изъ нея платокъ, наполненный орѣхами и пряниками.) Ну-ка, дѣвушки, бьемъ челомъ, не побрезгуйте нашимъ добромъ ... (Начинаетъ потчивать дѣвушекъ; когда же доходитъ до той, съ которою разговаривалъ, то обходитъ ее.) А вы, говорятъ, плохи зубами и кисель ѣдите съ большими трудами ... (Общій смѣхъ.)

Маланья.

Ну, озорникъ, достанется и тебѣ на орѣхи. Вотъ я пойду, скажу женѣ-то, какіе ты здѣсь лясы точишь. Она у тебя потачки не даетъ ... Безъ нея-то ты больно удалъ, а то люди говорятъ, она не поѣстъ, тебя не побивши. (Уходитъ.)

Нѣсколько дѣвушекъ.

А, Мишуха, что? Поджалъ хвостъ-отъ? (Смѣются.)

Михайло.

Я что? А вотъ что. Ванюха, на вотъ-те три цѣлковыхъ, подь купи дѣвушкамъ пряниковъ, да орѣховъ, да водки штофъ, на всѣ — слышь?

Иванъ.

Ладно, тотчасъ.

Михайло.

Вотъ вамъ и жены боюсь … видѣли? А мало,— еще купимъ … Всѣ гуляй сегодня на меня — слышь! Захочу, всю выставку куплю — вотъ какъ у насъ!

Дмитрій.

Что больно, Мишуха, расходился? Откуда экія деньги у тебя? …

Михайло.

Есть у насъ; заработки хороши!

Иванъ.

На, вотъ купилъ. (Подаетъ большой платокъ съ пряниками и орѣхами.) Въ платъ-то не уклалось, такъ вотъ полну шляпу насыпали. (Наклоняетъ голову.) Снимай, да не просыпли.

Михайло.

Ну, вотъ, дѣвушки кушайте, не жалѣйте.

Дмитрій.

Ну, дѣвки, запѣвайте же, да насъ припустите, коли не противенъ. Бывало, хаживали по кругу, себя не срамили.

Михайло.

Ну-ка, ну-ка, Митюха, и самъ-дѣлѣ пройдись. А мы, ребята, сядемъ-ка на зеленый на лужокъ, подъ ракитовъ подъ кустокъ. Сядемъ, да выпьемъ.

Гуляй всѣ въ мою голову, за всѣхъ отвѣчаю! Митюха, выпей сперва-начала, а тутъ и поди. (Наливаетъ стаканъ вина, Дмитрій пьетъ.)

(Составляется хороводъ, запѣваютъ пѣсню. Дмитрій съ одной изъ дѣвушекъ идетъ по кругу.)

Пѣсня.

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На великое, на стоянье.
  Ой люли, люли, на стоянье.
Миръ вамъ, дѣвушки, на гуляньѣ,
Миръ вамъ, красныя, на стояньѣ.
  Ой люли, люли, на стояньѣ.
Нѣтъ-ли охотничка разгуляться,
Со мной молодцомъ побороться?
  Ой люли, люли, побороться.
Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣе,
Она молодца поборола.
  Ой люли, люли, поборола.
Что при всемъ-то-ли при народѣ
При большомъ-то-ли хороводѣ.
  Ой люли, люли, хороводѣ.
Чорну шляпицу долой сшибла,
Опоясочку изорвала.
  Ой люли, люли, изорвала.
Съ рукъ перчаточки поскидала,
Она синь кафтанъ въ грязь топтала.
  Ой люли, люли, въ грязь топтала.
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ:
Ахъ ты, матушка, мать родная!
  Ой люли, люли, мать родная!
На что на горе породила,
На что хорошо нарядила?
  Ой люли, люли, нарядила?
На гуляньеце отпустила?
Меня дѣвушка пристыдила.
  Ой люли, люли, пристыдила.
Какъ при всемъ-то-ли при народѣ,
При большомъ-то-ли хороводѣ
  Ой люли, люли, хороводѣ.

Михайло.

Стой-ка, дѣвки! Эхъ-ма, Митюха! Хорошо вы ходите. Посмотри-ка насъ. Ну-ка, „Дунай-ли мой,

Дунай“, да ужъ съ тобой, Ѳеклуха, больше ни съ кѣмъ не хочу. (Хороводъ начинаетъ пѣть. Михайло идетъ по кругу.)

Пѣсня.

Какъ изъ улицы въ конецъ
Шелъ удалый молодецъ.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Шибко, громко, просвисталъ,
Въ теремъ голосъ подавалъ.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай.
Чтобы слышала мила,
Не дремала-бъ, не спала.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Не дремала-бъ, не спала,
Дорога гостя ждала.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Дорога гостя ждала
Ваню бѣленькаго, дружка миленькаго.
Дунай-ли мой, дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Какъ звали молодца,
Почитали удальца.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть.
Дунай-ли мой, Дунай.
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Во бесѣдушку сидѣть
Съ краснымъ дѣвушкамъ.
Дунай-ли мой, Дунай.
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Посадили молодца на скамеечку,
На скамеечку, противъ вдовушки.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Покатилась черна шляпа
Ко вдовушкинымъ ногамъ.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Ко чернымъ башмакамъ,
Ко нѣмецкіимъ чулкамъ.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Ужъ ты, вдовушка, подай,
Голубушка, подними.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Не раба, сударь, твоя,
Я работать на тебя.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Работушку работать,
Черну шляпу поднимать.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Черну шляпу поднимать,
На русы кудри вздѣвать.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Не радушенъ, не веселъ,
Самъ заплакалъ, да пошелъ.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай,

Не спасибо те вдова
Не скрасила молодца.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Не скрасила, взвеселила,
Не возрадовала.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Какъ звали молодца,
Почитали удальца.
  Дунай-ли мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть.
  Дунай-ли мой, Дунай;
  Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Посадили молодца на скамеечку,
На скамеечку, противъ дѣвушки.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Молодецъ дѣвкѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Покатилась черна шляпа
Ко дѣвушкинымъ ногамъ.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Ко чернымъ башмакамъ,
Ко нѣмецкiимъ чулкамъ.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Ужъ ты, дѣвушка, подай,
Красавица, подними.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай,

Я раба, сударь, твоя,
Я работать на тебя.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай

Работушку работать,
Черну шляпу поднимать.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Черну шляпу поднимать,
На русы кудри вздѣвать.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

И радушенъ, и веселъ,
Самъ защелкалъ, да пошелъ.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай,

Ахъ, спасибо те, дѣвица,
Что скрасила молодца.
Дунай-ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Что скрасила, взвеселила
И возрадовала.

Явленіе второе.

Тѣ же и Татьяна.

Татьяна
(подбѣгая къ Михайлу).

Что ты дѣлаешь, безстыжій человѣкъ? Пристало ли тебѣ экъ ломаться-то, да паясничать, женинъ ты мужъ?

Голоса.

Что, Миша́нка? А? попался? Что? Вотъ она задастъ тебѣ трезвона!

Михайло.

Жена, Танюха, стой!

Татьяна.

Да что Танюха? Безстыжіе твои глаза! Ну, мѣсто ли тебѣ съ дѣвками, дѣткамъ ты отецъ?

Голоса.

Ага, Миша́нка, ага, попался!

Михайло.

Жена ты мнѣ? Не жена! Пошла прочь ... ну, не смѣй говорить! Цыцъ! Я хозяинъ, все въ моихъ рукахъ — знаешь? Одно слово ... хочу гулять и гуляю.

Татьяна.

Да гуляй, кто тебѣ мѣшаетъ? Да знай свое мѣсто, а нечего тебѣ около дѣвокъ ластиться.

Михайло.

Коли ты, значитъ, одно слово ... ну, значитъ, конецъ! Слышь?.. Все въ моихъ рукахъ, все ... Значитъ, хочу съ дѣвушками дѣло имѣть.

Татьяна (хныкая).

Разбойникъ, срамникъ ты этакой!.. Что тебѣ жена-то на смѣхъ, что ли, далась?..

Михайло.

Пошла ты прочь! Надокучила ты мнѣ ...

Татьяна (всхлипывая).

Я тебѣ надокучила?.. Погоди-жъ ты, срамота этакая ... Я отца сюда приведу! Не смѣяться тебѣ надо мной ...

Михайло.

Поди, поди! Безъ тебя здѣсь много, только хуже-то нѣтъ ...

Татьяна (съ гнѣвомъ).

Тьфу ты, провались ты!.. Не подходи же ко мнѣ. (Со слезами уходитъ.)

Явленіе третье.

Тѣ же безъ **Татьяны.**

Одна изъ дѣвушекъ.

Что ты это, Мишуха, на что жену-то обидѣлъ?

Михайло.

А на то, что вотъ она грибъ-мухоморъ, а здѣсь есть маковъ цвѣтъ. (Заигрываетъ съ дѣвушкой.)

Дѣвушка (со смѣхомъ).

Ну-ка, отстань ... пострѣлъ! (Къ прочимъ дѣвушкамъ.) Экой, вѣдь, мужикъ веселый. Сердца-то на него нѣтъ, право ...

Михайло.

А вотъ, дѣвки, Серега со скрипкой съ барскаго двора пришелъ. Вотъ теперь такъ веселости пойдутъ еще пуще ... Эхъ, важно, весело!.. Трогай, бѣлоногой, копай, вороной! Эй, Серёга! Сюда ступай, сюда!

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Сергѣй.

Сергѣй

(выходитъ, наигрывая на скрипкѣ и подпѣвая въ тонъ).

Здравствуй, дѣвки, здравствуй, красны, здравствуй, бѣлыя лебедки! Здравствуй, парни-лихачи, удалые молодцы! (Переставая играть.) Меня ли вамъ надо? (Общій смѣхъ.)

Михайло.

Тебя, тебя! На-ка выпей, да смахай намъ веселую. (Идетъ къ штофу съ водкой и обращается къ Дмитрію Что у насъ, каково веселье-то, Митюха, а?

Дмитрій.

Ухъ, только знай гуляй!

Сергѣй

(опять подыгрывая, напѣваетъ).

Что вамъ пѣсню, али сказку, али къ сказкѣ прибаутку?—все возможно, лишь скажите, да покрѣпче поднесите! Вы покрѣпче поднесите, мою душу усладите! Какъ душа-то у меня, вся по горло голодна.

Михайло (поднося стаканъ).

На-ка вотъ, прохладися.

Сергѣй (дѣлая гримасу).

Горько, чай, нескусно?

Михайло.

А ты попробуй.

Сергѣй (выпивши).

Ничего, живетъ! Половину не потрафилъ, не донесъ, расплескалось; надо доправить. (Подставляетъ стаканъ.)

Михайло (наливая).

Можно и доправить.

Сергѣй (выпивъ).

Ой, горько! Дѣвки, цалуй! Услади мою душу! Кто хочетъ?.. (Общій смѣхъ.) Али всѣмъ хочется? Всякой завидно. (Бросается къ дѣвушкамъ; онѣ съ визгомъ бѣгутъ всѣ прочь отъ него.) А! Обрадовались, да прочь бѣжать! Ну, пой! (Начинаетъ наигрывать пѣсню: „Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ“ и проч. Ему подтягиваютъ. Михайло идетъ плясать.)

Парень изъ толпы.

Ребята, управительша съ сыномъ пріѣхала.

Сергѣй (переставая играть).

Она у насъ не кусается, а больно зубаста. (Скрывается въ толпѣ. Пѣніе прекращается.)

Михайло.

Что̀, Серега, испугался? А намъ чего бояться-то? Не наша управительша, да и рода-то небольшого, такого же благороднаго, что и мы-то, еще хуже маненько, — лакейскаго.

Дмитрій.

А это съ ней баринъ-то молодой, кто такой?

Михайло.

Это, братецъ, не баринъ, а только по барски ведетъ себя, да одежу барскую носитъ. Это барской камардинъ—къ отцу, чу, въ гости съѣхалъ... Вотъ мы сейчасъ съ нимъ знакомство сведемъ.

Явленіе пятое.

Тѣже, Прасковья Ѳедоровна и Леонидъ Константиновичъ.

Прасковья Ѳедоровна

(въ платьѣ и шали яркихъ цвѣтовъ, въ чепчикѣ и съ зонтикомъ).

Ну, что тебѣ, мой другъ, захотѣлось въ эту компанію? Здѣсь все мужики, да бабы. А они мнѣ и то надоѣли.

Леонидъ Константиновичъ

(въ черномъ фракѣ, сѣрой шляпѣ съ большими полями, въ жилетѣ и панталонахъ весьма пестрыхъ).

По крайности, маманъ, пройдемся, посмотримъ. Здѣсь вотъ есть дѣвушки хорошенькія!..

Прасковья Θедоровна

(важно раскланиваясь).

Здравствуйте, дѣвушки! (Крестьянки молча кланяются.)

Леонидъ Константиновичъ

(немного приподнимая шляпу).

Здравствуйте, дѣвушки! (Оставляетъ мать и подходитъ къ толпѣ дѣвушекъ.) Что жъ вы, дѣвушки, ничего не говорите? Ахъ, какія вы миленькія!

Прасковья Θедоровна.

Лединька, куда-жъ ты? Что тебѣ за охота! (Подходитъ къ сыну.) Дѣвки, что-жъ вы не поете?

Леонидъ Константиновичъ.

Спойте что-нибудь, дѣвушки, пожалуйста, для меня.

Одна изъ дѣвушекъ.

Пѣли ужъ мы. Будетъ.

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, для меня спойте еще.

Другая дѣвушка.

Что намъ для тебя-то пѣть! Мы для себя поемъ, а не для кого.

Прасковья Θедоровна.

Ахъ, пойдемъ, мой другъ! Что это? Прилично ли тебѣ ...

Леонидъ Константиновичъ.

Отчего же вы не хотите для меня-то спѣть? Что-жъ я вамъ не нравлюсь, что ли? Я, кажется,

не похожъ вотъ на вашихъ сермяжниковъ ... Посмотрите-ка на меня попристальнѣе ... (Дѣвушки взглядывываютъ на него исподлобья, отворачиваются и смѣются.)

Прасковья Өедоровна.

Ну, захотѣлъ ты отъ нихъ понятія какого-нибудь! Онѣ, я думаю, этого и понять не могутъ, что на тебѣ надѣто.

Леонидъ Константиновичъ.

Дѣвушки, а вотъ не хочетъ ли кто изъ васъ курить?.. Вотъ посмотрите-ка сюда! (Вынимаетъ изъ кармана портсигаръ, раскрываетъ, достаетъ изъ него папироску, спичку и закуриваетъ.) Что? Видали ли вы эти штучки? А?.. Да что-жъ вы не говорите со мной? Чего-жъ вы боитесь?

Одна изъ дѣвушекъ.

Чего бояться-то? Ты, чай, не пугало. (Смѣется, за нею многія другія.)

Прасковья Өедоровна.

Ахъ, Лединька! Пойдемъ, пожайлуста. Мнѣ здѣсь ужасно противно быть.

Леонидъ Константиновичъ.

Постойте, маманъ; вотъ какая это вострушка! Плутовочка, должно быть ... И милашка какая! Ишь ты ... (Хочетъ взять дѣвушку за подбородокъ.)

Дѣвушка.

Ну-ка, ты и взаправду! Туда же съ рукамъ лѣзетъ! Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай.

Леонидъ Константиновичъ.

А та-та-та! Какова! Вотъ не ждалъ этакой рыси!

Прасковья Өедоровна.

Ахъ, Ледя, ты себя конфузишь. Съ кѣмъ ты связался!.. Я уйду ...

Леонидъ Конатантиновичъ.

Да подите. Кто васъ держитъ ... Вотъ я ее за это поцалую.

Дѣвушка.

Поди-ка, сунься! Такъ и полетишь вверхъ хвостомъ-то своимъ.

Прасковья Өедоровна.

Ахъ, Лединька, охота же тебѣ слушать этакія невѣжества!..

Михайло (подходя).

Что ты, братецъ, къ дѣвкамъ привязался?.. Поди лучше въ нашу канпанію.

Прасковья Өедоровна (съ важностью).

Это что еще такое?

Леонидъ Константиновичъ (сурово).

Что тебѣ надо? Съ кѣмъ ты говоришь?

Михайло.

Да съ тобой я говорю; а мнѣ ничего не надо; а я хотѣлъ тебя попотчивать, — значитъ, поднести.

Прасковья Өедоровна
(съ упрекомъ сыну).

Вотъ видишь, въ какое ты поставилъ себя положеніе!..

Леонидъ Константиновичъ.

Послушай ты, любезн:й, если ты хотѣлъ говорить со мной, такъ мнѣ и господа самые лучшіе говорятъ вы, а не ты, потому я всегда при баринѣ, всегда вмѣстѣ съ нимъ ... Живу въ разныхъ столицахъ и городахъ; а ты вотъ простой мужикъ-вахлакъ, нигдѣ не бывалъ, дальше своей деревни ничего не видалъ.

Михайло.

Что-жъ такое? Вѣдь, я тебя ... вашу ... честь не обидѣть хотѣлъ, а тебя же попотчивать, потому у насъ теперь гулящее время — вотъ что ... Я изъ ласки только изъ одной ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, хорошо. Ты меня хотѣлъ попотчивать? Чѣмъ же бы ты меня сталъ потчивать? Водки я не пью ...

Михайло.

Ну, такъ пивомъ али медомъ, — чѣмъ хочешь, все могу предоставить, чего бы только душа ни захотѣла ... У меня, братъ, кошель-то не скоро протрясешь. Хоть на двадцать цѣлковыхъ тебѣ угощенье предоставлю!

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, хорошо. Я ничего не пью, кромѣ мадеры и хереса. (Самодовольно озирается.)

Михайло.

Это бѣлаго, что ли? Изволь!.. Али мускатели? и мускатель есть — изволь.

Леонидъ Константиновичъ.

Вотъ видишь ты какой дуракъ: не понимаешь даже, не слыхивалъ, какія я и вина-то пью ...

Михайло.

Ну, такъ что, что я не слыхалъ? .... Ты мнѣ только скажи: какого тебѣ, то-есть, значитъ, душа желаетъ напитку ... Я тебѣ вотъ что: сто цѣлковыхъ могу съ тобой прогулять, только не брезгуй, значитъ, нашимъ знакомствомъ.

Прасковья Ѳедоровна.

Скажите, пожалуйста!

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, изволь; я тебѣ сдѣлаю удовольствіе. Покупай же бѣлаго.

Михайло.

Вотъ это дѣло! Я, вѣдь, какой человѣкъ: я могу тысячу, такъ тысячу ... Я такой человѣкъ ... Пойдемъ ...

Прасковья Ѳедоровна.

Послушай, Ледя, это ужасно! Неужели ты пойдешь съ этимъ мужикомъ?

Леонидъ Константиновичъ.

Что-жъ такое, если онъ считаетъ это для себя счастьемъ?

Михайло.

Я, братъ, не счастіемъ ... А я тебя такъ накачу, что ты будешь мнѣ другомъ ... вотъ что ...

Прасковья Ѳедоровна.

Такъ что-жъ? Ты меня оставишь одну? ...

Леонидъ Константиновичъ.

Такъ поѣзжайте домой ...

Прасковья Ѳедоровна.

Это ни на что непохоже! ... (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Тѣ же, безъ Прасковьи Ѳедоровны, и Алексѣй.

Михайло
(ведетъ Леонида Константиновича направо подъ дерево).

Садись вотъ, садись сюда, подъ березку, въ нашу канпанію ... Я тебѣ сейчасъ мускатели принесу ... А пока выпей нашего-то простого-то — а? выпей, братъ.

Леонидъ Константиновичъ.

Да пожалуй, пожалуй ... только для тебя ... Да принеси, братъ, закуски ... Эй! ...

Михайло.

Ладно. Сейчасъ. (Идетъ и встрѣчается съ Алексѣемъ.)

Алексѣй.

Брательникъ, поди домой ...

Михайло.

Нѣтъ, стой. Подь скорѣй къ отцу, да скажи ему, чтобъ прислалъ сейчасъ десять цѣлковыхъ, сейчасъ, неотмѣнно — слышь?

Алексѣй.

Полно, брательникъ; батюшка сердитый, бранится. Сюда хотѣлъ за тобой идти. Жена-то, Танюха-то, реветъ ... Подь, голубчикъ; а?

Михайло.

Ты меня знаешь, али нѣтъ? Понялъ ты, что все въ моихъ рукахъ — а? Одно слово ...

Алексѣй.

Да полно же ... Пойдемъ домой ... Пра, батюшка прибьетъ ...

Михайло.

Меня? ... меня? ... Стой ... Эй, ребята, дѣвки, смотри. Вотъ Алеха-то, дуракъ-отъ — а? ... у-у! вотъ онъ! ... (Смѣхъ и крики: „Алеха, Алеха, подь сюда!")

Михайло (толкая брата).

Подь, подь къ нимъ. Дурень и есть ...

Алексѣй
(сердито и смотря исподлобья).

Ну ... что̀ вамъ? ... Ну, дуракъ ... ну! ... такъ что вамъ? ... Что смѣетесь? ... (Хочетъ идти.

(Ему загораживаютъ дорогу и кричатъ: „у-у! Алеха, у-у! . .“ Алексѣй сквозь слезы.) Ну, что я вамъ? ... Пусти ... Ну, что̀ я вамъ? ... Эка ... Богъ съ вами! ... (Пробивается сквозь толпу и уходитъ, сопровождаемый смѣхомъ.)

Михайло

(возвращаясь къ Леониду Константиновичу со штофомъ и узломъ).

Вотъ-те сладкой водки, а вотъ бѣлаго, а вотъ закуска, а то есть мускатель еще ... Вотъ погоди, сейчасъ пойду къ отцу, возьму еще денегъ, а то всѣ вышли.

Дмитрій.

Да что у те, Мишуха, кладъ, что ли, что больно широко забираешь? ...

Михайло.

Кладъ? ... Нѣту-тка ... А вотъ что: я у батьки-то въ отдѣлъ прошусь, а онъ не пускаетъ, да чтобъ я больно-то не приставалъ, такъ денегъ вволю даетъ ... Вѣдь онъ только жмется, а то у него денегъ вволю — у! сколько! ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ты, братъ, кажется, только хвастаешь, что у тебя денегъ-то много, а у тебя совсѣмъ нѣтъ ничего ... Эхъ ты! ...

Михайло.

У меня? ... Постой! Ты мнѣ скажи, хошь ты со мной знакомство вести?

Леонидъ Константиновичъ.

Да еще теперь не изъ чего нашему брату съ тобой знакомство-то вести. Мы ведемъ знакомство съ людьми богатыми, а ты ...

Михайло.

Да ты знашь ли, сколько у меня денегъ-то? ...

Явленіе седьмое.

Тѣже и Степанъ Ѳедоровъ.

Степанъ Ѳедоровъ
(подходя къ сыну при послѣднихъ словахъ).
Мишанка ...

Михайло.
А, батька! ... Вотъ тотчасъ. (Встаетъ и отводитъ Степана Ѳедорова въ сторону.) Давай двадцать цѣлковыхъ ...

Степанъ Ѳедоровъ.
Чтò ты дѣлаешь, безумная голова?

Михайло.
Давай денегъ! ...

Степанъ Ѳедоровъ.
Я те уведу домой, да запру въ чуланъ на мѣсяцъ ...

Михайло.
Меня? ... А хошь, я сейчасъ все разскажу?

Степанъ Ѳедоровъ.
Да что ты кричишь-то? ...

Михайло.
Давай десять цѣлковыхъ!

Степанъ Ѳедоровъ.
Да побойся хошь ты Бога-то ...

Михайло.
Мои деньги заглыздилъ, да еще стращаетъ!

Степанъ Ѳедоровъ.
Да не ори ты, не ори! ...

Михайло.
Давай денегъ! ... Ты смотри, съ кѣмъ я знакомство веду. Давай денегъ! ... скорѣй ...

Степанъ Θедоровъ.

Ахъ ты, пропади совсѣмъ! Нà вотъ ... О-охъ!

Михайло.

Мало; давай еще! ...

Степанъ Θедоровъ.

Сгинь ты совсѣмъ! (Выкидываетъ ему деньги.)

Михайло

(возвращается къ Леониду Константиновичу).

Вотъ деньги! (Показываетъ.) А мало, — еще будетъ. Гуляй теперь, ребята!

Леонидъ Константиновичъ.

А что въ карты-то умѣешь играть? ...

Михайло.

Нѣтъ, не умѣю, а въ орлянку, коли хошь, давай ...

Леонидъ Константиновичъ.

Неприлично бы мнѣ, да ну, давай ...

Михайло.

Кто хочетъ? Ставь конъ ... (Пьетъ вино.)

Степанъ Θедоровъ.

Пропадетъ онъ совсѣмъ ... Да хошь поскорѣе бы ... (Машетъ рукой.) Всю душу вытянулъ.

Леонидъ Константиновичъ.

Моя рѣшетка. Рубль.

Михайло.

Мой орелъ.

Леонидъ Константиновичъ.

Выигралъ.

Михайло (пьетъ).

Пять рублевъ. Рѣшотка ...

(Занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе третье.

Декорація 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Степанъ Өедоровъ (сидитъ у стола) и **Маремьяна** (на лежанкѣ).

Степанъ Өедоровъ
(выкладывая на счетахъ, качаетъ головой).

Разоритъ, совсѣмъ разоритъ, мошенникъ! Уложитъ онъ меня прежде времени. Слыхано ли дѣло, чуть не пятьсотъ рублей прогулялъ въ три мѣсяца? Высушитъ онъ меня, совсѣмъ высушитъ! А что̀ ты съ нимъ станешь дѣлать, съ разбойникомъ?

Маремьяна.

Отдай, отецъ, эти деньги, отдай ихъ, батюшка, кому слѣдованно, прошу я тебя ...

Степанъ Өедоровъ.

Ну, ты еще! Кому я ихъ отдамъ?

Маремьяна.

Да Алешунка говоритъ, навѣрно, говоритъ, эти денежки Кузьма Өедотычъ потерялъ ...

Степанъ Өедоровъ (сердито).

Отстань ты мнѣ, не говори не дѣло ... Коли бы Кузьма Өедотычъ экое мѣсто обронилъ, неужто

бы онъ искать не сталъ? Все пустякъ. И не говори мнѣ про это ...

Маремьяна.

Ну, такъ отдай ихъ въ судъ. Тамъ найдутъ чьи ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Въ судъ! Еще кто ни на есть чужой найдется, да скажетъ, что его, да моей корыстью поживится ... станетъ жить да пировать, а я смотри да, вмѣсто приволья, нужду терпи. Може, это кладъ намъ Богъ подалъ на наше счастье, а мы возьми да отдай, ровно и не надо ...

Маремьяна.

Охъ, пропадай онъ совсѣмъ, этотъ кладъ! На погибель онъ нашу намъ достался ... Да, на погибель. Смитри-ка, что̀ у насъ въ дому-то, что̀ за сумятица пошла. Экъ ли мы прежь того жили, безъ этого клада? Охъ, искушенье намъ это Божеское, а не счастье ... Правда, добрые люди говорятъ, что кладъ достается не отъ Бога, а отъ дьявола: его вражеское противъ нашихъ душъ наущеніе ... И руки-то жгутъ, говорятъ, эти денежки, и мы живы сгоримъ ... Вотъ только того и жду ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Полно, дура! И впрямь баба! Кабы мы ночью, да изъ земли вырыли, а то середь бѣла дня нашли. Знамо дѣло, что кто ни на-есть обронилъ ... да не ищетъ, такъ, значитъ, не надо ... И никакой намъ отъ этого нѣтъ погибели, а вся бѣда отъ одного Мишки, пропади онъ совсѣмъ! ...

Маремьяна.

Ну-ка, такъ вотъ, не дьявольское ли то наущеніе? Что съ парнемъ сдѣлалось? Таковъ ли онъ былъ?

Смотри-ка: по цѣлымъ недѣлямъ дома не живетъ, да все пьетъ ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Пусть его пьетъ: обопьется, скорѣй меня развяжетъ ...

Маремьяна.

Ну-ка, что ты! Про кого ты, про свое ли родимое дѣтище такія рѣчи говоришь? ... Ну-ка, не врагъ ли твоимъ языкомъ водитъ? ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Заговоришь! ... Нѣтъ, ужъ измаялся я съ нимъ ... Я ему добра хотѣлъ, я его хотѣлъ устроить, какъ лучше не надо ... Отецъ я ему али нѣтъ? ... А онъ супротивничать сталъ, изъ моей воли вышелъ, своей головой сталъ жить, да и меня хочетъ въ свои руки забрать ... Такъ нѣтъ еще, безъ моего родительскаго благословенія недалеко уйдетъ ... Хочетъ гибнуть, — и гибни ... Пошелъ противъ отца, значитъ, окаянный человѣкъ: и на землѣ ему мѣста не будетъ ... Сушитъ онъ меня, такъ самъ прежде меня высохнетъ, — обопьется, либо что ни на есть надъ собой сдѣлаетъ ... Не надо мнѣ его, гинь онъ по своей доброй волѣ ...

Маремьяна.

Батюшка, батюшка, Ѳедорычъ! Господь съ тобой! Помолись ты Господу-то: обуялъ тебя врагъ, обуялъ ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Не обуялъ! А никто не смѣй въ моемъ домѣ супротивъ меня говорить ... Я одинъ хозяинъ, одинъ голова. Я ихъ поилъ, кормилъ, одѣвалъ; я его выростилъ, а онъ грубить со мной вздумалъ, да не то, что онъ, а и жену свою научилъ, и та мнѣ проходу не даетъ, баба ... Такъ нѣтъ, я въ обиду

не дамся; я имъ отецъ, старикъ; у меня волосъ сѣдой, на плечахъ шестой десятокъ сидитъ ... Самъ въ себѣ я отъ него отрекся, въ своей душѣ ... Молитву о немъ забылъ творить, — вотъ онъ до чего меня довелъ ...

Маремьяна.

Такъ неужто тебѣ не жалко его? Своя, вѣдь, чай, кровь-то родная? ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Такъ не жалко, что ли, и есть ... А то и досадно: я може, ночи не сплю, да думаю, какъ бы его на путь наставить, а отъ него что вижу? Ровно лютый звѣрь какой на меня смотритъ, а я ему что̀, — какое худо сдѣлалъ?

Маремьяна.

А все это, батюшка, отъ твоихъ денегъ, все отъ нихъ ... и Мишанка нашъ гибнетъ ... Кабы ихъ не было, на что бы онъ сталъ пить? Да кабы не онъ ихъ нашелъ, неужто бы онъ смѣлости взялъ что нибудь говорить противъ своего отца родного? Все отъ нихъ, отъ этихъ денегъ окаянныхъ ... Развяжись ты съ ними: жили мы безъ нихъ, хошь небогато, да въ радости, а теперя, съ ними, что за жисть наша стала!

Степанъ Ѳедоровъ.

И то иной разъ подумаешь, что лучше, кабы ихъ и не было ... Да куда ихъ дѣнешь? Не бросить же зря ... А въ судъ представить ... Какъ я ихъ представлю, коли не всѣ? Около тысячи уже извели ...

Маремьяна.

Около тысячи? Эко мѣсто! А что въ дому прибыло? ... Такъ, видно, они, проклятыя, всѣ прахомъ и выдутъ, только Мишанку-то погубятъ, да

наши всѣ души во тьму кромѣшную приготовятъ... Охъ, прогнѣвался ты, Господи, на насъ грѣшныхъ! ...

Степанъ Ѳедоровъ.

И есть, надо бы съ ними развязаться ... (Въ раздумьи.) А сколько бы добра-то можно сдѣлать для себя съ экими деньгами, кабы дѣло-то умно повести... Чего бы, чего ... Ахъ, Мишанка, Мишанка! Супротивъ себя идетъ, противъ своего счастья ...

Явленіе второе

Тѣ же и Татьяна.

Татьяна (входя къ Маремьянѣ).

Гдѣ у те запертъ чай-то да сахаръ?

Маремьяна.

На что тебѣ?

Татьяна.

Ну, на что? Самоваръ наставила, чай хочу пить ...

Маремьяна.

Ахъ ты, бабочка, бабочка! Все у тебя въ головѣ-то чаи, да сахары, да наряды ... А то бы подумала, гдѣ вотъ мужъ-отъ, который день пропадаетъ!

Татьяна.

А отъ кого пропадаетъ? Кто виноватъ? Все вы. Ограбили, грабители этакіе, такъ поневолѣ гуляетъ, съ горя ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Кто тебя ограбилъ, дура? Что городишь?

Татьяна.

Кто ограбилъ? Ты — вотъ кто!

Степанъ Өедоровъ.

Я? ... А кто его выпоилъ, да выкормилъ? Кто васъ обоихъ кормилъ до сей поры? а?

Татьяна.

Эка еще что выдумалъ! Отдай деньги-то, такъ мы, пожалуй, тебѣ заплатимъ за прокормъ-то ...

Степанъ Өедоровъ.

Ты со мной считаться вздумала ... со мной? ... А то позабыла, что я тебя чуть не нищую за Мишанку-то взялъ? Видала ли дома-то ячной колобъ, не то, что пшеничнаго пирога? ...

Татьяна.

Нечего меня нищей-то корить. Самъ воръ, сына роднаго обобралъ — вотъ что! ...

Степанъ Өедоровъ (съ гнѣвомъ).

Воръ? Да какъ ты смѣешь говорить-то мнѣ этакъ? Да кому ты говоришь-то? Свекоръ ли я тебѣ, али нѣтъ? Старику ли ты говоришь, али своей сестрѣ, бабѣ, а? (Бьетъ по столу кулакомъ.) Да что я вамъ, на поруганье, что ли, я вамъ дался и самъ дѣлѣ? Да кто смѣетъ противъ меня говорить въ моемъ домѣ? Вонъ изъ моего дома и съ мужемъ-то, чтобъ духу вашего здѣсь не было, вонъ! И благословенья вамъ моего нѣтъ ...

Татьяна.

Да уйдемъ и безъ него, только деньги-то отдай.

Степанъ Өедоровъ.

Деньги отдай? Нѣтъ, я ихъ скорѣе сожгу, въ воду брошу, нечѣмъ вамъ отдать, коли вы такъ противъ меня пошли.

Татьяна.

Такъ вѣдь и судъ на тебя найдемъ. Что̀ больно раскудахтался? Сожжешь! Не сожжешь, скаредъ этакой! ...

Маремьяна.

Полно, дѣвка! Что ты и самъ-дѣлѣ? Старикъ, вѣдь, чай, отецъ тебѣ называется.

Татьяна.

Отецъ! По-отцовски и дѣлаетъ! Старикъ! Хорошъ старикъ!

Степанъ Ѳедоровъ (съ бѣшенствомъ).

Вонъ, вонъ! (Толкаетъ ее.)

Татьяна.

Да что ты, мучитель, убить, что ли, ты меня хочешь? Погоди, вотъ Мишуха пріѣдетъ! Онъ тебѣ дастъ драться!

Степанъ Ѳедоровъ.

Мишуха ... мнѣ .. онъ надъ мной волю беретъ, больше меня хочетъ быть. (Со стиснутыми зубами и сжатыми кулаками.) Баба! ... я тебя въ самъ-дѣлѣ убью, своими руками убью ...

Татьяна.

Только отъ тебя ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Молчи! Чтобъ духу твоего не слыхалъ, а то худо будетъ! Я надъ собой неволенъ ... (Замахиваясь на нее.) Только слово одно скажи ... (Татьяна начинаетъ громко всхлипывать.)

Маремьяна (съ испугомъ).

Батюшка, Ѳедорычъ, что ты! ... ну, что ты! ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Не говори, никто теперь со мной не говори! Что-о? Я самъ себѣ не властенъ? Надо мной сынъ большой ... Да что я? Али ужъ изъ ума вышелъ совсѣмъ? али ужъ у меня руки опустились, ноги не ходятъ? Нѣтъ еще, стой! Я васъ сокращу ... я въ

домѣ одинъ, я ... моя воля! Умру, тогда командуйте, а теперь нѣтъ ... Никто у меня моей воли не сниметъ ... (Входитъ Алексѣй.)

Явленіе третье.

Тѣ же и Алексѣй.

Алексѣй (вбѣгая впопыхахъ).

Батюшка! а батюшка! ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Ну, что еще?

Алексѣй.

Деньги-то, вѣдь, навѣрняка, Кузьма Ѳедотычъ обронилъ ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Пошелъ ты! Будетъ тебѣ городить! ...

Алексѣй.

Батюшка, навѣрняка ... Сейчасъ сказывалъ ...

Степанъ Ѳедоровъ (блѣднѣя, поспѣшно).

Кто сказывалъ?

Алексѣй.

А Андрюха, старостинъ сынъ.

Степанъ Ѳедоровъ
(блѣднѣя еще болѣе).

А онъ по чемъ знаетъ? ...

Алексѣй.

А онъ въ городъ сѣдока везъ ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Ну? ...

Алексѣй.

Ну, они и разбаялись ...

Степанъ Өедоровъ
(съ возрастающимъ волненіемъ).

Ну? ...

Алексѣй.

Ну, сѣдокъ-отъ и говоритъ, что вотъ, говоритъ, по этой дорогѣ, нашъ, говоритъ, братъ, купецъ, ѣхалъ недавно, да пятьдесятъ, чу, тысячъ обронилъ.

Степанъ Өедоровъ.

Такъ, можетъ, не Кузьма Өедотычъ?

Алексѣй.

Кузьма Өедотычъ, какъ же! Андрюха-то и спросилъ, какой же, молъ, такой, этотъ купецъ, а сѣдокъ-отъ и говоритъ, что Кузьма-то Өедотычъ. Андрюха-то и говоритъ: оченно, молъ, мы знаемъ его ...

Степанъ Өедоровъ
(въ сильномъ смущеніи).

А не знаетъ онъ, гдѣ потерялъ-то? Ничего Андрюха-то не говорилъ? ...

Алексѣй.

То-то не знаетъ ... Да ужъ я очень обрадовался, какъ вздумалъ, что мы-то нашли, что мы-де сейчасъ ему отдадимъ ...

Степанъ Өедоровъ
(перебивая его, съ скрытымъ гнѣвомъ и безпокойствомъ).

А ты сказалъ, что мы нашли-то? ...

Алексѣй.

Нѣтъ, я сказать-то не сказалъ. Ты не велѣлъ ... А ужъ больно обрадовался, да скорѣе бѣжать къ тебѣ ...

Маремьяна.

Ну, вотъ, слава те, Господи! Теперь знаемъ чьи...

Алексѣй.

Батюшка, теперь, чай, тотчасъ пошлешь ихъ ...

Степанъ Өедоровъ (съ досадой).

Молчи, не твое дѣло ...

Маремьяна.

Ну, какъ не послатъ? Неужто Кузьмы Өедотыча деньги затаимъ? ... Добрый старикъ! ... да, добрый! Какъ можно его денежками попользоваться? ...

Степанъ Өедоровъ

(послѣ глубокой думы и скрываемой внутренней борьбы, къ Татьянѣ)

Чтò, супротивники? Чтò, ослушники? Чтò? Вы теперя станете мнѣ супротивничать, какъ я деньги-то отошлю? ... Чтò? Станете вы мнѣ грубить, да изъ моей воли выходить?

Татьяна.

Такъ что? Отошли. Кузьма Өедотычъ Мишухѣ награду дастъ. Онъ деньги-то нашелъ, не ты ...

Степанъ Өедоровъ.

А! такъ ты думаешь: Кузьма Өедотычъ такой человѣкъ, что онъ отдастъ деньги Мишанкѣ, мимо меня? Нѣтъ! А вотъ я хотѣлъ вамъ добро сдѣлать, да устроить васъ, какъ быть слѣдуетъ людей, а теперь, за ваше непокорство, я ничего вамъ не дамъ; какъ работники будете у меня жить ... на хлѣбѣ, да на водѣ ... Я выжму изъ васъ тѣ денежки ... А сколько вы мнѣ скорби-то, да муки-то, да поношенья-то принесли, такъ я вамъ вѣкъ этого не забуду, вѣкъ вы мнѣ этого не заслужите ... (Хочетъ идти.) Пошла сейчасъ, принимайся за работу! Будетъ ужъ тебѣ, погуляла! (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же безъ **Степана Өедорова.**

Татьяна (садится на кровать).

Вотъ тебѣ и денежки наши! ... (Всхлипывая.) Вотъ тебѣ и наше богачество! ... Экой отецъ, экой родитель! Не отецъ — ворогъ своимъ дѣтямъ!

Маремьяна.

Полно-ко, дура! Ты бы радовалась, да Богу молилась, что Господь освобождаетъ отъ экого зла ... отъ настоящаго зла ... отъ бѣды неминучей. Не будетъ этихъ денегъ вражескихъ, — и мужъ къ тебѣ воротится, а останутся они, — и онъ совсѣмъ сгинетъ, мужа-то потеряешь ... Вотъ я тебѣ, мать, говорю ...

Татьяна.

Да, мать! Хороши вы родители ... матушка съ батюшкой, хороши! И награду-то, говоритъ, себѣ возьму, — вотъ онъ каковъ! ...

Алексѣй.

Онъ не обидитъ, батюшка; только его слушай ...

Татьяна.

Пошелъ ты, дурень! ... Не отсохъ у тебя языкъ-отъ. Прибѣжалъ, да сказываетъ ... Какъ умное что̀ сказать, такъ нѣтъ, а тутъ прибѣжалъ, ровно съ цѣпи, да разсказываетъ тоже, точно его спрашивали ..

Алексѣй.

Такъ не сказать, что̀ ли? ...

Татьяна.

Дастъ тебѣ Мишуха-то, погоди, дай срокъ! ... (Всхлипывая.) Вотъ тебѣ и денежки! ... Вотъ тебѣ и салопъ! ... Вотъ тебѣ и купчиха!

Маремьяна.

Полно-ка ты, дура и есть. Захотѣла салопа ... И въ шубѣ ходимъ, не хуже тебя на свѣтѣ живемъ! ...

Явленіе пятое.

Тѣ же и **Михайло** (въ шинели, довольно затасканной, съ кошачьимъ воротникомъ; въ рукахъ бутылка съ виномъ.)

Михайло (входя съ шумомъ).

Кто тутъ есть? Ступайте вонъ! Ко мнѣ гость пріѣхалъ ... дорогой гость! ... Эй, ты, жена, убогая, грѣй самоваръ!

Татьяна.

Что̀ орешь-то? Что̀ орешь-то? Гдѣ пропадалъ эко мѣсто? ...

Михайло.

Гдѣ пропадалъ? Такъ неужто я около тебя стану сидѣть? ... Нѣтъ, я лучше тебя десять найду ... (Хохочетъ.)

Маремьяна.

Что ты? Что ты?

Михайло.

А что? Такъ неужто мнѣ съ экой дрянью водиться? ... Нѣтъ, у меня пріятель есть: онъ мнѣ такихъ подыскалъ ... Милашки! Маданы—вотъ какъ называются!

Татьяна (завывая).

Горькая моя доля! ... Злодѣй ты этакой! Разбойникъ! Губитель злой! ...

Михайло.

Ну, что̀ еще? Пошла вонъ! Выть стала! ...

Маремьяна.

Да что ты и взаправду? Что ты? Видно, ужъ у тебя тутъ-то помутилось? ... (Показываетъ на голову.) Что еще за поняву надѣлъ? (Алексѣй хохочетъ.)

Михайло.

Понява? Ахъ, ты! (Къ Алексѣю.) Чему хохочешь? Не видывалъ? Это штука французская ... пятьдесятъ рублей заплатилъ и то только по-пріятельски уступилъ дружокъ, а она два ста стòитъ — вотъ какая штука! ... важная! ... дорогого стòитъ ... (Алексѣй хохочетъ.) Чему зубы-то скалишь? Еще и весь по-хранцузски одѣнусь, вотъ тогда ты и смотри на меня: баринъ буду настоящій ... Это мнѣ все дружокъ предоставитъ ...

Алексѣй (со смѣхомъ).

Да, французскій баринъ.

Маремьяна.

Да еще своруешь что, али смошенничаешь съ дружкомъ-то со своимъ ... съ экоимъ ...

Михайло.

Погоди, онъ сейчасъ прійдетъ. Вотъ вы и смотри, каки у меня дружки ... А мы все съ нимъ въ городѣ были, такъ тамъ у насъ знать-то какая была, самая самолучшая: все изъ приказнаго званія, изъ благороднаго ... А вотъ эту штуку видали ли? А? (Показываетъ бутылку.) Знаете ли, какое вино-то? А? (Хохочетъ.) То-то, не знаете! ... Вино иностранное: ромъ ямайской называется, съ чаемъ пьютъ! ... По два цѣлковыхъ бутылка ... клопомъ пахнетъ ... вотъ кака штука! ... вотъ мы какое винцо-то пьемъ: не всякой и скусъ-то въ немъ знаетъ ... Вотъ мы каковы! А все отчего? Оттого, что капиталъ свой имѣемъ. Гдѣ батька-то? Мнѣ еще сто рублёвъ надобно: въ городѣ загулялъ ...

Татьяна.

Да, поди, дастъ онъ тебѣ сто рублевъ, разбойнику экому...

Алексѣй.

Да ужъ онъ, брательникъ, деньги-то къ Кузьмѣ Ѳедотычу хочетъ отослать...

Михайло.

Какъ къ Кузьмѣ Ѳедотычу?...

Алексѣй.

Да какъ же? Деньги-то онъ обронилъ. Мнѣ Андрюха навѣрняка сказалъ...

Михайло.

Такъ кто ему дастъ? Деньги мои... Я нашелъ...

Татьяна.

Да еще говоритъ: отошлю, да что и награды-то дастъ Кузьма Ѳедотычъ, все себѣ возьму, а тебѣ вотъ и гроша не достанется. Поди, гуляй!

Михайло (съ азартомъ).

Такъ коли отдавать, такъ я самъ отдамъ, себѣ и награду возьму... Я нашелъ—никто не смѣетъ...

Маремьяна.

Полно ты, полно, дитятко, Мишанка! Подумай. Вотъ ужъ съ деньгами-то до чего догулялъ, отъ жены сталъ отрекаться?... Какъ тебѣ деньги въ руки дать? Ты совсѣмъ сгинешь. Лучше проси-ка у отца прощенья, да отдайся на его волю. Онъ лучше для тебя сдѣлаетъ, для твоей же пользы, нечѣмъ ты самъ...

Михайло (съ бѣшенствомъ).

Какъ? Чтобъ я изъ-за своего добра да сталъ кланяться, да покоряться?... У меня своя голова, свои деньги, своя и воля... знать никого не хочу...

Будетъ ужъ! Пожилъ я подъ началомъ; самъ собой хочу жить... Надо мной вонъ и пріятели смѣются, что я до тридцати лѣтъ не своей головой живу...

Алексѣй (лукаво).

Пожилъ и своей головой цѣлыхъ три мѣсяца... Новые наряды завелъ, да ни разу рожи не перекрестилъ...

Михайло.

Какъ ты смѣешь со мной говорить, дурацкая шабала?... Это ты сказалъ, что деньги Кузьмы Ѳедотыча? А?.. Тебя спрашивали?... (Бросается на н го.)

Маремьяна (преграждая ему дорогу).

Что ты, озорникъ, буянишь? Драться, что ли, хочешь?...

Михайло (кричитъ).

Пусти... Я его прибью... (Входитъ Леонидъ Константиновичъ.)

Явленіе шестое.

Тѣ же и Леонидъ Константиновичъ.

Леонидъ Константиновичъ (входя).

А, хорошенько ихъ!... (Хохочетъ.)

Михайло (увидя его).

А, здорово, дружокъ... (Обращаясь къ прочимъ, указываетъ на Леонида Константиновича.) Вотъ, смотри, съ какимъ народомъ дружбу веду... А вы меня учить вздумали!... Пошли всѣ вонъ! Вамъ здѣсь не мѣсто съ нами быть.

Маремьяна.

Что ты и мать родную гонишь?

Татьяна.

Ужъ что ему мать? И жены не надо съ экими дружками...

Леонидъ Константиновичъ.

Такъ это, братъ, твоя жена? Хороша! (Хохочетъ.)

Татьяна.

Что ты зубы-то скалишь, разбойникъ? Видно, ты его экимъ фокусамъ-то учишь... Тьфу вамъ! Уйти отъ васъ! (Уходитъ.)

Маремьяна.

Экой безстыжій: въ чужой домъ пришелъ, да ужъ и зубы скалитъ, ничего не видя!

Алексѣй.

Экихъ бы въ шею...

Михайло.

Да что вы и самъ-дѣлѣ? Пошли вонъ!... Онъ мой дружокъ.

Леонидъ Константиновичъ (Михайлу).

И видно, братъ, что ты мужикъ и вся твоя родня мужицкая, дурацкая, — не знаютъ обращенія, какъ принять гостя.

Маремьяна.

Знаемъ мы, какъ принимать-то дорогихъ гостей, да не экихъ... А ты равно нехристь какой, ностранецъ какой ненашенскій...

Леонидъ Константиновичъ.

Ахъ, дура невоспитанная! Думаетъ, что обиду мнѣ сдѣлала или оконфузила... Ты бы посмотрѣла на настоящихъ-то иностранцевъ, такъ позавидовала бы, что я на нихъ похожъ, а твои дѣти экіе вотъ неотески. (Указываетъ на Алексѣя.)

Алексѣй.

Ну, коли всѣ ностранцы таковскіе, какъ ты, такъ зависти, парень, немного: и самъ-то кургузый, да и совѣсти-то нѣтъ... (Хохочетъ.)

Леонидъ Константиновичъ (Михайлу).

Да гдѣ, братъ, ты этакой политикѣ учился гостей принимать? ... А еще, не безъ чего, такихъ гостей, какъ я, въ гости зовешь! ...

Михайло.

Подите же вонъ, а не то честью прогоню, коли не знаете обращенія...

Алексѣй.

Экихъ бы гостей не то что звать, а по шеямъ надо гонять. (Идетъ къ дверямъ.)

Михайло.

Алеха! ... (Бросается къ нему.)

Леонидъ Константиновичъ
(останавливая Михайла).

Погоди! (Алексѣю.) Я вотъ знаю, что ты дуракъ, а ты знаешь ли, съ кѣмъ говоришь — а? Дуракъ!

Алексѣй.

Какъ не знать: халуй ты нѣмецкій — вотъ кто! Подемъ, матушка...

Маремьяна.

Погоди, я вотъ отцу скажу, что ты мать родную изъ свово дома выгналъ. Пусть онъ тебя путемъ поучитъ... Экихъ друзей-пріятелей завелъ хорошихъ! (Хочетъ идти.)

Леонидъ Константиновичъ.

Улепетывайте-ка, улепетывайте! ...

Алексѣй (Леониду Константиновичу).

Я бы вотъ-те показалъ, какъ вашу братью по шеямъ проводятъ, кабы не старшой братъ съ тобой связался... Да вотъ погоди, батюшка тебѣ покажетъ дорогу! (Уходитъ вмѣстѣ съ Маремьяной.)

Явленіе седьмое.

Леонидъ Константиновичъ и Михайло.

Леонидъ Константиновичъ.

Что-жъ, братъ, отецъ-отъ буянить, что ли, будетъ? ... Я, вѣдь, спуску не дамъ...

Михайло.

Никто не смѣетъ тебя тронуть,—мой гость.

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, ужъ, братъ, семейка! Въ какомъ невѣжествѣ живете... Мужики, мужики и есть! А еще въ гости зовешь этакихъ людей... Мы, братъ, къ этакому обхожденію не привыкли... Мы, братъ, привыкли быть на тонкомъ обращеніи, да на политикѣ... Коли къ тебѣ гость пришелъ, такъ ты хорошее угощеніе приготовляй, а не то, что этакой конфузъ...

Михайло

(сидитъ у стола, опершись на него локтями и опустивъ на руки голову).

Угощеніе у насъ приготовлено... А что дѣлать, коли въ этакой оказіи засталъ? ... Во всякой семьѣ бываетъ... не безъ того...

Леонидъ Константиновичъ.

Ахъ ты, ты! И видно, что у тебя нѣтъ понятій-то. Ничего ты не видалъ, ничего не знаешь! А ты спроси, какъ въ нашихъ мѣстахъ бываетъ, кто понимаетъ политику-то хорошую... Что̀ бы у тебя тамъ въ домѣ ни было, а коли гость приходитъ къ тебѣ, сейчасъ все старайся скрыть, да показать, что ты живешь въ полномъ утѣшеніи, — и никто тебѣ слова не смѣетъ сказать...

Михайло.

Эхъ, показалъ бы я тебѣ все, да... ну! (Машетъ рукой.)

Леонидъ Константиновичъ (насмѣшливо).

Да что? ... Вотъ у тебя бутылка на столѣ стоитъ, а и стакана-то не поставлено изъ чего пить-то? ...

Михайло.

Вонъ тамъ, въ шкапу, есть стаканы-то. Возьми самъ...

Леонидъ Константиновичъ.

Вотъ тебѣ! Самъ гость и за стаканомъ-то иди... (Хохочетъ.) И подать-то порядкомъ не умѣете, не знаете, что все на подносахъ подается... Эхъ вы, сиволапые, право! ... (Встаетъ, идетъ къ шкафу и вынимаетъ стаканъ.) Зачѣмъ вы на свѣтѣ-то живете — понять я этого не могу... (Возвращаясь къ столу, осматриваетъ комнату съ насмѣшливой улыбкой.) Вотъ какая великолѣпная комната! Какъ вы въ этакой гадости живете-то... Пусть бы не на что было выстроить хорошенькій домикъ, а то хвастаетъ, что тысячи есть...

Михайло (бьетъ кулакомъ по столу).

Какія у меня тысячи! ... Ничего у меня нѣтъ, ничего! ... Нищій я, хуже нищаго! ... На томъ хоть рубаха своя, а на мнѣ и та чужая! ... Охъ, лучше бы, кажется...

Леонидъ Константиновичъ (насмѣшливо).

Что такъ вдругъ? ... Подай же штопоръ-то... Надо, чай, откупорить бутылку-то... Али и штопора-то нѣтъ? ...

Михайло.

Какой те къ чорту штоперъ? ... (Схватываетъ бутылку и о столъ отбиваетъ у нея горлышко.) Вотъ ее какъ! ...

Леонидъ Константиновичъ.

Да, это съ форсомъ! Только вина-то много расплескалъ, а, вѣдь, поставилъ-то не больно много,

всего-то одну бутылочку... (Наливаетъ стаканъ.) Что жъ ты? Гдѣ жъ твои тысячи-то? А?...

Михайло.

Гдѣ? Слушай: другъ ты мнѣ, али нѣтъ?

Леонидъ Константиновичъ.

А вотъ, братъ, что я тебѣ скажу. Коли ты будешь перенимать во всѣхъ понятіяхъ, да подражать съ моихъ словъ, что я тебѣ говорю, да коли у тебя есть что за душой, чтобъ съ нашимъ братомъ знакомство имѣть,—такъ я тебѣ другъ, а съ голью, да съ нищимъ... мы не такіе, братъ, люди, знакомство вести... Я потому тебя только и обласкалъ, что вижу добрый парень, можешь имѣть понятіе, коли тебя научить уму (пьетъ).

Михайло (пьетъ вслѣдъ за нимъ).

Такъ научи ты меня! Ты всего много видалъ, по разнымъ городамъ ѣздилъ, все знаешь...

Леонидъ Константиновичъ.

Да ну, говори... (Пьетъ.) Что такое?

Михайло (пьетъ).

Вотъ какое дѣло...

Леонидъ Константиновичъ.

Да вели же самоваръ-отъ поставить... Что мы такъ-то... Хоть бы пунштикъ выпить...

Михайло.

Погоди ты... дай ты мнѣ тебѣ все сказать... ты не знаешь, какое это дѣло... Еще помѣшаютъ...

Леонидъ Константиновичъ.

Да ну, ну...

Михайло.

Ты думаешь, у меня какія деньги? Я вѣдь ихъ нашелъ...

Леонидъ Константиновичъ.

Нашелъ?

Михайло.

Да; да сколько денегъ-то?... Куча... Бумажки, да все сотельными...

Леонидъ Константиновичъ.

Гдѣ-жъ они у тебя?

Михайло.

То-то и дѣло, что не у меня, а у батьки: онъ у меня ихъ отнялъ... Да теперь хозяинъ нашелся, такъ хочетъ отдать.

Леонидъ Константиновичъ.

Такъ ты по всему, братецъ, закону третью часть получишь...

Михайло.

Какъ же! Не получишь... Ты думаешь, отецъ-отъ отдастъ мнѣ ихъ, что ли? И въ друго-то время не отдалъ бы, а теперь и подавно, потому сердитъ, что вотъ я пилъ, да гулялъ, да противъ него грубилъ ...

Леонидъ Константиновичъ.

Да можетъ ли онъ у тебя отнять, коли это твоя полная собственность?

Михайло.

Такъ что̀ ты съ нимъ сдѣлаешь? ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ахъ, ты, глупый ты человѣкъ! ... Такъ неужели онъ на то тебѣ данъ, чтобы тебя обирать, да на твоей спинѣ ѣздить и твоими руками жаръ загребать? ... Да ты слушай. Что̀ ты мнѣ дашь, коли я тебя научу, да еще помогу, ка̀къ все это дѣло сдѣлать и денежки свои всѣ цѣликомъ получить ...

Михайло.

Что̀? Тысячу дамъ ... Двѣ дамъ.

Леонидъ Константиновичъ.

Двѣ? Нѣтъ, мало ... А хочешь десять, такъ та̀къ ...

Михайло.

Жертвую! Говори.

Леонидъ Константиновичъ.

Да что торговаться! ... Я для тебя все сдѣлаю, всему научу, только ты, какъ получишь деньги, поѣдемъ вмѣстѣ со мной. Я тебя туда повезу, то̀ покажу, чего ты отъ роду не видалъ ... да безъ меня никогда и не увидишь ... потому весь ты во всемъ мужикъ, и приличія нѣтъ въ тебѣ никакого ... Вотъ что̀, бывалъ ли ты въ столицахъ, видалъ ли ты, ка̀къ тамъ живутъ? ... Вѣдь ничего не знаешь ... Да и гдѣ тебѣ знать! ... А вотъ я тебѣ разскажу, что̀ это тамъ за жизнь такая. Дома̀ тамъ все каменные, да какіе? Какихъ тебѣ и во снѣ не снилось. Иной этажей въ десять вытянулся ...

Михайло.

Въ десять?

Леонидъ Константиновичъ.

Да̀, и больше бываетъ ... Улица иная верстъ на шесть одна тянется ... Да вотъ видалъ ты вашу ярманку, сколько народа на ней бываетъ?

Михайло.

Ну, да какъ не видать. Ярманка большая, народу много бываетъ ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, такъ тамъ кажный день по улицамъ въ десять разъ народу-то больше ходитъ ... Да какой народъ-то! Не то, что вотъ вашъ братъ, мужикъ

сиволапый, въ кафтанѣ, а народъ все нарядный, богатый, все въ пальтахъ да въ шляпахъ. Тамъ не то, что купецъ, а и вашъ братъ, мужикъ, попадетъ, да поумнѣе, такъ постыдится въ своемъ зипунѣ показаться, потому совѣстно, неприлично, а старается, какъ никакъ бы, на иностранную ногу встать, заграничную ... чтобъ настоящимъ быть человѣкомъ, а не то, что какимъ русакомъ неотёсаннымъ ... Потому, коли ты прилично одѣтъ, тебѣ во всякое мѣсто дорога открыта, куда угодно ... Пріѣзжай ты вотъ какъ есть теперь въ трактиръ, тебя не пустятъ въ благородную комнату, а я вотъ такъ прямо пойду, и половой мнѣ служитъ все-равно, что какому барину, только бы деньги были ... еще ваше сіятельство назоветъ ...

Михайло.

Ну, братъ, ты, Ленидъ Константинычъ, полно!

Леонидъ Константиновичъ.

Да я сколько разъ въ собраніи съ барышнями танцовалъ ... Подойдешь: пермете! ... И пойдетъ сейчасъ ... Да что тебѣ это разсказывать, ты этого не поймешь ... Ты знаешь ли, что̀ такое театръ-то?

Михайло.

Это вотъ кіатръ, что комедіи приставляютъ? Знаю!

Леонидъ Константиновичъ.

Ахъ ты ... кіатръ ... знаю, говоритъ ... Ишь ты, у тебя языкъ-то точно изъ осины вырубленъ ... Гдѣ тебѣ знать! ...

Михайло (нѣсколько обидясь).

Такъ что? Точно знаю ... У насъ въ городѣ есть ... Я былъ ...

Леонидъ Константиновичъ.

Эхъ ты! У васъ въ городѣ!.. Развѣ этакіе бываютъ настоящіе театры?.. Въ столицѣ теперь

народу-то тысячъ десять въ театрѣ-то усядется, — вотъ онъ какой! Да свѣтло ли на небѣ солнце?.. Такъ тамъ зажгутъ, такая сдѣлана лампа, впятеро солнца-то свѣтлѣе, да и больше его впятеро ...

Михайло.

Больше? ... Мнѣ, дружокъ, одинъ сѣдокъ сказывалъ, везъ я его, что солнце-то, чу, всей-то земли нашей больше ...

Леонидъ Константиновичъ

(хохочетъ громко и продолжительно).

Вамъ, дуракамъ сиволапымъ, пожалуй, что хочешь скажи, вы всему повѣрите ... Экъ брякнулъ: солнце земли больше ... Ха, ха, ха! ... Ты вотъ не бывалъ дальше своего города, такъ и думаешь, что земля-то вся съ капустный кочень, а какъ бы ты побывалъ, какъ я, въ разныхъ-то городахъ, такъ и увидѣлъ, велика-ли земля-то, — глупый ты человѣкъ! Вотъ бы этакъ въ какой ученой компаніи брякнулъ ... (Хохочетъ.) А ты лучше меня слушай, вотъ что я тебѣ скажу, что въ театрѣ-то бываетъ... Тамъ есть этакое представленіе ... балетъ называется, вотъ такъ штука. Выходятъ штукъ пятьдесятъ мамзелей этакихъ, красавицы такія, что ... ну ужъ ... не то, что твоя жена ... и всѣ, братецъ, какъ есть ... (Подмигиваетъ глазомъ.)

Михайло.

Какъ?

Леонидъ Константиновичъ.

Ну какъ? ... Какъ есть ... тебѣ говорятъ, въ своемъ видѣ...

Михайло.

Передъ народъ-отъ? Ну, ужъ это ты врешь, не повѣрю. На смѣхъ меня пустить хочешь ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, вотъ! Всю правду тебѣ говорю ...

Михайло.

Гдѣ же у нихъ совѣсть-то, стыдъ-отъ? ... (Пьетъ.) Что же онѣ дѣлаютъ-то?

Леонидъ Константиновичъ.

Танцы разные танцуютъ ... Да какъ танцуютъ-то? ... Не то, что вотъ ваши бабье русскія, дуры: ходятъ да изъ подъ ручки смотрятъ ... А всѣ встали на одну ножку, да такъ и стоятъ ... А послѣ начнутъ ручками дѣлать, да къ себѣ манить ... такъ, такъ бы другой разъ къ нимъ и соскочилъ сверху-то.

Михайло (почесываясь).

Соскочилъ-бы и есть! Надо быть, шибко хорошо ... Эхъ посмотрѣлъ бы ... кажется, и не вышелъ бы ... Эко что ... и самъ дѣлѣ ... (Хохочетъ.) Пра, важно, какъ подумаешь! Не ушелъ бы отъ нихъ ни за что ...

Леонидъ Константиновичъ.

Что, братъ, видно, разобрала охота посмотрѣть?

Михайло.

У-у! ... А, вѣдь, вотъ ты, что значитъ ... вѣдь, прежде, какъ этакъ раздумаешься, вѣдь ничего этого и въ голову не приходило, а думаешь: чѣмъ мнѣ не жисть, да коли бы денегъ-то побольше, такъ завелъ бы себѣ постоялый дворъ, да и жилъ бы паномъ ... ростилъ бы дѣтокъ ... да рядилъ жену ... да ѣлъ сладко ... чего, молъ, больше? ... А оно вонъ штука-то какая выходитъ, вотъ что еще есть на свѣтѣ ... А про жену-то думалъ, что и на свѣтѣ-то ея лучше нѣтъ, право! ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ха, ха, ха! Ну, ужъ нечего сказать, хороша!... Да этакимъ то тамъ и показываться то не велѣно. Тамъ, которая, то есть хуже-то всѣхъ, такъ красавица противъ твоей-то жены ... Тебѣ, этакому молодцу, и водиться-то съ этакой дрянью стыдно.

Михайло.

Что, другъ, дѣлать-то?... Ужъ вь законѣ, такъ должонъ водиться ...

Леонидъ Константиновичъ.

Должонъ?... Вотъ глупость-то что значитъ ... Уѣхалъ отъ нея — да и вся недолга ... Неужто ты изъ-за нея и не долженъ такъ жить, какъ другіе люди живутъ, да всѣмъ насладиться?...

Михайло.

А что и есть? ... Убѣжалъ бы, кажись, отъ нея. Больно она мнѣ что-то не по душѣ стала. Вотъ объ этихъ дняхъ особливо, какъ примется ругаться, али ревѣть, такъ ахъ, кажется бы .. Эхъ, кажись, кабы деньги, всего бы этого насмотрѣлся, всякое бы себѣ удовольствіе получилъ, да такихъ бы лошадей тамъ себѣ накупилъ, что земля бы подо мной дрожала ... Просто, неси вихорь-атаманъ ... разнеси ты мои косточки! ...

Леонидъ Константиновичъ.

Такъ хочешь, все это тебѣ покажу, всякое удовольствіе доставлю, только достань у отца деньги, какъ научу, — отдай мнѣ половину да и поѣдемъ вмѣстѣ ...

Михайло.

Все сдѣлаю, только научи, какъ ихъ достать; а онъ, смотри, коли сказалъ, завтра же ихъ и повезетъ къ тому купцу ...

Леонидъ Константиновичъ.

Да гдѣ у отца деньги-то?

Михайло.

Гдѣ? Завсегда на себѣ носитъ ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, ты отвѣчай мнѣ, твои ли деньги?

Михайло.

Извѣстно, мои ... (Пьетъ.) Что жъ? точно деньги мои. Я нашелъ.

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, такъ коли онъ у тебя твои деньги отнялъ, можешь ты ихъ назадъ у него взять?

Михайло.

Извѣстно, могу ...

Леонидъ Константиновичъ.

Ну, такъ вотъ и дѣло все. Подстережемъ его вмѣстѣ, да и отнимемъ деньги ...

Михайло.

Такъ что и есть ... Отнимемъ ...

Леонидъ Константиновичъ

Отнимемъ, да и покатимъ сейчасъ по разнымъ столицамъ ... Бороду ты сбреешь, волосы обстрижешь, одѣнешься, какъ слѣдуетъ, по-нашему, — никто тебя и не узнаетъ ... А ужъ я тебѣ все покажу, все ... увидишь такія чудеса, какихъ и во снѣ тебѣ не снилось ... Только ужъ надо тотчасъ ѣхать, какъ деньги получимъ; а жену-то надо бросить.

Михайло.

Жену?.. а дѣтки какъ же?

Леонидъ Константиновичъ.

Дѣтки у отца останутся ... Такъ неужели тутъ о дѣтяхъ думать, коли тамъ такія удовольствія получишь... коли человѣкомъ сдѣлаешься?

Михайло.

Ну, пропадай они совсѣмъ... Проживутъ и безъ меня; а я, по крайности, ужъ такъ гульну, что небу жарко будетъ... Ухъ, какъ я разгуляюсь-то! Бѣда! Всякихъ чудесъ насмотрюсь, всякой радостью нарадуюсь, что ни на есть на свѣтѣ, все произойду ... Эхъ, кажется бы, только до денегъ добраться ... А это насчетъ маданъ разныхъ хранцузскихъ... ничего не жаль, только, чтобъ ласки оказывали... Вотъ только, какъ бы намъ денежки-то подтибрить...

Леонидъ Константиновичъ.

Да гдѣ отецъ-то твой спитъ по ночамъ?..

Михайло.

Да больше все вотъ здѣсь ...

Леонидъ Константиновичъ.

Такъ чего лучше?.. А запирается?

Михайло.

Какъ, чай, не запираться ... Всегда на крюку...

Леонидъ Константиновичъ.

Такъ отломи скорѣй крюкъ ... (Входитъ Алексѣй.)

Явленіе восьмое.

Тѣ же и Алексѣй.

Алексѣй

(поспѣшно входя къ Михайлу).

Гдѣ у те Савраска-то?.. Его, вѣдь, нѣтъ въ саняхъ-то ...

Михайло.

Знаю, что нѣтъ...

Алексѣй.

Такъ гдѣ же онъ у тебя?

Михайло.

А тебѣ что за дѣло?.. Ты что̀ пришелъ еще?

Алексѣй.

Да, какъ что? Батюшка увидалъ, что Савраски-то нѣтъ, спрашиваетъ, гдѣ?..

Михайло.

Гдѣ?.. А сказать тебѣ гдѣ?.. Продалъ — вотъ и все ...

Алексѣй
(съ испугомъ и огорченіемъ).

Продалъ? Савраску-то продалъ?..

Михайло.

Да, продалъ... Захотѣлъ, такъ и продалъ ... Тебя, что ли, стану спрашивать, дурака?..

Алексѣй.

Такъ что ты? да какъ же ты?.. Савраску-то ... этакую лошадь, что во всей деревнѣ нѣтъ такой ... (Почти со слезами.) Разбойникъ ты этакой ... бездомникъ!.. Какъ у тебя руки-то поднялись ... Разорить, что ли, ты насъ хочешь? По міру пустить?.. Нищими сдѣлать?.. Безстыжій человѣкъ?..

Михайло.

Да, что ты, мразь этакая, какъ ты смѣешь со мной говорить-то? Это онъ меня учитъ, меня попрекаетъ, дурацкая рожа! А кто меня такихъ денегъ лишилъ? Да я тебя въ три погибели согну, на семъ мѣстѣ весь сокъ изъ тебя выжму ...

Алексѣй.

Ничего ты мнѣ не смѣешь сдѣлать. Нѐ за что... А вотъ я давича матушку отвелъ, чтобъ она не жалобилась батюшкѣ на тебя, что ты ее выгналъ-то... А ужъ теперь пойду, скажу про Савраску. Пусть онъ тебя поколотитъ хорошенько ... Этакую лошадь ...

Михайло.

Да что ты меня стращаешь-то? Боюсь я кого, что ли?

Алексѣй.

Побойся хоть Бога-то?.. Али этотъ выжига (Указываетъ на Леонида Константиновича.) такъ навострилъ тебя ...

Михайло.

Такъ ты еще глотку разѣваешь! Погоди же, я тебя!.. (Хочетъ броситься на него.) Я васъ всѣхъ передушу ...

Леонидъ Константиновичъ
(удерживая его).

Полно! Ну, стоитъ ли онъ того? Дуракъ...

Михайло.

Нѣтъ, пусти, я его задушу... всѣхъ задушу... Одинъ останусь, да стану пировать ...

Алексѣй.

Господи, помилуй!.. Брательникъ, ты съ ума сошелъ... Помолись Господу... (Хочетъ къ нему подойти.) Брательникъ, брательникъ!..

Михайло.

Прочь!.. Убью!.. (Удерживаемый Леонидомъ Констатиновичемъ, схватываетъ бутылку и кидаетъ ею въ Алексѣя. Бутылка летитъ мимо)

Алексѣй (машетъ рукой).

Совсѣмъ ты пропалъ!.. Господи, помилуй!.. (Уходитъ.)

Явленіе девятое.

Леонидъ Константиновичь и Михайло.

Леонидъ Константиновичъ.

Зачѣмъ ты буянишь-то?.. Ну, тебя возьмутъ, да свяжутъ ...

Михайло.

Меня?.. Меня?.. Кто меня свяжетъ? Самъ дьяволъ со мной не совладаетъ: всѣхъ передушу ...

Леонидъ Константиновичъ.

Да зачѣмъ ты кричишь-то?.. Теперь не надо и виду подавать, а то все дѣло пропадетъ ... И денегъ своихъ не увидишь. Ужъ сегодня покорись, чтобъ отводъ сдѣлать ... пойми ты меня ...

Михайло.

Понялъ, понялъ ...

Леонидъ Константиновичъ.

Вотъ лучше крюкъ-отъ сломи поскорѣе, пока кто не вошелъ ... Мнѣ не отломить ...

Михайло.

Крюкъ? (Подходитъ къ дверямъ.) А вотъ его какъ ... (Отламываетъ крючокъ у дверей.) Видѣлъ? А, вѣдь, желѣзный ... На пятерыхъ одинъ пойду, пикнуть не дамъ.

Явленіе десятое.

Тѣ же и Степанъ Ѳедоровъ.

Степанъ Ѳедоровъ (входя).

Куда, ты, мошенникъ, Савраску-то дѣвалъ?

Михайло.

Продалъ.

Степанъ Θедоровъ.

Продалъ?.. Ка́къ же ты смѣлъ продать? Ка́къ смѣлъ сдѣлать этакое дѣло?

Михайло.

Такъ смѣлъ ...

Степанъ Θедоровъ.

Да знаешь ли, супротивникъ, что̀ я съ тобой за это сдѣлаю?

Михайло.

Что̀?

Степанъ Θедоровъ

(удерживая свою горячность).

Ну, Миша́нка, покаешься ты, да будетъ поздно...

Михайло.

Ничего я не боюсь, не покайся ты послѣ ...

Степанъ Θедоровъ.

Кому ты продалъ-то? За что̀? Зачѣмъ?

Михайло.

Зачѣмъ? А затѣмъ, что въ городѣ расплатиться не́чѣмъ было — вотъ зачѣмъ. Что̀ ты думаешь. Боюсь я кого-нибудь, что̀ ли?

Степанъ Θедоровъ.

Вонъ изъ моего дома! Вонъ!..

Михайло.

Подай деньги! (Леонидъ Константиновичъ дергаетъ его за рукавъ.)

Степанъ Θедоровъ.

Деньги?.. Нѣтъ, ты поди по̀-міру посбирай... Тогда придешь, поклонишься ...

Михайло.

Стара штука! (Леонидъ Константиновичъ толкаетъ его.)

Степанъ Өедоровъ.

Такъ поди же ты вонъ сейчасъ!.. (Къ Леониду Константиновичу.) И ты поди ... Ты его, чтò ли, этимъ мошенничествамъ научилъ?..

Леонидъ Константиновичъ.

Ты чтò жъ, братецъ, говоришь невѣжества, не зная человѣка?..

Степанъ Өедоровъ.

Знаю я тебя! Пошелъ, пошелъ!..

Леонидъ Константиновичъ.

Разумѣется, братецъ, уйду, отъ одного твоего невѣжества ... Самъ послѣ придешь прощенія просить.

Михайло.

Батька, отдай деньги!

Степанъ Өедоровъ.

Вонъ! Оба вонъ!

Михайлс

Ну, смотри, батька!..

Леонидъ Константиновичъ

(толкая его потихоньку).

Не говори ничего ... Пойдемъ ...

Михайло.

Подемъ, Ленидъ Костентинычъ ... (Степану Өедорову.) Ты меня выгналъ — помни это ... А кланяться я къ тебѣ не приду.

Леонидъ Константиновичъ.

Полно, братецъ; кàкъ тебѣ не стыдно!.. Онъ тебѣ отецъ, не чужой ... Ты долженъ оказать ему полное уваженіе ... (Степану Өедорову.) Видишь, бра-

тецъ, чему учу я твоего сына, а ты меня обругалъ. Вотъ ваше невѣжество мужицкое... Я старался, ка́къ бы его просвѣтить, да человѣкомъ сдѣлать...

Степанъ Өедоровъ.

Ну, ладно, ладно! Знаю я васъ, разскащиковъ... Такъ вотъ возьми его съ собой, да и корми его и учи, коли ты такой человѣкъ...

Леонидъ Константиновичъ.

Да мы, братъ, имѣемъ состояніе, чтобы не то, что одного твоего сына, а всю вашу семью прокормить... (Михайлу.) Пойдемъ .. Ему самому будетъ стыдно отъ его невѣжества.

Михайло.

Подемъ и есть... Да ужъ и не жди меня.

Степанъ Өедоровъ.

Подите, подите... проходимцы экіе! (Михайло и Леонидъ Константиновичъ уходятъ.)

Степанъ Өедоровъ
(смотря въ слѣдъ имъ).

Ну, Мишанка, пошелъ ты противъ меня! Выжму же я изъ тебя сокомъ все, что̀ отъ тебя на себѣ перенесъ... Охъ, злодѣй, расшевелилъ ты мое сердце. (Бьетъ по столу кулакомъ.) Разобью я тебя, невѣрный сынъ. въ дребезги!

(Занавѣсъ опускается).

Дѣйствіе четвертое.

Декорація 1-го дѣйствія. Вечеръ. На сценѣ темнота.

Явленіе первое.

Степанъ Ѳедоровъ

(входитъ съ зажженной свѣчей въ рукахъ и ставитъ ее на столъ).

Да! Я васъ проучу!.. Противъ меня пошли, думали на шею сѣсть... Я вамъ покажу себя! Ты у меня съ женой-то, да съ ребятишками посбираешь мѣсяца съ два, походишь по̀-міру... Охъ, разбойникъ! Надсадилъ онъ мою душу! Вѣкъ свой я экой срамоты не видалъ, а теперь, подъ старость лѣтъ, дѣтки изъ послушанья хотятъ выдти... Али ужъ я изъ ума совсѣмъ выжилъ? Нѣтъ еще, постой, я съ вами управлюсь... управлюсь! (Колотитъ по столу кулакомъ.) Я большой въ домѣ, я хозяинъ, пока живъ... все въ моихъ рукахъ!

Явленіе второе.

Степанъ Ѳедоровъ, Маремьяна и **Татьяна** (входятъ, и послѣдняя робко останавливается у дверей, плача).

Маремьяна

(подходитъ къ Степану Ѳедорову).

Отецъ! Ну, что же ты ее гонишь изъ дому на ночь глядя?.. Куда она дѣнется съ малыми ребятишками?

Степанъ Өеодоровъ.

Вонъ, вонъ! Знать ничего не хочу! Вонъ! Она противъ меня грубила, такъ пусть узнаетъ меня, каковъ я есть. (Обращаясь къ Татьянѣ.) Вонъ!

Татьяна (хныкая).

Да куда же я пойду въ этакую темь, да въ этакую стужу съ ребятишками?

Степанъ Өедоровъ.

А мнѣ что? Куда хочешь, поди, — дорога широкая. Ты меня отцемъ не считала, такъ и нечего отъ меня ждать. Поживи-ка, пошляйся по чужимъ домамъ, такъ и узнаешь, каковъ чужой-то хлѣбъ.

Татьяна.

Такъ что̀ и самъ-дѣлѣ, обидчикъ ты этакой! Плевать тебѣ! Не проживу, что ли, безъ тебя?.. Да къ кому я теперь сунусь въ полночь? Кто меня пуститъ? Дай хошь ночь-то переночевать.

Степанъ Өеодоровъ.

А! Такъ ты еще на мою хлѣбъ-соль плюешь! Вонъ же сейчасъ! Хоть середи поля замерзни, ядъ этакой, мнѣ тебя не жаль... Вонъ!..

Маремьяна.

Полно, отецъ, что ты?.. Господи, помилуй!.. Внучата, чай... грѣхъ, вѣдь, да, грѣхъ!

Степанъ Өеодоровъ.

Молчать... не говори! Убирайтесь всѣ отсюда... А ты вонъ, чтобъ духу твоего не было!..

Татьяна (хныкая и съ сердцемъ).

Такъ что̀ за напасть и самъ-дѣлѣ? Къ мужу ходила, тотъ пьянствуетъ съ управительскимъ сыномъ, слышать ничего не хочетъ. Говорю, что отецъ го-

нитъ изъ дома, такъ только обругалъ, да вытолкалъ: „Убирайся, говоритъ, не жена ты мнѣ... издыхайте, говоритъ, всѣ ... одинъ я останусь, — просторнѣй жить будетъ“. Да что̀ за напасть такая, пра, напасть!.. Пойду къ старостѣ, жалобиться стану, на всѣхъ на васъ, на обидчиковъ этакихъ ... Мучители злые... Проклятой народецъ!..

Степанъ Ѳедоровъ.

Еще ты ругаться стала?.. Вонъ, зелье!..

Маремьяна.

Э, дѣвка! эко сердце-то у тебя! Чѣмъ бы тебѣ поклониться отцу-то земно, да попросить ... Ты ... ну-ка что!.. Экой языкъ-отъ у тебя сердитый!.. ужъ скажу, что сердитый ...

Татьяна.

Что̀ вамъ кланяться-то?.. Что кланяйся, что нѣтъ, — все едино ... губители! (Хнычетъ.)

Степанъ Ѳедоровъ (съ бѣшенствомъ).

Убирайся же ты, пока я не спровадилъ тебя по-свойски!..

Татьяна.

Уйду... Вотъ на зло тебѣ заморожу внучатъ-то. Пусть на твоей душѣ грѣхъ будетъ ... Тьфу тебѣ, старый хрычъ ... Экая я только горькая на свѣтъ родилась, постылая! (Громко рыдаетъ и уходитъ.)

Маремьяна.

Ну, что же ты, батька?.. Ну, что? Пожалѣй ее, грѣшницу ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Поди ты, убирайся! Не мучьте меня. И то у меня на душенькѣ-то ровно камень лежитъ... не до васъ... Поди отсюда... Я спать лягу.

Маремьяна.

Ну, какъ ты хошь, а я грѣха не возьму на душу, ребятишекъ не пущу изъ избы ночью... Какъ хошь... А тобой бѣсъ обуялъ. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Степанъ Өедоровъ (одинъ).

Бѣсъ обуялъ! Обуяетъ бѣсъ съ вами! Немного радости-то вижу на старости лѣтъ. Выкормилъ дѣтокъ, обзавелся семейкой на свою голову... Нечего сказать! Въ радости живу... Да погоди, погоди... Теперь меня зло взяло... зломъ и жить стану, а себя въ обиду не дамъ.

Явленіе четвертое.

Степанъ Өедоровъ и Алексѣй.

Алексѣй.

Батюшка, а батюшка!

Степанъ Өедоровъ.

Ну, что тебѣ?

Алексѣй.

Танюха-то реветъ.

Степанъ Өедоровъ.

Ну, такъ что́, что реветъ?

Алексѣй.

А ты ея не трогай, не обижай. (Кланяется ему въ ноги.) Не гони ея... Ну, что? Грѣхъ одинъ... Она въ томъ не причинна...

Степанъ Ѳедоровъ.

Нѣтъ, она больше мужа виновата. Кабы она умѣла его остановить, а не поджигала, такъ и онъ бы лучше былъ... А то она его только поджигала...

Алексѣй.

Да ужъ ты ея не трошь, хоть на ночь-то... Ну, что? Реветъ...

Степанъ Ѳедоровъ.

А завтра, чтобъ ее чуть свѣтъ въ домѣ не было... Пусть и на глаза мнѣ не показывается. Подь спать...

Алексѣй.

Такъ какъ же, батюшка, коли завтра поѣдешь, такъ, чай, лошадей надо изготовить? На которой поѣдешь?

Степанъ Ѳедоровъ.

Куда поѣдешь?

Алексѣй.

А насчетъ денегъ-то... Кузьмѣ-то Ѳедотычу отдать... Али посылать будешь? Чай, въ городъ, что ли, поѣдешь, али куда?..

Степанъ Ѳедоровъ (въ раздумьѣ)

Да, ладно!.. Ну, хорошо!.. Ступай ...

Алексѣй.

Чай Стригунчика, да Пшеньку? Али на одномъ Стригунчикѣ съѣздишь?

Степанъ Ѳедоровъ.

Ну, ладно... хорошо... на Стригунчикѣ...

Алексѣй.

Батюшка, да коли въ городъ поѣдешь, такъ какъ бы Савраску-то воротить... смерть жалко!..

Степанъ Өедоровъ.

Гдѣ ты его найдешь? Почемъ знаешь, куда онъ его, окаянный, продалъ ... Охъ, Мишанка!..

Алексѣй.

Экой лошади, кажись, намъ не нажить ... Эка лошадь-то была, ровно человѣкъ,—все понимала. Ну, ужъ брательникъ!.. Охъ! (Глубоко вздыхаетъ.)

Степанъ Өедоровъ.

Не говори ты мнѣ, не напоминай о немъ... окаянномъ...

Алексѣй.

Похлопочи тамъ какъ, радѣльщикъ... Больно жалко!.. Ну ужъ! (Машетъ рукой и уходитъ.)

Явленіе пятое.

Степанъ Өедоровъ

(одинъ, сидитъ въ раздумьи у стола).

Ахъ ты, Алешунка, Алешунка! Хлопочешь ты, чтобъ деньги отдалъ поскорѣе ... Дурашливъ ты, глупъ, такъ и не смыслишь ... и не жалко тебѣ... Кабы тебѣ да ума побольше, славный былъ бы парень... а то нѣтъ, не то... Вотъ Мишанка... Охъ, злодѣй!.. Вся была моя надежа на него... въ него жилъ... Противъ меня пошелъ... противъ меня... Ничего не дамъ! Пусть же все мое добро Алехѣ-дураку достанется, а ужъ не тебѣ ... А какой парень-то... на всякую руку... И уменъ, и шустеръ, и сноровливъ... Ты у меня теперь вѣкъ этого не заслужишь, что̀ ты съ моимъ сердцемъ сдѣлалъ ... Кажись бы, изъ своихъ рукъ ... (Со злобой сжимаетъ кулаки.) А думалъ, что весь въ меня будетъ; думалъ, никогда изъ моей воли не выйдетъ; думалъ, что въ послѣдній разъ на него взгляну, да онъ мнѣ

и глаза закроетъ... А теперь нѣтъ надежи: сгибъ совсѣмъ... Что̀ онъ съ сердцемъ-то съ моимъ сдѣлалъ?.. Видѣть я его не могу. Противенъ онъ мнѣ... злость такая беретъ, какъ подумаю только о немъ, супостатѣ... (Опускаетъ голову на руки.) А, може, дѣло старуха говоритъ, что все это отъ денегъ проклятыхъ... Отъ нихъ и есть... отъ нихъ... Какъ они завелись въ домѣ, такъ все и пошло... Вотъ онѣ здѣсь... (Бьетъ себя по груди.) Всякій часъ ихъ съ собой ношу... Кажись, душу-то они мнѣ жгутъ. Чужія, вѣдь, онѣ!.. Да чьимъ я добромъ-то владѣю, чье добро-то затаилъ?.. человѣка-то какого?.. Ничто онъ мнѣ зло сдѣлалъ, Кузьма Ѳедотычъ?.. Человѣкъ-отъ какой... окромѣ ласки, да добраго слова, ничего отъ него не видалъ... И какъ попали ко мнѣ онѣ, эти деньги, ровно кто мнѣ сказалъ, али шепнулъ въ ухо-то, что его деньги... такъ тоска, да совѣсть и обуяла... А отдать жалко... жалко отдать... Нѣтъ, надо воротить ихъ... Проклятыя онѣ въ моихъ рукахъ, проклятыя... (Вынимаетъ изъ-за пазухи бумажникъ, развертываетъ и начинаетъ доставать оттуда деньги, которыя раскладываетъ по столу.) Вотъ онѣ... вотъ... Кладъ это... въ огонь онѣ оборотятся... и меня сожгутъ... и семью всю выжгутъ... и домъ сожгутъ... И всѣ мы прахомъ будемъ... (Встаетъ и смотритъ на деньги блестящими глазами.) А сколько ихъ-то, сколько!.. (Опять смотритъ и начинаетъ хохотать насильственно.) А бабьи-то сказки, а бабья-то глупость... (Беретъ въ руку пачку ассигнацій.) Вотъ не жгутъ... Четыре мѣсяца на груди носилъ, а не сожгли... А еще отъ нихъ же тепло было, хорошо таково, какъ подумаешь, сколько-де денегъ-то у меня... Да, мои онѣ, мои... никто ихъ у меня не отниметъ... Нѣтъ, да и все тутъ... Узнали; судъ наѣдетъ... Я ихъ въ землю зарою... Нѣтъ, не нашли... А тамъ и забыли о нихъ, — и мои... А Мишанка? Что мнѣ Мишанка?.. Я... я васъ всѣхъ обману, всѣхъ...

Я поѣду завтра... скажу, что поѣхалъ деньги отсылать, а самъ не пошлю ... Да, онѣ у меня останутся, у меня, мои будутъ... Еще никто не знаетъ, что я ихъ нашелъ... что онѣ у меня... (Хохочетъ.) Погоди, я васъ всѣхъ проведу ... (Собираетъ деньги и укладываетъ въ бумажникъ.) Мои будете, мои ... Вотъ васъ сколько! .. (Кладетъ бумажникъ за пазуху.) Никто ихъ у меня не отниметъ... Ахъ, весело съ вами, хорошо!.. Теперь спать... Утро вечера мудренѣе. (Гаситъ свѣчу и приготовляетъ себѣ постель на лежанкѣ.) А двери-то и позабылъ запереть. (Подходитъ къ дверямъ и ощупью ищетъ крючка.) Гдѣ онъ тутъ?.. Что за притча?.. Ну, тебя ... руки дрожатъ, никакъ не найду и крючка-то... Ну, да никто не войдетъ ... (Ложится на лежанку.) А ну, какъ люди узнаютъ, что у меня эти деньги, а Кузьма Өедотычъ пріѣдетъ... Ну, какъ они узнаютъ?.. Эхъ жарко!.. а по тѣлу, ровно ознобъ какой . . . (Переходитъ на лавку, налѣво отъ зрителей и ложится на нее.) А и узнаетъ, и пріѣдетъ: нѣтъ — да и все тутъ... А Мишанка скажетъ? Охъ, анаөема!.. Кто ему повѣритъ?.. Сопьется до тѣхъ поръ ... Кѣмъ онъ докажетъ?.. (Въ сонномъ бреду.) Пятьдесятъ тысячъ!.. Все мои!.. Денегъ-то сколько!.. Домъ большой, ровно чаша полная ... Почетъ отъ людей... Мишанка, не сынъ ты мнѣ... чужой... супротивникъ!.. А все для него... не надо... пропадай... О-охъ!.. (Засыпаетъ.)

(Сцена нѣсколько минутъ остается пустою, потомъ тихо входятъ: Леонидъ Константиновичъ съ топоромъ въ рукѣ и Михайло, блѣдный, растрепанный, и останавливаются у задней стѣны.)

Явленіе шестое.

Степанъ Өедоровъ, Леонидъ Константиновичъ и Михайло.

Леонидъ Константиновичъ (шопотомъ)

Спитъ.

Михайло (дрожа всѣмъ тѣломъ).

Тише ... молчи .... ворочается ...

Леонидъ Константиновичъ.

Гдѣ онъ спитъ-то...

Михайло.

Не знаю... Погоди... Страшно... Я уйду... Отецъ онъ ...

Леонидъ Константиновичъ.

Баба!.. На лежанкѣ, что ли, онъ спитъ-то?..

Михайло.

Не знаю ...

Леонидъ Константиновичъ
(подходитъ къ лежанкѣ и ощупываетъ ее).

Тутъ нѣтъ... Видно, на лавкѣ ...

Михайло.

Погоди ... стой

Леонидъ Константиновичъ.

Что погоди?

Михайло (дрожа).

Страшно!.. отецъ!..

Леонидъ Константиновичъ.

Такъ зачѣмъ же ты пришелъ-то сюда? Баба ... кислятина! А деньги-то?.. А жизнь-то хорошая ... а мамзели-то ... (Степанъ Ѳедоровъ всхрапываетъ и поворачивается на другой бокъ. Михайло вздрагиваетъ и остается неподвижнымъ на одномъ мѣстѣ. Леонидъ Константиновичъ, послѣ непродолжительнаго молчанія.) Ничего ... спитъ ... крѣпко ... (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Степану Ѳедорову.)

Михайло.

Нѣтъ, нѣтъ ... погоди ... (Удерживаетъ Леонида Константиновича.)

Леонидъ Константиновичъ.

Да что годить-то?.. Пусти, дуракъ ... (Порывается изъ рукъ Михайла.)

Михайло (удерживая его).

А Богъ-отъ?.. отецъ, вѣдь!.. Ой, нѣтъ, нѣтъ!..

Леонидъ Константиновичъ.

Чего ты ждешь? Чтобъ насъ схватили, что̀ ли? Какой онъ тебѣ отецъ?.. Онъ тебя съ голоду уморитъ ... по̀-міру пуститъ ... Околѣешь на большой дорогѣ ... Онъ тебѣ не отецъ ... Онъ воръ! твой ворогъ!.. Одинъ разъ, — а тамъ веселье, да гулянье ...

Степанъ Ѳедоровъ (бредитъ).

Мишанка ... не сынъ ты мнѣ, ворогъ ... пропадай совсѣмъ ... не надо мнѣ тебя ...

Леонидъ Константиновичъ.

Слышишь?

Михайло

(Опускаетъ руку Леонида Константиновича, но когда тотъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ лавкѣ, на которой спитъ отецъ, опять вдругъ останавливаетъ его.)

Нѣту, не дамъ!.. Отецъ!..

Леонидъ Константиновичъ

(силясь вырваться у него).

А хвасталъ ... баба!..

Алексѣй (вбѣгаетъ съ огнемъ).

Что вы здѣсь дѣлаете, мошенники?.. (Леонидъ Константиновичъ роняетъ топоръ.)

Михайло

(въ страхѣ падаетъ на колѣни).

Не я, не я ... Братъ, брательникъ!..

Степанъ Ѳедоровъ

(вскакивая въ испугѣ).

Кто тутъ? Кто?

Леонидъ Константиновичъ
(хочетъ бѣжать).

Алексѣй
хватая его за воротъ.

Стой!.. Не уйдешь!..

Михайло.

Его, его!.. Держи его!.. Онъ, онъ!..

Степанъ Өедоровъ.

Да что такое? Батюшки, топоръ! Разбойники, воры, грабятъ, караулъ!..

Алексѣй.

Батюшка, не кричи, не уйдетъ. Ворота заперты...

Михайло.

Не я... Батюшка, родной, помилуй!.. Онъ... это онъ... меня сосмутилъ... Я его убью, задушу... (Бросается на Леонида Константиновича.)

Степанъ Өедоровъ
(схватываетъ Михайла).

Такъ ты хотѣлъ на отца руку поднять, ты хотѣлъ... (Съ воплемъ). Разбойникъ!...

Михайло (бросаясь ему въ ноги).

Батюшка... грѣхъ попуталъ .. прости... заслужу...

Степанъ Өедоровъ.

Нѣтъ, врешь, разбойникъ!... Я тебя въ судъ представлю... тебя въ ссылку сошлютъ...

Михайло.

Такъ меня въ судъ... (въ отчаяньи схватываетъ топоръ и замахивается на себя). Прощай... Не жить же мнѣ... (Степанъ Өедоровъ схватываетъ Михайла за руку, чтобы отнять топоръ; Алексѣй оставляетъ Леонида Константиновича и бро-

сается къ брату помогать отцу. Леонидъ Константиновичъ, пользуясь этимъ, хочетъ убѣжать, но въ дверяхъ сталкивается съ Татьяной.)

Татьяна (хватая его за воротъ).

Врешь, воръ ... не отпущу!

Алексѣй

(обезоруживая Михайла, къ Татьянѣ).

Держи его, Танюха! ... Я вотъ его тотчасъ скручу.

Татьяна.

Не бось не пущу ... сухопарый вѣдь!

Михайло (опустивъ голову и руки).

Что же вы теперь будете со мной дѣлать? ... (Хватая себя за голову.) Сгибъ ...

Татьяна.

Батюшки! Да это Мишанка! ...

Алексѣй.

Ничего, Танюха, не бойсь ... Вотъ я тотчасъ только этого скручу ... (Снимаетъ съ себя кушакъ и связываетъ руки Леониду Константиновичу.)

Степанъ Ѳедоровъ

(Михайлу съ упрекомъ).

Что, разбойникъ? До чего ты себя довелъ? ... На отца роднаго руки поднялъ!

Михайло.

Такъ прихлопни ты меня поскорѣе! Что ужъ я за человѣкъ! ...

Татьяна.

Батюшки! ... Что ты надъ своей головой сдѣлалъ? Куда ты поспѣлъ? ...

Михайло (въ дикомъ отчаяньи).

Такъ вяжите же меня. Что-жъ вы не вяжете? ...

Явленіе седьмое.

Тѣ же и Маремьяна.

Маремьяна (входя).

Батюшки! ... Что надѣлалось? ... За что вязать? ...

Михайло

(въ томъ же мрачномъ отчаяньи).

Я, окаянный, на отца руки поднять хотѣлъ ... за деньги, за деньги ... деньги мнѣ нужны! ...

Маремьяна

(присаживаясь на лавку, опускаетъ голову на руки).

Батюшки, отцы! ... вотъ дожили ... погибли! ... Ой, сердечушко! ... Ой, горе мое, родное дѣтище! ...

Татьяна (привывая, Михайлу).

Ахъ, ты воръ, злодѣй, губитель, своей душеньки рѣшитель! ... Погубилъ ты себя со своей семьей, и съ женой, и съ дѣткамъ малыимъ ... Куда пойдетъ твоя головушка побѣдная? ... И на томъ свѣту не дадутъ тебѣ мѣста дѣтки малыя ... своему отцу-губителю ...

Михайло

(рыдая, бросается отцу въ ноги).

Батюшка, коли хочешь ты меня казнить, казни изъ своихъ рукъ ... Твой я сынъ ... суди меня своимъ судомъ.

Степанъ Ѳедоровъ.

Сынъ? ... Нѣтъ не сынъ ... Какой мнѣ сынъ — злой разбойникъ? ... Нѣтъ, я тебя, голубчика, суду отдамъ ... Мнѣ не надо моей души губителя ...

Алексѣй.

Батюшка, послушай меня, дай мнѣ рѣчь сказать. Я все видѣлъ, какъ они забрались вонъ съ тѣмъ мошенникомъ къ намъ на дворъ, слышалъ, какъ онъ

брательника подговаривалъ однимъ разомъ тебя прихлопнуть, да деньги взять ... да бѣжать ... За ними шелъ я по слѣду, какъ они сюда пошли ... фонарь нарочно припасенъ былъ у меня, чтобы смотрѣть за ними. Все слышалъ я, какъ они здѣсь переговаривались. Брательникъ не хотѣлъ тебя убить ... хотѣлъ опять уйти отселѣ ... весь дрожмя-дрожалъ передъ этакимъ дѣломъ ... родителемъ тебя приговаривалъ ... Какъ ты во снѣ чуть не клясть его сталъ, такъ и тутъ ... онъ не далъ тебя убить вотъ этому окаянному (указываетъ на Леонида Константиновича). Отецъ, говоритъ, онъ мой ... И у меня-то душа надсѣлась слушамши ... Нѣтъ, батюшка, радѣльщикъ, сынъ онъ твой, прости ты его, помилуй! ... (Кланяется въ ноги отцу).

Михайло.

Батюшка, прости! ... грѣхи попутали ... Все вонъ онъ ... дьяволъ сомущалъ ... да деньги, проклятыя ...

Маремьяна.

Ахъ онѣ, онѣ ... Говорила ли я тебѣ, отецъ: проклятыя онѣ ... погубятъ наши всѣ души ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Да ... да! ... Нѣтъ добра въ чужой корысти ... (Быстро вынимаетъ изъ-за пазухи бумажникъ.) Вотъ онѣ, вотъ... дьявольское это искушеніе! Мишанка, на моей душѣ также много грѣховъ изъ-за этихъ денегъ ... Прощу я тебя, коли вмѣстѣ со мной эти деньги свезешь къ Кузьмѣ Ѳедотычу, отдашь ихъ, да и награды не возьмешь, что онъ будетъ давать ...

Михайло.

Батюшка, родной! не надо мнѣ ничего! Пропадай онѣ совсѣмъ!

Степанъ Ѳедоровъ.

Да будешь ты мнѣ по прежнему сыномъ послу-

шливымъ, да покорливымъ, станешь жить, да работать и вина въ ротъ брать не станешь ... И то, что прогулялъ, заплачу за тебя, коли Кузьма Ѳедотычъ не проститъ ...

Михайло.

Радѣльщикъ, все буду дѣлать, что прикажешь, только отыми отъ своего сердца злобу супротивъ меня ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Ну, слава тебѣ, Господи! ... Легче на душѣ ... Алёха, закладай скорѣе лошадей, чтобъ и духу этихъ денегъ проклятыхъ въ моемъ домѣ не было.

Маремьяна.

Ну, слава тебѣ, Отцу небесному! Старикъ, благослови Мишанку-то ...

Алексѣй (кланяясь).

Батюшка! Ужъ сними скорѣй, на радостяхъ, всю вину его съ его души ...

Степанъ Ѳедоровъ.

Господь его проститъ ... Помолитесь о моей-то душѣ. Самъ не меньше его нагрѣшилъ съ этими деньгами проклятыми ...

Михайло.

Батюшка! По конецъ жизни твой вѣрный слуга буду! ... Матушка, радѣльница ... Батюшка, брательникъ, ровно изъ аду вы меня вытащили! ... (Бросается ко всѣмъ на шею.)

Татьяна (Михайлу).

Батюшка, Мишанушка, родной муженекъ! ... (Вѣшается къ нему на шею.) И въ отдѣлъ не пойдемъ ... (Кланяется въ ноги Степану Ѳедорову). Прости ты и меня, нагрѣшницу ...

Степанъ Өедоровъ.

Ну, Господь съ тобой! (Весело.) О салопахъ-то позабудь ...

Татьяна.

Ну ихъ, ни въ жисть не надо!

Алексѣй (въ слезахъ).

Вотъ такъ весело! А что-жъ намъ съ этимъ французомъ-то дѣлать? (Всѣ оборачиваются назадъ, но Леонидъ Константиновичъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ оставленный безъ вниманія, скрылся).

Алексѣй.

Улизнулъ! ... Да, вѣдь, ворота-то заперты, а руки-то я ему крѣпко скрутилъ — не уйдетъ.

Степанъ Өедоровъ.

Да ну его! Отпусти его на радостяхъ ...

Маремьяна.

Да, отпустите, Богъ съ нимъ!

Алексѣй.

Я ему только, хранцузу кургузому, дорогу покажу, по-русскому, чтобъ помнилъ.

Михайло.

А тутъ, батюшка, поскорѣй и ѣхать ... А Алешунка, брательникъ, всѣхъ насъ умнѣе. Онъ мнѣ дѣло говорилъ, что та только и жисть, коли родительской заповѣди слушаешь, да изъ родительской воли не выходишь, да своимъ трудомъ живешь, а не чужимъ, — вотъ такъ и есть ...

Алексѣй (машетъ рукой).

Ну, ну, отстань! Ну, что! ... Все прошло. Подемъ лучше лошадей закладывать ...

(Занавѣсъ опускается.)

Мишура.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Владиміръ Васильичъ Пустозеровъ, совѣтникъ губернскаго правленія.

Анисимъ Ѳедорычъ Побѣдинскій, секретарь его.

Дашенька, дочь Анисима Ѳедорыча.

Дмитрій Николаевичъ Золотаревъ, богатый помѣщикъ и откупщикъ.

Пурпуровъ, становой приставъ.

Потапъ Егорычъ Зайчиковъ, секретарь градской думы.

Николай Потапычъ Зайчиковъ, сынъ его, столоначальникъ губернскаго правленія.

Никифоръ Михайловичъ Губанчиковъ, недоросль изъ дворянъ, 50 лѣтъ.

Прасковья Михайловна Губанчикова, сестра его.

Частный приставъ.

Прикащикъ купца Трезимова.

Андрей, слуга Пустозерова.

Матрена, горничная Дашеньки.

Дѣйствіе первое.

Кабинетъ Владиміра Васильевича, убранный съ претензіями, но довольно бѣдно. На рабочемъ столѣ нѣсколько портфелей, кипы бумагъ, два бронзовыхъ подсвѣчника со стеариновыми свѣчами и множество ни на что не нужныхъ бездѣлушекъ. На другомъ столикѣ складное зеркало съ туалетными принадлежностями. По стѣнамъ литографированныя картинки, изображающія полуобнаженныхъ женщинъ въ разныхъ положеніяхъ. Мебель изысканная, но тяжелой и грубой работы. Двери на задней и на правой стѣнѣ. Налѣво драпировка, отдѣляющая постель.

Явленіе первое.

Владиміръ Васильичъ (выходитъ изъ дверей направо, въ халатѣ и съ полотенцемъ въ рукахъ, которымъ вытираетъ только что умытое лицо. Садится передъ зеркаломъ и начинаетъ тщательно расчесывать волосы). **Андрей** (выходитъ изъ тѣхъ же дверей, становится со сложенными назадъ руками, и, осклабляясь, униженно кланяется).

Андрей.

Съ дни рожденія честь имѣю проздравить.

Владиміръ Васильичъ (сухо).

Что за глупость такая! Что еще за поздравленія, что за деревенщину вытащилъ? Полтинника, что ли, захотѣлось?...

Андрей (мрачно).

Что мнѣ, сударь въ вашемъ полтинникѣ... Сызмальства вашего ... завсегда ... объ Ивановѣ дни со дни вашего рожденія проздравляли ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, я тебѣ, кажется, еще прошлаго года говорилъ, чтобы этого не было ... Я терпѣть не могу этихъ патріархальностей. Оставь ихъ до того времени, какъ я тебя въ деревню отошлю ... Тамъ этимъ довольны будутъ, а меня прошу избавить, потому что это ведетъ только къ тому, чтобы выпросить на водку, а потомъ напиться.

Андрей.

Какъ угодно! (Свирѣпо взглядываетъ на барина и медленно идетъ къ дверямъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Ну, да, мнѣ такъ угодно! (Вслѣдъ Андрею.) Да прошу тамъ никому не благовѣстить, что сегодня день моего рожденія ... Слышишь ... (Про себя.) А то эта губернская братія не можетъ представить себѣ никакого подобнаго дня безъ закуски насчетъ виновнаго. (Смотрится въ зеркало и охорашивается.) Въ двадцать семь лѣтъ совѣтникъ губернскаго правленія ... не дурно! ... А хотѣлъ бы я для сегодняшняго дня назвать Дашеньку моею ... (Встаетъ и подходитъ къ письменному столу; осматриваетъ кипы бумагъ.) Экъ ихъ сколько! Есть ли человѣческая возможность все это прочитать ... И за 900 цѣлковыхъ, жалованья! ... (Откидываетъ бумаги въ сторону и звонитъ.) Высокое наслажденіе чувствовать себя безкорыстнымъ. Для этого чувства я готовъ все перенести, готовъ умереть, но и существовать на 900 цѣлковыхъ, въ пору самой пылкой молодости ... поставленному на видъ у цѣлой губерніи, развитому и образованному человѣку, видѣть безпрестанно возможность обогатиться и отталкивать всѣ соблазны съ презрѣніемъ, — это не послѣдній подвигъ ... (Опять звонитъ съ нетерпѣніемъ.) Эй ... (Звонитъ.) Андрей ...

Андрей

(высовывая голову черезъ двери).

Чего?

Владиміръ Васильичъ.

Что же я звоню, а ты не откликаешься, оселъ!... Что за дурацкая манера? Отчего ты никогда не откликаешься, когда я звоню? (Андрей молчитъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Тебя спрашиваютъ?

Андрей.

Да чего звонить-то? Фатера-то не больно велика. Чай, слышу, какъ позвете.

Владиміръ Васильичъ.

Такъ что же ты не пришелъ, когда я звонилъ?

Андрей.

Прибирался ... Видно, не дослышалъ.

Владиміръ Васильичъ.

Что за скотина! То слышалъ, то не дослышалъ!... Скоро ли же чай?

Андрей.

Готовъ чай!

Владиміръ Васильичъ.

Ну, такъ подавай.

Андрей.

Сейчасъ.

Владиміръ Васильичъ (передразнивая его).

Сейчасъ ... Экой тонъ поганый. Стыдно держать-то при себѣ эдакое животное.

Андрей

подаетъ на подносѣ стаканъ чаю.

Владиміръ Васильичъ.

Вотъ сколько разъ тебѣ было приказано, чтобы

ты не показывалъ своихъ грязныхъ ручищъ ... Отчего ты не въ перчаткахъ?

(Андрей молчитъ).

Владиміръ Васильичъ.

Тебя спрашиваютъ?

Андрей.

Не надѣлъ.

Владиміръ Васильичъ.

Отчего? Вѣдь тебѣ приказано!

Андрей.

Да что ихъ надѣвать-то. Вѣдь не гости.

Владиміръ Васильичъ.

Что ты, свинья, со мной разсуждаешь. Тебѣ ничего не приказано подавать безъ перчатокъ.

Андрей.

Да перчатки-то, сударь, о двухъ пальцахъ: всѣ износились, а изволите взыскивать ... (Отворачивается.)

Владиміръ Васильичъ.

Такъ ты долженъ былъ сказать. Тебѣ бы купили.

Андрей.

Никакой купецъ спрашиваетъ ... Войти, что ли, прикажете? ...

Владиміръ Васильичъ.

Никакой купецъ! Экой языкъ топорный ... Вели войти ... (Андрей уходитъ.) Что за дичь такая! Господи, когда образуется наша Русь православная!

Явленіе второе.

Владиміръ Васильичъ и прикащикъ.

Прикащикъ.

Здравствуйте, сударь, ваше высокоблагородіе!

Владиміръ Васильичъ.

Кто ты такой?

Прикащикъ.

Старшій прикащикъ, сударь, Ивана Алексѣича Трезимова.

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что-жъ тебѣ надо.

Прикащикъ (вполголоса).

По слѣдствію, сударь, ваше высокоблагородіе, что изволите производить надъ нашимъ хозяиномъ насчетъ виннаго завода.

Владиміръ Васильичъ.

Ну, такъ что же? Слѣдствіе будетъ произведено, и хозяинъ твой за свои мошенничества дорого поплатится.

Прикащикъ.

Помилуйте, сударь, ваше высокоблагородіе! Хозяинъ нашъ ни въ чемъ не виноватъ въ эвтомъ... по одному невѣжеству только, что не зналъ вашего высокоблагородія... Но одначе хозяинъ нашъ не такой... (Вынимаетъ изъ-за пазухи толстый конвертъ.) Только не оставьте вашимъ знакомствомъ... (Подаетъ конвертъ.) Пожалуйте, ваше высокоблагородіе.

Владиміръ Васильичъ.

Это что такое?

Прикащикъ (таинственно и тихо).

Иванъ Алексѣичъ приказали благодарить...

Владиміръ Васильичъ.

За что благодарить?

Прикащикъ.

За ваше неоставленіе и пріятное знакомство ... и для предбудущаго времени.

Владиміръ Васильичъ
(удерживая внутреннее волненіе).

Да что это такое?

Прикащикъ.

Сумма, достойная вашего высокоблагородія.

Владиміръ Васильичъ
(нѣсколько повышая голосъ).

Это мнѣ прислалъ твой хозяинъ?

Прикащикъ.

Точно такъ, ваше высокоблагородіе, пожалуйте!... (Старается отдать въ руки пакетъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Прислалъ для того, чтобы я взялъ эти деньги и оправдалъ его по слѣдствію ...

Прикащикъ.

Одного неоставленія и пріятнаго знакомства вашего для наипредбудущаго времени.

Владиміръ Васильичъ.

Такъ твой хозяинъ надѣется подкупить меня, купить у меня правду и долгъ службы? ... (Вдругъ повышая голосъ до крику.) Да какъ ты осмѣлился, борода, какъ осмѣлился твой мерзавецъ хозяинъ подумать подкупить чиновника, которому вполнѣ довѣряетъ губернаторъ, о безкорыстіи и неподкупности котораго знаетъ вся губернія?...

Прикащикъ.

Помилуйте, ваше высокоблагородіе, объ этомъ никто не можетъ знать, — дѣло семейное ... Здѣсь никого нѣтъ ... Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, получите ... Сумма достойная! ... Окромя одной благодарности ... будьте покойны. Получите, ровно, сказать къ примѣру: умретъ ...

Владиміръ Васильичъ (съ бѣшенствомъ).

Да какъ ты смѣешь, бродатое животное, какъ ты смѣешь! ... Да знаешь ли ты, что за это ... я твоего хозяина въ Сибирь упеку ... Онъ думалъ, что начальникъ губерніи будетъ довѣрять такимъ чиновникамъ, которыхъ подкупить можно ... Онъ думалъ ... Погоди же ... (Звонитъ). Это надобно довести до свѣдѣнія генерала ... Я тебѣ дамъ ... Я васъ обоихъ ... (Опять звонитъ.)

Прикащикъ (пряча пакетъ за пазуху).

Одначе помилуйте, ваше высокоблагородіе, я ничего ... Что же такое ... Извините, не знали вашей милости ...

Владиміръ Васильичъ.

Погоди, я тебя заставлю узнать ... Я васъ выучу ... (Звонитъ съ усиліемъ.) Андрей, Андрей!

Прикащикъ.

Ничего, сударь, я ничѣмъ не обезпокоилъ вашего высокоблагородія ... Какъ угодно! Къ обидѣ вашей ничего не докладывалъ ... Счастливо оставаться ...

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, погоди, я тебя не отпущу ... Я тебя велю взять въ полицію ... Андрей, Андрей! ...

Андрей.

Чего изволите?

Владиміръ Васильичъ.

Гдѣ ты пропадаешь, оселъ? ... Пошелъ, позови ко мнѣ квартальнаго или частнаго, тамъ кого-нибудь ... Пошелъ скорѣй ...

Андрей.

Да нельзя отойдти. Поваръ на рынокъ побѣгъ, а печь растопилъ; надо присмотрѣть.

Владиміръ Васильичъ.

Пошелъ, тебѣ говорятъ ...

Андрей.

Такъ какъ же печка-то? Вѣдь, не сами же станете смотрѣть? Того и смотри искра стреконетъ: бѣды наживешь.

Владиміръ Васильичъ.

Тебѣ что приказываютъ ...

Прикащикъ.

Да напрасно изволите безпокоиться, ваше высокоблагородіе ... Ничего я вамъ не докладывалъ, ни объ какой мздѣ ...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ ничего? А деньги? ...

Прикащикъ.

Никакъ нѣтъ-съ, сударь ... Ни объ какихъ деньгахъ вашу честь не безпокоилъ ... Напрасно изволили въ сердце войти ... Хозяинъ, то-есть, приказалъ только спросить, когда изволите его къ отвѣту потребовать ... А это напрасно только изволите себя тревожить ...

Владиміръ Васильичъ.

А, теперь запираться сталъ ... Да, хорошо, вотъ въ полиціи тебя сейчасъ допросятъ ... (Къ Андрею.) Пошелъ же за квартальнымъ ... (Андрей уходитъ.)

Прикащикъ.

Какъ вамъ угодно, а я ничего-съ.

Владиміръ Васильичъ.

Какъ тебя зовутъ?

Прикащикъ.

Какъ угодно вашей милости, а у меня дѣла хозяйскія. Мнѣ время продолжать некогда ... Счастливо оставаться ... (Проскальзываетъ въ двери за Андреемъ).

Владиміръ Васильичъ.

Стой ... А, ушелъ. Ловокъ, мошенникъ! ... Когда же, наконецъ, убѣдится этотъ дикій народъ, что могутъ быть на Руси чиновники совершенно неподкупные? ... А соблазнъ былъ не малъ: пакетъ порядочный ... Знали, къ кому шли ... О, какъ бы можно обирать этихъ мошенниковъ, если бы захотѣть ... Я радъ, что судьба послала мнѣ новый соблазнъ въ день моего рожденія, и я не поддался ему! Говорятъ, какъ проведешь первый день новаго года жизни, такъ и весь годъ ... Андрей ... Андрей ... Ну, теперь зашелъ. Не скоро его дождешься ... (Кладетъ передъ собой кипу бумагъ и начинаетъ ихъ читать. Въ сосѣдней комнатѣ слышится робкій кашель и шарканье ногами.) Андрей, это ты? (Кашель продолжается.) Кто же бы это? (Встаетъ, подходитъ къ дверямъ направо и, пріотворивши ихъ, заглядываетъ въ сосѣднюю комнату). Что вамъ угодно? ... Что же вы стоите тутъ? Пожалуйте сюда ...

Явленіе третье.

Владиміръ Васильичъ и Потапъ Егорычъ.

Владиміръ Васильичъ.

Что же это вы черезъ заднее крыльцо ...

Потапъ Егорычъ

(въ мундирѣ, при шпагѣ и съ треугольною шляпой въ рукахъ, робко и неловко входя въ кабинетъ).

Да я не ... не посмѣлъ-съ ...

Владимiръ Васильичъ.

Чего же не смѣть? Помилуйте ...

Потапъ Егорычъ.

Да я ... это все равно, ничего-съ ... я, чтобы не безпокоить ... Честь имѣю явиться, секретарь захарьевской градской думы, титулярный совѣтникъ Зайчиковъ.

Владимiръ Васильичъ.

Не угодно ли вамъ садиться?

Потапъ Егорычъ.

Помилуйте, я и постою-съ ...

Владимiръ Васильичъ.

Садитесь, садитесь, безъ церемонiи ...

Потапъ Егорычъ.

Не усталъ-съ ... все сидѣлъ ...

Владимiръ Васильичъ.

Да садитесь же, пожалуйста ... Вотъ стулъ, вотъ ... Садитесь.

Потапъ Егорычъ.

Что вы такъ изволите безпокоиться?.. Не успѣлъ залужить такой чести ... (Присаживается на конецъ стула.)

Владимiръ Васильичъ.

Что же вы, по дѣлу здѣсь?.. Да, какъ бишь вы называли свою фамилiю?

Потапъ Егорычъ (привставая).

Зайчиковъ, титулярный совѣтникъ.

Владиміръ Васильичъ.

Зайчиковъ ... У меня въ отдѣленіи есть молодой человѣкъ Зайчиковъ ... Вы не родственникъ ли ему?

Потапъ Егорычъ.

Мой собственный сынъ ... (Вставая.) Почелъ долгомъ принести вашему высокородію мою родительскую благодарность за ваши къ нему благодѣянія... Повѣрьте, ваше высокородіе, моя молитва за васъ... всегда ...

Владиміръ Васильичъ.

Полноте, какія же благодѣянія ... Садитесь, пожалуйста ... Я сдѣлалъ только то, что былъ обязанъ. Вижу, молодой человѣкъ изъ университета, я самъ университетскій, мы стараемся окружить себя подобными людьми ... Онъ теперь столоначальникъ ... Ну, хоть это и не много, но что дѣлать? Я самъ такъ же началъ ... Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ хоть имѣетъ возможность существовать, а главное, можетъ показать свои способности ... Я говорилъ о немъ и губернатору.

Потапъ Егорычъ

(со слезами на глазахъ).

Не знаю, какъ благодарить, не знаю какъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Да благодарить и не нужно. Я это сдѣлалъ не для васъ и не для него, а для дѣла ... Онъ молодой человѣкъ, образованный, развитый, съ новыми взглядами, слѣдовательно, вѣроятно, будетъ и безкорыстенъ ... а мы съ генераломъ только этого и желаемъ ... Одно мнѣ не нравится въ вашемъ сынѣ: онъ очень пылокъ, и не знаю, какъ вамъ сказать, жизни ли онъ не понимаетъ, или слишкомъ много думаетъ о себѣ, но нѣтъ въ немъ этой необходимой въ службѣ уступчивости, терпѣнія . .

Потапъ Егорычъ.

Молодъ-съ ... Это по молодости, отъ неопытности.

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, вотъ видите ли. Всѣ, вѣдь, мы въ университетѣ думаемъ министрами быть, но потомъ, когда послужишь годъ, поосмотришься, видишь, что для всего есть свои законы, правила, дороги, и ... покоряешься ... Ну, и ему бы, кажется, пора понять это, — три года служитъ ...

Потапъ Егорычъ.

Четыре, ваше высокородіе.

Владиміръ Васильичъ.

Вотъ видите, а между тѣмъ до сихъ поръ онъ позволяетъ себѣ нѣкоторыя выходки: то изъ присутствія уйдетъ прежде времени, то не явится вечеромъ ... подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло свое сдѣлалъ. Да вѣдь порядокъ нарушаетъ ... Ну, и формы не соблюдаетъ, иногда даже умышленно. Конечно, смѣшно, что какой-нибудь столоначальникъ разсуждаетъ объ установленномъ и уже существующемъ порядкѣ, а между тѣмъ это можетъ повредить его служебной карьерѣ ...

Потапъ Егорычъ.

Внушаю, стараюсь внушать. Какъ можно позволять себѣ свое разсужденіе ... Долженъ все исполнять, что тебѣ начальство приказываетъ, въ томъ вся наша служба ... Когда начальство къ намъ благоволитъ, въ томъ все наше счастіе, а не будетъ милости отъ начальства, что съ нами станется ... Не знаю, какъ это онъ такъ ... вѣтреникъ этакой ... А долженъ сказать, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, никогда я не видалъ отъ него непочтенія, али тамъ какого ослушанія. Не смотритъ

на свою ученость, не гнушается моими словами, благодареніе Богу, почитаетъ отца-старика неученаго ... Внушу, буду внушать, не оставьте только своими милостями ... Что мы безъ милости начальства? Долго ли нашего брата уничтожить?..

Владиміръ Васильичъ.

Онъ у васъ единственный сынъ?..

Потапъ Егорычъ (жалобно).

Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, семерыхъ имѣю... Три мальчика въ гимназіи, а еще три дочки при мнѣ находятся въ дѣвкахъ ...

Владиміръ Васильичъ.

А сколько вы жалованья получаете?

Потапъ Егорычъ.

85 рублей серебромъ съ копѣйками.

Владиміръ Васильичъ (сухо).

Скажите, пожалуйста, какъ же вы могли дать такое воспитаніе вашимъ сыновьямъ?..

Потапъ Егорычъ.

По милости Божіей тащился кое-какъ: хоть не наживалъ, да безъ хлѣба не сидѣлъ и дѣтокъ хотѣлось людьми сдѣлать ... (Встаетъ.) А теперь ... осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему великодушію ... Съ тѣмъ пришелъ. Защитите, ваше высокородіе. Заставьте за себя Бога молить. Не дайте старику отъ печали умереть и семью безъ куска насущнаго оставить ...

Владиміръ Васильичъ.

Что это? Что такое вамъ нужно?

Потапъ Егорычъ.

При несчастіи нахожусь ... Вы добродѣтельный человѣкъ. Не оставьте несчастныхъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Пожалуйста, безъ предисловій. Въ чемъ дѣло? Мнѣ некогда, извините меня.

Потапъ Егорычъ.

Будьте милосердны, позвольте все подробно объяснить.

Владиміръ Васильичъ.

Ну, говорите, только покороче.

Потапъ Егорычъ.

Въ одну минуту-съ ... Простите великодушно, что безпокою ваше высокородіе, не прогнѣвайтесь... Какъ изволили ихъ превосходительство въ послѣдній разъ по губерніи на ревизію ѣздить ... изволили поѣхать инкогнито, никто ничего не зналъ, — пріѣхали вдругъ въ нашъ городишко и прямо по присутственнымъ мѣстамъ ... Я только-что успѣлъ сбѣгать домой, мундиришко натянуть, перепыхался совсѣмъ по старости лѣтъ, а они ужъ и къ намъ пожаловали. Изволили войти и прямо на меня оборотились, а я и отъ попыховъ-то, и со страху, что наслышался объ ихней строгости, духу не могу перевести, даже языкъ къ гортани присохъ, въ горлѣ стѣсненіе сдѣлалось ... Посмотрѣли на меня и спрашиваютъ: „Ты секретарь?..“ Только я голосомъ знакъ подалъ, а языкъ даже не проговорилъ и ихняго чина не произнесъ ... Посмотрѣли этакъ на меня и на мундиришко мой, а онъ ужъ, правда, старенекъ же былъ, да и спрашиваютъ: „Сколько лѣтъ у тебя мундиру?..“ И опять я не могъ дать отвѣта; мну, мну языкомъ — не говоритъ ... Тутъ опять посмотрѣли на меня ихъ превосходительство

и изволили сказать: „И видно, говорятъ, у кого совѣсть-то не чиста“. Пошли въ присутственную комнату,— не понравилось убранство: „Кто, спрашиваютъ, канцелярскую сумму расходуетъ?“ Голова отвѣчаетъ, что секретарь. Стали они тутъ на меня гнѣваться, что канцелярскую сумму будто бы себѣ въ карманъ кладу, а велика ли она, извольте справиться: только бы на бумагу, да на свѣчи стало; нынче же бланки и книги все съ печатными заголовками приказано имѣть. Откуда тутъ на убранство взять?.. Мнѣ бы все это изъяснить, а ужасть меня обуяла: языкъ точно деревянный ... Тутъ стали ревизію производить, а у меня за два послѣднихъ дня и журналовъ не выведено, потому общество у насъ маленькое, дѣловъ никакихъ не было ... Конечно, для порядку слѣдовало бы поверстать изъ другихъ денъ, да вѣдь не знали и ничего даже не слыхали, что скоро будетъ ревизія. Такъ этимъ разогорячились ихъ превосходительство, что все ужъ тутъ стало не по нихъ: въ архивѣ порядокъ не понравился, у одного служащаго сапоги худые на ногахъ усмотрѣли, спросили меня, который мнѣ годъ; на бѣду языкъ проговорилъ, что шестьдесятъ-пять лѣтъ, и это имъ обидно показалось, зачѣмъ до такихъ преклонныхъ лѣтъ службу продолжаю, что, хотя разуму я и лишился, но въ лихоимствѣ будто бы и купцовъ обирать понятія не потерялъ. Конечно, противъ ихъ превосходительства я къ сердцу этихъ словъ принять не осмѣлился, потому того заслужилъ, хотя и не чувствую себя въ томъ виноватымъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, но полагалъ, что ихъ превосходительство погнѣваются, да и разсудить изволятъ, не думалъ того, что̀ вдругъ меня постигло: вмѣстѣ съ распоряженіями по ревизіи пришло отъ ихъ превосходительства предписаніе, чтобы я немедленно подалъ въ отставку ... Войдите въ мое положеніе, ваше высокородіе, на васъ однихъ надежда.

Владимiръ Васильичъ.

Чего же вы хотите отъ меня?

Потапъ Егорычъ.

Ихъ превосходительство вамъ довѣряютъ. Одно ваше слово много значитъ, заступитесь за несчастнаго ...

Владимiръ Васильичъ.

Что же? Вы, значитъ, считаете генерала несправедливымъ?

Потапъ Егорычъ.

Осмѣлюсь ли я только это подумать противъ начальства ...

Владимiръ Васильичъ.

Такъ что же вы хотите, чтобы я для васъ покривилъ совѣстью, прося губернатора измѣнить его правильное распоряженiе?

Потапъ Егорычъ.

Ничего я не осмѣлюсь желать, прошу только вашего милосердiя ... Нахожусь на службѣ сорокъ пять лѣтъ, и никто про меня худо не скажетъ, весь городъ до послѣдняго мальчишки знаетъ меня, и никто на меня не пожалуется, хоть справку извольте навести,—это Богъ видитъ ...

Владимiръ Васильичъ.

Ну, послушайте, о чемъ же вы хлопочете. Прослужили сорокъ пять лѣтъ, будетъ съ васъ, пора другимъ дать мѣсто: вы уже стары, въ васъ не можетъ быть той энергiи, какъ въ молодомъ человѣкѣ; молодымъ людямъ надо уступать дорогу, — они будутъ полезнѣе васъ для отечества. А вамъ, по настоящему, должно быть совѣстно даже оставаться на службѣ. Пенсiю вы выслужили, чего вамъ еще ожидать отъ службы?

Потапъ Егорычъ.

Но будьте же великодушны, чѣмъ я буду существовать? Велика ли моя пенсія?

Владиміръ Васильичъ.

Такъ послушайте же, мой любезнѣйшій, что я вамъ скажу: во-первыхъ, служба не богадѣльня, во-вторыхъ, какъ же вы могли существовать при вашемъ маломъ жалованьѣ?..

Потапъ Егорычъ.

Ваше высокородіе, сами разсудите — можно ли жить однимъ нашимъ жалованьемъ съ эдакой семьей?.. Дай Богъ здоровья, меня купцы не оставляли ...

Владиміръ Васильичъ.

Вотъ видите, почтеннѣйшій, вы сами признаетесь, что брали съ купцовъ, а еще смѣете просить, чтобы я ходатайствовалъ за васъ передъ начальникомъ губерніи!

Потапъ Егорычъ.

Да, ваше высокородіе, будьте милосердны. Я никому не оказывалъ притязанія, бралъ, что̀ принесутъ, какъ милостыню. Купцы меня безъ души любятъ ... Да если бы я не бралъ отъ нихъ, такъ не то что дать дѣтямъ какое-нибудь ученье, а и грамотѣ-то бы ихъ не на что было выучить ... И какъ бы я мужикъ, али мѣщанинъ былъ, такъ хоть бы мастерству ихъ какому обучилъ, а то вѣдь мы тоже чиновники, дворяне называемся ...

Владиміръ Васильичъ.

И гораздо бы лучше вамъ было оставить ихъ неучами, нежели образовывать на незаконно нажитыя деньги.

Потапъ Егорычъ.

Богъ видитъ, ваше высокородіе, дѣлалъ ли я что незаконное ...

Владиміръ Васильичъ.

Всякій чиновникъ долженъ жить на тѣ средства, которыя ему дало правительство, а тотъ, который позволяетъ себѣ побочные доходы, не можетъ быть терпимъ на службѣ ...

Потапъ Егорычъ.

Ваше высокородіе, пощадите. На васъ однихъ надежда ...

Владиміръ Васильичъ.

Ничего я для васъ не могу сдѣлать: было бы низко съ моей стороны хлопотать за васъ. Я знаю, что можно существовать однимъ жалованьемъ. Конечно, я больше вашего получаю, но я и живу въ другомъ обществѣ, у меня и потребностей больше вашего, однако я существую же; бѣдствую, терплю лишенія, но существую однимъ жалованьемъ.

Потапъ Егорычъ (нерѣшительно).

Ваше высокородіе, я и благодарить готовъ, только не оставьте ...

Владиміръ Васильичъ (грозно).

Что-о-съ? Такъ еще вы осмѣливаетесь и мнѣ даже предлагать взятку, мнѣ?.. Вы до такой степени сроднились со взятками, что даже вѣрите въ возможность подкупить меня ... И вы еще смѣли просить моего ходатайства?..

Потапъ Егорычъ (оробѣвъ).

Ваше высокородіе, ваше высокородіе!.. Только по вашимъ ласкамъ, по вашему вниманію осмѣлился ...

Владиміръ Васильичъ.

А, такъ вы привыкли думать, что если вамъ подаютъ руку, сажаютъ васъ, такъ хотятъ съ васъ взятки ... О, чернильное племя, да когда же оно выродится?.. Не только защищать, буду настаивать, чтобы васъ выгнали ...

Потапъ Егорычъ (на колѣняхъ).

Простите, пощадите ... одна надежда на васъ ... Радъ послѣднее отдать для семьи ...

Владиміръ Васильичъ.

Оставьте меня, извольте идти ... хм ... Дворянинъ на колѣняхъ ... Не позорьте своего званія ... это гнусно ...

Потапъ Егорычъ.

Вѣдь ничего у меня нѣтъ, вѣдь пропадетъ моя семья отъ бѣдности.

Владиміръ Васильичъ.

Оставьте меня, говорятъ вамъ! Я ничему не повѣрю послѣ того, что вы осмѣлились ... Вы заставляете меня думать, что и сынъ пойдетъ по вашей дорогѣ ...

Потапъ Егорычъ.

Нѣтъ, нѣтъ ... его-то не погубите. Онъ ни въ чемъ не виноватъ ... Батюшка, ваше высокородіе ... (Плачетъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Подите же вонъ, если не хотите, чтобы я велѣлъ васъ вывести.

Явленіе четвертое.

Тѣ же, **Андрей** и **частный приставъ.**

Андрей.

Пришелъ частный-то.

Владиміръ Васильичъ.

Позови сюда ...

Андрей.

Да еще секретарь, Анисимъ Өедорычъ.

Владиміръ Васильичъ.

Проси.

Потапъ Егорычъ.

Такъ не будетъ милости?

Владиміръ Васильичъ.

Подите, а то будетъ худо.

Потапъ Егорычъ.

Хоть сына-то не оставьте! (Уходитъ, сдерживая рыданія.)

(Частный приставъ и Анисимъ Өедорычъ входятъ въ двери задней стѣны. Частный приставъ останавливается у самыхъ дверей. Анисимъ Өедорычъ съ портфелемъ проходитъ нѣсколько впередъ въ сторону.)

Владиміръ Васильичъ

(къ Анисиму Өедорычу).

Здравствуйте, Анисимъ Өедорычъ! (Подаетъ ему руку.) Здравствуйте! (Киваетъ головою частному приставу.)

Частный приставъ.

Изволили требовать.

Владиміръ Васильичъ.

Да вотъ видите, зачѣмъ я васъ просилъ.

Частный приставъ.

Что̀ изволите приказать?

Владиміръ Васильичъ

(обращаясь то къ секретарю, то къ частному приставу).

Вообразите! Сейчасъ приходилъ ко мнѣ прикащикъ купца Трезимова ...

Анисимъ Өедорычъ.

Вѣрно того, что̀ снялъ заводъ у помѣщика Ахтубова и, вмѣсто десяти тысячъ ведеръ, производилъ сто тысячъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Да, да! И представьте — осмѣлился предлагать мнѣ взятку: огромный пакетъ съ деньгами ...

Частный приставъ

(подобострастно ухмыляясь).

Хм... какой ... негодяй ... Какъ же онъ смѣлъ-съ?

Анисимъ Өедорычъ.

Вѣрно ходатайствовалъ по этому самому дѣлу?..

Владиміръ Васильичъ.

Да!.. Вѣдь вы знаете, что генералъ, не довѣряя никому и зная, что тутъ замѣшана вся земская полиція, нарочно поручилъ это дѣло мнѣ ... Они ужъ объ этомъ пронюхали и вздумали подкупить— кого же? меня!..

Частный приставъ.

Хм... да-съ ... (Неодобрительно качаетъ головой.) Народъ смѣлый-съ ...

Анисимъ Өедорычъ (спокойно).

Мошенники!.. (Отворачивается и украдкой нюхаетъ табакъ.)

Владиміръ Васильичъ

(къ частному приставу).

Я хотѣлъ его задержать и послалъ за вами. Какъ онъ только замѣтилъ, что человѣкъ мой ушелъ, сейчасъ и скрылся ...

Частный приставъ.

Хм... Скажите-съ... Какой народецъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ отыщите его, пожалуйста: имени своего онъ мнѣ не сказалъ, да я его сейчасъ узнаю, — такой смуглый и рябоватый, рожа плутовская.

Частный приставъ.

Слушаю! Постараю-съ!..

Анисимъ Өедорычъ.

Запрется... Это съ опытомъ былъ подосланъ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, вотъ я имъ покажу, что̀ значитъ дѣлать со мной эти опыты...

Анисимъ Өедорычъ.

Запрется-съ ... признанія не сдѣлаетъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Все равно, пусть не дѣлаетъ. Губернаторъ и безъ признанія прикажетъ съ нимъ распорядиться ...

Частный приставъ.

Прикажете идти?

Владиміръ Васильичъ.

Да, пожалуйста, потрудитесь его отыскать ...

Частный приставъ.

Слушаю-съ ... (Кланяется и уходитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же, безъ частнаго пристава.

Анисимъ Өедорычъ.

Журналы изволили просматривать?

Владиміръ Васильичъ.

Да, читалъ, только не всѣ подписалъ, уже въ присутствіи ... Возьмите ихъ, пожалуйста, съ собой ... А насчетъ замѣчанія сената ... тутъ можно выйти редакціей ... изложеніемъ этого ... вы не можете ... Ну, это я самъ сдѣлаю.

Анисимъ Ѳедорычъ

(собирая и укладывая въ портфелъ бумаги).

Вице-губернаторъ вчера требовалъ меня къ себѣ ...

Владиміръ Васильичъ.

Это зачѣмъ?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не соглашается на преданіе суду чернокрутскаго и верхнеязинскаго земскихъ исправниковъ за медленность взысканія недоимокъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Да что намъ за дѣло, что онъ не соглашается, когда губернаторъ приказалъ ... Генералъ непремѣнно хочетъ, чтобы всѣ недоимки къ новому году были очищены ... во что бы то ни стало.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да вѣдь и несообразно, Владиміръ Васильичъ, и суду-то ихъ предать. За это бы и нельзя по настоящему ...

Владиміръ Васильичъ.

Вы вѣдь знаете, что это губернаторъ приказалъ,—такъ вице-губернаторъ можетъ не соглашаться, сколько ему угодно; пусть подастъ мнѣніе, а между тѣмъ журналъ привести въ исполненіе ... Вѣрно, ему тѣ исправники очень дороги, что онъ такъ вступается за нихъ ...

Анисимъ Өедорычъ.

Не могу знать-съ ... Опять приказали сорокинскому становому приставу Пурпурову написать строжайшій выговоръ по жалобѣ вольноотпущенной женки Петровой, на медленность производства слѣдствія о покражѣ у нея имущества на двадцать пять рублей съ копѣйками ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, да ...

Анисимъ Өедорычъ.

По закону сначала слѣдуетъ потребовать объясненія ... Ему уже и то было пять выговоровъ, а за шестымъ слѣдуетъ преданіе уголовнаго суда.

Владиміръ Васильичъ.

Мнѣ этого-то и хочется; я слышалъ, онъ большой мошенникъ.

Анисимъ Өедорычъ.

Прикажете написать выговоръ?

Владиміръ Васильичъ.

Да, да, непремѣнно.

Анисимъ Өедорычъ.

Слушаю-съ.

Владиміръ Васильичъ.

Больше ничего нѣтъ особеннаго?

Анисимъ Өедорычъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Владиміръ Васильичъ.

Не слыхали ли чего новенькаго?

Анисимъ Өедорычъ.

Вице-губернаторъ на васъ въ большой претензіи остаются. Вчера даже и на меня кричали. Если что случится — защитите ...

Владиміръ Васильичъ.

Ужъ объ этомъ не безпокойтесь: за мною вы совершенно безопасны. Что же такое, разскажите, пожалуйста?

Анисимъ Өедорычъ.

Не извольте огнѣваться. Фанаберіей, говоритъ, забирается, а дѣла не смыслитъ: изъ пустяковъ, говоритъ, шумъ заводитъ, а важное изъ виду упускаетъ. Бѣдняковъ, говоритъ, преслѣдуетъ, а настоящихъ взяточниковъ около себя держитъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Ага! Не по душѣ ему это преслѣдованіе ... Знаетъ кошка чье мясо съѣла ... Ну, да не долго и ему насидѣть: говорятъ, что не беретъ, ни за что не повѣрю: не можетъ тотъ не брать, кто защищаетъ взяточниковъ ... Надобно объ этомъ передать губернатору ...

Анисимъ Өедорычъ.

Только вы, Владиміръ Васильичъ, меня пожалѣйте. Тоже и вице-губернаторъ человѣкъ случайный ...

Владиміръ Васильичъ.

Я вамъ сказалъ, что вы, пока держитесь меня, можете быть совершенно покойны ...

Явленіе шестое.

Тѣ же, Андрей и Золотаревъ.

Андрей (входя).

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ пріѣхалъ.

Владиміръ Васильичъ.

Проси, проси. До свиданія, Анисимъ Θедорычъ.

Золотаревъ (входя).

Здравствуйте, Владиміръ Васильичъ ... Извините, я, кажется, помѣшалъ вашимъ занятіямъ?

Владиміръ Васильичъ.

Извините, что я встрѣчаю васъ въ такомъ дезабилье ... А занятія мои никогда не прерываются: это безконечная исторія ... (Къ Анисиму Θедорычу.) Такъ, пожалуйста, сдѣлайте поскорѣй исполненіе по этимъ бумагамъ.

Анисимъ Θедорычъ.

Слушаю-съ. Честь имѣю свидѣтельствовать почтеніе. (Кланяется Золотареву.)

Золотаревъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Анисимъ Θедорычъ. (Подаетъ ему руку.)

(Анисимъ Θедорычъ уходитъ.)

Владиміръ Васильичъ

(подавая кресла Золотареву).

Прошу васъ покорнѣйше. А вы знакомы съ моимъ секретаремъ?

Золотаревъ.

Помилуйте, кто же изъ здѣшнихъ помѣщиковъ не знаетъ Анисима Θедорыча? Онъ вѣдь нѣсколько лѣтъ назадъ былъ секретаремъ здѣшней гражданской палаты, да при прежнемъ предсѣдателѣ его, кажется, попросили удалиться, былъ нѣсколько времени безъ мѣста, и вотъ опять дѣйствуетъ на пользу службы ... (Двусмысленно улыбается.)

Владиміръ Васильичъ.

Да и въ губернскомъ правленіи ему бы не усидѣть на мѣстѣ. Слухи о немъ ходили не совсѣмъ

хорошіе, да я замѣтилъ, что онъ отличный дѣлецъ, и упросилъ губернатора оставить его; онъ можетъ быть очень полезенъ для службы, только его надобно держать въ рукахъ...

Золотаревъ.

Смотрите, не хвастайте: онъ опытная щука, какъ разъ выскользнетъ изъ рукъ, и не замѣтите.

Владиміръ Васильичъ.

Если и выскользнетъ, то, надѣюсь, не въ рѣку, а въ садокъ, гдѣ ей будетъ ужъ очень голодно.

Золотаревъ.

Щука и въ садкѣ сумѣетъ найти поживу; впрочемъ, это не бѣда, пусть ее ѣстъ, лишь бы другіе были сыты ... Но не въ томъ дѣло ... Я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбой, Владиміръ Васильичъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Что вамъ угодно, Дмитрій Николаичъ? Готовъ все исполнить съ величайшимъ удовольствіемъ.

Золотаревъ.

Ловлю на словѣ. Согласіе дано прежде просьбы, слѣдовательно, можно высказать, просьбу не стѣсняясь ... Скажите, пожалуйста, за что вы напали такъ на Трезимова ...

Владиміръ Васильичъ.

О, это величайшій мошенникъ ...

Золотаревъ.

Вотъ ужъ ничего не видя и мошенникъ! Какъ вы, молодые люди, щедры на привѣтствія ...

Владиміръ Васильичъ.

Да помилуйте, Дмитрій Николаичъ, вообразите, что онъ осмѣлился со мной сдѣлать не дальше, какъ сегодня ...

Золотаревъ.

Знаю, знаю, и полагаю, уже половина города знаетъ о его преступленіи и о вашемъ геройствѣ.

Владиміръ Васильичъ (смущаясь).

Да какимъ же образомъ вы могли такъ скоро узнать?

Золотаревъ.

Очень просто: я ѣхалъ къ вамъ, какъ встрѣтился съ частнымъ приставомъ Тебетенниковымъ; у меня была маленькая просьбишка, требующая немедленнаго исполненія по случаю покражи нѣкоторой суммы денегъ, тысячъ въ десять серебромъ, совершенной сегодняшнею ночью у одного изъ моихъ повѣренныхъ, тоже порядочнаго вора, признаться сказать ... Такъ я, благо встрѣтился, и просилъ было его принять немедленно мѣры къ отысканію такого искуснаго вора, который умѣлъ обокрасть своего товарища. Никакъ, говоритъ, не могу: Владиміръ Васильичъ приказалъ отыскать мошенника, который давалъ ему денегъ; а, вѣдь, такихъ мошенниковъ не много, Владиміръ Васильичъ, которые бы денегъ-то давали! ... Долженъ, говоритъ, отыскать этого мошенника во что бы то ни стало, а до тѣхъ поръ, говоритъ, никакими государственными дѣлами заниматься не дозволено ...

Владиміръ Васильичъ

(смѣется, чтобы скрыть невольное смущеніе).

Ха-ха-ха! ... Вы вѣчный острякъ и шутникъ ... Но что же вамъ до Трезимова?

Золотаревъ.

Какъ что, помилуйте! Онъ въ части со мной по откупу, а если, вѣдь, вы его подберете къ рукамъ, такъ онъ, пожалуй, обанкрутится, а чрезъ это, во-первыхъ, государство потеряетъ одинъ изъ произ-

водительныхъ капиталовъ. Ну, да государство, положимъ, не будетъ плакать, оно останется довольно неподкупностью и распорядительностью своихъ чиновниковъ, а вотъ мои-то дѣла пострадаютъ, вотъ что прискорбно ...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ зачѣмъ же, скажите, пожалуйста, онъ рѣшился тайно производствовать большее количество ведеръ? Вѣдь, онъ перестроилъ и усилилъ заводъ, не испросивши дозволенія и не заплативши узаконенныхъ пошлинъ; а онъ, говорятъ, очень богатъ.

Золотаревъ.

Да, за это, конечно, онъ дуракъ, а по капиталу онъ, дѣйствительно, субъектъ очень интересный для анатомическихъ изслѣдованій какъ неподкупной, такъ и другой противоположной ей администраціи, ибо первая можетъ отличиться неподкупностью воззрѣній и честностію труда, другая, обогатиться разнообразными пріобрѣтеніями ... Но оставимъ всѣ эти побрякушки и обратимся къ дѣлу; вотъ въ чемъ моя просьба: нельзя ли какъ замять это дѣло?

Владиміръ Васильичъ.

Что̀ вы говорите, Дмитрій Николаичъ? Ужъ на это-то я никакъ не рѣшусь, и даже удивляюсь, какъ вамъ вздумалось оскорблять меня такою просьбой ...

Золотаревъ.

Ну, послушайте, удивляться тутъ нечему и оскорбляться также; вѣдь я вамъ денегъ не предлагаю, а каждому просить о томъ, что для него нужно, позволяется ... не правда ли? ... Такъ на этомъ-то аконномъ основаніи я и прошу васъ, а вотъ и резоны: вы начнете производить слѣдствіе, Трезимовъ, можетъ, успѣетъ доказать, не то, что вамъ

хочется, — и тогда все дѣло будетъ пустякъ ... Ну, положимъ, что вы и докажете противное, такъ вѣдь не вы послѣдніе судьи, можетъ быть, и слѣдствіе окажется неправильно произведеннымъ, пріѣдутъ новые слѣдователи, для которыхъ дѣло предстанетъ въ другомъ свѣтѣ ... и тогда ваше рвеніе пропадетъ даромъ ... Такъ не заводите шуму изъ пустяковъ, и если ваша совѣсть такъ щекотлива, что вы не можете покривить ею, такъ вотъ вамъ средство: уступите это дѣло другому слѣдователю ...

Владиміръ Васильичъ.

Губернаторъ мнѣ его поручилъ, и я его долженъ произвести ...

Золотаревъ.

То есть, можетъ быть, вы опасаетесь, что губернаторъ заподозритъ васъ въ чемъ-нибудь, если вы передадите это дѣло другому, — не бойтесь. Вы можете именно представить ту причину, что вы совѣтникъ и что вамъ неловко производить слѣдствіе, или, наконецъ, даже то, что уже къ вамъ приходили съ подкупомъ, и что по этому уже самому вы не можете быть совершенно безпристрастны ... Вы уже теперь огласили, что васъ подкупали. Хорошо, если откроете, что вамъ хочется, а если не успѣете, то, увѣряю васъ, весь городъ будетъ думать, что вы приняли деньги, а распустили слухъ о своей неподкупности для того, чтобы замаскировать свой поступокъ.

Владиміръ Васильичъ.

Я ничего не боюсь, увѣряю васъ ... Въ моей честности никто не смѣетъ сомнѣваться ... И развѣ это не значитъ покривить своей совѣстью, — передать дѣло отъ себя въ другія руки для того, чтобъ оно было произведено противозаконно ...

Золотаревъ.

Эхъ, Боже мой! Неужели вы думаете, что при вашемъ губернаторѣ нѣтъ честныхъ людей, кромѣ васъ? А хотите, вы мнѣ вѣрьте или нѣтъ: я уважаю честныхъ людей и поэтому-то желаю вамъ добра … Я вамъ разскажу притчу: въ одномъ мѣстѣ явился богатырь, началъ все рубить и крошить, что̀ ни попадалось подъ руку: летѣли секретари, столоначальники, засѣдатели, исправники, — ничто не могло сопротивляться … Очень расхрабрился нашъ богатырь и вздумалъ помѣряться силами съ нѣкоторымъ чудовищемъ, называемымъ милліонъ, а, вѣдь, это многоглавая гидра. Сшибъ одну голову, сшибъ другую, только вступились за обиженныхъ прочіе, — и слетѣлъ богатырь съ мѣста, какъ ни крѣпко стоялъ на немъ …

Явленіе седьмое.

Тѣ же и Андрей, потомъ **Никифоръ Михайловичъ** и **Прасковья Михайловна.**

Андрей (торопливо входя).

Владиміръ Васильичъ!

Владиміръ Васильичъ.

Что тебѣ нужно?

Андрей.

Пожалуйте сюда …

Владиміръ Васильичъ.

Да что тебѣ?

Андрей.

Да папенька съ маменькой пріѣхали.

Владиміръ Васильичъ (мѣняясь въ лицѣ).

Гдѣ?

Андрей.

Здѣсь, въ прихожей раздѣваются. (Уходитъ).

Золотаревъ.

Ну-съ, очень радъ, что нашъ разговоръ прерывается такимъ радостнымъ для васъ событіемъ.

Владиміръ Васильичъ
(въ сильномъ замѣшательствѣ).

Нѣтъ, вотъ видите ... Вѣдь онъ вретъ ... Вѣдь онъ дуракъ ... Это дальніе дядя и тетка мои, у которыхъ я воспитывался послѣ смерти моихъ родителей ... Они ... они ...

Золотаревъ.

Но все-таки для васъ это дорогіе гости ... Надѣюсь, что хоть ради ихъ пріѣзда вы исполните мою просьбу ...

Владиміръ Васильичъ.

Я, право, не знаю ... Извините меня ...

Голоса за сценой.

Да гдѣ онъ? Гдѣ нашъ Володя?

Никифоръ Михайловичъ и Прасковья Михайловна (входя).

Вотъ онъ, вотъ нашъ Володя. (Бросаются къ нему и стараются обнять. Владиміръ Васильичъ, смущенный, старается уклониться отъ объятій, улыбается, хмурится, блѣднѣетъ и краснѣетъ).

Никифоръ Михайловичъ.

А, каковы мы, Володя? Прикатили? Ха, ха, ха! (Потираетъ руки.)

Прасковья Михайловна.

Да что ты, здоровъ ли, что точно не въ своей тарелкѣ ... Али не радъ намъ?

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, помилуйте, тетушка ... Вотъ у меня ... (Указываетъ на Золотарева.) Извините, Дмитрій Николаичъ.

Золотаревъ.

Извините меня ... Позвольте ...

Прасковья Михайловна (перебивая его).

Нѣтъ, какъ ты меня тетушкой-то назвалъ ... Неужели ужъ совсѣмъ отвыкъ ... (Обращаясь къ Золотареву.) Не имѣю, сударь, чести знать вашего имени, отчества ... Вы люди губернскіе, мы люди деревенскіе, не взыщите на нашей простотѣ ... Рада чести васъ видѣть у моего Володеньки, и карету вашу видѣли, карета прекрасная, — видно, вы люди богатые, мы люди бѣдные.

Никифоръ Михайлычъ.

А мы въ кибиточкѣ притащились ... ха, ха, ха! ... Въ кибиточкѣ.

Прасковья Михайловна.

Извините, батюшка, на нашемъ необразованьи, на нашемъ неученьи ... Вы люди губернскіе, мы люди деревенскіе, изъ простыхъ-простые ...

Золотаревъ.

Очень пріятно, сударыня, очень пріятно ... (Къ Владиміру Васильичу вполголоса.) Вполнѣ понимаю ваше положеніе, и, если угодно, оставлю для одного себя тайною вашу радость ... Но какъ же ваше согласіе?

Владиміръ Васильичъ
(совершенно смущенный).

Извольте, я согласенъ ... Это такъ странно случилось ...

Золотаревъ.

Будьте покойны ... Прощайте ...

Прасковья Михайловна.

Прощайте, сударь ...

Золотаревъ.

Прощайте сударыня ...

Никифоръ Михайлычъ.

Позвольте познакомиться: недоросль изъ дворянъ, Никифоръ Михайловъ Губанчиковъ ... Въ пятьдесятъ лѣтъ недоросль, а все-таки изъ дворянъ, замѣтьте! ... Ха, ха, ха ... Да, да вотъ какого воспиталъ ... (Указываетъ на Владиміра Васильевича.)

Прасковья Михайловна.

Это все я, все я хлопотала. И въ гимназію я опредѣляла, и въ ниверситетъ ... Не вѣрьте, батюшка, гдѣ бы ему ...

Золотаревъ.

Очень радъ, очень радъ ... Прощайте, Владиміръ Васильичъ! (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Тѣ же безъ **Золотарева.**

Прасковья Михайловна

(подбѣгая къ Владиміру Васильичу).

Ну, ну, перестань, не бойся, вѣдь не сержусь ... Все высказала и съ души долой ... Ну-ка, обнимай ласковѣй-то ...

Никифоръ Михайлычъ.

Кого сначала-то станешь, Володя, — всякому обидно ... Лучше обоихъ вдругъ ... Ха, ха, ха! ...

Прасковья Михайловна.

Ну, перестань же кобениться-то. Говорятъ, все съ сердца спало ... Вѣдь, мы какъ тебя любимъ-то,

а сердилась, сердилась ... Ну, а теперь ничего ... (Обнимаютъ его и цѣлуютъ.) Вѣдь мы къ тебѣ недѣльки на двѣ пріѣхали, а, можетъ быть, и ...

Владиміръ Васильичъ.

Очень радъ, только извините, у меня квартира тѣсная, мнѣ васъ помѣстить негдѣ ...

Прасковья Михайловна.

Что, что? Что ты сказалъ? У тебя отцу съ матерью мѣста нѣтъ?

Никифоръ Михайлычъ.

Вотъ тебѣ разъ ... ха, ха, ха! ... Вотъ тебѣ разъ!

Владиміръ Васильичъ.

Послушайте, тетушка. Пора это кончить ... Вы могли отъ меня требовать, чтобы я считалъ васъ матерью, когда я былъ ребенкомъ, и когда вы меня кормили кашей и пирогами съ капустой ... А теперь я всѣмъ себѣ обязанъ, и потому позвольте мнѣ быть только вашимъ племянникомъ ...

Прасковья Михайловна.

Что, что? ... Такъ вотъ какъ! Такъ эдакъ-то? .. Такъ ты всѣмъ себѣ обязанъ? Такъ не я тебя въ гимназію опредѣлила, не я за тебя послѣднія деньги платила, не на свой счетъ тебя въ Москву, въ ниверситетъ свезла? Много ли послѣ родителей-то у тебя осталось? Кукишь ... Такъ вотъ благодарность? ... Такъ знай же, безсовѣстный, не ѣсть твой хлѣбъ ѣхали, а тебѣ везли ... (Со слезами.) Богъ съ тобой ... Не надо тебѣ насъ, нѣтъ же и тебя у насъ ... Тетушка Глафира Ивановна померла, и все имѣніе намъ въ раздѣлъ отказала ...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ?

Прасковья Михайловна.

Такъ, голубчикъ ... Мы было съ братомъ свою часть тебѣ хотѣли отдать, теперь не видать тебѣ ея ... Получай свои тридцать душъ ... да и поминай, какъ насъ звали ... Нѣтъ намъ у тебя мѣста — и намъ тебя не надо ... Подемъ, Никифоръ Михайлычъ, подемъ ... (Плачетъ.) Было дитя, нѣтъ дитя ... Подемъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Тетушка ... Маменька ...

Прасковья Михайловна.

Нѣтъ, стара штука ... Минуты не хочу быть здѣсь ... Андрюшка, скажи Васькѣ, чтобы лошадей подавалъ ... Было дитя, нѣтъ дитя ... (Уходитъ.)

Никифоръ Михайлычъ.

Плохо, братъ, Володя ... Грѣхъ тебѣ ... Что, обанкрутился? ... Ха, ха, ха! ... (Уходитъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Что за несчастіе! ... (Бросается въ кресло.) А въ городѣ-то что будутъ говорить ... Маменька ... Маменька ... (Бѣжитъ вслѣдъ за ушедшими.)

Занавѣсъ падаетъ.

Дѣйствіе второе.

Гостиная въ домѣ Анисима Өедорыча. Мебель краснаго дерева, за исключеніемъ двухъ глубокихъ и мягкихъ креселъ на пружинахъ. Передъ диваномъ столъ овальной формы. На стѣнѣ, въ простѣнкѣ между окнами, большое зеркало въ рамѣ краснаго дерева съ такимъ же подзеркальникомъ, на которомъ стоятъ бронзовые столовые часы подъ стеклянымъ колпакомъ. На окнахъ кисейныя драпировки съ бронзовыми багетами. На боковыхъ стѣнахъ двери одна противъ другой.

Явленіе первое.

нисимъ Өедорычъ и Пурпуровъ.

Анисимъ Өедорычъ.

Хорошо, что вы поспѣшили своимъ прибытіемъ, а то Владиміръ Васильичъ настоятельно было приказывалъ послать исполненіе о шестомъ выговорѣ и о преданіи васъ суду.

Пурпуровъ.

Помилуйте, Анисимъ Өедорычъ, я тотчасъ поспѣшилъ по полученіи вашего письма, ни минуты не мѣшкалъ ... Но будьте милостивы, Анисимъ Өедорычъ, разсудите великодушно. Вѣдь это несправедливо и даже, могу сказать, противозаконно.

Анисимъ Өедорычъ.

Докладывалъ ... приказываютъ ...

Пурпуровъ.

Такъ вѣдь какъ же, Анисимъ Өедорычъ, теперь, если по каждой жалобѣ будутъ нашему брату становому дѣлать выговоры, не потребовавши даже объясненія, такъ что же это такое будетъ? Это нельзя служить ... Это выходитъ одно мщеніе противъ нашего брата ...

Анисимъ Өедорычъ.

Начальство! ...

Пурпуровъ.

Конечно, начальство, Анисимъ Өедорычъ, но неужели начальство не можетъ разсудить, что хоть бы я становой, — я не могу же заниматься каждымъ мужикомъ и бабой: у меня вонъ ихъ въ стану-то двадцать семь тысячъ ... А мужикъ, извѣстно, народъ глупый, необразованный, неучъ. Ему только поблажку дай, — онъ каждый день будетъ жаловаться ... Ну, вотъ хоть бы теперь по этому дѣлу о покражѣ имущества у вольноотпущенной женки Петровой ... Тамъ стащили у нея коробишку съ тряпьемъ, чай, всего алтына на три, а она объявляетъ пропажу въ 25 рублей серебромъ и жалуется еще на медленность производства слѣдствія ... Да развѣ есть мнѣ время заниматься такими пустяками? У меня есть дѣла поважнѣе ... У меня ихъ въ стану-то двадцать семь тысячъ, а имъ что больше дѣлать, какъ не воровать другъ у друга? Если во всѣ ихъ дрязги входить, такъ это давно надобно здоровья лишиться, болѣзнь себѣ получить, да и времени не достанетъ ...

Анисимъ Өедорычъ.

Требуютъ распорядительности ...

Пурпуровъ.

Гм... Да развѣ вы не знаете, Анисимъ Өедорычъ, моей распорядительности? ... Кажется, давно

знакомы. Знаете сами, вашъ домъ былъ въ моей части, когда еще состоялъ я здѣсь частнымъ приставомъ, былъ ли какой безпорядокъ, или тамъ упущеніе, медленность? ... Такъ ужъ, кажется, насчетъ этого мнѣ не учиться ... Вѣдь, начальство, можетъ, того не знаетъ, надъ мужикомъ какая нужна распорядительность. Чтобы онъ былъ тихъ, покоренъ, не возмечталъ объ себѣ, — кулакъ, да плеть нужна на него... Коли въ строгости онъ содержится, не даетъ ему становой потачки, вотъ и порядокъ въ стану, вотъ и распорядительность вся, чтобы онъ голоса не смѣлъ подать, потому зналъ бы, что онъ есть мужикъ ... А вотъ у кого должно спросить начальство, распорядителенъ ли я, — у помѣщика. Становой постановленъ для огражденія помѣщиковъ, у нихъ и спросите про меня, такъ ужъ я знаю, что ни одинъ на меня не пожалуется. Кто усмирилъ въ самомъ началѣ возмущеніе крестьянъ противъ помѣщика Летаева? Я! ... Кто отыскалъ троихъ бѣглыхъ дворовыхъ людей помѣщика Отрубкина? Я! ... Кто поймалъ воровъ, что обокрали полковника Шипина? Я же, вѣдь ... Такъ развѣ это не распорядительность? ... Да на меня теперь ни одинъ господинъ не пожалуется, чтобы я не занялся, не приказалъ при себѣ отодрать послѣдняго лакеишка, котораго пришлютъ ко мнѣ для наказанія ... Такъ вотъ бы на что должно было начальство обратить вниманіе ... Какъ еще служить, — не знаю ...

Анисимъ Ѳедорычъ

(съ невольной горечью).

Начальство нынче требуетъ, чтобы ко всякому послѣднему рабу оказывать такое же вниманіе, какъ къ хорошему настоящему дворянину или чиновнику...

Пурпуровъ.

Гм ... Такъ я теперь долженъ служить мужику, съ нимъ и знакомство вести, а дворянскую компа-

нію я оставлять долженъ... Ахъ! (Съ глубокимъ вздохомъ.) Чудеса, чудеса! чего только начальство требуетъ! Такъ я теперь чиновникъ, имѣю себѣ сорокъ пять лѣтъ отъ роду, имѣю при себѣ жену и семейство, дочь на возрастѣ, и долженъ я водиться съ мужикомъ? Да пуститъ ли тогда меня къ себѣ въ домъ хоть одинъ помѣщикъ, или я долженъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ уединеніи оставаться, въ дикости эдакой, какъ въ ссылкѣ какой?... А гдѣ же хоть бы моимъ дочерямъ и перенять что-нибудь, какъ не въ господскомъ домѣ? А меня, слава Богу, вонъ генеральша фонъ-Дризендорфъ, такъ и та принимаетъ къ себѣ въ домъ... Опять я то знаю, что помѣщикъ меня ни въ чемъ и не оставитъ, если я ему услужу, а отъ мужика чего мнѣ ждать?...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Начальство ни во что это не входитъ. Это вотъ вы мнѣ только такъ по знакомству говорите, а начальство дѣлаетъ взысканіе только по однимъ дѣламъ.

Пурпуровъ.

Я, Анисимъ Ѳедорычъ, ни въ какихъ дѣлахъ не замаранъ. Я это въ своей совѣсти чувствую... А я знаю, откуда все это происходитъ: это все исправникъ мнѣ мститъ, и за что онъ мнѣ мститъ, понять не могу... Онъ разыгрываетъ ту роль, что по Владиміру Васильичу отъ нынѣшняго губернатора поставленъ, такъ будто бы ни къ чему не причастенъ. Точно, я два раза приносилъ ему слѣдующее, какъ по прежнему было, онъ не взялъ, но этимъ вѣдь насъ тоже не обморочишь. Между тѣмъ, слышу, требуетъ отъ откупщика, чтобы становымъ не давать, а что прежде шло на исправника и двухъ становыхъ, все бы это ему одному доставлять... Опять по дѣламъ будто бы не беретъ, а съ раскольниками что дѣлаетъ? Знаетъ, что генералъ строго слѣдитъ по этой части

и всячески старается о преслѣдованіи раскола, такъ пріѣдетъ въ какой-нибудь раскольничій домъ въ ночное время съ обыскомъ, перепугаетъ всѣхъ, — одна старуха даже черезъ этотъ испугъ смерть получила, — оберетъ тамъ всѣ книги и образа запрещенные, да и говоритъ: вотъ, — говоритъ, — коли хотите, чтобы все оставилъ и не открывалъ, такъ деньги давайте, и напишу, что ничего не нашелъ. Тѣ извѣстно: бери, что угодно, только ихъ святости не тронь ... Такъ онъ деньги-то возьметъ, а образа-то, да книги все таки представитъ ... А нашъ генералъ да и Владиміръ Васильичъ, извѣстно, какъ думаютъ. Ужъ коли раскольниковъ обижаетъ, значитъ, дескать, человѣкъ безкорыстный; такъ на эдакое-то безкорыстіе всякаго станетъ. А по-нашему это низость, что взялъ съ подначальнаго человѣка и не сдѣлалъ для него ... Мы еще эдакъ не поступаемъ ... Вотъ спросилъ бы меня Владиміръ Васильичъ, я бы ему поразсказалъ про ихняго-то честнаго исправника ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не повѣрятъ: скажутъ выдумка ...

Пурпуровъ.

Да оно точно выдумка, только выдумка-то хороша; онъ съ этой выдумкой тысячъ десять въ годъ нажилъ ... ихный-то честный исправникъ ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Разумѣется, мошенникъ!

Пурпуровъ.

То-то и есть, Анисимъ Ѳедорычъ! А нашему брату, бѣдняку, жить нельзя: ты какими-нибудь крупицами пользуешься, а тебя взяточникомъ зовутъ ... Нѣтъ, это все, Анисимъ Ѳедорычъ, отъ счастья: кому какое счастье. Вотъ хоть бы господинъ вице-губернаторъ за Зайчикова, за думскаго секретаря,

за того вступился, хоть тотъ по глупости самъ, говорятъ, признался ему, что благодарности принималъ, а на меня прошлаго года опрокинулся, стращалъ отъ должности удалить ... Изволите знать, по дѣлу о засѣченіи дворовой дѣвки помѣщикомъ Быстриковымъ ... А я тогда, видитъ Богъ, не изъ низости изъ какой, не изъ корысти, а просто потому, чтобы не погубить хорошаго человѣка изъ-за эдакихъ пустяковъ, хотѣлъ дѣло потушить ... Нѣтъ, это, право, кому какое счастье ... На меня, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки валятся ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

А я вамъ скажу, что вы въ большомъ сомнѣніи. Примите мѣры, а то можете должности лишиться ...

Пурпуровъ.

Анисимъ Ѳедорычъ, по нашему давнему знакомству прошу васъ, не оставьте ... Вы знаете меня ... Я человѣкъ не непризнательной какой ... Изволили получить стерлядочекъ, что̀ я послалъ къ вамъ о запрошлой недѣлѣ? ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Благодарю васъ, получилъ, только половина дорогой уснула ...

Пурпуровъ.

Я вамъ, Анисимъ Ѳедорычъ, привезъ штучку подрагоцѣннѣе, да еще и не одну, а двѣ: бѣлорыбишку провѣсную, да балычокъ осетровый ... Такія штучки, признаюсь, — посмотрѣть, слюнки текутъ ... Онѣ здѣсь, кому прикажете отдать? Или самимъ посмотрѣть угодно? ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Благодарю васъ, тамъ люди получатъ. Отдадите ... Вѣдь, я думаю, даровщинка ... Хе! ...

(Съ улыбкой.) У васъ вѣдь тамъ купцы на Уралъ торговать ѣздятъ, такъ на поклонъ по возвращеніи, чай, десяточекъ-другой привезли ...

Пурпуровъ.

Эхъ, Анисимъ Ѳедорычъ, нѣтъ! Не тѣ, видно, настали времена: не очень нынче и купцы-то распоясываются ... Кровныя свои денежки, Анисимъ Ѳедорычъ, посылалъ. Именно хотѣлось васъ почтить этимъ гостинчикомъ, какъ по себѣ знаю, сколько пріятенъ эдакой рѣдкій и лакомый кусокъ ...

Анисимъ Ѳедорычъ (сухо).

Благодарю васъ ... Хотя и могу, какъ объяснилъ уже вамъ, замѣнить журналъ о сдѣланіи вамъ выговора другимъ — объ истребованіи отъ васъ объясненія по жалобѣ женки Петровой и, незамѣтно, подамъ его къ подписанію, но только опять васъ предупреждаю: примите мѣры. Относительно васъ въ большомъ сомнѣніи и генералъ, и Владиміръ Васильичъ; только еще я васъ и поддерживалъ ... Но за дальнѣйшія распоряженія начальства не отвѣчаю,— съ нами не всегда совѣтуются ... Безъ всякой причины и вдругъ можете всего лишиться ... А вы человѣкъ семейный ...

Пурпуровъ.

Ахъ, Анисимъ Ѳедорычъ, для кого же я и живу, какъ не для семейства? ... Въ семействѣ своемъ всю отраду для себя нахожу ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Знаю я, знаю эти чувства. У меня у самого дочь, знаю, какъ дѣти дороги и сколько имъ желаешь добра ... Поэтому, изъ участія, васъ и предупреждаю.

Пурпуровъ.

Что же мнѣ дѣлать, что предпринять? Научите...

Анисимъ Өедорычъ.

Надо подумать ...

Пурпуровъ.

Но что же я могу придумать? Я готовъ бы служить начальству ... Да вѣдь все зависитъ отъ Владиміра Васильича, а къ нимъ не подойдешь съ благодарностью ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ссъ ... Избави Богъ ...

Пурпуровъ.

Такъ что же мнѣ дѣлать? ...

Анисимъ Өедорычъ.

Надо постараться угодить начальству, заслужить его довѣріе ...

Пурпуровъ.

Но какими средствами?

Анисимъ Өедорычъ.

Можетъ быть, и есть средства. Надо подумать ...

Пурпуровъ

(быстро отворачивается въ сторону, поспѣшно раскрываетъ бумажникъ и вынимаетъ изъ него пачку ассигнацій).

Анисимъ Өедорычъ ... я вамъ обязанъ много ... Душа моя только знаетъ, сколько я вамъ обязанъ. Позвольте поблагодарить васъ ... отъ души ... (Подаетъ деньги.)

Анисимъ Өедорычъ (спокойно беретъ деньги).

Благодарю васъ. (Искоса посматриваетъ на деньги въ своей рукѣ.)

Пурпуровъ (вполголоса).

Полтораста ...

Анисимъ Өедорычъ

опускаетъ деньги въ карманъ.

Пурпуровъ.

Одной прошу милости ... Научите, какъ войти въ расположеніе начальства ... А я для службы готовъ распинать себя.

Анисимъ Өедорычъ.

Въ вашемъ стану вѣдь есть раскольники?

Пурпуровъ.

Есть, Анисимъ Өедорычъ, есть ...

Анисимъ Өедорычъ.

И богатые?

Пурпуровъ.

Есть съ большими достатками.

Анисимъ Өедорычъ (въ раздумьи).

А нѣтъ ли такой старой дѣвки ... у нихъ бываютъ такія, что книги читаетъ, къ ней сходятся молиться, она и кадиломъ эдакъ кадитъ, и на себя что-то такое надѣваетъ ...

Пурпуровъ.

Долженъ признаться передъ вами, зная всю вашу высокую честность, что не выдадите своего, — есть и такая ...

Анисимъ Өедорычъ.

Вы съ нея, стало быть, до сихъ поръ получали ... Ну, теперь ... нечего дѣлать ...

Пурпуровъ (въ восторгѣ).

Понялъ, Анисимъ Өедорычъ, понялъ, сообразилъ. (Скороговоркою.) Дабы заслужить передъ начальствомъ,

лишиться этого дохода, подкараулить ее во время сходки, оцѣпить, схватить, представить со всѣмъ, что найдется, даже можно выдумать новую секту, а ее, какъ главную сектантку ... Анисимъ Өедорычъ, благодѣтель ... Вотъ, вѣдь, оно что ... Вотъ она выдумка-то ...

Анисимъ Өедорычъ (спокойно).

Не хотите ли чайку? Теперь время ... Можетъ быть, и съ прибавленіемъ любите ...

Пурпуровъ (еще въ волненіи).

Съ удовольствіемъ могу съ вами ... Ахъ, Анисимъ Өедорычъ, оживили вы меня ... Да я на этой же недѣлѣ представлю ...

Анисимъ Өедорычъ.

Дашенька!

Голосъ за сценой.

Сейчасъ, папаша.

Пурпуровъ.

Ваша милая дочка?

Анисимъ Өедорычъ.

Да.

Пурпуровъ.

Давно уже не имѣлъ чести видѣть ...

Явленіе второе.

Тѣ же и Дашенька.

Дашенька (вбѣгая).

Чего изволите, папаша? (Дѣлаетъ книксенъ Пурпурову и подходитъ къ отцу.)

Пурпуровъ (раскланиваясь).

Какъ изволили вырости, сударыня, и похорошѣли ... Давно уже не имѣлъ чести васъ видѣть ...

Дашенька (насмѣшливо).

Развѣ я прежде дурна была?

Пурпуровъ.

Были всегда прекрасны, а теперь стали еще прекраснѣе ...

Дашенька.

Для васъ, я думаю, это все равно ...

Пурпуровъ.

Какъ это можно, сударыня, пріятно видѣть, когда цвѣтутъ ... У меня, у самаго дочь — невѣста ...

Дашенька (со смѣхомъ).

И тоже цвѣтетъ?

Анисимъ Ѳедорычъ
(съ улыбкой удовольствія смотря на дочь).

Ну-ка, полно, полно, болтушка. Поди-ка, пришли намъ поскорѣе чайку ...

Дашенька.

Сейчасъ ... (Идетъ къ дверямъ.)

Анисимъ Ѳедорычъ (вслѣдъ ей).

Да и ромку ... Слышишь? ...

Дашенька.

Слышу, чайку и ромку. Исторія извѣстная. (Уходитъ.)

Пурпуровъ.

Веселая барышня ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да, весела, пока отецъ живъ ...

Пурпуровъ.

Ахъ, Анисимъ Өедорычъ. Что можетъ быть этого пріятнѣе, какъ свои законныя дѣти, и какъ есть чѣмъ ихъ воспитать и образовать ...

Анисимъ Өедорычъ (со вздохомъ).

Да, вотъ у меня единственное утѣшеніе на старости.

Пурпуровъ (тоже со вздохомъ).

Да, а вотъ какъ у меня ихъ шестеро, Анисимъ Өедорычъ, надо для всѣхъ приготовить! ...

(Входитъ слуга и подаетъ чай).

Анисимъ Өедорычъ.

Можетъ быть, много дѣтей еще лучше. Меньше любишь ихъ, больше себя расчитываешь ... А вотъ, я все ей готовъ отдать, только бы была весела ... Тамъ одинъ умретъ, — другіе останутся, а я безъ нея, кажется, совсѣмъ пропаду ...

Пурпуровъ.

Правда ваша, Анисимъ Өедорычъ, велики чувства родительскія; говорятъ, съ дѣтьми нехорошо, а безъ дѣтей еще хуже того ... Теперь хоть иногда и душой покривишь, такъ и передъ Богомъ покаешься: для дѣтей, Господи! ... Не одного себя кормишь, отечеству слугъ приготовляешь, а жалованьемъ однимъ не проживешь ... Правду ли я говорю, Анисимъ Өедорычъ?

Анисимъ Өедорычъ

молча качаетъ головой.

Пурпуровъ.

Вы, теперь, Анисимъ Өедорычъ, такую мнѣ мысль подали ... Такое я для начальства удовольствіе сдѣлаю, что и не ожидаютъ ... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, Анисимъ Өедорычъ, вѣдь эти раскольники

большой вредъ нашему государству, Россіи, причиняютъ. Это начальство справедливо поступаетъ, что приказываетъ ихъ всячески преслѣдовать ...

Анисимъ Ѳедорычъ

(повеселѣвши отъ пунша и возбужденныхъ чувствъ родительской любви).

Выгодную статью дѣлаетъ для нашего брата чиновника, — кто хочетъ, получай деньги, а кто не хочетъ денегъ, — чины.

Пурпуровъ (смѣется).

Истинную правду изволите говорить ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

А кто половчѣе, да поумнѣе, такъ тотъ и деньги, и чины получать можетъ, какъ вашъ исправникъ ...

(Оба смѣются.)

Пурпуровъ.

И все такъ, Анисимъ Ѳедорычъ, всѣ изъ одного этого бьются ... Отчего же это только нынче эти безкорыстные чиновники завелись ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Отчего? ... Отъ самолюбія ...

Дашенька (входя).

А что, папаша, не пора ли вамъ въ правленіе? ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

А въ самомъ дѣлѣ ужъ пора ...

Пурпуровъ

(поспѣшно допивая стаканъ).

Позвольте пожелать вамъ, Анисимъ Ѳедорычъ, всякаго благополучія.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Прощайте ... Когда же вы домой? ...

Пурпуровъ.

Сейчасъ же въ путь ... Вы знаете, вѣдь я инкогнито, безъ отпуска, только по вашему ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ну-съ ... Желаю вамъ ... А тамъ тѣ вещи, что привезли, отдайте человѣку ...

Пурпуровъ.

Очень хорошо-съ ... Отвѣдайте: замѣчательныя штучки, я самъ по этой части охотникъ. Прощайте, сударыня!

Дашенька

(незамѣтно передразнивая его).

Прощайте, сударь!

Пурпуровъ.

Ахъ, вы, барышня веселая! Ну, да Богъ съ вами... (Кланяется и уходитъ.)

Явленіе третье.

Тѣ же безъ **Пурпурова.**

Дашенька.

Что у васъ, папаша, за уроды бываютъ? ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ахъ, Даша, зачѣмъ ты надъ каждымъ человѣкомъ насмѣхаешься? Неужели васъ этому въ пансіонѣ учили? Матушка моя, иной уродъ полезнѣе для насъ съ тобой всякаго франта.

Дашенька.

Ну, ужъ я думаю! Развѣ только тѣмъ полезенъ, что посмѣяться есть надъ чѣмъ ... (Передразнивая.) Были прекрасны, а теперь стали еще прекраснѣе ...

Анисимъ Өедорычъ (невольно улыбаясь).

Ну, что же дѣлать? Не всѣмъ же быть такимъ молодцамъ, какъ Владиміръ Васильевичъ ...

Дашенька (вспыхнувъ).

Что мнѣ Владиміръ Васильичъ? Есть и кромѣ него хорошіе люди на свѣтѣ ...

Анисимъ Өедорычъ.

А я думалъ, что ужъ лучше его для насъ и на свѣтѣ нѣтъ ...

Дашенька.

Я ничего не говорю про него ни дурного, ни хорошаго, а ласкова съ нимъ потому, что вы сами того хотите ...

Анисимъ Өедорычъ.

Поди-ка, сядь возлѣ меня ... Вотъ что я тебѣ скажу: ты будь съ нимъ ласкова, любезна, только не забывай, что онъ мой начальникъ.

Дашенька.

А мнѣ-то что до того за дѣло? ...

Анисимъ Өедорычъ.

Да, разумѣется, тебѣ нѣтъ дѣла, а все-таки помни, что отъ него зависитъ моя служба и все твое благополучіе; но будь осторожна съ нимъ, потому что онъ все-таки чужой человѣкъ ...

Дашенька.

То есть какъ осторожна?

Анисимъ Өедорычъ.

А не довѣряй ему очень. Ты дѣвушка умная; должна понять, что онъ ходитъ сюда такъ часто не для меня, а для тебя ... Ну, и пусть ходитъ: отъ этого служба моя зависитъ ... Только смотри, чтобы больше ничего не было ...

Дашенька.

Про что это вы говорите? Я не понимаю ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ну, да хорошо! ... Понимаешь: ты не дура ... Помни, что ты вѣдь у меня одна, а онъ нашимъ не будетъ ...

Дашенька.

Какъ это — нашимъ? ...

Анисимъ Өедорычъ.

А такъ. Ни твоимъ мужемъ, ни моимъ зятемъ ... Нечего краснѣть-то ... Если бы мы и захотѣли этого, такъ онъ не захочетъ ... Такъ и будь осторожна... Намъ бы какъ только провести время, покамѣсть онъ здѣсь служитъ, а вѣдь онъ изъ такихъ, что какъ разъ въ Петербургъ переведутъ ... Эдакимъ, вѣдь, здѣсь не лафа. Они только изъ того и хлопочутъ, чтобы какъ въ Петербургѣ мѣстечко получить ... Онъ ужъ, кажется, и въ виду имѣетъ ... Что ты точно поблѣднѣла ...

Дашенька.

Нѣтъ, ничего ... Ну, а послушайте, папаша. Вотъ онъ у насъ почти каждый день бываетъ; вы приказываете, чтобы я была съ нимъ любезна; ну, а если я очень привыкну къ нему, а онъ уѣдетъ въ Петербургъ, вы поѣдете ли туда? ...

Анисимъ Өедорычъ.

И не подумаю ...

Дашенька.

Ну, а если я привыкну такъ, что умру безъ него? ...

Анисимъ Өедорычъ.

Что? Что? Что, ты шутишь, или дѣло говоришь?

Дашенька.

Ну, а если дѣло ...

Анисимъ Өедорычъ.

Послушай, Дарья ... Даша ... ты мнѣ лучше прямо скажи ... Ты знаешь, ты одна у меня ... Я для тебя и живу, и служу, и коплю ... Я тебя берегу ... Я не съ тѣмъ тебя заставляю ласкать его ... А если что у тебя на душѣ ... ты лучше скажи мнѣ ... Я и службу брошу, и его прогоню ... Слышишь? ... Ты мнѣ скажи ... Ты мнѣ дороже всего ... Я на тебя надѣялся, оттого такъ и пускалъ его, и тебѣ позволялъ, а то смотри ... Ты мнѣ скажи лучше ...

Дашенька (хохочетъ).

Ахъ, папаша, и испугался ужъ, а чего — и сами не знаете ... Полноте, папаша, что мнѣ въ вашемъ Владимірѣ Васильичѣ! Есть ли, нѣтъ ли, все равнехонько ... Ха, ха, ха! ... Вотъ еще что вообразилъ ...

Анисимъ Өедорычъ.

Да ты правду скажи ... Какъ же ты ... Что ты говорила ...

Дашенька.

Да я пошутила, попугать васъ хотѣла ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ну, то-то! ... Смотри ... Ты вѣдь умница ... Ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю ... Не шути эдакъ никогда ...

Дашенька.

Я хотѣла только узнать, какъ вы меня любите ... такъ пошалить ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ну, то-то пошалить! Совсѣмъ было съ ума свела ... Поцѣлуй-ка меня ... Да и ничего въ

немъ нѣтъ хорошаго, такъ только одни разговоры пустые ... Фанфаронство одно ... Нѣтъ въ немъ ничего существеннаго: все для одного близиру и говоритъ, и дѣлаетъ ...

Дашенька.

Вотъ, папаша, ужъ не люблю, все разное говорите: то хвалите его, то браните ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну, ты меня не учи: я знаю что говорю, для предостереженія твоего ... У этихъ молодчиковъ совѣсти мало, хоть и разсказываютъ тамъ розсказни свои про честь, да про безкорыстіе ... А мы знаемъ: не беретъ деньгами, такъ радъ взять чѣмъ другимъ... Знаю я, не будь ты такая красавица, давно бы ужъ быть мнѣ безъ мѣста. Только помни! Не женится онъ на тебѣ никогда ...

Дашенька.

Да перестаньте, папаша! Что это вздумалось твердить одно и то же! Говорятъ вамъ, мнѣ дѣла нѣтъ никакого до вашего Владиміра Васильича ... Угодно вамъ, чтобы я его принимала, и принимаю, а не прикажете, и выходить не стану при немъ ... Очень мнѣ нужно! ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Нѣтъ, не выходить нельзя, будь только осторожна ... Ушей не развѣшивай.

Дашенька.

Ужъ слышала, слышала, слышала ... А вотъ если онъ услышитъ, что вы говорите, такъ и отдастъ васъ подъ судъ ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ахъ ты ... вѣтеръ! ... И то дѣло, нечего и говорить, кажись, не дура дѣвка, въ обиду сама себя

не дастъ ... Ну-ка, прощай, пора мнѣ въ правленіе идти ...

Дашенька.

А чаю не хотите еще?

Анисимъ Өедорычъ.

Нѣтъ, не хочу ... Ромъ славный прислалъ Трезимовъ, съ одного стакана въ головѣ зашумѣло ... (Собираетъ бумаги, лежавшія на столѣ, беретъ фуражку и приготовляется идти.)

(За сценой голосъ: дома баринъ? Другой голосъ: дома!)

Дашенька.

Вотъ Владиміръ Васильичъ пришелъ ... За то, что вы мнѣ говорили, уйду въ свою комнату и не выйду ... Занимайте его сами, какъ знаете ... (Убѣгаетъ).

Анисимъ Өедорычъ (вслѣдъ ей).

Погоди, не уходи ... Эка вострушка! ...

Явленіе четвертое.

Анисимъ Өедорычъ и Владиміръ Васильичъ.

Владиміръ Васильичъ

(подавая руку Анисиму Өедорычу, быстро осматриваетъ комнату).

А я къ вамъ мимоѣздомъ, хотѣлось сообщить пріятную новость: вице-губернаторъ переведенъ въ другую губернію ... (Садится.)

Анисимъ Өедорычъ (стоя).

Будто-съ ...

Владиміръ Васильичъ.

Я сейчасъ отъ губернатора, обѣдалъ у него ... Съ нынѣшней почтой пришелъ указъ, перемѣщенъ въ Архангельскъ ... Ничего, пусть прокатится тысячи двѣ верстъ, коли съ нами не умѣлъ ужиться ...

Анисимъ Өедорычъ.

И прекрасно ... Да что, пустой, безпокойный человѣкъ ... Черезъ него однѣ непріятности ... Свое самолюбіе любилъ тѣшить ... Рѣдкій журналъ пропуститъ, все свое мнѣніе подаетъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Скажите лучше, взяточникъ и покровитель взяточниковъ. И съ кѣмъ же вздумалъ тягаться? ... Я давно говорилъ, что упеку его ... Еще когда я былъ чиновникомъ особыхъ порученій и пріѣхалъ сюда съ генераломъ, онъ имѣлъ дерзость не заплатить мнѣ визитъ и еще вздумалъ дѣлать мнѣ замѣчанія по слѣдствіямъ ... Хотѣлъ бороться съ губернаторомъ, съ этимъ благороднѣйшимъ, безкорыстнѣйшимъ человѣкомъ ... И кто же, кто? ... Онъ, защитникъ Зайчиковыхъ и имъ подобныхъ старыхъ мошенниковъ ...

Анисимъ Өедорычъ.

Хм ... да! ...

Владиміръ Васильичъ.

Да что вы не садитесь? ... Одолжите огня ... закурить сигару ... Э, да вы и съ фуражкой. Видно, въ правленіе собирались?

Анисимъ Өедорычъ (зажигая спичку).

Да, хотѣлъ было. Уже время ... Да не прикажете ли чаю?

Владиміръ Васильичъ.

Съ удовольствіемъ ... Я еще не пилъ ... Да гдѣ же Дарья Анисимовна? ... Я васъ не задерживаю ли? ...

Анисимъ Өедорычъ.

Нѣтъ-съ, ничего ... Я вотъ ее сейчасъ позову ... А мнѣ ужъ позвольте отправиться ...

(Подходитъ къ дверямъ и кричитъ.) Дашенька! Поди сюда, да прикажи чайку подать для Владиміра Васильича . . .

Владиміръ Васильичъ.

Да, вотъ еще что я васъ хотѣлъ просить. Кстати вы ѣдете въ правленіе, возьмите вотъ эту бумагу и разсмотрите ее, пожалуйста, справьтесь тамъ съ законами . . . Это копія съ духовнаго завѣщанія двоюродной тетки моей, по которому я долженъ получить часть изъ наслѣдства . . . Вмѣстѣ со мной покойницей назначены наслѣдниками родные дядя и тетка мои Губанчиковы, съ тѣмъ, чтобы имѣніе раздѣлить поровну между троими .. Кажется мнѣ, воля умершей незаконна, и имѣніе не можетъ быть раздѣлено, а должно слѣдовать мнѣ одному . . . Вы лучше знаете гражданскіе законы, служили въ гражданской палатѣ: подумайте, пожалуйста, хорошенько и скажите мнѣ. Я вамъ буду очень благодаренъ.

Анисимъ Өедорычъ.

Слушаю, разсмотрю-съ . . . (Къ дверямъ.) Дашенька, что-жъ ты нейдешь? . . .

Голосъ за стѣной.

Иду, иду . . .

(Входитъ Дашенька.)

Явленіе пятое.

Тѣ же и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ (вставая).

Здравствуйте, Дарья Анисимовна. Здоровы ли вы? . . .

Дашенька.

Слава Богу . . .

Анисимъ Өедорычъ.

Ну, а мнѣ ужъ позвольте. Вотъ хозяйка ...

Владиміръ Васильичъ.

Сдѣлайте милость, Анисимъ Өедорычъ ... Займитесь, пожалуйста, этимъ завѣщаніемъ ...

Анисимъ Өедорычъ.

Непремѣнно ... (Раскланивается.)

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте ...

Дашенька.

Прощайте, папаша. (Цѣлуетъ его.)

(Анисимъ Өедорычъ уходитъ).

Явленіе шестое.

Владиміръ Васильичъ и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ

(садится возлѣ Дашеньки).

Ну, что вы подѣлывали въ это время, пока мы не видались?

Дашенька.

По обыкновенію, ничего ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что же, веселились или скучали ...

Дашенька (насмѣшливо).

Веселилась ... съ папашей ... съ его милыми посѣтителями ... Отчего вы у насъ давно не бывали? ...

Владиміръ Васильичъ.

Три дня назадъ. Развѣ это давно? ...

Дашенька.

Не знаю, какъ для васъ ...

Владимiръ Васильичъ.

А для васъ? ... Что же вы молчите? ... Хотя я и не былъ у васъ эти три дня, но я не переставалъ о васъ думать, а вы? ... Что же вы не хотите сказать? ... Доротея ... (Хочетъ взять ее за руку.)

Дашенька (отдергивая руку).

Я Дарья ...

Владимiръ Васильичъ.

Но вѣдь вы дали мнѣ право называть васъ этимъ именемъ? ...

Дашенька.

Отчего вамъ не нравится мое настоящее имя? ...

Владимiръ Васильичъ.

Доротея благозвучнѣе ... То имя, которое вамъ дали, не стоитъ васъ ...

Дашенька.

Такъ же, какъ я не стою васъ ...

Владимiръ Васильичъ.

Послушайте, Доротея, что это за фразы ... Иногда мнѣ кажется, что вы капризный ребенокъ, которому нравится мучить меня ...

Дашенька.

Если вы находите меня капризнымъ ребенкомъ, это ваше дѣло ... Но зачѣмъ же мнѣ мучить васъ? ...

Владимiръ Васильичъ.

Такъ, отъ нечего дѣлать, или изъ кокетства.

Дашенька.

Зачѣмъ же вы позволяете играть собою капризному ребенку или кокеткѣ? ...

Владиміръ Васильичъ.

Но вѣдь вы знаете, что я люблю васъ, что любовь моя къ вамъ безмѣрна, что я готовъ всѣмъ для васъ пожертвовать ... Отчего же вы никогда не скажете, любите ли-вы меня хоть немножко, или ненавидите ...

Дашенька.

Отчего я никогда васъ не спрашиваю объ этомъ, а вы вѣчно съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ?

Владиміръ Васильичъ.

Оттого, что я люблю васъ, а ваше молчаніе, напротивъ, убѣждаетъ меня въ вашемъ равнодушіи ко мнѣ ...

Дашенька.

Если вы убѣждены въ этомъ, о чемъ же вы спрашиваете? ...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ вы не любите меня?

Дашенька.

Ну, полноте, Владиміръ Васильичъ, что у васъ за страсть спрягать этотъ глаголъ? Мнѣ ужъ это и въ пансіонѣ надоѣло ... Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ ...

Владиміръ Васильичъ (надувшись).

О чемъ же прикажете?

Дашенька.

Ну, хоть о томъ, что вы дѣлали въ эти три дня, пока не были у насъ.

Владиміръ Васильичъ.

О, я это время провелъ очень пріятно въ обществѣ милой, образованной, очень хорошенькой и бо-

гатой вдовушки, которая пріѣхала изъ Петербурга хлопотать по своимъ дѣламъ ...

Дашенька.

Не сбираетесь ли и вы въ Петербургъ?

Владиміръ Васильичъ.

Очень можетъ быть, и даже больше, нежели вѣроятно.

Дашенька (блѣднѣя).

На службу, или на время? ...

Владиміръ Васильичъ.

Конечно, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе сюда не возвращаться ...

Дашенька

(скрывая внутреннее волненіе).

Счастливый путь! ...

(Входитъ Николай Потапычъ).

Явленіе седьмое.

Тѣ же и **Николай Потапычъ.**

Дашенька.

Ахъ, Николай Потапычъ, какъ я рада, что вы пришли ... Садитесь, пожалуйста.

Владиміръ Васильичъ.

А, Зайчиковъ, вы какимъ образомъ сюда?

Николай Потапычъ (садясь).

Да той же самой дорогой, что и вы, Владиміръ Васильичъ.

Владиміръ Васильичъ (сухо).

Отчего же вы не въ правленіи?

Николай Потапычъ.

Да нечего дѣлать, такъ и ушелъ.

Владиміръ Васильичъ.

Какъ это? Прежде секретаря?

Николай Потапычъ.

У Анисима Ѳедорыча, вѣрно, есть дѣла, а у меня особенно нужныхъ и спѣшныхъ нѣтъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Всякое дѣло и нужно, и спѣшно! Мнѣ это не совсѣмъ пріятно, что вы самовольничаете; этакъ всѣ столоначальники уйдутъ изъ правленія, а за ними и писцы прежде секретаря ... А почемъ вы знаете, можетъ быть, Анисиму Ѳедорычу нужно отдать вамъ какое-нибудь приказаніе?..

Дашенька.

Ну, полноте, Владиміръ Васильичъ, о вашихъ дѣлахъ! Еще вамъ не надоѣло!.. За папашу я отвѣчаю, онъ не разсердится ... Садитесь сюда поближе, Николай Потапычъ ... Ну, что ваша повѣсть?.. Вы знаете, Владиміръ Васильичъ, Николай Потапычъ пишетъ повѣсть. Онъ читалъ мнѣ нѣсколько главъ ... Какъ хорошо, если бы вы знали!..

Владиміръ Васильичъ (колко).

Вижу, вижу, что повѣсти г. Зайчикова вамъ очень нравятся ... Не смѣю съ вами спорить. Можетъ быть, онѣ точно заслуживаютъ такого восторга съ вашей стороны, только признаюсь, мнѣ не нравится, что господинъ Зайчиковъ пустился въ литературу: всѣ литераторы плохіе чиновники, а Зайчикову нужно служить... и, слѣдовательно, дорожить мнѣніемъ о немъ начальства ... (Обращаясь къ Зайчикову.) Какъ вы объ этомъ думаете?

Николай Потапычъ.

Я думаю, что начальство будетъ составлять обо мнѣ мнѣніе на основаніи моихъ служебныхъ трудовъ, а не на основаніи моихъ литературныхъ занятій, до которыхъ, я полагаю, кромѣ меня, никому дѣла нѣтъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, вотъ видите, и Дарья Анисимовна принимаетъ въ вашей повѣсти большое участіе ...

Николай Потапычъ.

Дарья Анисимовна была единственная женщина, которая приласкала меня въ этомъ городѣ, и ей одной только рѣшился я прочитать, что пишу на досугѣ, надѣясь, что не станетъ смѣяться надо мною ...

Дашенька.

Нѣтъ, Николай Потапычъ, прелестно, превосходно. Вы будете замѣчательный писатель ...

Владиміръ Васильичъ (со смѣхомъ).

Писатель изъ губернскато правленія ...

Николай Потапычъ.

Острота, Владиміръ Васильичъ, довольно не новая ...

Владиміръ Васильичъ (презрительно).

Что-съ?

Дашенька.

Я такъ не знаю, какъ благодарить Николая Потапыча: съ тѣхъ поръ какъ онъ познакомился съ нами, я постоянно имѣю книги ...

Николай Потапычъ (съ горечью).

Если пошло на благодарность, Дарья Анисимовна, такъ и я съ своей стороны за знакомство съ вами

долженъ благодарить должность столоначальника, которую получилъ недавно. Въ низшей должности я бы, вѣрно, не удостоился чести быть въ одномъ домѣ съ Владиміромъ Васильичемъ ...

Дашенька.

Почему это?.. Я не понимаю ...

Николай Потапычъ.

А я очень хорошо помню, что Анисимъ Өедорычъ пригласилъ меня къ себѣ въ тотъ самый день, какъ я былъ утвержденъ столоначальникомъ ...

Дашенька (съ упрекомъ).

Ахъ, Николай Потапычъ, зачѣмъ вы такъ говорите о папашѣ? Это нехорошо!..

Николай Потапычъ.

Простите меня, ради Бога, я становлюсь желченъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Это все отъ литературныхъ занятій ...

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, скорѣе отъ служебныхъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Ахъ, да, да! Понимаю что вы хотите сказать. Писателю неприлично служить, онъ неспособенъ къ службѣ ... Совершенная правда, г-нъ Зайчиковъ ...

Николай Потапычъ.

Понимаю и я, что вы хотите сказать ... Дѣйствительно, я не сталъ бы служить, но не потому, что считаю службу недостойною себя, или себя неспособнымъ къ ней. Я знаю, что слѣдуетъ служить и что я могу служить не хуже другихъ ... Но потому

радъ бы я былъ оставить службу, что въ ней много возмутительной лжи и неправды, что даже въ людяхъ, считающихъ себя безкорыстными, одинъ эгоизмъ и ни малѣйшей снисходительности, а не только самопожертвованія ...

Владиміръ Васильичъ.

А вамъ хотѣлось бы, чтобъ начальникъ снисходилъ всѣмъ уклоненіямъ отъ службы подчиненнаго, чтобы онъ, можетъ быть, даже изъ глупаго сострадакія щадилъ мошенниковъ и взяточниковъ?.. Вамъ этого бы хотѣлось?.. Это взглядъ, недостойный даже поэта ...

Дашенька.

Ахъ, полноте, господа! Это даже скучно ... Оставьте этотъ разговоръ.

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, Дарья Анисимовна, позвольте мнѣ отвѣтить Владиміру Васильичу, потомъ даю вамъ слово ничего не возражать ... Нѣтъ, не того бы я хотѣлъ, но желалъ бы, чтобы въ людяхъ, облеченныхъ властію, было побольше сердца, чтобы они умѣли отличать настоящее зло отъ кажущагося, чтобы умѣли цѣнить людей, которые служатъ сорокъ лѣтъ никого не обижая, не притѣсняя, окруженные любовью и довѣріемъ всѣхъ близкихъ къ нимъ людей, чтобы не пускали по міру цѣлую семью за то только, что глава, ее вскормившій, выросъ и воспитался на иныхъ убѣжденіяхъ, а умѣли бы оцѣнить въ немъ настоящую честность, хотя и несогласную въ формахъ съ ихъ собственною ... Вы понимаете, чего бы я хотѣлъ, Владиміръ Васильичъ?..

Владиміръ Васильичъ.

Горячо и безтолково, какъ и свойственно настоящему поэту. Но я, какъ начальникъ, совѣтую

вамъ, милостивый государь, никогда не разсуждать такъ смѣло о поступкахъ людей, которые стоятъ васъ выше, слѣдовательно, и видятъ дальше, у которыхъ сфера дѣятельности шире вашей, а, слѣдовательно, и знанія, и пониманія больше вашего. Вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшало бы вамъ помнить, что для васъ же очищается та дорога, съ которой сталкиваютъ все негодное, что, слѣдовательно, если есть семья, которая должна идти по-міру, такъ вы обязаны поддерживать ее … А для этого нужно не соваться впередъ носа, не умничать, гдѣ не спрашиваютъ, а дѣлать дѣло, не манкируя имъ, выучиться сначала повиноваться, чтобы умѣть повелѣвать и чтобы не потерять средствъ дѣлать добро, если вы желаете его дѣлать, хотя бы для вашей собственной семьи … Поняли вы меня, г-нъ литераторъ Зайчиковъ?..

Николай Потапычъ.

Понимаю, что во всемъ этомъ общія мѣста, эгоизмъ, ни капли …

Дашенька.

А вы дали слово, что больше не будете возражать …

Николай Потапычъ.

Да, правда … Да оно и лучше молчать, а то, пожалуй, лишусь послѣднихъ средствъ дѣлать добро своей собственной семьѣ, которая должна идти по-міру для того, чтобы я могъ ей помогать … Ну, не въ добрый часъ я пришелъ къ вамъ, Дарья Анисимовна … Лучше уйти … Прощайте …

Дашенька.

Полноте, посидите …

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, не могу … Прощайте … Прощайте, Владиміръ Васильичъ …

Владиміръ Васильичъ.

Совѣтую вамъ не уходить въ другой разъ изъ правленія прежде времени.

Николай Потапычъ
(готовый выйти изъ гостиной, при послѣднихъ словахъ пріостанавливается).

И вотъ какъ достаются они, эти средства дѣлать добро, равныя тремъ стамъ цѣлковыхъ жалованья ... Цѣной рабской покорности и униженія ... (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Владиміръ Васильичъ и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ (презрительно).

Мальчишка!..

Дашенька.

Зачѣмъ вы такъ презрительно съ нимъ обходитесь?

Владиміръ Васильичъ (злобно).

А вамъ жалко его?

Дашенька.

Конечно, жалко. Онъ славный молодой человѣкъ, умный, добрый ... Я не понимаю только, что съ нимъ сегодня сдѣлалось ...

Владиміръ Васильичъ.

О, вижу, вижу ваши отношенія. Онъ вамъ книжки носитъ, по вечерамъ свои повѣсти читаетъ... Какія нѣжныя, идиллическія отношенія ... И отецъ вашъ смотритъ на это равнодушно ...

Дашенька.

Да что вы, Владиміръ Васильичъ, развѣ тутъ есть что-нибудь непозволительное?..

Владиміръ Васильичъ.

О, помилуйте, возвышенныя высокія чувства ... Что же иное можетъ питать душу поэтовъ ...

Дашенька.

Я васъ не понимаю ...

Владиміръ Васильичъ.

Да я-то васъ понимаю. Вы не умѣли меня цѣнить, вы меня дурачили, предпочли мнѣ перваго встрѣчнаго мальчишку ... Ну, такъ прощайте!.. О, я теперь понимаю, что все это значило ... (Входитъ Анисимъ Ѳедорычъ.)

Явленіе девятое.

Тѣ же и Анисимъ Ѳедорычъ.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Спѣшилъ, чтобы доложить вамъ. Дѣло по завѣщанію можно повернуть въ вашу пользу; все одни получите ... (Вынимаетъ изъ кармана бумагу.)

Владиміръ Васильичъ (сухо).

Хорошо-съ! (Беретъ изъ рукъ Анисима Ѳедорыча бумагу.) Прощайте.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Куда же вы изволите?..

Владиміръ Васильичъ.

Въ правленіе. У васъ тамъ безпорядокъ: чиновники не занимаются дѣломъ, самовольно уходятъ изъ присутствія ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Помилуйте ... Всѣ при своихъ мѣстахъ ... (Слѣдуя за уходящимъ.) Владиміръ Васильичъ ... Владиміръ Васильичъ, закусить неугодно ли?..

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, не хочу ... Прощайте ... (Уходитъ.)

Анисимъ Ѳедорычъ (къ дочери).

Что онъ, разсердился?..

Дашенька (печально и разсѣянно).

Да ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

На кого? За что?

Дашенька.

На меня ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

За что же это?.. Какъ же тебѣ не стыдно ... Говорилъ я тебѣ ... Вотъ что̀ теперь будетъ ... Ахъ, Дарья, говорилъ: будь любезна ... Да за что же разсердился-то?..

Дашенька

(сидитъ молча и задумчиво, опустя голову на руку).

Не знаю ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Какъ не знаешь?.. Вѣдь вотъ говорилъ ... Ахъ, Дарья! ахъ, Дарья! Что теперь будетъ ...

(Занавѣсъ опускается).

Дѣйствіе третье.

Гостиная въ домѣ Анисима Өедорыча.

— —

Явленіе первое.

Дашенька (сидитъ въ большихъ креслахъ, скучная и задумчивая, съ работою въ рукахъ) и **Анисимъ Өедорычъ** (ходитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ).

Анисимъ Өедорычъ.

И ночи не спится, и послѣ обѣда заснуть не могъ ... Я зналъ, что все такъ пойдетъ ... И пошло ... Пошли непріятности ... Теперь знай только оттерпливайся, пока по шеѣ не прогонятъ ... (Останавливаясь противъ Дашеньки.) Что, дочка?.. Утѣшила отца, одолжила ... Умѣла заслужить ... Добилась, что отца чуть изъ службы не гонятъ, что послѣдній писаришка подъ носъ ему смѣется и ни страху, ни уваженія никакого не показываетъ ... Что?.. Рада?..

Дашенька.

Помилуйте, папаша!.. Да чѣмъ же я-то виновата?.. За что вы на меня-то сердитесь?..

Анисимъ Өедорычъ.

Чѣмъ виновата?.. За что сержусь?.. Гм... Не понимаешь!.. Нѣтъ, какъ бы ты дура была, я бы на тебя не сердился и не взыскивалъ ... Съ дурака нечего взыскивать ... А ты не дура, ты понима-

ешь ... Это все капризы одни ... Баловство!.. Избаловалъ я тебя ... Къ самовольству пріучилъ ... Такъ надо на зло отцу дѣлать, досадить, подразнивать — это ваше женское дѣло ... Гм... не понимаетъ ... Ученьемъ своимъ, пансіономъ превозносишься, а отецъ, дескать, на мѣдныя деньги учился ... Да черезъ кого ты и образованье-то свое получила, какъ не черезъ отца?..

Дашенька.

Папаша, да клянусь вамъ, я не понимаю, за что вы на меня сердитесь ... Вторую недѣлю вы мучите меня этими упреками, а все-таки не знаю своей вины ...

Анисимъ Өедорычъ.

Не говори, не серди ... Ты знаешь, что я для одной тебя и живу, и служу ... Не въ гробъ же возьму съ собой, что коплю ... Для тебя же коплю ... Я не дурному чему училъ тебя, отъ дурного самъ предостерегалъ! .. А хотѣлось, чтобъ ты была помощницей отцу, хоть сколько-нибудь ... Все устроилъ: правитель канцеляріи меня уважалъ, совѣтники заискивали, отъ просителей отбою не было. Первымъ человѣкомъ въ губерніи былъ ... Совсѣмъ молокососа къ рукамъ прибралъ, все шло, какъ по маслу, а ты точно на зло все испортила ... На зло, на досаду отцу ... Умѣла же любезничать съ этимъ фертомъ Володькой Васильевымъ, пока ничего не говорилъ, а какъ только слово сказалъ, въ предостереженіе сказалъ, такъ взяла, да нарочно и поссорилась съ нимъ тѣмъ же днемъ ... Развѣ я твоихъ капризовъ не понимаю?.. А вотъ теперь что̀ надѣлала. Показалъ тебѣ хвостъ, много ли видѣла, и поговорить, полебезить не съ кѣмъ, самой скучно, а отцу таки досадила, молъ ... на!..

Дашенька.

Это, наконецъ, невыносимо, папаша, это обидно ... Чего вы хотите отъ меня, чего требуете?..

Анисимъ Өедорычъ.

Хотѣлъ, а теперь ничего не хочу, ничего не требую ... Не умѣла держать, когда давался, а теперь не изловишь ... Онъ самъ ловокъ ...

Дашенька

(съ гнѣвомъ и со слезами).

Папаша, да чувствуете ли вы, что говорите? Вѣдь вы меня оскорбляете, унижаете ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ты оскорбляешься, дѣвчонка ... когда тебѣ нечѣмъ оскорбляться ... А отцу ничего ... Онъ и оскорбляться не долженъ, когда его того и смотри съ позоромъ, да съ безчестьемъ изъ службы выгонятъ ... И теперь ужъ на меня никто не сталъ вниманія обращать ... И теперь стали замѣчать, что не въ ту сторону колесо повернуло ... Да какъ и не замѣтить? Каждое присутствіе непріятности, не говоритъ хорошенько, не смотритъ; а чуть что, пустяки какіе, такъ сейчасъ и придирка, и замѣчаніе ... На писаря сегодня закричалъ, дуракомъ или шельмецомъ, что ли, назвалъ, такъ и тотъ осмѣлился, пошелъ жаловаться на меня, и мнѣ же выговоръ при всѣхъ писаряхъ и столоначальникахъ ... А посмѣлъ ли бы всякая мелочь прежде идти на меня пожаловаться?.. Такъ развѣ мнѣ это легко переносить?.. Вотъ другой день ни одного просителя не было. И тѣ, видно, узнали ... Прежде, бывало, что ни захочу, что ни посовѣтую, — все дѣлалъ!.. А если и самъ велитъ что сдѣлать, да не по моему, такъ ужъ будетъ такъ, какъ хочу, и увидитъ, что не исполнилъ, — молчитъ, точно не замѣчаетъ ...

А теперь, что ни предложу, все наперекоръ дѣлаетъ ... Какъ и просителямъ не узнать!.. А кто во всемъ виноватъ? Ты, ты виновата, изъ каприза изъ одного не хотѣла отца послушать ... Хорошо, какъ уберется, въ Петербургъ уѣдетъ, а если пробудетъ еще хоть съ недѣлю, — прощай служба... Да еще въ уголовную, пожалуй, упекутъ. Отъ нихъ станется, знаю я ихъ, голубчиковъ ... А все отчего вышло?.. Отъ твоего каприза ... Да она же еще и обижается, плачетъ ... Вотъ оно баловство-то ... Злость беретъ, лучше уйти ... (Уходитъ, крѣпко хлопнувши за собою дверью.)

Явленіе второе.

Дашенька (одна).

Такъ вотъ что ... Вотъ какую роль заставилъ меня играть родной отецъ!.. (Переставая плакать, съ грустнымъ смѣхомъ.) Славная роль для дочери чиновника-взяточника ... Вѣдь, это обидно, унизительно ... (Послѣ нѣкотораго молчанія, въ раздумьи.) Такъ развѣ я-то виновата, что полюбила его?.. Хоть бы и такимъ образомъ ... А онъ ... Развѣ это не любовь, что онъ терпѣлъ моего отца на службѣ?.. Онъ, безкорыстный и благородный ... Онъ это дѣлалъ для меня ... Теперь я понимаю, почему онъ пересталъ ѣздить къ намъ: онъ подумалъ, что я въ заговорѣ съ отцомъ, что я только кокетничаю съ нимъ, завлекаю его, чтобъ онъ не отставилъ отца отъ должности ... Зачѣмъ я не сказала ему, что люблю его, зачѣмъ дурачилась, скрывалась?.. Вольдемаръ, Володя, какъ бы ты зналъ, какъ бы ты умѣлъ догадаться!.. Неужели онъ уѣдетъ въ Петербургъ совсѣмъ?.. (Ломаетъ руки.) Господи, зачѣмъ я не сказала ему?.. Онъ уѣдетъ ... Я не могу жить безъ него... (Задумываясь.) Чего я жалѣю ... Кого?.. Отца?..

(Горько улыбаясь). Для него все равно ... (Закрывая лицо руками.) Вольдемаръ ... Вольдемаръ ... (Плачетъ, потомъ быстро отираетъ глаза.) Развѣ не все равно страдать... Развѣ я виновата ... (Задумывается.)

Явленіе третье.

Дашенька и Николай Потапычъ.

Николай Потапычъ (входя)

Здравствуйте, Дарья Анисимовна ...

Дашенька.

А, здравствуйте, Николай Потапычъ ...

Николай Потапычъ

(пристально вглядываясь въ Дашеньку).

Что вы какая блѣдная, грустная?..

Дашенька.

Нисколько.

Николай Потапычъ.

Простите меня, Дарья Анисимовна, но я замѣчаю, что вы очень измѣнились въ послѣднее время и наружно, и, кажется, нравственно: похудѣли, поблѣднѣли; ваша обычная веселость пропала, вы стали какъ-то печальны и разсѣянны ...

Дашенька (равнодушно).

Можетъ быть.

Николай Потапычъ.

Но, вѣдь, должна быть какая-нибудь важная причина такой перемѣны ...

Дашенька.

Конечно, должна быть, а, можетъ быть, и нѣтъ...

Николай Потапычъ.

Еще разъ простите меня, Дарья Анисимовна. Мы еще не очень давно знакомы, но я успѣлъ такъ . . . оцѣнить ваши достоинства . . . такъ искренно и глубоко . . . (Голосъ его немного дрожитъ) преданъ вамъ, что мнѣ тяжело видѣть такую перемѣну . . .

Дашенька.

Я не замѣчаю, чтобъ измѣнилась сколько-нибудь въ отношеніи къ вамъ . . .

Николай Потапычъ (съ чувствомъ).

О, за себя я вамъ много, много благодаренъ . . . Но мнѣ грустно за васъ самихъ . . .

Дашенька (съ грустною улыбкой).

А за меня не безпокойтесь. Всякій больше всего дорогъ для самого себя . . .

Николай Потапычъ.

Ну, не знаю, справедливо ли это. Могутъ быть у каждаго такіе люди, для которыхъ мы съ наслажденіемъ готовы пожертвовать своимъ счастьемъ, жизнію, всѣмъ.

Дашенька (вдругъ оживившись).

Да . . . да . . . это можетъ быть, я согласна . . . (Опомнившись и стараясь скрыть волненіе.) Но . . . вѣроятно . . . это случается очень рѣдко, какъ исключеніе . . .

Николай Потапычъ.

Безъ сомнѣнія, для этого надобно любить такъ, какъ умѣютъ любить немногіе.

Дашенька (снова оживляясь).

А признайтесь мнѣ, вы любили когда нибудь такъ сильно . . .

Николай Потапычъ
(въ совершенномъ смущенiи).

Я ... я ... я, можетъ быть ... Для чего вамъ это знать?..

Дашенька.

Такъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы опредѣлили это чувство, если испытали или испытываете его ...

Николай Потапычъ.

Дарья Анисимовна, пожалуйста ... Это поведетъ слишкомъ далеко ... А это ... это безполезно ... Кончимте этотъ разговоръ ...

Дашенька
(съ необыкновеннымъ оживленiемъ).

Нѣтъ, ради Бога, если вы любили когда-нибудь, разскажите мнѣ, какъ вы любили ... Я хочу, я непремѣнно хочу говорить объ этомъ ... Если вы любили ... если вы страдали ... или были счастливы ... разскажите мнѣ ...

Николай Потапычъ.

Но пощадите меня ... я не могу ... мнѣ тяжело, невозможно ... Ради Бога .

Дашенька.

Какъ вѣрному другу, который васъ любитъ, цѣнитъ ... который вамъ будетъ сочувствовать, откройтесь мнѣ ... Ну, пожалуйста ... Только все подробно день за днемъ, часъ за часомъ ... все, все ...

Николай Потапычъ.

Что вы дѣлаете, Дарья Анисимовна?.. Чего вы отъ меня требуете?.. (Схватываетъ ее за руку.) Вѣдь я васъ люблю ...

Дашенька (отскакивая отъ него).

Какъ?.. Меня?.. (Смотритъ на него.) Развѣ я ... Вы серьезно говорите?.. (Сухо.) Я не ожидала, чтобы

вы рѣшились говорить мнѣ такія вещи... Развѣ я подавала вамъ поводъ?

Николай Потавычъ.

Но, вѣдь, вы сами вызвали ... Я не рѣшился бы ... Теперь все сдѣлано ... Я сказалъ вамъ ... Вы сердитесь. Да развѣ я виноватъ, что полюбилъ васъ?..

Дашенька.

Да, да, я знаю. Вы не виноваты ... Я не имѣю права сердиться на васъ за это. Не любить не въ нашей волѣ ... Но ради Бога, для себя, для меня, если можете, разлюбите меня ... Какъ другу, какъ брату я признаюсь вамъ, вамъ первому и послѣднему: я люблю другого, люблю давно и ...

Николай Потапычъ

Я зналъ, видѣлъ это давно ... догадывался и не ошибся ... Но зачѣмъ вы это сказали, зачѣмъ не оставили хоть сомнѣнія?.. Вамъ хотѣлось съ одного раза оттолкнуть меня ... О, я знаю, кого вы любите ...

Дашенька.

Говорите, говорите! Кого?.. Я признаюсь, если вы скажете правду ... Я такъ долго молчала, что рада сказать вамъ все, все...

Николай Потапычъ (съ горечью).

Я васъ не спрашиваю, мнѣ не нужно вашей откровенности ... Я знаю, что вы любите человѣка сквернаго, недостойнаго васъ ...

Дашенька.

Какъ вы смѣете такъ говорить?.. Неужели вы думаете, что только вы одни стоите любви?.. Никогда не смѣйте такъ говорить о немъ, а то вмѣсто дружбы я возненавижу васъ ...

Николай Потапычъ.

О, для меня лучше ненависть, нежели любовь ваша къ этому человѣку: онъ эгоистъ, бездушный фразеръ, который никого не любитъ, кромѣ себя, ни даже васъ самихъ ...

Дашенька.

Да вы не знаете, про кого говорите. Онъ вашъ благодѣтель ...

Николай Потапычъ.

Онъ мой благодѣтель?.. Онъ?.. Не за то ли, что далъ мнѣ должность тогда, какъ пустилъ по міру моего отца-старика?.. Онъ мой благодѣтель, когда съ послѣдней встрѣчи у васъ въ домѣ старается притѣснять и оскорблять меня на каждомъ шагу, зная, что должность мнѣ нужна, чтобы поддержать мою семью?.. О, завтра же я сброшу съ себя его тяжелое благодѣяніе, чего-бы это ни стоило. Хоть съ тяжкимъ трудомъ, но я найду средство существованія и безъ него.

Дашенька.

Да вы врете, врете! Онъ благородный, безкорыстный, честный человѣкъ ... Онъ не беретъ взятокъ, хотя самъ бѣдный человѣкъ и могъ бы очень скоро обогатиться ... Онъ изъ любви ко мнѣ не удалилъ отъ должности моего отца, тогда какъ ... А вы хотите увѣрить, что онъ не любитъ меня ...

Николай Потапычъ.

Такъ знайте же! Этотъ человѣкъ въ одно и то же время ухаживалъ за вами и за пожилою вдовой, почти старухой, за то только, что она богата и имѣетъ связи въ Петербургѣ ... Видите: я слѣжу за нимъ и знаю, что онъ дѣлаетъ больше всѣхъ и гораздо больше васъ ...

Дашенька (блѣдная и дрожащая).

Вы клевещете, вы лжете на него изъ зависти, изъ злобы ... Этого быть не можетъ ... (Удерживая истерическія рыданія.) Я васъ не спрашивала объ этомъ... Вы это выдумали ... Я не повѣрю ... Я люблю его, а васъ ненавижу ...

Николай Потапычъ (смягчаясь).

Дарья Анисимовна ... Я не хотѣлъ васъ такъ огорчить... Я хотѣлъ вразумить, остановить васъ... Простите меня ...

Дашенька.

Подите прочь ... Вы хотѣли остановить меня ... Нѣтъ, того нельзя уничтожить, что̀ стало жизнью!.. Отецъ думалъ дать мнѣ низкую, скверную роль ... Онъ хотѣлъ меня сдѣлать средствомъ своихъ цѣлей ... Онъ ошибся ... Это былъ первый человѣкъ, съ которымъ я сблизилась ... Я сама не знаю, какъ случилось, что полюбила его ... Но я люблю его другой годъ ... И онъ самъ, мой Вольдемаръ, не знаетъ объ этомъ ... Но разлюбить его никакія силы меня не заставятъ ... Слышите ли? Его, его люблю я, а всѣхъ, кто про него говоритъ дурно, ненавижу, презираю ... Слышите ли вы это?..

Николай Потапычъ (почти со слезами).

За что же я-то васъ люблю?..

Дашенька

(откидываясь въ изнеможеніи на спинку креселъ).

Уйдите, пожалуйста ... Оставьте меня ... Вы не услышите отъ меня ничего утѣшительнаго ... (Николай Потапычъ стоитъ молча, уныло опустя голову.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Анисимъ Ѳедорычъ.

Анисимъ Ѳедорычъ
(къ Николаю Потапычу, не отвѣчая на поклонъ его).

Что вы тутъ шляетесь?.. Что вы тутъ торчите у меня?.. Васъ никто не зоветъ сюда ... а за васъ тамъ непріятности отъ начальства получай ...

Николай Потапычъ.

Что вы хотите сказать?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Что хотите сказать?.. Что сказалъ, то и говорю. Вы вотъ здѣсь незванный, непрошенный сидите, а Владиміръ Васильичъ пріѣхалъ въ правленіе, да мнѣ непріятностей при всѣхъ наговорилъ, что васъ не было тамъ на своемъ мѣстѣ ...

Николай Потапычъ.

Завтра же, Анисимъ Ѳедорычъ, я избавлю васъ отъ непріятностей отвѣтственности за меня, — я завтра подаю въ отставку ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

И давно бы пора, а то и такъ бы выгнали ... А здѣсь вамъ все-таки дѣлать нечего, извините вы меня ...

Николай Потапычъ.

Не ожидалъ я отъ васъ подобной любезности ... Впрочемъ, теперь я ничему не удивляюсь ... (Взглядываетъ на Дашеньку.) Будьте счастливы ... Я прощаю васъ, Анисимъ Ѳедорычъ ... (Вздыхаетъ и уходитъ.)

Анисимъ Ѳедорычъ (вслѣдъ ему).

Ступайте, ступайте ... Каковъ еще!.. Прощеніе даетъ! Обойдемся и безъ него ... Молокососъ! (Обращаясь къ дочери.) А ты, вмѣсто того, чтобъ отцов-

ской волѣ повиноваться, на всякую дрянь вѣшаешься ... (Дашенька смотритъ на него съ изумленіемъ.) Что смотришь?.. Всѣ твои штуки теперь понялъ. Отецъ просилъ тебя въ службѣ его поддержать, желалъ только расположеніе начальника удержать за собой... а ты вмѣсто того около этого молодчика лебезишь, а тотъ на это злится, а отецъ изъ-за этого службу теряетъ ... Дочь ты недостойная!..

Дашенька.

Да перестанете ли вы меня оскорблять?..

Анисимъ Өедорычъ.

Не потерплю я распутства отъ тебя ...

Дашенька

(вскакиваетъ, какъ ужаленная).

Что?..

Анисимъ Өедорычъ.

То ... Въ монастырь отдамъ ...

Дашенька

(закрываетъ лицо руками и падаетъ въ кресло)

Это адъ, а не жизнь ...

Анисимъ Өедорычъ.

Ты у меня не смѣй и думать объ этомъ нищемъ. Отъ насъ не тѣмъ пахнетъ... Онъ намъ не пара... Знай, Дарья, я ничего для тебя не пожалѣю, жизнью пожертвую, все для тебя одной пріобрѣтаю, такъ ты мнѣ плати тѣмъ же ... Ну, Дарья ... Даша ... перестань ... Я опять все дѣло поправилъ, чуть не на колѣняхъ у него прощенія просилъ ... Онъ прямо сказалъ, что онъ засталъ у насъ Зайчикова, тотъ наговорилъ ему дерзостей, а ты за него же заступилась ... Это его и обидѣло ... Да и какой слѣдъ совѣтнику быть въ одномъ мѣстѣ съ столоначаль-

никомъ?.. Я ему побожился Зайчикова въ домъ не пускать ... Обѣщался сегодня прiѣхать ...

Дашенька (живо).

Какъ? Къ намъ прiѣхать?

Анисимъ Өедорычъ.

Да ... Ну, смотри же, Даша, веди себя умненько, такъ за все старое Богъ проститъ ... А то ты видѣла, каковъ я, какъ что не по мнѣ ... Люблю тебя, а изъ моей воли не выходить ... Ну, я уйду со двора. Вы помиритесь, а смотри, будь осторожна ... Этого не забывай ... Прощай же ... Вели чаю изготовить ... (Уходитъ.)

Явленiе пятое.

Дашенька (одна).

Онъ опять прiѣдетъ ... (Хватается за грудь). Что со мной?.. Что я буду дѣлать?.. И рада ... и боюсь чего-то ... и опять въ прежней роли ... Но что мнѣ за дѣло, лишь бы онъ былъ со мной ... Отчего же я вся дрожу?.. Сама судьба помогаетъ мнѣ ... Папаша и не подозрѣваетъ, что онъ дѣлаетъ ... Но зачѣмъ онъ оскорблялъ меня?.. Развѣ я заслужила эти подозрѣнiя, эти упреки ... Онъ не понимаетъ меня ... Онъ меня дѣлаетъ орудiемъ своихъ цѣлей ... Что-жъ? Я рада ... Мнѣ бы надобно оскорбляться ... а я счастлива ... И что такое въ душѣ?.. Обиды не забыты ... но я какъ будто довольна, что все это случилось ... (Схватываетъ себя за голову.) Ну, лучше не думать ... (Молчитъ нѣсколько минутъ, потомъ подбѣгаетъ къ зеркалу и смотрится въ него.) Вотъ теперь не блѣдна ... Вся горю ... Что-жъ? Я хороша ... Онъ не можетъ не любить меня ... Матреша, Матрена!

Явленіе шестое.

Дашенька и Матрена.

Матрена.

Чего изволите, барышня?

Дашенька.

Поправь, пожалуйста, мнѣ волосы ...

Матрена.

Сейчасъ, сударыня, гребенку только возьму. (Уходитъ.)

Дашенька (садится).

Что онъ будетъ говорить? .. (Задумывается.) Ну, что будетъ ... (Входитъ Матрена.)

Дашенька.

Ты, Матреша, прикажи согрѣть самоваръ и разлей чай сама, тамъ въ дѣвичьей ... когда я спрошу, и вели подать ...

Матрена

(приглаживая гребенкой волосы у Дашеньки).

Да что, барышня, гости, что ли, будутъ? ..

Дашенька

(старается казаться равнодушною).

Да, Владиміръ Васильичъ ...

Матрена

Владиміръ Васильичъ! .. Ну, слава Богу ...

Дашенька.

Что же это тебя такъ обрадовало?

Матрена.

Да какъ, барышня, не радоваться! Сколько времени не бывали ...

Дашенька.

Такъ тебѣ-то что же?

Матрена.

Да ужъ мы думали, что онъ совсѣмъ къ вамъ ѣздить пересталъ . . .

Дашенька.

Ну, такъ что же? Тебѣ, вѣдь, я думаю, все равно?

Матрена.

Да оно извѣстно, что все равно, а одначе же ...

Дашенька (улыбается).

Что одначе же? . .

Матрена.

Ахъ, барышня, хоть мы люди у васъ и не ваши, нанятые, а тоже привыкли къ вамъ, любимъ . . .

Дашенька.

Ну, такъ что же? . .

Матрена.

Ну, то и есть . . .

Дашенька.

Да тебѣ-то что же, ѣздитъ ли къ намъ Владимiръ Васильичъ, или нѣтъ . . .

Матрена.

Какъ что, барышня? Мы хоша люди, а тоже видимъ . . .

Дашенька.

Да что же вы видите?

Матрена.

Да какъ что? Все видимъ! . .

Дашенька.

Ну, что же, напримѣръ?

Матрена.

Такъ развѣ мы не видимъ, что, какъ пересталъ только ѣздить къ вамъ Владиміръ Васильичъ, такъ и съ папенькой у васъ пошли непріятности, и сами вы совсѣмъ другія стали ... А вонъ теперь только духомъ-то его запахло, такъ вонъ какъ расцвѣли ...

Дашенька.

Какія ты глупости врешь ... Для меня рѣшительно все равно ... Это такъ, здѣсь жарко ... А у папеньки непріятности были по службѣ, вотъ онъ и былъ не въ духѣ, сердился на всѣхъ и на меня ...

Матрена.

Ну, да хорошо, ладно, сударыня! Я говорю, мы хошь и люди, а тоже понимаемъ.

Дашенька.

Да скажи, что же ты понимаешь?

Матрена.

Такъ, вѣдь, надо правду говорить, барышня. Вѣдь, ужъ сейчасъ видно, что женихъ съ невѣстой.

Дашенька (притворно смѣется).

Вотъ что выдумала, чего быть-то никогда не можетъ ...

Матрена.

Ну, да смѣйтесь, барышня, смѣйтесь, а, вѣдь, ужъ это все видно, не сыкроитесь: какъ разошлись-то было, такъ не одни вы тосковали, и Владиміръ-то Васильичъ не больно веселъ ходилъ ...

Дашенька.

Это ты это какъ знаешь?..

Матрена.

Ахъ, батюшки мои, мудрено узнать! Мы съ ихнымъ-то людямъ знакомы ...

Дашенька.

Полно, Матрена, какія ты глупости говоришь ... Все вздоръ ...

Матрена.

Ну, да какъ угодно, сударыня, надо правду говорить ... Что же! Эдакой женихъ вамъ не въ обиду ... этакихъ красавцевъ, да молодцовъ поискать... Соколъ баринъ!.. Надо правду говорить ...

Дашенька.

Ну, отстань же, Матрена, этого быть никогда не можетъ ... И я ему никогда не понравлюсь, и онъ мнѣ не нравится ... Папенька только потому такъ его уважаетъ, что онъ его начальникъ, а для меня рѣшительно все равно ... Не говори никогда этихъ глупостей ...

Матрена.

Не прикажете, такъ не буду говорить. Это, какъ вамъ угодно ... Тутъ гнѣваться не за что. Для васъ же добра желаемъ ... Вотъ погодите-ка, кажись, пріѣхалъ ... Пріѣхалъ и есть ... Такъ чай-отъ сейчасъ подавать, или погодить?..

Дашенька.

Нѣтъ ... погоди ... Я скажу, когда ... только приготовляй теперь ...

(Матрена уходитъ.)

Дашенька.

Что это со мной?.. Какъ бьется сердце ...

Явленіе седьмое.

Дашенька и Владиміръ Васильичъ.

Владиміръ Васильичъ.

Здравствуйте, Дарья Анисимовна.

Дашенька.

Здравствуйте.

Владиміръ Васильичъ (садясь).

Папенька вашъ дома?

Дашенька.

Нѣтъ ... онъ ушелъ ... скоро придетъ ...

Владиміръ Васильичъ (съ улыбкой).

Позволите мнѣ подождать его?..

Дашенька.

Если вамъ угодно ...

Владиміръ Васильичъ.

Да вамъ это не будетъ непріятно?..

Дашенька.

Развѣ когда-нибудь ваше присутствіе было для меня непріятно?..

Владиміръ Васильичъ.

Можетъ быть, вы желали бы видѣть кого-нибудь другого вмѣсто меня ...

Дашенька.

Кого же другого?.. У меня такъ мало знакомыхъ ...

Владиміръ Васильиаъ.

Что и я даже могу быть пріятнымъ гостемъ. (Усмѣхается. А, можетъ-быть, напримѣръ, хоть господина Зайчикова ...

Дашенька.

Зайчиковъ былъ сегодня, и папаша его почти выгналъ изъ дома.

Владиміръ Васильичъ (улыбаясь).

А-а!.. Такъ вотъ причина того волненія, въ которомъ я васъ засталъ?.. Понятно ...

Дашенька (сквозь слезы).

Владиміръ Васильичъ, вы-то за что меня оскорбляете?

Владиміръ Васильичъ.

Развѣ я оскорбляю васъ?.. Можетъ быть, вамъ досадно, что я отгадалъ ваше душевное состояніе... Но чѣмъ же тутъ оскорбляться?..

Дашенька.

Нѣтъ, вы не понимаете меня ... Я въ васъ ошиблась ... Вамъ весело смѣяться надо мной ... мучить меня ... Зачѣмъ же вы говорили ... увѣряли меня?

Владиміръ Васильичъ.

Что я вамъ говорилъ? Въ чемъ увѣрялъ?

Дашенька.

Неужели нужно напоминать вамъ ваши слова?..

Владиміръ Васильичъ.

Да, я не отказываюсь отъ своихъ словъ, но ... быть соперникомъ Зайчикова,—не могу, быть игрушкой вашего каприза,—тоже не могу ... Это не моя роль ...

Дашенька.

У васъ никого нѣтъ соперниковъ ... Я никогда вами не играла ...

Владиміръ Васильичъ.

Зачѣмъ же вы не хотите сказать мнѣ то, о чемъ я васъ спрашивалъ.

Дашенька.

Я боюсь ... Я не знаю ... что мнѣ мѣшаетъ... (Опуская голову на руку.) Развѣ вы не знаете сами?..

Владиміръ Васильичъ.

Ну, Доротея, утѣшьте меня. Скажите ... если вы меня любите ... Ну, Доротея ... (Цѣлуетъ ея руку.)

(Дашенька цѣлуетъ его въ голову. Въ сосѣдней комнатѣ слышатся громкіе шаги и кашель Анисима Өедорыча).

Дашенька

(быстро отдергивая руку, вполголоса).

Папаша.

Владиміръ Васильичъ

(стараясь скрыть волненіе).

Мнѣ очень нужно бы видѣть Анисима Өедорыча, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ ... Досадно, что его нѣтъ дома ...

Явленіе восьмое.

Тѣ же и **Анисимъ Өедорычъ.**

Владиміръ Васильичъ

(какъ бы не замѣчая входящаго Анисима Өедорыча).

Какъ вы думаете, скоро придетъ вашъ папенька?.. (Увидя его.) А-а ... да вотъ и Анисимъ Өедорычъ ... Здравствуйте ... А я только-что пріѣхалъ къ вамъ ... (Подаетъ ему руку.) Куда вы это побывали?..

Владиміръ Васильичъ

(униженно раскланиваясь).

А ходилъ-съ въ правленіе. Давеча позабылъ захватить журналы, надо разсмотрѣть вечеркомъ ... Дашенька, что же ты чаю ... (Дашенька быстро уходитъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Благодарю васъ, я пилъ ... Ну, а что?.. Вы написали мнѣ прошеніе по моему наслѣдству?..

Анисимъ Өедорычъ.

Какъ же-съ, какъ же ... написалъ ... Надо полагать, что дѣло выиграется въ вашу пользу ...

Владиміръ Васильичъ.

А вообразите, — какъ отличился сорокинскій становой приставъ, помните, котораго я хотѣлъ-было отдать подъ судъ. Открылъ, батюшка, страшную сектантку, раскольницу, представилъ ее, книги, образа, множество интересныхъ рукописей раскольничьихъ... Я виноватъ, ошибался въ немъ. Онъ молодецъ ...

Анисимъ Өедорычъ.

Чиновникъ распорядительный-съ!

(Занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе четвертое.

Кабинетъ Владиміра Васильича. Всѣ вещи въ безпорядкѣ, какой бываетъ при сборахъ въ дальнюю дорогу; по столамъ и стульямъ разложено платье, сапоги, разные свертки. На полу клочки разорванныхъ бумагъ. У одной стѣны чемоданъ. Поздній вечеръ.

Явленіе первое.

Андрей и Матрена.

Матрена.

Такъ онъ сегодня ѣдетъ, Андрей Капитонычъ?

Андрей

(укладывая платье въ чемоданъ).

Хотѣлъ сегодня ѣхать безпремѣнно въ ночь, а либо завтра объ утрѣ рано... А и то сказать! Кто его знаетъ ...

Матрена.

Такъ какъ же, вы совсѣмъ въ Петербургъ, али на время только?..

Андрей.

Кто его знаетъ!.. Развѣ онъ станетъ со мной разговаривать?.. Небель-то продалъ: видно ужъ не пріѣдетъ сюда.

Матрена.

Такъ вотъ вы какъ, Андрей Капитонычъ, уѣдете отъ насъ. Прощайте ...

Андрей (со вздохомъ).

Да ... Мало здѣсь наблажили, въ Петербургъ поѣдемъ себя показывать ...

Матрена.

А что бы и вправду, чѣмъ ему здѣсь не жизнь? Зачѣмъ уѣхать хочетъ ...

Андрей.

Жить было хорошо. Теперича сколько просителей ходило кажинной день ... Кто полтинникъ, кто четвертакъ суетъ, только доложи ... Вѣдь, самъ-то ничѣмъ не пользовался, нѣтъ ... эта у него была фанаберія ... Ну, такъ меня больше и благодарили ...

Матрена.

Что же онъ въ чины, что ли, произойдетъ въ большіе тамъ, въ Петербургѣ?..

Андрей.

Кто его знаетъ!.. Можетъ, невѣсту хочетъ себѣ искать богатую ...

Матрена.

Такъ, значитъ, наша барышня, Андрей Капитонычъ, такъ и останется ... (Смѣется) ни при чемъ ...

Андрей (улыбается).

Вамъ лучше знать, при чемъ останется ...

(Оба смѣются.)

Матрена.

А молодецъ ... Ловокъ! Дѣльцо свое обдѣлалъ ...

Андрей (серьезно).

Ну ... Богъ-отъ, вѣдь, накажетъ ...

Матрена

(принимая тоже серьезную физіономію).

Извѣстно, что ужъ накажетъ ... Чего только смотрѣлъ отецъ, этого я понять не могу, Андрей Капитонычъ ...

Андрей (глубокомысленно).

Ну ... всякъ о своихъ дѣлахъ думаетъ ...

Матрена.

А какъ она, бѣдная, въ него влюблена это ... до страсти! ..

Андрей.

Ну ... дѣвичье дѣло! ..

Матрена.

Только какая скрытная ... Вѣдь, ужъ вижу, что у нихъ дѣлается, все вижу ... А ужъ не скажетъ ни подъ какимъ видомъ ... Когда нарочно объ немъ заговорю, такъ еще осерждается ... Ну, а ужъ чего тутъ ... (Смѣется.) Этого не спрячешь! ..

Андрей.

Ну, такъ, вѣдь, кому лестно про это разсказывать ... Хоть бы до васъ доведись ...

Матрена.

Чтой-то вы, Андрей Капитонычъ, развѣ я изъ такихъ ...

Андрей.

Ну, да ладно ... Года мои только ушли, а то бы вы не увернулись отъ меня ...

Матрена.

Наврядъ ли ужъ ... Насчетъ этого поищите прочихъ ... Ай, батюшки, закалякалась я съ вами. Послали, вѣдь, за сухарями, да наслышана, что не сегодня-завтра собираетесь въ дорогу: дай, думаю,

забѣгу... А вы, ну-ка, на прощанье-то непріятности какія говорите...

Андрей.

Вѣдь, я не къ обидѣ вашей, а такъ насчетъ всѣхъ... то есть женскаго вашего пола...

Матрена.

Ну, да хороши и вы, мужчины: сами во всемъ виноваты, а мы отвѣчай...

(Слышенъ звонокъ.)

Андрей.

Вона!.. Видно, самъ пріѣхалъ...

Матрена.

Ну, прощайте, Андрей Капитонычъ, счастливаго вамъ успѣха. Худомъ не помяните, а добромъ не за что...

Андрей.

И вамъ также... (Опять звонокъ.) Ну, поспѣешь... Экъ!..

Матрена (у дверей направо).

Прощайте же... (Уходитъ.)

(Снова звонокъ.)

Андрей.

Да сейчасъ... Экъ тебя!.. (Уходитъ въ дверь задней стѣны.)

Явленіе второе.

Владиміръ Васильичъ и Андрей.

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что же ты, уложился?

Андрей.

Укладываюсь...

Владиміръ Васильичъ.

Укладывайся проворнѣе, да сходи за лошадьми, чтобы сейчасъ же пріѣзжали ... Слышишь?..

Андрей.

Слышу ... Маменька, сударь, опять пріѣхали ...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ!.. Ко мнѣ?

Андрей.

Нѣту, а въ городъ пріѣхали. Кирюшка ихный прибѣгалъ, говоритъ, маменька въ большомъ на васъ гнѣвѣ; наслышана, что вы наслѣдство хотите отнять у нея, такъ судиться съ вами хочетъ. Мнѣ, говоритъ, не надо, а ему не уступлю ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, ну, хорошо ... Укладывайся поскорѣе, да лошадей ...

Андрей.

Такъ что же, молъ, не у насъ остановились? И видѣть, говоритъ, его не хочу, а не то что ... Съ чужихъ, говоритъ, не беретъ, а родныхъ хочетъ грабить ... Батюшка, Владиміръ Васильичъ, вѣдь нехорошо ... Маменьку-то огорчаете ...

Владиміръ Васильичъ (грозно).

Что-о? Ахъ ты сюська! Наставленія мнѣ вздумалъ говорить!.. Это еще что!..

Андрей.

Рабски докладываю, Владиміръ Васильичъ! Вся дворня въ ужасть пришла отъ этого самаго ...

Владиміръ Васильичъ.

Молчать, оселъ!.. Скажи у меня еще хоть слово ... Пошелъ вонъ!..

Андрей (угрюмо).

Зайчиковъ еще приходилъ ... два раза ...

Владиміръ Васильичъ.

Какой Зайчиковъ?

Андрей.

Этотъ, что у васъ въ правленіи служилъ... молодой ...

Владиміръ Васильичъ.

Что̀ ему надо?

Андрей.

Почемъ я знаю ... Хотѣлъ опять придти ...

Владиміръ Васильичъ.

Не пускать ... Скорѣй укладывайся ...

(Андрей уходитъ.)

Явленіе третье.

Владиміръ Васильичъ (одинъ).

Убраться бы отсюда поскорѣе. Надоѣлъ мнѣ этотъ проклятый городишко ... Въ Петербургъ, въ Петербургъ! Одного жаль: Доротею ... Ну, что дѣлать: сама виновата ... Такой страстной натурѣ, какъ ея, нельзя не поддаться ... Тутъ никто бы не устоялъ ... Жениться на ней?.. А карьера, а служба, а общественная польза, для которой живу ... Тесть—взяточникъ!.. Нѣтъ, это невозможно ... (Задумывается.) Э, да утѣшится ... Поплачетъ и перестанетъ ... Тотъ же Зайчиковъ женится ... (Съ усмѣшкой.) Безсмертнымъ писателямъ всего приличнѣе исправлять ошибки смертныхъ людей ... (Ходитъ насвистывая.) А жаль ее, бѣдняжку ... Взялъ бы съ собой, еслибъ не пугали послѣдствія ... (Слышится звонокъ.) Кто это?.. Неужто, Зайчиковъ?.. Чего ему отъ меня нужно?..

Явленіе четвертое.

Владиміръ Васильичъ и Золотаревъ.

Андрей (вбѣгая).

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ.

Владиміръ Васильичъ (поспѣшно).

Проси, проси ...

(Андрей уходитъ.)

Владиміръ Васильичъ
(осматривая комнату).

Какой безпорядокъ! И свѣчка одна горитъ. (Зажигаетъ другую свѣчу.)

(Золотаревъ входитъ.)

Владиміръ Васильичъ
(идя къ нему на встрѣчу).

Извините меня, Дмитрій Николаичъ, какъ дорожнаго человѣка: у меня здѣсь страшный безпорядокъ!.. Прошу васъ покорно. (Пододвигаетъ кресло.)

Золотаревъ.

Сдѣлайте милость, пожалуйста! Для меня все равно ... (Садится.) Вы у меня были сегодня ...

Владиміръ Васильичъ.

Два раза заѣзжалъ, но не заставалъ васъ дома...

Золотаревъ.

Виноватъ, виноватъ ... захлопотался сегодня ... Но я свою вину загладилъ, самъ явился ... Ну-съ, такъ вы собрались совсѣмъ?.. Ну, желаю вамъ счастливаго пути ... успѣховъ ... генеральскаго чина ...

Владиміръ Васильичъ (улыбаясь).

Благодарю васъ, Дмитрій Николаичъ ... Этого слишкомъ долго дожидаться, не доживу!..

Золотаревъ.

Э, еще доживете, молоды!.. Должность, надѣюсь, вамъ понравится. Вы будете всегда на виду. Начальникъ, ручаюсь вамъ, отличный человѣкъ, онъ васъ оцѣнитъ. Я съ нимъ пріятель лѣтъ пятнадцать и знаю его хорошо: онъ любитъ окружать себя такими даровитыми и безкорыстными чиновниками, какъ вы ...

Владиміръ Васильичъ.

Благодарю васъ, Дмитрій Николаичъ; я чувствую, какое добро вы для меня сдѣлали ... Безъ вашей рекомендаціи я никогда не надѣялся получить такого мѣста ...

Золотаревъ.

Э, пожалуйста, что за благодарности ... Добра я никогда не дѣлаю и въ добродѣтельныхъ людей не вѣрю ... Но должникомъ никогда не остаюсь... Долгъ платежомъ красенъ,—вотъ мой девизъ, и вотъ вся добродѣтель земныхъ смертныхъ ... Безъ цѣли ничего не дѣлается ... Всякое дѣло требуетъ вознагражденія ... Требовать, чтобы человѣкъ дѣлалъ что-нибудь даромъ, значитъ нарушать право собственности... А платить долги, вотъ, повторяю, величайшая добродѣтель, которой я только и требую отъ человѣка ... Извините за многословіе, но мнѣ хотѣлось только оправдать себя передъ вами и избавить васъ отъ тяжелаго чувства благодарности, которая, по-моему, то же, что неуплаченный долгъ... Вы исполнили мою просьбу, слѣдовательно дали мнѣ взаймы, я сдѣлалъ для васъ, слѣдовательно расплатился, затѣмъ мы квитъ, и другъ другу ничѣмъ не обязаны.

Владиміръ Васильичъ (съ улыбкой).

Ваша философія и проста, и удобопонятна ...

Золотаревъ.

И, надѣюэь, основана на здравомъ пониманіи человѣческаго сердца ... Прибавлю еще маленькую сентенцію въ дополненіе, она послужитъ вамъ пищею для размышленія во время дороги, да авось и пригодится, особенно въ Петербургѣ ... Вы вотъ не любите денегъ, получаемыхъ не изъ рукъ казначея, а я уважаю ихъ во всѣхъ видахъ и во всѣхъ рукахъ; ну, о вкусахъ не спорятъ ... Это ваше дѣло, вамъ такъ лучше, и я не совѣтую вамъ измѣнять вашего вкуса ... Вы такъ созданы, и оставайтесь тѣмъ, чѣмъ создала васъ природа, ибо вкусъ зависитъ отъ природнаго характера. Но не забудьте двухъ вещей: во-первыхъ, всякій долженъ какимъ бы то ни было образомъ заработать себѣ что-нибудь, чтобы пообѣдать и прикрыть свое бренное тѣло; во-вторыхъ, самый страшный врагъ и самый вѣрный другъ—милліонъ... Но, можетъ быть, ученаго учить, только портить. Впрочемъ, ваше образованіе изъ книгъ, мое—изъ жизни, пополнять одно другимъ не мѣшаетъ ... Затѣмъ имѣю честь кланяться и пожелать вамъ счастливаго пути и такого же успѣха во всѣхъ вашихъ предначинаніяхъ ... Вы, кажется, укладывались; я васъ остановилъ ... (Встаетъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, Дмитрій Николаичъ, я васъ слушаю, какъ оракула, и удивляюсь вашей житейской мудрости...

Золотаревъ.

А я рѣдко говорю съ кѣмъ о своихъ убѣжденіяхъ такъ охотно, какъ съ вами ... Извините меня, но я полюбилъ васъ душевно ... Прощайте, мой любезнѣйшій ...

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте, добрѣйшій Дмитрій Николаичъ ... Еще разъ благодарю искренно ...

Золотаревъ.

Ради Бога, не называйте меня добрымъ и никогда не благодарите, а то я буду думать, что вы не поняли моей философіи ...

Владиміръ Васильичъ.

О, понялъ совершенно и совершенно согласенъ. Въ этомъ вы можете быть увѣрены ...

Золотаревъ.

Надѣюсь ... Прощайте ...

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте, Дмитрій Николаичъ ... (Обнимаются и цѣлуются.)

(Золотаревъ уходитъ,)

Явленіе пятое.

Владиміръ Васильичъ

(одинъ ходитъ въ раздумьи).

Онъ правъ совершенно ... Если бы всѣ разсуждали такъ, какъ онъ, то безкорыстіе и честность на службѣ никогда бы не оставались не вознагражденными, какъ это иногда случается ... Да, жизнь учитъ лучше книгъ ... Полчаса бесѣды съ подобнымъ человѣкомъ дороже десяти томовъ ... Всѣ убѣжденія, почерпнутыя изъ книгъ, уясняются этой мудростью, вычитанною изъ книгъ жизни ... Замѣчательный человѣкъ!..

(Входитъ Дашенька въ двери направо.)

Явленіе шестое.

Владиміръ Васильичъ, Дашенька и потомъ **Николай Потапычъ.**

Владиміръ Васильичъ (съ испугомъ).

Доротея, ты какимъ образомъ попала сюда?

Дашенька.

Вольдемаръ, ты уѣзжаешь отсюда совсѣмъ, ты обманываешь меня, что воротишься ... Ты хочешь бросить меня, оставить здѣсь, одну ...

Владиміръ Васильичъ
(въ замѣшательствѣ).

Кто это тебѣ сказалъ?.. Нѣтъ, я пріѣду опять... я въ отпускъ только ...

Дашенька.

Нѣтъ, нѣтъ, Вольдемаръ ... ты и мебель продалъ, все ... Ты не пріѣдешь ... Ты разлюбилъ меня ...

Владиміръ Васильичъ.

Да какъ же ты рѣшилась придти сюда?.. Ну, тебя хватятся дома ... Чтò подумаютъ?..

Дашенька.

Я ушла потихоньку, никто не видалъ ... Здѣсь прошла чрезъ заднее крыльцо ... Никто со мной не встрѣтился ... Вольдемаръ, я не останусь здѣсь ... Ты возьми меня съ собой ...

Владиміръ Васильичъ.

Помилуй, что ты, Доротея ... Развѣ это возможно?..

Дашенька.

Все возможно, если любишь ...

Владиміръ Васильичъ.

Послушай, душа моя!.. Ты не понимаешь жизни ... Какъ мнѣ взять тебя?.. Ну, узнаетъ твой отецъ, вступится: я могу испортить карьеру, потерять службу ...

Дашенька.

Для меня отецъ мой долженъ быть страшнѣе, нежели для тебя, но видишь, я ничего не боюсь, я

ушла отъ него ... Вольдемаръ, я все потеряла ... Мнѣ невозможно жить безъ тебя ...

Владимiръ Васильичъ.

Доротея, душа моя!.. Да развѣ мнѣ не такъ же тяжело разстаться, какъ и тебѣ?.. Вѣдь ты знаешь, я люблю тебя ... Но это невозможно, моя радость ... Погоди ... Вотъ я съѣзжу въ Петербургъ, устрою свои дѣла и опять прiѣду сюда ...

Дашенька.

Нѣтъ, Вольдемаръ, нѣтъ, одна мысль, что я не увижусь съ тобой, одно ожиданiе можетъ убить меня.

Владимiръ Васильичъ.

Ахъ, Доротея! Я боюсь, право: дома тебя хватятся ... Ты погубишь себя ...

Дашенька.

Я давно уже погибла ... Только ты одинъ для меня дорогъ ... Вольдемаръ, пожалѣй меня ...

(Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ шумъ.)

Владимiръ Васильичъ (съ испугомъ).

Что это? Ужь не за тобой ли?.. Ахъ, Доротея ...

Дашенька.

Мнѣ все равно ... Я не боюсь ...

Голосъ Андрея (за сценой).

Говорятъ, не велѣно пускать ...

Голосъ Зайчикова (за сценой).

Пусти, мнѣ нужно ... Пусти, говорятъ ... А то я силой войду ...

Владимiръ Васильичъ.

Доротея, прощай, уйди ...

Дашенька.

Нѣтъ, я не пойду ...

Владиміръ Васильичъ (растерявшись).

Ахъ, Боже мой! Хоть спрячься вотъ сюда за ширмы ... А я пойду туда ... Это Зайчиковъ ...

(Почти насильно вталкиваетъ Дашеньку за ширмы и идетъ къ дверямъ. Въ это время двери съ шумомъ распахиваются, и въ нихъ врывается Зайчиковъ).

Владиміръ Васильичъ.

Что вы за шумъ тамъ дѣлаете?.. Какъ вы смѣете насильно врываться въ чужой домъ?.. Что вамъ угодно?

Николай Потапычъ.

Что̀ мнѣ угодно?.. Мнѣ угодно было проститься съ вами ... Я услышалъ, что мой благодѣтель уѣзжаетъ, и пришелъ разсчитаться съ нимъ ...

Владиміръ Васильичъ.

Вы пьяны, вы шумите! Ступайте вонъ, а не то я васъ велю свести въ полицію ...

Николай Потапычъ.

Я пьянъ, — это правда ... но пьянъ отъ горя и злости, пьянъ для того, чтобы высказать тебѣ правду ... Ты меня хочешь свести въ полицію ... Можешь, но прежде выслушай правду ...

Владиміръ Васильичъ.

Эй, человѣкъ ... Андрей ...

Николай Потапычъ
(схватываетъ его за руку).

Погоди, герой честности и безкорыстія ... Ты долженъ выслушать меня; я пришелъ сказать тебѣ

спасибо за то, что ты чуть не убилъ моего отца, разорилъ мою семью, помѣшалъ мнѣ быть ей полезнымъ, почти выжилъ и меня изъ службы... Вѣдь, отецъ пѣшкомъ притащился сюда, узнавши, что я вышелъ въ отставку; онъ меня винитъ въ этомъ, называетъ сыномъ неблагодарнымъ... Стой... Еще это не все... Ты держалъ при себѣ извѣстнаго взяточника-секретаря, а для чего?.. Для того, чтобы соблазнить его дочь, прекрасное, чистое созданіе... И ты достигъ этого, подлецъ. Я все знаю... Страхомъ изгнанія изъ службы ты заставлялъ отца потворствовать вашимъ отношеніямъ... Ты увлекъ и погубилъ ее, неопытную...

Дашенька

(выходитъ изъ-за ширмъ, быстро подходитъ къ Владиміру Васильичу и обнимаетъ его).

Вы врете. Онъ ни въ чемъ не виноватъ, я сама полюбила его.

Николай Потапычъ

(отскакивая въ изумленіи).

Дарья Анисимовна, вы ли это?.. Гдѣ вы?.. Онъ все задавилъ въ васъ—и стыдъ, и совѣсть...

Дашенька.

Васъ никто не проситъ быть моимъ защитникомъ и принимать во мнѣ участіе; вамъ давно сказано, что я не люблю васъ, ненавижу, и люблю только его одного... Чего вамъ еще нужно?

Николай Потапычъ (въ изступленіи).

Га!.. Такъ пришло время мести. Пришло время наказать этого мерзавца и вашего отца, который жертвуетъ дочерью изъ корыстныхъ цѣлей... Оставайтесь же здѣсь, я сейчасъ приведу сюда вашего отца... (Убѣгаетъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Ахъ, Доротея ... Боже мой, что за несчастіе!.. Уходите домой поскорѣе ... ради Бога ... Андрей, готовы ли лошади?..

Андрей (выглядывая въ двери).

Лошади у крыльца.

Владиміръ Васильичъ.

Выноси чемоданы проворнѣй, живо ... Доротея ... Уйдете ли же вы?.. Чего вы еще дожидаетесь?

Дашенька.

Такъ развѣ ты и теперь не возьмешь меня?..

Владиміръ Васильичъ.

Да развѣ ты не понимаешь, что это невозможно?.. Чего ты хочешь? Чтобы погоня, что ли была за нами, скандалъ сдѣлать?.. Что это такое?.. Это невыносимо ...

Андрей.

Пожалуйте ... Готово ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, прощай, ради Бога, прощай ... Я скоро опять пріѣду.

Дашенька (на колѣняхъ).

Вольдемаръ, не оставляй меня ... Подумай, что со мной будетъ ... (Обнимаетъ его колѣни.)

Владиміръ Васильичъ (освобождаясь).

Боже мой! Говорятъ, это невозможно ... Ты просто сумасшедшая ... Или уходи скорѣй, или оставайся здѣсь ... Я уѣду ... Что это такое?.. Вотъ адъ!.. Вотъ казнь!.. (Идетъ къ дверямъ.)

Дашенька (ломаетъ руки).

Пусть же мое проклятіе преслѣдуетъ тебя всю жизнь, на каждомъ шагу... Господи ... (Всплескиваетъ руками, рыдаетъ и приклоняется къ полу.)

(Чрезъ нѣсколько минутъ слышенъ звонъ колокольчика).

Дашенька

(вздрагиваетъ и поднимается на ноги).

Уѣхалъ ... Все кончено ...

(Медленно, пошатываясь идетъ къ дверямъ).

(Занавѣсъ падаетъ).
